

В. И. Беликов, Л. П. Крысин

Социолингвистика

*Рекомендовано НМС по филологии
УМО университетов РФ
в качестве учебника*

Москва
2001

УДК 81'27
ББК 81
Б 43

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. Российского
государственного гуманитарного университета

Г. Е. Крейдлин,

д-р филол. наук, проф. Московского
государственного педагогического университета

А. Д. Шмелёв

Художник М.К. Гуров

Учебная литература по гуманитарным
и социальным дисциплинам
для высшей школы и средних
специальных учебных заведений
подготовлена при содействии Института
"Открытое общество" (фонд Сороса)
в рамках программы "Высшее образование"

ISBN 5-7281-0345-6

© Беликов В. И., 2001

© Крысин Л. П., 2001

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2001

ВВЕДЕНИЕ

ЧТО ИЗУЧАЕТ СОЦИОЛИНГВИСТИКА?

Один пятилетний мальчик, сын продавщицы из магазина "Одежда", как-то сказал:

– Я всех люблю одинаково, а мамочку *на один номер больше*.

А другой, у которого отец был писатель и постоянно обсуждал в семье издательские дела, попросил:

– Папа, скажи *редактору* этой *карусели* – нельзя ли мне наконец покататься!

Это примеры из бессмертной книги Корнея Чуковского "От двух до пяти". Они свидетельствуют: профессиональные занятия родителей и связанная с этими занятиями терминология влияют на речь детей. Речевые особенности других взрослых тоже могут влиять на речь ребенка. В одной семье нянька, нанятая для воспитания сына, отличалась ярким диалектным выговором: она произносила *идёшь, вдуть, чаво, колидор, ейный, в пальте*. После нескольких месяцев общения с ней и воспитанник ее стал говорить так же (потом пришлось его переучивать).

Описанные ситуации – подтверждение некоей общей закономерности: среда, в которой живет человек, влияет на его речевые навыки. Наиболее податлив к такому влиянию ребенок. Но и взрослые усваивают, часто неосознанно, языковые особенности окружающих – членов семьи, друзей, сослуживцев.

Различные воздействия социальной среды на язык и на речевое поведение людей и изучает социалингвистика. "Чистая", или "просто" лингвистика, анализирует языковой знак сам по себе: его звуковую и письменную форму, его значение, сочетаемость с другими знаками, его изменения во времени. Социалингвистика делает упор на то, как используют языковой знак люди, – все одинаково или по-разному, в зависимости от своего возраста, пола, социального положения, уровня и характера образования, от уровня общей культуры и т.п.?

Чтобы различие в задачах, стоящих перед социо- и "просто" лингвистикой, стало наглядным, рассмотрим примеры. Возьмем хорошо известное каждому говорящему по-русски слово *добыча*. Описывая его с точки зрения "чистой" лингвистики, надо указать следующее: существительное женского рода, I склонения, неодушевленное, в форме множественного числа не употребляющееся, трехсложное, с ударением на втором слоге во всех падежных формах, обозначает действие по глаголу *добывать* (*добыча угля*) или результат действия (*Добыча составила тысячу тонн* или, в другом значении: *Охотники вернулись с богатой добычей*).

Социалингвист отметит еще такие свойства этого существительного: в языке горняков оно имеет ударение на первом слоге: *добыча* и употребляется как в единственном, так и во множественном числе: *несколько добыч*.

Другой пример.

В языке моряков словом *конец* называют канат. Социолингвист, изучающий подобные факты, не пройдет мимо такого комментария к слову *конец*, который приводит в воспоминаниях о Борисе Житкове К. Чуковский. Чуковский и Житков (дело было во времена их молодости, в Одессе) вдвоем оказались в бушующем море на утлой лодчонке, и ветер погнал их лодку на волнорез. «Житков с изумительным присутствием духа прыгнул с лодки на мол, на его покатую, мокрую, скользкую стену и вскарабкался на самый гребень. Оттуда он закричал мне:

– Конец!

"Конец" – по-морскому канат. Житков требовал, чтобы я кинул ему веревку, что лежала свернутой в кольцо на носу, но так как в морском лексиконе я был еще очень нетверд, я понял слово "конец" в его общем значении и завопил от предсмертной тоски..." (К. Чуковский. "Современники").

Подобные различия могут обуславливаться не только профессией, но и, например, характером образования: одно дело – "технар", человек, окончивший технический институт, и другое – "гуманитарий", скажем, филолог или историк. У них разные языковые склонности, разные речевые пристрастия и навыки. В современном русском обществе, например, речь технической интеллигенции в большей степени, чем речь интеллигенции гуманитарной, подвержена влиянию жаргона: в ней не редкость слова и выражения типа *клёво*, *доходяга*, *лопухнуться*, *лажа*, *стоять на ушах*, *наезжать на кого-либо*, *качать права* и т. п.

Люди одной профессии или одного узкого круга общения нередко образуют довольно замкнутые группы, которые вырабатывают свой язык. В старину был известен жаргон офеней – бродячих торговцев, которые своей непонятной непосвященным манерой речи как бы отгораживались от остального мира, сохраняя втайне секреты своего промысла. В наше время язык программистов и всех тех, кто профессионально имеет дело с компьютером, также превратился в своеобразный жаргон: монитор у них именуется *глазом*, диски – *блинами*, пользователь – *юзером* и т. п.

Элементы таких жаргонов – слова, обороты, синтаксические конструкции, особенности произношения и словоизменения – играют роль не только средств, передающих информацию, но и своеобразных символов: по ним опознается свой для данной группы человек, а по их отсутствию – "чужак". Изучение групповых языков, речевого поведения человека как члена определенной группы – прямое дело социолингвистики.

В каждом языке есть различные формы обращения к собеседнику. В русском языке две основные формы: на "ты" и на "вы". К незнакомому или мало знакомому взрослому надо обращаться на "вы" (так же – к старшим по возрасту, даже и знакомым), а обращение на "ты" – знак более близких, сердечных отношений. Изучение социальных условий, влияющих на выбор форм личного обращения (и, кроме того, приветствий, извинений, просьб, прощания и т. п.), – также область интересов социолингвистики. Русский речевой этикет – лишь один, причем сравнительно простой, пример из этой области. В других языках,

например в японском и корейском, существуют гораздо более сложные правила вежливого обращения к собеседнику (о некоторых из них мы расскажем в основной части нашей книги).

Разные ситуации общения требуют использования разных языковых средств. Это хорошо понимали задолго до рождения социолингвистики. А. С. Пушкин писал: "В обществе вы локтем задели соседа вашего, вы извиняетесь, – очень хорошо. Но, гуляя в толпе под качелями, толкнули лавочника – вы не скажете ему: *mille pardons!* Вы зовете извозчика – и говорите ему: *пошел в Коломну*, а не – *сделайте одолжение, потрудитесь свезти в Коломну*".

По наблюдениям одного учителя, до революции на Дону дети в школе употребляли наречие *здесь*, дома же надо было говорить *тут*: *здесь* воспринималось коренными носителями донского говора как городское, чужое, в отличие от своего *тут*.

Это примеры речевых различий в зависимости от условий общения. Но в каждой ситуации человек может занимать разную позицию: быть собеседником "на равных" или чувствовать свое превосходство над партнером по коммуникации (либо, напротив, свою подчиненность ему). Общаясь друг с другом, люди как бы исполняют разные роли: отца, мужа, сына (в семье), начальника, подчиненного, сослуживца (в служебной обстановке), пассажира и кондуктора, покупателя и продавца, врача и пациента и т. п. Тип роли обуславливает характер речи и речевого поведения: с отцом говорят не так, как со сверстником, с преподавателем в вузе – иначе, чем с продавцом, повелительные конструкции в устах врача естественны, когда он исполняет свою служебную роль (*Дышите! Задержите дыхание! Разденьтесь!*), и неуместны, когда он, например, едет в автобусе, и т. д.

Представление о том, в каких ситуациях, при исполнении каких ролей каким языком надо говорить, формируется по мере того, как ребенок постепенно превращается во взрослого. Этот процесс называется языковой социализацией (подробнее о нем см. в главе 3), т. е. языковым "вхождением" в данное общество. И его изучает социолингвистика.

Есть общества (государства, страны, области и территории), где используется не один язык, а два или несколько. Часто один из них – государственный и в этом смысле общеобязательный: если ты хочешь нормально жить в этом обществе, общаясь с другими людьми, с властью, продвигаясь по социальной лестнице, изволь знать государственный язык. Другие существующие в данном обществе языки – это обычно родные языки людей, объединенных в те или иные этнические группы или составляющих целые народы (таково положение, например, во многих странах современной Африки). Функционируя в тесном соседстве друг с другом, разные языки, обслуживающие то или иное сообщество, могут смешиваться, приобретать разного рода промежуточные формы: пиджины, креольские языки (см. о них в главе 2). В процессе образования и функционирования подобных языков социолингвистику интересуют социальные и ситуативные условия, в которых они используются и взаимодействуют друг с другом.

Социолингвисты ставят перед собой и такую задачу: регулировать разви-

тие и функционирование языка (языков), не полагаясь целиком на самопроизвольное течение языковой жизни. Полезное и важное подспорье при выполнении этой задачи – изучение оценок, которые дают люди своему или чужому языку, отдельным языковым элементам. Говорящие оценивают одни и те же факты речи по-разному: одни люди, например, легко принимают новшества, другие же, напротив, отстаивают традиционные способы выражения; одним нравится строгость иностранных научных терминов, а их оппоненты ратуют за самобытность специальной терминологии. Изучение различий в оценках языковых фактов позволяет выделять социально более престижные и менее престижные формы речи, а это немаловажно с точки зрения перспектив развития языковой нормы, ее обновления.

Разработка лингвистических проблем, направленных на то, чтобы управлять языковыми процессами, носит название языковой политики; языковая политика – часть социолингвистики, выход этой науки в речевую практику.

Современная социолингвистика развивается бурно, в разных направлениях. Ее развитие тесно связано с такими научными дисциплинами, как психолингвистика (наука об индивидуальных особенностях усвоения языка и владения им), социология, социальная психология, демография, этнография и рядом других. Дальше мы расскажем об этих связях и проиллюстрируем их на конкретных примерах.

ИСТОКИ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

То, что язык далеко не единообразен в социальном отношении, известно давно. Одно из первых письменно зафиксированных наблюдений, свидетельствующих об этом, относится еще к началу XVII в. Гонсало де Корреас, преподаватель Саламанкского университета в Испании, вполне четко разграничивал социальные разновидности языка: "Нужно отметить, что язык имеет кроме диалектов, бытующих в провинциях, некоторые разновидности, связанные с возрастом, положением и имуществом жителей этих провинций: существует язык сельских жителей, простолюдинов, горожан, знатных господ и придворных, ученого-историка, старца, проповедника, женщин, мужчин и даже малых детей" [цит. по: Степанов 1976: 22]¹.

Термин "социолингвистика" ввел в научный оборот в 1952 г. американский социолог Г. Карри [Currie 1952]. Означает ли это, что и наука о социальной обусловленности языка зародилась в начале 1950-х годов? Нет. Корни социолингвистики глубже, и искать их нужно не в американской научной почве, а в европейской и, в частности, в русской.

Лингвистические исследования, учитывающие обусловленность языко-

¹ Здесь и далее в квадратных скобках указывается автор цитируемой работы или ее краткое название, год ее издания и, если это необходимо, после двоеточия - номер цитируемой страницы. Полностью выходные данные работы приведены в списках основной и дополнительной литературы в конце учебника. Большая и Малая советские энциклопедии цитируются с указанием издания, тома и столбца (страницы). В цитатах все вставки в квадратных скобках принадлежат авторам учебника.

вых явлений явлениями социальными, с большей или меньшей интенсивностью стали вестись уже в начале нынешнего века во Франции, России, Чехии. Иные, чем в США, научные традиции обусловили то положение, при котором изучение связей языка с общественными институтами, с эволюцией общества никогда принципиально не отделялось в этих странах от "чистой" лингвистики. "Так как язык возможен только в человеческом обществе, – писал И. А. Бодуэн де Куртенэ, – то, кроме психической стороны, мы должны отмечать в нем всегда сторону социальную. Основанием языковедения должна служить не только индивидуальная психология, но и социология" [Бодуэн де Куртенэ 1963: 15].

Таким выдающимся ученым первой половины XX в., как И. А. Бодуэн де Куртенэ, Е. Д. Поливанов, Л. П. Якубинский, В. М. Жирмунский, Б. А. Ларин, А. М. Селищев, Г. О. Винокур в России, Ф. Брюно, А. Мейе, П. Лафарг, М. Коэн во Франции, Ш. Балли и А. Сешеэ в Швейцарии, Ж. Вандриес в Бельгии, Б. Гавранек, А. Матезиус в Чехословакии и другим², принадлежит ряд идей, без которых современная социолингвистика не могла бы существовать. Это, например, идея о том, что все средства языка распределены по сферам общения, а деление общения на сферы имеет в значительной мере социальную обусловленность (Ш. Балли); идея социальной дифференциации единого национального языка в зависимости от социального статуса его носителей (работы русских и чешских языковедов); положение, согласно которому темпы языковой эволюции зависят от темпов развития общества, а в целом язык всегда отстает в совершающихся в нем изменениях от изменений социальных (Е. Д. Поливанов); распространение методов, применявшихся при изучении сельских диалектов, на исследование языка города (Б. А. Ларин); обоснование необходимости социальной диалектологии, наряду с диалектологией территориальной (Е. Д. Поливанов); важность изучения жаргонов, арго и других некодифицированных сфер языка для понимания внутреннего устройства системы национального языка (Б. А. Ларин, В. М. Жирмунский, Д. С. Лихачев) и др.

Американские исследователи в области социолингвистики подчас заново открывают то, на что уже обращали внимание их европейские предшественники³. Однако, справедливости ради, надо сказать, что, в отличие от работ первой трети XX в., в значительной части умозрительных, не опирающихся на более или менее обширный конкретный языковой материал (исключение составляют, пожалуй, работы А. М. Селищева – см., например [Селищев 1928], но они и слабей других в теоретико-лингвистическом отношении), в современных социолингвистических исследованиях, в том числе американских, явно выражено стремление к сочетанию тщательной теоретической разработки и конкретного анализа социально-языковых связей и зависимостей.

Характерная черта социолингвистики второй половины XX столетия –

² Обзор исследований, отражающих ранний этап развития социолингвистики в разных странах, см. в работах [Гухман 1972, Краус 1976, Орлов 1969, Слюсарева 1981, Krysm 1977].

³ При чтении американских работ по социолингвистике (да и по многим другим отраслям языкознания) поражает почти полное отсутствие ссылок на исследования "европейцев", и прежде всего русских ученых. По всей видимости, это результат не умышленного пренебрежения к опыту других, а элементарного незнания о нем.

переход от работ общего плана к экспериментальной проверке выдвигаемых гипотез, математически выверенному описанию конкретных фактов. По мнению одного из представителей американской социалингвистики Дж. Фишмана, на современном этапе изучение языка под социальным углом зрения характеризуется такими чертами, как системность, строгая направленность сбора данных, количественно-статистический анализ фактов, тесное переплетение лингвистического и социологического аспектов исследования [Fishman 1971: 10].

При этом преобладает синхронический аспект, анализ связей между элементами структуры языка и элементами структуры общества; в работах предшествующего периода чаще постулировалась сопряженность эволюции языка с развитием общества, т. е. для этих работ был характерен диахронический аспект (о различиях синхронической и диахронической социалингвистики см. в главе 4).

СТАТУС СОЦИОЛИНГВИСТИКИ КАК НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Из самого названия научной дисциплины – *социалингвистика* – видно, что она возникла на стыке двух наук – социологии и лингвистики. Междисциплинарный характер социалингвистики признают многие ученые (см., например [Hymes 1972, Краус 1974] и др.). Однако само по себе это признание не отвечает на вопрос: чего больше в этой науке – социологии или лингвистики? Кто занимается ею – профессиональные социологи или профессиональные языковеды (вспомним, что первым использовал термин "социалингвистика" социолог)?

Надо сразу же и совершенно определенно сказать: современная социалингвистика – это отрасль языкознания. Пока эта отрасль только формировалась, становилась на ноги, можно было спорить о ее статусе. Но сейчас, в начале XXI в., когда в социалингвистике не только определились объект, цели и задачи исследований, но и получены ощутимые результаты, совершенно очевидно языковедческая природа этой науки. Иное дело, что социалингвисты заимствовали многие методы у социологов (вот оно – "социо-"), например методы массовых обследований, анкетирования, устных опросов и интервью (см. о них в главе 5). Но заимствуя у социологов эти методы, социалингвисты используют их творчески, применительно к задачам изучения *языка*, а кроме того, на их основе вырабатываются собственные методические приемы работы с языковыми фактами и с носителями языка.

ОБЪЕКТ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

В начале нашего изложения мы попытались на нескольких элементарных примерах показать, что изучает социалингвистика. Сформулируем теперь в более строгой форме представление об объекте этой науки.

Один из основателей современной социалингвистики американский исследователь Уильям Лабов определяет социалингвистику как науку, которая

изучает "язык в его социальном контексте" [Лабов 1975]. Если расшифровать это лапидарное определение, то надо сказать, что внимание социолингвистов обращено не на собственно язык, не на его внутреннее устройство, а на то, как пользуются языком люди, составляющие то или иное общество. При этом учитываются все факторы, могущие влиять на использование языка, – от различных характеристик самих говорящих (их возраста, пола, уровня образования и культуры, вида профессии и т. п.) до особенностей конкретного речевого акта.

"Тщательное и точное научное описание определенного языка, – отмечал Р. Якобсон, – не может обойтись без грамматических и лексических правил, касающихся наличия или отсутствия различий между собеседниками с точки зрения их социального положения, пола или возраста; определение места таких правил в общем описании языка представляет собой сложную лингвистическую проблему" [Якобсон 1985: 382].

В отличие от порождающей лингвистики, представленной, например, в работах Н. Хомского (см. [Хомский 1972: 9]), социолингвистика имеет дело не с идеальным носителем языка, порождающим только правильные высказывания на данном языке, а с реальными людьми, которые в своей речи могут нарушать нормы, ошибаться, смешивать разные языковые стили и т. п. Важно понять, чем объясняются все подобные особенности реального использования языка.

Из этого следует, что при социолингвистическом подходе к языку объектом изучения является функционирование языка; его внутренняя структура принимается как некая данность и специальному исследованию не подвергается (за исключением случаев, когда социальное внедряется в ткань языка и является компонентом строения языковых единиц; см. об этом в главе 2).

А каков объект социолингвистики в обществах, где функционируют два, три языка, множество языков? В этом случае социолингвист должен исследовать механизмы функционирования нескольких языков в их взаимодействии: в каких сферах социальной жизни они используются? Каковы взаимоотношения между ними по статусу и функциям? Какой язык "главенствует", т. е. является государственным или официально принятым в качестве основного средства общения, а какие вынуждены довольствоваться ролью семейных и бытовых языков? Как, при каких условиях и в каких формах возникают дву- и многоязычие? Ответы на этого рода вопросы – компетенция социолингвистики.

Итак, объект социолингвистики – язык в его функционировании. А поскольку язык функционирует в обществе, обладающем определенной социальной структурой, постольку и можно говорить о социолингвистике как о науке, исследующей язык в социальном контексте (формула У. Лабова).

ГЛАВА 1

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Как и всякая наука, претендующая на самостоятельный статус, социолингвистика оперирует некоторым набором специфических для нее понятий (и соответствующих им терминов): *языковое сообщество, языковая ситуация, социально-коммуникативная система, языковая социализация, коммуникативная компетенция, языковой код, переключение кодов, билингвизм (двуязычие), диглоссия, языковая политика* и ряд других. Кроме того, некоторые понятия заимствованы из других областей языкознания: *языковая норма, речевое общение, речевое поведение, речевой акт, языковой контакт, смешение языков, язык-посредник* и др., а также из социологии, социальной психологии: *социальная структура общества, социальный статус, социальная роль, социальный фактор* и некоторые другие.

Все эти понятия нуждаются в определениях. В этой главе мы дадим определения большинству перечисленных понятий, не погружаясь в подробное изучение явлений, стоящих за каждым из понятий, и тех проблем, которые возникают при изучении таких явлений. Понятия, относящиеся к ведению социологии, социальной психологии и демографии, будут рассмотрены в главе 3.

1.1. ЯЗЫКОВОЕ СООБЩЕСТВО

На первый взгляд, понятие языкового сообщества не нуждается в разъяснениях – это сообщество людей, говорящих на данном языке. Однако в действительности такого понимания недостаточно. Например, французы, живущие во Франции, и говорящие по-французски канадцы не составляют одного сообщества. Нельзя объединить в одно языковое сообщество англичан и американцев (хотя и те, и другие говорят по-английски), испанцев и пользующихся испанским языком жителей Латинской Америки и т. д. Язык один и тот же (или почти один и тот же⁴), а сообщества разные.

С другой стороны, составляют ли разные языковые сообщества люди, живущие в одном городе, работающие на одних и тех же предприятиях, но имеющие в качестве родных разные национальные языки, – например, русские, татары, украинцы?

Именно при изучении второго рода явлений – дву- и многоязычия при общности социальной жизни – возникла необходимость в понятии "языковое

⁴ В действительности французский язык в Канаде несколько отличается от французского языка на территории его исконного распространения, английский язык США имеет даже специальное название: American English, отграничивающее его от британского варианта (British English); сходная картина и с испанским языком в Испании и, скажем, на Кубе (см. об этом [Реферовская 1972, Швейцер 1963, Швейцер 1971, Степанов 1963]). Однако в данном случае, при определении понятия "языковое сообщество", мы можем пренебречь незначительными различиями этих языков, зависящими от территории их распространения.

сообщество": с помощью этого понятия исследователь определяет социальные рамки, в которых функционирует один язык или несколько языков, взаимодействующих друг с другом.

Языковое сообщество – это совокупность людей, объединенных общими социальными, экономическими, политическими и культурными связями и осуществляющих в повседневной жизни непосредственные и опосредствованные контакты друг с другом и с различными социальными институтами при помощи одного языка или разных языков, распространенных в этой совокупности.

Границы распространения языков очень часто не совпадают с политическими границами. Самый очевидный пример – современная Африка, где на одном и том же языке могут говорить жители разных государств (таков, например, суахили, распространенный в Танзании, Кении, Уганде, частично в Заире и Мозамбике), а внутри одного государства сосуществует несколько языков (в Нигерии, например, более двухсот языков! – см. об этом [Виноградов и др. 1984]). Поэтому при определении понятия "языковое сообщество" важно сочетание лингвистических и социальных признаков: если мы оставим только лингвистические, то речь будет идти лишь о языке, безотносительно к той среде, в которой он используется; если же опираться только на социальные критерии (включая и политико-экономические, и культурные факторы), то вне поля внимания останутся языки, функционирующие в данной социальной общности.

В качестве языкового сообщества могут рассматриваться совокупности людей, различные по численности входящих в них индивидов, – от целой страны до так называемых малых социальных групп (например, семьи, спортивной команды): критерием выделения в каждом случае должны быть *общность социальной жизни* и наличие *регулярных коммуникативных контактов*. Одно языковое сообщество может быть объемлющим по отношению к другим. Так, современная Россия – пример языкового сообщества, которое объемлет, включает в себя языковые сообщества меньшего масштаба – республики, области, города. В свою очередь, город как языковое сообщество включает в себя языковые сообщества еще меньшего масштаба – предприятия, учреждения, учебные заведения.

Чем меньше численность языкового сообщества, тем выше его языковая однородность. В России существуют и взаимодействуют друг с другом десятки национальных языков и их диалектов, а в крупных российских городах основные формы общественной жизни осуществляются с помощью уже значительно меньшего числа языков, часто на двух (Казань – татарский и русский, Майкоп – адыгейский и русский) или трех (Уфа – башкирский, татарский и русский), а при национальной однородности населения – преимущественно на одном языке (Москва, Санкт-Петербург, Саратов, Красноярск).

В рамках таких языковых сообществ, как завод, научно-исследовательский институт, средняя школа, преобладает один язык общения. Однако в малых языковых сообществах – таких, как семья, где коммуникативные контакты осуществляются непосредственно, – может быть не один, а два языка. (И даже больше: известны семьи русских эмигрантов, использующие во

внутрисемейном общении несколько языков, – см. [Земская 1998].) Подробнее мы поговорим об этом в разделе "Микросоциоллингвистика" (глава 4).

1.2. РОДНОЙ ЯЗЫК И СМЕЖНЫЕ ПОНЯТИЯ

В двуязычных языковых сообществах многие индивиды владеют более чем одним языком; в таком случае языки различаются и по порядку усвоения, и по той роли, которую они играют в жизни билингва.

В отечественной социоллингвистике первый усвоенный язык чаще всего называется родным языком, мы также будем пользоваться этим термином. Но в повседневном обиходе, публицистике, а иногда и в научных работах это словосочетание часто употребляется в другом значении: *Наши дети не понимают ни слова на родном языке; Горожане забывают родной язык* и т. п. – здесь под родным языком имеется в виду язык, специфичный для данного этноса. В таком значении мы будем пользоваться термином этнический язык⁵. Этническим языком эвенка всегда будет эвенкийский; если он родился в Якутии, то его родным языком, скорее всего, будет якутский. А основным языком общения, в зависимости от рода занятий и места жительства, может оказаться русский.

Встречаются ситуации, когда с раннего детства ребенок в одинаковой степени хорошо усваивает два языка; фактически он чаще заговаривает на каком-то одном из них, но уже в дошкольном возрасте его компетенция в каждом из языков неотличима от компетенции одноязычного ребенка. В этом случае родными естественно считать оба языка. (Впрочем, исследование некоторых частных проблем – эмоциональной привязанности к двум языкам, их символической ценности для индивида – может потребовать различения двух таких языков⁶.) Наконец, не так уж редко, особенно при эмиграции, возникают ситуации, когда одноязычный в раннем детстве ребенок, пройдя недолгий период двуязычия, полностью переходит на новый язык и к подростковому возрасту старый (прежде единственный известный ему) утрачивает практически полностью. В этом случае целесообразно родным считать именно второй язык. Итак, **родной язык – это язык, усвоенный в детстве, навыки использования которого в основном сохраняются и во взрослом возрасте**; родных языков может быть более одного. Всякий язык, которым индивид овладел после родного, называется вторым языком. Конечно, при таком определении вторых языков может оказаться несколько. Отличать второй по порядку овладения язык от третьего (иногда и последующих), как правило, нет нужды, поскольку функции неродных языков, степень владения ими мало зависят от порядка, в котором индивид начал их использовать.

⁵ В. М. Алпатов [1997] предложил называть родной язык (в оговоренном выше смысле) материнским языком; это, однако, лишь добавляет новые проблемы, поскольку первым (и даже единственным) языком ребенка может оказаться родной язык не матери, а отца, или вообще язык, которым оба родителя плохо владеют.

⁶ Один с детства двуязычный шведско-русский ребенок (вырос в Стокгольме, но родители с ним и при нем говорили исключительно по-русски), характеризуя свою языковую компетенцию, сказал, что он наполовину швед, наполовину русский, но его шведская половина все же немного больше.

Языки в двуязычном сообществе редко бывают равноправны. В общественной жизни, в профессиональной деятельности, в неформальном общении с друзьями и членами семьи человек может использовать разные языки. При этом использование одного языка часто преобладает; и в таком случае говорят об основном (доминирующем языке), тогда остальные языки, известные индивиду, приобретают статус дополнительных языков⁷ – к ним коммуникант прибегает реже, чем к основному, и/или в социально менее значимых ситуациях. Часто основным языком – тот, на котором осуществляется межэтническая коммуникация. Но даже и в этнически однородной коммуникативной среде функции основного языка может выполнять не родной, а второй язык.

По тому, как индивид приобретает языковые навыки, языки подразделяются на усвоенные в живом общении (родным языком человек овладевает именно так) и выученные, те, которые индивид специально изучал в школе или самостоятельно. Русская терминология в этой области совершенно не устоялась⁸, но само противопоставление чрезвычайно важно. Обучение практически всегда связано с овладением письменной формой языка и литературной нормой. Преднамеренное выучивание чужого языка – часто дело индивидуальное; напротив, живое усвоение второго языка (в наши дни часто совмещающееся с формальным обучением, но не обучение играет в этом случае главенствующую роль при овладении языком) не только ведет к образованию и расширению двуязычных языковых сообществ, но имеет важные последствия для судеб самих усваиваемых языков.

Это путь к возникновению региональных вариантов усваиваемого языка.

Специфика таких вариантов второго языка в первую очередь обусловлена воздействием на него родного языка (или языков) говорящих через интерференцию (см. разд. 1.7). Такие региональные разновидности часто называют *этнолектами*, хотя основу коммуникативного сообщества могут составлять различные этносы. Например, на дагестанском этнолекте русского языка в Дагестане говорят представители разных народов, включая и местных русских старожилов. Именно этнолект часто становится родным языком одноязычных представителей языкового сообщества независимо от их этнической принадлежности.

1.3. ЯЗЫКОВОЙ КОД

Каждое языковое сообщество пользуется определенными средствами общения – языками, их диалектами, жаргонами, стилистическими разновидностями языка. Любое такое средство можно назвать *кодом*.

⁷ Русские термины *основной (доминирующий) язык* и *дополнительный язык* нельзя считать общепринятыми. В англоязычной социолингвистике терминология более устойчива: первый по порядку усвоения язык называется *first language*, а любой усвоенный после него – *second language*, коммуникативно наиболее важный язык – *primary language*, а более ограниченный в использовании – *secondary language*.

⁸ В англоязычной науке *second language acquisition* (в живом общении) противопоставляется *language learning* (через специализированное изучение). *Second language acquisition* (усвоение второго языка) – отдельная лингвистическая дисциплина на стыке психо- и социолингвистики.

В самом общем смысле **код – это средство коммуникации**: естественный язык (русский, английский, сомали и т. п.), искусственный язык типа эсперанто или типа современных машинных языков, азбука Морзе, морская флажковая сигнализация и т. п.

В лингвистике кодом принято называть языковые образования: язык, территориальный или социальный диалект, городское койне, пиджин, лингва-франка и под. (ниже мы остановимся на этих понятиях подробнее).

Наряду с термином *код* употребляется и термин *субкод*. Он обозначает разновидность, *подсистему* некоего общего кода, коммуникативное средство меньшего объема, более узкой сферы использования и меньшего набора функций, чем код. Например, такие разновидности современного русского национального языка, как литературный язык, территориальный диалект, городское просторечие, социальный жаргон – это субкоды, или подсистемы, единого кода (русского национального языка). В дальнейшем мы будем употреблять термины *субкод* и *подсистема* как синонимы.

Субкод, или подсистема, также может члениться на разновидности и, тем самым, включать в свой состав субкоды (подсистемы) более низкого уровня и т. д. Например, русский литературный язык, сам являющийся субкодом по отношению к национальному языку, членился на две разновидности – кодифицированный язык и разговорный язык, каждая из которых обладает определенной самостоятельностью и различается по функциям: кодифицированный язык используется в книжно-письменных формах речи, а разговорный – в устных, общедоступных формах. В свою очередь кодифицированный литературный язык дифференцирован на стили, а стили реализуются в разнообразных речевых жанрах; некое подобие такой дифференциации есть и в разговорном языке.

В отечественной социалингвистике субкоды часто именуются *формами существования языка*, на Западе их называют также *регистрами* данного языка.

1.4. СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНАЯ СИСТЕМА

Совокупность кодов и субкодов, используемых в данном языковом сообществе и находящихся друг с другом в отношениях функциональной дополненности, называется социально-коммуникативной системой этого сообщества.

В этом определении требует разъяснений словосочетание "функциональная дополненность". Оно означает, что каждый из кодов и субкодов, образующих социально-коммуникативную систему, имеет свои функции, не пересекающиеся с функциями других кодов и субкодов (тем самым все они как бы *дополняют* друг друга по функциям).

Например, каждый стиль литературного языка – научный, официально-деловой, публицистический – имеет свои специфические функции, не свойственные другим стилям, а вместе они функционально дополняют друг друга, образуя систему, способную "обслуживать" все коммуникативные потребности данного общества (которое можно условно назвать обществом носителей лите-

ратурного языка; кроме них, есть еще, например, носители диалектов, просторечия) и все сферы общения.

В многоязычном обществе социально-коммуникативную систему образуют разные языки, и коммуникативные функции распределяются между ними (при этом каждый из языков может, естественно, подразделяться на субкоды – диалекты, жаргоны, стили).

Понятие социально-коммуникативной системы ввел в научный оборот в середине 1970-х годов московский ученый А. Д. Швейцер. Он особо подчеркивает функциональный аспект этого понятия: "Отношение функциональной дополнительности означает социально детерминированное распределение сосуществующих в пределах данного языкового коллектива систем и подсистем по сферам использования (книжно-письменная речь, бытовое общение и т. п.) и общественным функциям (наука, культура, образование, религия), с одной стороны, и по социальным ситуациям – с другой" [Швейцер 1976а: 76].

1.5. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

Компоненты социально-коммуникативной системы, обслуживающей то или иное языковое сообщество, находятся друг с другом в определенных отношениях. На каждом этапе существования языкового сообщества эти отношения более или менее стабильны. Вместе с тем изменение политической обстановки в стране, смена государственного строя, экономические преобразования, новые ориентиры в социальной и национальной политике и другие факторы могут так или иначе влиять на состояние социально-коммуникативной системы, на ее состав и на функции ее компонентов – кодов и субкодов.

Функциональные отношения между компонентами социально-коммуникативной системы на том или ином этапе существования данного языкового сообщества формируют **языковую ситуацию**, характерную для этого сообщества⁹.

Понятие *языковая ситуация* применяется обычно к большим языковым сообществам – странам, регионам, республикам. Для этого понятия важен фактор времени: по существу, языковая ситуация – это характеристика социально-коммуникативной системы в определенный период ее функционирования.

Например, на Украине, где социально-коммуникативная система включает в качестве главных компонентов украинский и русский языки (помимо них есть белорусский, болгарский, венгерский, чешский и некоторые другие), до распада СССР наблюдалось относительное динамическое равновесие между этими языками. Существовали школы и с украинским, и с русским языком обучения, в науке и высшем образовании были в обращении оба языка, в известной

⁹ В книге Л. Б. Никольского "Синхронная социоллингвистика" языковой ситуацией называется "совокупность языков, подязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении и в этнической общности" [Никольский 1976: 79–80]. В этом определении не принят во внимание аспект функционирования кодов и субкодов, входящих в указанную совокупность, их соотношение по функциям на данном этапе существования административно-территориальных и этнических общностей.

мере доля сферы применения (естественные и технические науки – преимущественно на русском языке, гуманитарные – преимущественно на украинском). В бытовом общении выбор языка определялся интенциями говорящего, типом адресата, характером ситуации общения и т. п. В 90-е годы XX в. функции русского языка на Украине резко сужаются, он вытесняется украинским языком из сфер среднего и высшего образования, науки, культуры; применение русского языка в бытовом общении также сокращается.

Эти перемены – несомненное свидетельство изменения языковой ситуации, в то время как состав социально-коммуникативной системы, обслуживающей украинское языковое сообщество, остается прежним.

О том, как складывалась языковая ситуация в нашей стране, рассказано в приложении к учебнику.

1.6. ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ И СМЕШЕНИЕ КОДОВ

Как уже говорилось, коды (языки) и субкоды (диалекты, стили), составляющие социально-коммуникативную систему, функционально распределены. Это значит, что один и тот же контингент говорящих, которые составляют данное языковое сообщество, владея общим набором коммуникативных средств, использует их в зависимости от условий общения. Например, если вести речь о субкодах литературного языка, то в научной деятельности носители литературного языка используют средства научного стиля речи, в делопроизводстве, юриспруденции, административной переписке они же прибегают к средствам официально-делового стиля, в сфере религиозного культа – к словам и конструкциям стиля религиозно-проповеднического и т. д. Иначе говоря, в зависимости от сферы общения говорящий *переключается* с одних языковых средств на другие.

Похожая картина наблюдается и в тех обществах, где используется не один, а два языка (или несколько). *Билингвы*, т. е. люди, владеющие двумя (или несколькими) языками, обычно "распределяют" их использование в зависимости от условий общения: в официальной обстановке, при общении с властью используется преимущественно один язык, а в обиходе, в семье, при контактах с соседями – другой (другие). И в этом случае можно говорить о переключении с одного кода на другой, только в качестве кодов фигурируют не стили одного языка, как в первом примере, а разные языки.

Переключение кодов, или кодовое переключение – это переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка (диалекта, стиля) на другой в зависимости от условий коммуникации¹⁰.

Что, какие изменения в условиях коммуникации заставляют говорящего

¹⁰ Термин *переключение кодов (кодовое переключение)* является переводом английского термина code-switching. Первые работы, исследующие механизм переключения кодов, появились в англоязычной лингвистической литературе в середине 70-х годов XX в. Однако на само это явление, еще без использования указанного термина, раньше обратил внимание Р. Якобсон, который писал: "Любой общий код многоформен и является иерархической совокупностью различных субкодов, свободно избираемых говорящими в зависимости от функции общения, адресата и отношений между собеседниками" [Jakobson 1970: 458].

менять код? Например, *смена адресата*, т. е. того, к кому обращается говорящий. Если адресат владеет только одним из двух языков, которые знает говорящий, то последний, естественно, должен использовать именно данный, знакомый адресату, язык, хотя до этого момента в общении с собеседниками-билингвами мог использоваться другой язык или оба. Переключение на известный собеседнику языковой код может происходить даже в том случае, если меняется состав общающихся: когда к разговору двоих билингвов присоединяется третий человек, владеющий только одним из известных всем троим языков, то общение должно происходить на этом языке. Отказ же собеседников переключиться на код, знакомый третьему участнику коммуникации, может расцениваться как нежелание посвящать его в тему разговора или как пренебрежение к его коммуникативным запросам.

Фактором, обуславливающим переключение кодов, может быть *изменение роли* самого говорящего. Скажем, в роли отца (при общении в семье) или в роли соседа по дому он может использовать родной для него диалект, а обращаясь в органы центральной власти, он вынужден переключаться на более или менее общепринятые формы речи. Если такого переключения не произойдет, представители власти его не поймут, и он не достигнет своей цели (удовлетворить просьбу, рассмотреть жалобу и т. п.), иначе говоря, потерпит *коммуникативную неудачу*.

Тема общения также влияет на выбор кода. По данным исследователей, занимающихся проблемами общения в условиях языковой неоднородности, "производственные" темы члены языковых сообществ предпочитают обсуждать на том языке, который имеет соответствующую специальную терминологию для обозначения различных технических процессов, устройств, приборов и т. п. Но как только тема с производственной меняется на бытовую, "включается" другой языковой код или субкод – родной язык или диалект собеседников. В одноязычном обществе при подобной смене кода происходит переключение с профессионального языка на общепотребительные языковые средства.

В каких местах речевой цепи говорящие переключают коды? Это зависит от характера влияния тех факторов, о которых только что шла речь. Если влияние того или иного фактора говорящий может предвидеть и даже в каком-то смысле планировать, то переключение происходит на естественных границах речевого потока: в конце фразы, синтаксического периода, при наиболее спокойном режиме общения – по завершении обсуждения какой-либо темы. Однако если фактор, обуславливающий кодовое переключение, вмешивается неожиданно для говорящего, он может переключаться с кода на код посередине фразы, иногда даже не договорив слова. При высокой степени владения разными кодами или субкодами, когда использование их в значительной мере автоматизировано, процесс кодового переключения может не осознаваться говорящим, особенно в тех случаях, когда другой код (субкод) используется не целиком, а во фрагментах. Например, говоря на одном языке, человек может вставлять в свою речь элементы другого языка – фразеологизмы, модальные слова, междометия, частицы.

Способность к переключению кодов свидетельствует о достаточно высо-

кой степени владения языком (или подсистемами языка) и об определенной коммуникативной и общей культуре человека. Механизмы кодовых переключений обеспечивают взаимопонимание между людьми и относительную комфортность процесса речевой коммуникации. Напротив, неспособность индивида варьировать свою речь в зависимости от условий общения, приверженность лишь одному коду (или субкоду) воспринимаются как аномалия и могут приводить к коммуникативным конфликтам.

Переключение кодов следует отличать от таких явлений, как *заимствование* языковых единиц и их *вкрапление* в речь.

Переключаясь на другой код (например, на иной язык), говорящий использует его элементы в полном соответствии с фонетическими, грамматическими и иными свойствами этих элементов. При заимствовании слово или какая-либо другая единица подчиняется (хотя бы частично) фонетике и грамматике заимствующего языка. При вкраплении сохраняется иносистемный облик вкрапливаемого элемента, но этот элемент употребляется в некоем "застывшем" виде, не изменяясь в соответствии со словоизменительными моделями или с моделями синтаксическими.

Поясним это на примерах.

Хрестоматийный пример переключения кодов – смена русского языка на французский (и обратно) в речи дворян – персонажей романа Л. Н. Толстого "Война и мир". Общение и на русском, и на французском происходит в соответствии с нормами каждого из этих языков:

"Анна Павловна, увидев Пьера, тронула его пальцем за рукав.

- Attendez, j'ai des vues sur vous pour ce soir. – Она взглянула на Элен и улыбнулась ей.

- Ma bonne Helene, il faut, que vous soyez charitable pour ma pauvre tante, qui a une adoration pour vous. Allez lui tenir compagnie pour 10 minutes. А чтоб вам не очень скучно было, вот вам милый граф, который не откажется за вами следовать" (Война и мир. Т. I. Ч. 3).

Когда те же герои, говоря по-русски, употребляют слова *граф, рескрипт, министр, политика, гвардия*, то перед нами – заимствования, подчиняющиеся нормам русского языка: в них согласные смягчаются перед [е], гласные подвергаются редукции в безударном положении, существительные склоняются и имеют признаки определенного грамматического рода, глаголы спрягаются и т. д.

Примерами вкраплений могут быть обороты типа *се ля ей (с'est la vie)*, латинские выражения *alter ego, terra incognita* и подобные им, а также отдельные иноязычные слова, которые употребляются в неизменном виде, хотя и могут связываться со словами окружающего контекста по моделям, "подсказанным" синтаксисом либо языка-источника, либо языка-реципиента, например:

"Фирма Rowenta <...> Великолепная вода от *Rowenta!*" (телевизионная реклама); "К тому же слух уже перестал удивляться и жадно реагировать на пышно-красочные пейзажи и музыкальную *nature morte*" (Б. В. Асафьев. "Книга о Стравинском"; фр. *nature* – женского рода, ср. вошедшее в русский язык слово *натюрморт*: оно мужского рода); "– Высыпьте на стол ваш табак, – сказал

офицер *desole* [огорченный]" (А. И. Герцен. "Былое и думы"; сохранен порядок слов, свойственный французскому языку, с постпозицией определения; по-русски было бы: *сказал огорченный офицер*); "Совершив предварительно *европейское shake hands*, он [Павел Петрович] три раза, по-русски, поцеловался с ним [племянником]..." (И. С. Тургенев. "Отцы и дети"; согласование по среднему роду подсказано русским аналогом английского словосочетания *shake hands* – рукопожатие).

Как мы видели, переключение кодов мотивировано; наряду с этим в речи билингвов часто встречается смешение кодов, когда переход от одного языка к другому не имеет мотивировки. Граница кодов может проходить даже внутри тесно связанного словосочетания, так что определение принадлежит одному языку, определяемое – другому, глагол одному языку (с соответствующей морфологией), а зависимые от него слова – другому и т. п. Вот начало цыганского фольклорного рассказа о графе Чёрном [Елоева, Русаков 1990: 54-55]:

Сыс граф Чёрный. Сыс ев барвало, но сыс ев страшно <...> Ев сыс очень страшно. А сыс ев барвало, ну, может, ев сыс миллиардеро <...> И якэ приглашает лэс, значит, московско княгиня по бало. Граф Чёрный полэл депешо. "Вы немедленно севодня должны тэ авэл к шести часам по бало". Ну со ж, запрягает ев тройка, выезжает по да бало <...> И выходит кокори княгиня Оболенско кэ ев чокаться. "Князь Чёрный, севодня мой день ангела. Я задаю тебе вопрос: со кучедыр по свето сы, капитал или красота?"

Был граф Чёрный. Был он богатый, но был он страшный <...> Он был очень страшный. А был он богатый, ну, может, он был миллиардером <...> И вот приглашает его, значит, московская княгиня на бал. Граф Черный берет депешу. "Вы немедленно, сегодня должны прийти к шести часам на бал". Ну что ж, запрягает он тройку, выезжает на этот бал <...> И выходит сама княгиня Оболенская к нему чокаться. "Князь Чёрный, сегодня мой день ангела. Я задаю тебе вопрос: что до-роже на свете, капитал или красота?"

Основа текста – цыганская, часть русских вкраплений – заимствования, оформленные в тексте в соответствии с цыганской морфологией, однако в нескольких случаях глагол и его актанты принадлежат разным языкам – например, при русском предикате *запрягает* субъект выражен цыганским местоимением, объект – русским заимствованием, но с цыганской морфологией (*-а в тройка* в данном случае правильный показатель аккузатива). В русском вводном выражении *ну что ж* местоимение *что* оказалось заменено цыганским *со*. В двух случаях здесь представлено оправданное переключение кодов – при цитировании русского текста записки и слов княгини, однако оба раза во второй половине этих фраз рассказчик сбивается на смешение русского и цыганского языков.

1.7. ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

В речи билингва происходит взаимовлияние языков, которыми он пользуется. Это взаимовлияние касается как речи, так и языка и может проявляться

в любых языковых подсистемах: в фонетике, в грамматике, в лексике. **Всякое воздействие одного языка билингва на другой, а также результат этого воздействия называется интерференцией.** Обычно под интерференцией понимают только неконтролируемые процессы, а сознательные заимствования к ней не относят.

Направление интерференции может быть различным. Наиболее частой является интерференция родного языка во второй, однако если второй язык становится основным, то и он может воздействовать на родной. Это легко заметить по русской речи эмигрантов из России, проживших в иноязычной среде несколько лет.

Проницаемость разных подсистем языка различна и связана с направлением интерференции. В фонетической области интонация основного языка легко воздействует на интонацию родного дополнительного, а в системе фонем и фонотактике, как правило, ведущим оказывается влияние системы родного языка на вторые языки.

Фонологическая интерференция проявляется в трех аспектах. 1. *Недоразличение* фонем (например, снятие противопоставления по мягкости в парах типа *рад/ряд* в белорусском этнолекте русского языка). 2. *Сверхразличение* фонем (француз, например, может различать открытое и закрытое [e/e] в русском). 3. *Реинтерпретация* фонологических различий (например, немцы склонны интерпретировать русское противопоставление глухих и звонких согласных как противопоставление сильных/слабых).

В последнем случае у русского монолингва создается впечатление, что немец путает глухие и звонкие. Вот как, например, Д. И. Фонвизин в "Недоросле" изображает речь немца Адама Адамовича Вральмана: *Расумнай шеловек никахта ефо [Митрофанушку] не сатерет, никахта з ним не саспорит; а он с умными лютыми не сфясыфайся, так и пудет плаготенствие Пожие.* Парные звонкие в большинстве случаев представлены здесь глухими, но в отдельных случаях (*з ним*) происходит озвончение глухих.

В области фонотактики наиболее сильно воздействует на второй язык тип редукции родного языка. Русские и немцы с трудом осваивают произношение конечных звонких согласных в английском. Лица с родным украинским языком, наоборот, переносят на русский привычную модель, сохраняющую звонкость согласного в конце слова и в середине перед глухим: *подписать, са[д]* и т. п., в результате чего появляются минимальные пары типа *дедка/детка, дужка/душка*. Сходным образом во втором языке проявляется и свойственный родному языку тип редукции гласных. Русские часто склонны редуцировать безударные о-образные гласные во вторых языках, а "кавказский" акцент характеризуется, в частности, произнесением гласного *a* полного образования на месте русских безударных *о*. Болгарский бизнесмен, отвечая в телеинтервью на вопрос, с чего он начал свое дело, сообщил, что для начала он *накупил денег*, имея в виду *накопил*. Говоря по-русски вполне свободно, он сохранял тип редукции безударных гласных, свойственный его родному языку: если в русском фонема <о> редуцируется в сторону о-образных звуков, то в болгарском – в сторону у-образных.

В грамматической области интерференция часто связана с невольной интерпретацией грамматических категорий второго языка через призму родного: приписыванием русским существительным *боль, мозоль, собака* мужского рода в соответствии с нормой родного белорусского, употреблением глагольного вида во втором польском языке в соответствии с нормой родного русского, использованием определенного или неопределенного артикля во втором английском языке в соответствии с нормой родного французского и т. п.

Если некоторая грамматическая категория родного языка в неродном выражается нерегулярно, она признается как бы вообще отсутствующей. В тюркских языках каузатив обычно имеет стандартное суффиксальное выражение; нерегулярность образования русских каузативных глаголов может производить на тюркско-русских билингвов впечатление необязательности выражения каузативности. Так, в школьные сочинения попадают фразы *Герасим поел собачку* (вм. *накормил*); *Волна утонула кораблик* (вм. *потопила*) [Абдулфанова 1990: 171-172].

Интерференция может проявляться и в синтаксисе. Несмотря на относительную свободу грузинского порядка слов, позиция некоторых членов предложения жестко закреплена. В частности, в противоположность русскому, управляемое слово в норме предшествует управляющему и глагол-сказуемое оказывается на последнем месте. Этот порядок слов сильно интерферирует в русскую речь грузин. Предложения типа *Был вечер, когда в Барихасо поднялись; Мы вошли в первую же классную комнату, где третьеклассники оказались; Обрадовались, когда знакомых увидели; В горах расположенное трехэтажное здание школы-интерната радовало сердца посетителей* [Кевлишвили 1990], с точки зрения нормативного русского языка выглядящие в разной степени девиантными, вполне укладываются в локальный стандарт русского языка Грузии и могут порождаться местными русскими монолингвами. То же касается и использования русского *что* в функции грузинской частицы *ра*, выражающей настойчивую просьбу в побудительных предложениях: *Приходи, что ко мне! Дай, что книгу.*

Воздействие второго доминирующего языка на родной в грамматической сфере сильнее всего проявляется в моделях управления.

Чем больше различие между языками, тем теоретически больше потенциальных возможностей для интерференции, но в родственных языках она менее заметна самому говорящему. Поэтому у билингвов, свободно владеющих и постоянно пользующихся близкородственными языками, интерференция становится почти неизбежной. Прекрасным подтверждением этому служит русский перевод классической монографии У. Вайнрайха по языковым контактам [Вайнрайх 1979], в значительной части посвященной как раз проблемам интерференции. Перевод издан в Киеве и содержит немало фактов интерференции украинского языка в русский, ср.: *мы можем показать <...> на следующей таблице; приток заимствований с французского; <...> когда они [дети] **стают** взрослыми; межзубной [звук]* [Вайнрайх 1979: 136, 152, 181, 203]. Последний пример особенно интересен; по-русски прилагательные *зубной* и *межзубный* оформляются по-разному, но первое из них несопоставимо частотнее, по-

украински в обоих случаях окончания одинаковые: *(між)зубний*. Ориентация на более частотное русское слово и отталкивание от украинского привели переводчика к конструированию гиперкорректной формы *межзубной*.

Интерференция – это явление, свойственное индивиду, но при массовом двуязычии однотипные интерференционные процессы характеризуют речь многих лиц, и, закрепившись в идиолектных языковых системах, они начинают воздействовать также и на языковую компетенцию моно-лингвов, что приводит к языковым изменениям. Как только интерференция получает признание в языке (становится частью стандарта определенного языкового кода), она не ощущается в этом коде как нечто чужеродное, т. е. перестает быть таковой для всех, кроме лингвистов.

Все явления, относимые исторической лингвистикой к числу субстратных и суперстратных, обязаны своим возникновением интерференции. Даже те диахронические изменения, которые обычно считаются результатом внутриязыковых процессов, могут объясняться интерференционным взаимодействием различных кодов одного языка.

1.8. ЯЗЫКОВАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ

Рассмотрение механизмов кодового переключения и интерференции естественным образом подводит нас к очередному понятию, требующему разъяснений, – понятию *языковой вариативности*.

Если мы можем в процессе общения переключаться с одних языковых средств на другие, например при смене адресата, продолжая при этом обсуждать ту же тему, то это означает, что в нашем распоряжении имеется набор средств, позволяющий об одном и том же говорить по-разному. Это чрезвычайно важное свойство языка, обеспечивающее говорящему возможность не только свободно выражать свои мысли на данном языке, но и делать это разными способами. Умение носителя языка по-разному выражать один и тот же смысл называется его *способностью к перифразированию*. Эта способность, наряду со способностью извлекать смысл из сказанного и умением отличать правильные фразы от неправильных, лежит в основе сложного психического навыка, называемого *владение языком* (см. разд. 2.5 главы 2).

Вариативность проявляется на всех уровнях речевой коммуникации – от владения средствами разных языков (и, следовательно, варьирования, попеременного использования единиц каждого из языков в зависимости от условий общения) до осознания говорящим допустимости разных фонетических или акцентных вариантов, принадлежащих одному языку (в современном русском литературном языке это варианты типа *було[ин]ая / було[чн]ая, поднялся / подня́лся* и под.).

Между этими полюсами располагаются многообразные виды языкового варьирования: например, лексические синонимы, которые можно рассматривать как варианты выражения одного и того же смысла (*увеличиваться – усиливаться – возрастать; бросать – кидать; подлинник – оригинал; огромный –*

громадный; лишь – только и т. п.), однокоренные слова (*замораживание – заморозка; стимулирование – стимуляция; эгоистический – эгоистичный* и т. п.), синонимические синтаксические конструкции (*Выполняя задание, будьте осторожны. – Когда выполняете задание, будьте осторожны. – При выполнении задания будьте осторожны*) и многое другое.

Следует оговориться, однако, что синонимия слов и синтаксических конструкций очень часто бывает сопряжена с разницей (хотя подчас и весьма тонкой) в значениях единиц, образующих синонимический ряд: *ветер усиливается, но не увеличивается и не возрастает; трудности возрастают, но не усиливаются; бросить, кинуть камень (взгляд), но только бросить курить (не: *кинуть курить); только не уходи – лучше, чем лишь не уходи*, и т. д.

Поэтому в современной лингвистике по отношению к разным видам синонимии понятия варианта и вариативности не используются. Они применяются главным образом к таким различиям языковых единиц, которые не связаны с разницей в их значении. Иначе говоря, **вариативность – это прежде всего несоответствия во внешнем виде, в форме языковых знаков, которые имеют один и тот же смысл.**

С социолингвистической точки зрения явление вариативности заслуживает внимания постольку, поскольку разные языковые варианты могут использоваться в зависимости а) от социальных различий между носителями языка и б) от различий в условиях речевого общения.

Так, проведенное московскими лингвистами социолингвистическое исследование фонетических вариантов, допускаемых нормой современного русского литературного языка, установило определенную зависимость между такими характеристиками носителей языка, как возраст, место рождения, профессия, уровень образования и др., и теми предпочтениями, которые они оказывают вариантам типа [зв]ерь / [Зв']ерь, [шы]гí / [шл]гí, [э]ж̄у / [э]ж̄у и под. Оказалось, что, например, мягкое произношение звуко сочетаний *зж, жж* как [ж̄] в словах *езжу, брызжет, жужжать, возжжи, дрожжи* представлено главным образом в речи старшего поколения, а молодежи больше свойственно произношение твердого долгого *ж*: [ж̄]. Москвичи старшего возраста еще сохраняют произношение [шы]гí, [жы]ра́, а в речи других групп говорящих эта черта почти не встречается¹¹. Ассимилятивное произношение согласного, т. е. смягчение его перед следующим мягким согласным: [з в ']ерь, [с'т ']ена, [з'л']шиься – в среде рабочих встречается реже, чем в среде гуманитарной интеллигенции, а произношение *ко[н ф]ёта, ла[ф }ки (лавки)* находится за пределами литературной нормы и свойственно просторечию или диалектной речи.

У. Лабов обнаружил похожие зависимости в современном американском варианте английского языка. Так, он установил, что начальный согласный в таких словах, как *thin* 'тонкий', *thick* 'толстый' и под. реализуется по-разному в ре-

¹¹ Важно сделать следующую оговорку. Фонетическая вариативность по-разному реализуется в разных словах, т. е. она лексически обусловлена. Например, уже мало кто говорит [шы]ги, [жы]ра, но произношение *ло[шы]дей, ло[жы]леть* встречается достаточно часто в речи не только старшего поколения, но и молодежи.

чи представителей высших социальных слоев американского общества (он назвал этот вариант престижным) и в речи других социальных групп. Негры – носители American English значительно чаще, чем другие группы говорящих, опускают согласный <г> в позиции перед согласным, т. е. при произношении слов *tuna first* 'первый'.

Это – один вид варьирования, собственно *социальный* (еще его называют *стратификационным*, поскольку он отражает стратификацию языкового сообщества на слои и группы). У. Лабов называет такого рода варианты, зависящие от социальных характеристик говорящих, *индикаторами*: каждый вариант как бы указывает на социальное положение носителя языка [Лабов 1975: 50].

Кроме этого, использование допускаемых нормой вариантов может зависеть от условий речи: от стиля, жанра, степени внимания говорящего к собственной речи, офици-альности/неофициальности обстановки и т. п. Одни и те же носители языка могут выбирать разные варианты в зависимости от указанных условий. Так, в официальной обстановке, когда говорящий старается контролировать свое произношение, он выбирает более отчетливые произносительные формы: например, [тол'кл], [ч¹ иллв¹ эк], [буд¹ ьт] (*только, человек, будет*), а в непринужденной обстановке скорее всего предпочтет варианты редуцированные: [токъ], [чъллэк] и даже [ч эк], [буит] и под. Это – *стилистическое* варьирование.

Варианты такого рода У. Лабов называет *маркерами*: они маркируют различные стили речи, к которым принадлежат разные варианты одной языковой единицы.

Итак, вариативность языковых знаков зависит от параметров двоякого рода – от социальных характеристик носителей языка (и тогда говорят о социальной дифференциации языка) и от ситуации речевого общения (и тогда говорят о функциональной его дифференциации).

Возникает вопрос: на каком основании мы говорим о вариантах, вариативности? Ведь вариант – это видоизменение, разновидность какой-то основы. Но что может рассматриваться в качестве такой основы, допускающей варьирование? Какова "точка отсчета" при установлении вариативных форм?

При ответе на эти вопросы мы сталкиваемся с одним из фундаментальных лингвистических и социолингвистических понятий – понятием *языковой нормы*.

1.9. ЯЗЫКОВАЯ НОРМА

В первом приближении языковая норма – это то, как принято говорить и писать в данном обществе в данную эпоху. Иначе: **норма – это совокупность правил выбора и употребления языковых средств** (в данном обществе в данную эпоху). Понятие *нормы* неразрывно связано с понятием *литературного языка*. Литературный язык и называют часто языком *нормированным*.

Норма стоит на страже целостности и общепонятности литературного языка. Она определяет, что правильно и что неправильно, она рекомендует од-

ни языковые средства и способы выражения как "законные" (например: *документ, авторы, в клубе, печёт*) и отвергает другие как противоречащие языковому обычаю, традиции (запрещает говорить, например, *документ, автора, в клубу, пекё'т*).

Нормы исторически изменчивы, но меняются они медленно. В развитых литературных языках норма остается стабильной на протяжении многих десятилетий. Но всё же, если мы сравним русский язык XIX в. с русским языком века XX-го, то обнаружим бросающиеся в глаза расхождения между нормативными установками, которых придерживались литературно говорящие люди обеих эпох. В пушкинские времена говорили *домы, корпусы*, теперь – *дома, корпуса*. В рассказе Ф. М. Достоевского "Хозяйка" читаем: "Тут *щекотливый* Ярослав Ильич <...> вопросительным взглядом устремился на Мурина". Определение *щекотливый* употреблено здесь в смысле, близком к значению слов *деликатный, щепетильный*, и применено к человеку, т. е. так, как ни один из современных писателей его не употребит (обычно: *щекотливый вопрос, щекотливое дело*).

Такая перемена языковых норм – явление естественное. Трудно представить себе общество, в котором менялись бы социальный уклад, обычаи, отношения между людьми, развивались наука и культура, а язык на протяжении столетий оставался бы неизменным. Но хотя норма меняется вместе с развитием самого языка, в принципе она *консервативна*: коль она стоит на страже целостности и общепонятности литературного языка, то свойство консервативности ей совершенно необходимо. "Если бы литературное наречие, – писал А. М. Пешковский, – изменялось быстро, то каждое поколение могло бы пользоваться литературой своей да предшествовавшего поколения, много двух. Но при таких условиях не было бы и самой литературы, так как литература всякого поколения создается всей предшествующей литературой. Если бы Чехов уже не понимал Пушкина, то, вероятно, не было бы и Чехова, слишком тонкий слой почвы давал бы слишком слабое питание литературным росткам. Консерватизм литературного наречия, объединяя века и поколения, создает возможность единой мощной многовековой национальной литературы". Литературной нормой, по словам А. М. Пешковского, "признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет" [Пешковский 1959: 54-55].

Литературная норма выполняет важную социальную и культурную функцию. Все социально важные сферы человеческой деятельности обслуживаются нормированным языком: без него трудно представить себе функционирование науки, образования, культуры, развитие техники, законотворчество, делопроизводство и т. п. Норма играет роль фильтра: она пропускает в литературное употребление всё яркое, меткое, сочное, что есть в живой народной речи, и задерживает, отсеивает всё случайное, блеклое, невыразительное.

При этом норма динамична: она не делит средства языка жестко на хорошие и плохие, не предписывает: первые надлежит употреблять всегда, а вторые – не употреблять никогда. Правильное и уместное в одних условиях речи (например, в бытовом диалоге) может выглядеть нелепым в других (например, в научной статье). Зависимость литературной нормы от условий, в которых осу-

ществляется речь, называют *коммуникативной целесообразностью* нормы.

Существует ли норма в других подсистемах национального языка – например, в диалектах, в просторечии, в жаргонах? Ведь люди, говорящие, скажем, на севернорусском "окающем" диалекте, используют его также в соответствии с неким установившимся порядком, в согласии с многовековой традицией. Определенные традиции использования языковых средств есть и в других разновидностях национального языка. Стало быть, и по отношению к этим подсистемам мы можем говорить о норме?

Однако отличие нормы литературного языка от нормы диалекта или жаргона состоит в том, что литературная норма сознательно культивируется: она фиксируется в словарях и грамматиках, ей обучают в школе, ее пропагандируют в книгах, по радио и телевидению, всякое культурное общение людей происходит обычно в соответствии с нормами литературного языка. В диалектах, а тем более в просторечии и жаргонах этого нет: имеется *традиция* использования языковых средств, но никто из носителей диалекта не оберегает его от каких-либо влияний, не культивирует сознательно и целенаправленно диалектные образцы речи, речевого общения.

Имея в виду различие нормы культивируемой и нормы как результата длительной традиции, уругвайский ученый Э. Косериу предложил разграничивать два смысла понятия *норма*: в широком смысле "норма соответствует не тому, что "можно сказать", а тому, что уже "сказано" и что по традиции "говорится" в рассматриваемом обществе" [Косериу 1960: 175], а в узком смысле норма – это результат целенаправленной деятельности общества по отбору и фиксации определенных языковых средств в качестве образцовых, рекомендуемых к употреблению.

Усилия общества по сохранению нормы, целенаправленная разработка правил и предписаний, призванных способствовать такому сохранению и научно обоснованному обновлению норм, называется *лингвистической кодификацией*. Кодификации обычно подвергается не весь национальный язык, а только те его подсистемы (субкоды), которые наиболее важны в социальном и коммуникативном отношениях. Таким социально и коммуникативно важным средством общения чаще всего оказывается *литературный язык*, который в письменной своей форме называется *кодифицированной* подсистемой национального языка, в отличие от других подсистем, которые не подвергаются кодификации и поэтому называются *некодифицированными* (территориальные диалекты, социальные и профессиональные аргы и жаргоны, койне, пиджины).

Рассмотрим свойства каждой из этих подсистем.

1.10. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК (СТАНДАРТ)

Определение *литературный* при слове *язык* может сбить с толку и породить неправильное понимание, в соответствии с которым словосочетание "литературный язык" приравнивается по смыслу к сочетанию "язык литературы".

Исторически именно так и было: литературным называли язык, на кото-

ром создавалась художественная литература, в отличие от языка быта, ремесел, промыслов и т. п. Это характерно как для русского литературного языка, так и для большинства литературных языков Европы: исторически их основу составил язык поэзии, художественной прозы, отчасти народного эпоса и религиозной литературы.

Чтобы не было путаницы между понятиями *литературный язык* и *язык литературы*, в первом случае иногда используют термин *стандарт*, или *стандартный язык*. Например, в английской лингвистической традиции употребителен именно этот термин – *standard language, standard English*. В русской лингвистической терминологии это словоупотребление (которого еще придерживался Е. Д. Поливанов) не привилось, – возможно из-за негативного оценочного смысла, который присутствует в слове "стандартный".

Со временем содержание термина *литературный язык* радикально изменилось: литературной стали называть ту разновидность национального языка, которая наиболее пригодна для коммуникации в большинстве социальных сфер – в науке, образовании, дипломатии и юриспруденции, в деловых отношениях между людьми и учреждениями, в повседневном общении культурных людей. Язык художественных произведений – это нечто особое: основу его составляет язык литературный, кодифицированный, но широко используются элементы и любых других, некодифицированных подсистем национального языка – просторечия, диалектов, жаргонов.

Понятие литературного языка может определяться как на основе лингвистических свойств, присущих этой подсистеме национального языка, так и путем отграничения совокупности носителей данной подсистемы, выделения ее из общего состава людей, пользующихся данным национальным языком. Первый способ определения лингвистичен, второй социологичен.

Примером лингвистического подхода к выяснению сущности литературного языка может служить определение, данное М. В. Пановым: "...если в одной из синхронных разновидностей языка данного народа преодолевается нефункциональное многообразие единиц (оно меньше, чем в других разновидностях), то эта разновидность служит литературным языком по отношению к другим" [Панов 1966а: 56].

В этом определении имплицированы такие важные свойства литературного языка, как его последовательная нормированность (не просто наличие единой нормы, но и сознательное ее культивирование), общеобязательность его норм для всех говорящих на данном литературном языке, коммуникативно целесообразное использование средств (это свойство вытекает из тенденции к их функциональному разграничению) и некоторые другие. Определение обладает большой дифференцирующей силой: оно четко отграничивает литературный язык от других подсистем национального языка.

С социолингвистической точки зрения собственно лингвистический подход к определению языковых подсистем, и в частности литературного языка, недостаточен. Он не дает ответа на вопрос, кого, какие слои населения надо считать носителями данной подсистемы, и в этом смысле определения, основанные на чисто лингвистических критериях, неоперациональны. Исходя из

этого, при решении задач социолингвистического изучения языка иногда используют иной, "внешний" критерий определения понятия *литературный язык* – через совокупность носителей данного языка.

Рассмотрим применение "внешнего" критерия на примере современного русского литературного языка. Обследуя с социолингвистическими целями совокупность носителей этого языка, ученые сформулировали следующие признаки, которыми носители литературного варианта национального языка должны отличаться от лиц, пользующихся иными подсистемами (диалектами, просторечием, жаргонами):

1) русский язык является для них родным; 2) они родились и длительное время (всю жизнь или большую ее часть) живут в городе; 3) они имеют высшее или среднее образование, полученное в учебных заведениях с преподаванием всех предметов на русском языке.

Такое определение соответствует традиционному представлению о литературном языке как языке образованной, культурной части народа.

Во-первых, наблюдения показывают, что лица, для которых русский язык неродной, даже в том случае, когда говорящий владеет им свободно, обнаруживают в своей речи черты, в той или иной степени обусловленные интерференцией (см. разд. 1.7). Например, в речи украинцев, владеющих русским языком, регулярно используется звук [y] фа-рингальный вместо [г] взрывного, "положенного" по русской литературной норме; в речевой практике тюркоязычных говорящих, использующих русский язык, непоследовательно противопоставление твердых и мягких согласных (мягкий может произноситься на месте твердого: *бил* вместо *был*, а твердый – на месте мягкого: *хытрый* вместо *хитрый* и т. п.). Это лишает исследователя возможности считать таких людей однородными в языковом отношении с лицами, для которых русский язык родной.

Во-вторых, вполне очевидно, что город способствует столкновению и взаимному влиянию разнодиалектных речевых стихий, смешению диалектов. Влияние языка прессы, радио и телевидения, речи образованных слоев населения в городе проявляется гораздо интенсивнее, чем в деревне. Кроме того, в деревне литературному языку противостоит организованная система одного диалекта (хотя в современных условиях и значительно расшатанная воздействием литературной речи), а в городе – так называемый интердиалект, составляющие которого находятся между собой в неустойчивых, меняющихся отношениях. Это приводит к нивелировке диалектных речевых черт или к их локализации (например, только в семейном общении) либо к полному их вытеснению под давлением литературной речи. Поэтому люди, хотя и родившиеся в деревне, но всю свою сознательную жизнь живущие в городе, также должны быть включены – наряду с коренными горожанами – в понятие "жители городов" и, при прочих равных условиях, в понятие "носители литературного языка".

В-третьих, критерий "наличие высшего или среднего образования" представляется необходимым потому, что годы учения в школе и высшем учебном заведении способствуют более полному, более совершенному овладению нормами литературного языка, устранению из речи человека черт, которые противоречат этим нормам и отражают диалектный или просторечный узуз, – по той

простой причине, что обучение и в школе, и в вузе ведется исключительно на литературном языке.

Литературный язык обладает рядом свойств, которые отличают его от других подсистем национального языка:

1) это *кодифицированная* подсистема, о чем мы уже говорили выше; она характеризуется более или менее устойчивой нормой, единой и общеобязательной для всех говорящих на литературном языке, и эта норма целенаправленно культивируется;

2) это *полифункциональная* подсистема: она пригодна для использования в разнообразных сферах человеческой деятельности. В соответствии с многообразными сферами использования и различными функциями, которые он выполняет, литературный язык делится на разновидности (книжную и разговорную) и *функциональные стили* (научный, официально-деловой, публицистический, религиозно-проповеднический). Функциональные стили подразделяются на *речевые жанры* (подробнее об этом см. в главе 2);

3) литературный язык *социально престижен*: будучи компонентом культуры, он представляет собой такую коммуникативную подсистему национального языка, на которую ориентируются все говорящие, независимо от того, владеют они этой подсистемой или какой-либо другой. Такая ориентация означает не столько стремление овладеть литературным языком, сколько понимание его большей авторитетности по сравнению с территориальными диалектами, просторечием, социальными и профессиональными жаргонами.

1.11. ДИАЛЕКТ

Термин *диалект* (греч. *Siateicrog* от глагола *Siateyouai* - 'говорить, изъясняться') используется обычно для обозначения территориальных разновидностей языка и чаще применяется к разновидностям речи, которыми пользуются сельские жители, хотя в специальной литературе можно встретить словосочетания "социальные диалекты", "городские диалекты", "профессиональные диалекты" и т. п. Например, Е. Д. Поливанов писал о социальных диалектах и социальной диалектологии – науке, которая должна стать в один ряд с традиционной диалектологией, изучающей крестьянские говоры. В американской социолингвистике имеется немало работ о городских диалектах; в частности, к диалектам относят речь негритянского городского населения США, английский язык которого существенно отличается от других разновидностей American English. Французские лингвисты наряду с термином *диалект (dialecte)* используют термин *патуа (patois)*, который также обозначает локально ограниченную речь определенных групп населения, главным образом сельского (в другом своем значении этот термин обозначает небрежную, неправильную речь с элементами арго и жаргонов).

Территориальный, или местный, диалект по своему названию свидетельствует скорее о географическом, нежели социальном, делении языка. Однако территориальная локализованность – лишь одна из характерных черт этой под-

системы национального языка. Одновременно это и социальная языковая разновидность, поскольку местным диалектом владеет круг лиц, достаточно определенных в социальном отношении: в современных условиях, во всяком случае в русском языковом сообществе, это крестьяне старшего поколения. В. М. Жирмунский подчеркивал, что "традиционное деление диалектов на территориальные и социальные является мнимым, что всякая территориальная диалектология в соответствии с самой языковой действительностью должна быть и диалектологией социальной" [Жирмунский 1969: 23].

Отметим основные свойства территориальных диалектов, отличающие эту разновидность национального языка от всех других. К ним относятся:

- 1) социальная, возрастная и отчасти половая ограниченность круга носителей диалекта (это главным образом сельские жительницы старшего поколения);
- 2) ограничение сферы использования диалекта семейными и бытовыми ситуациями;
- 3) образование *полудиалектов* как результат взаимодействия и взаимовлияния различных говоров и связанная с этим перестройка отношений между элементами диалектных систем;
- 4) нивелирование своеобразия диалектной речи под влиянием литературного языка (через средства массовой информации, книги, систему образования и т. п.).

1.12. СОЦИОЛЕКТ

Этот термин возник в лингвистике сравнительно недавно - во второй половине XX в. Он образован из двух частей-части *социо-*, указывающей на отношение к обществу, и второго компонента слова "диалект"; это, по существу, стяжение в одно слово словосочетания "социальный диалект".

Социолектом называют совокупность языковых особенностей, присущих какой-либо социальной группе – профессиональной, сословной, возрастной и т. п. – в пределах той или иной подсистемы национального языка. Примерами социолектов могут служить особенности речи солдат (солдатский жаргон), школьников (школьный жаргон), уголовный жаргон, арго хиппи, студенческий сленг, профессиональный "язык" тех, кто работает на компьютерах, разнообразные торговые арго (например, "челноков", торговцев наркотиками) и др.

Термин *социолект* удобен для обозначения разнообразных и несхожих друг с другом языковых образований, обладающих, однако, общим объединяющим их признаком: эти образования обслуживают коммуникативные потребности *социально ограниченных* групп людей.

Социолекты не представляют собой целостных систем коммуникации. Это именно особенности речи – в виде слов, словосочетаний, синтаксических конструкций. Основа же социолектов – словарная и грамматическая – обычно мало чем отличается от характерной для данного национального языка. Так, в

современном уголовном арго имеется довольно большое число специфических обозначений, в том числе метафорических: *балда* 'голова', *кусок* 'тысяча рублей', *мент* 'милиционер', *хаза*, *малина* 'воровской притон', *хрусты* 'деньги', *шмонать* 'обыскивать', *этапка* 'пересыльная тюрьма' и т. п., но склонение и спряжение этих слов, их объединение в предложения осуществляются по общеязыковым моделям и правилам; общеязыковой является и лексика, не обозначающая какие-либо специфические реалии "профессиональной" и бытовой жизни уголовников (*Ударили меня по балде; Это он купил за два куска; На хазу нагрянули менты и обшмонали всех, кто там был*, и т. п.).

1.13. АРГО. ЖАРГОН. СЛЕНГ

Термины *арго* и *жаргон* – французские по происхождению (фр. *argot*, *jargon*), *сленг* – английский (англ. *slang*). Эти термины часто употребляются как синонимы. Однако целесообразно разграничивать понятия, скрывающиеся за этими названиями: *арго* – это, в отличие от жаргона, в той или иной степени *тайный* язык, создаваемый специально для того, чтобы сделать речь данной социальной группы непонятной для посторонних. Поэтому предпочтительнее словосочетания "воровское арго", "арго офеней" – бродячих торговцев в России XIX в., нежели "воровской жаргон", "жаргон офеней". Как считают авторы современного словаря лингвистических терминов, "...в жаргоне преобладает выражение принадлежности к [данной] группе, в арго – языковая маскировка содержания коммуникации" [Васильева и др. 1995: 38]. Но такое противопоставление касается прежде всего истории формирования жаргонов и арго. Синхронно "секретность" уголовного арго весьма относительна; те, кто борется с преступностью, как правило, владеют этим языком вполне хорошо, а идея тайно договориться на арго в присутствии предполагаемой жертвы преступления выглядит вообще наивно. Для этой цели в рамках конкретных преступных сообществ создаются разовые коды того же типа, какими, судя по кинофильмам, пользуются в открытой переписке вражеские шпионы и советские разведчики: обычным словам придаются особые тайные значения, причем так, чтобы для постороннего слушателя речь не казалась странной и имела бы свой обычный смысл, складывающийся из нормативных лексических значений. "Скрытность" же языка уголовников чаще нарочитая, показная, рассчитанная в первую очередь на сохранение групповой идентичности, на противопоставление "своих" и "не своих". В арго существует множество слов, которые, в силу незначительного отличия от нормативных, не могут претендовать на секретность (ср. *больничка* 'больница, любое медицинское учреждение', *поджениться* 'завести сожительницу'), в других случаях внешне неотличимые от нормативных единицы имеют в арго лишь несущественные для рядового носителя языка отличия в семантике. Неслучайно в арго слово *люди* обозначает лишь тех, кто соблюдает *воровской закон*; если, входя в камеру, *вор* (не любое 'лицо, совершившее кражу', как в нормативном языке, а тот, кто имеет признаваемый в уголовном мире ранг *вора в законе*) спрашивает: "*Люди есть?*", он имеет в виду принадлежа-

щих к уголовному миру. Еще одна причина существования арго – потребность в удовлетворении экспрессии. В связи с этим многие словарные единицы заменяются в арго относительно часто, другие, эмоционально менее окрашенные, остаются неизменными на протяжении столетий. Д. С. Лихачев [1935] указывает на еще одну важную причину возникновения и существования арго: особенностью воровского мышления является наличие элементов магического отношения к миру. Первобытно-магическое восприятие сказывается и на отношении к языку: неудачно, не вовремя сказанное слово может навлечь несчастье, провалить начатое дело. В связи с этим в преступном мире обычные слова заменяются арготическими, существует также ряд табуированных тем, о которых не принято говорить даже на арго. В этом отношении уголовное арго напоминает жаргонную и профессиональную речь охотников, военных и лиц других связанных с риском профессий.

Степень понятности текста на уголовном арго сильно варьирует в зависимости от тематики. Вот два текста. Первый – отрывок из бытового описания жизни заключенного [Балдаев и др. 1992: 325, 327].

После живодерни мантулю в дымогарке на угольке. Моего напарника, мужика-кирюху, трюманули за махаловку и оборотку совком по бестолковке одному животному с блудой, он у него из шаронки царапнул антрацит.

После больницы работаю в кочегарке. Моего напарника, заключенного, не принадлежащего к воровскому миру, посадили за драку в карцер. Он двинул совковой лопатой по голове мошеннику (тот был с ножом), который украл из его куртки хлеб (пер. Д. С. Балдаева).

К описанию такой, вполне обычной для преступного мира, ситуации арго хорошо приспособлено, и без специальных знаний точный смысл текста понять трудно.

Другой текст представляет собой пример использования арго в нехарактерном для него стиле. Это отрывок из шуточной "Истории отпадения Нидерландов от Испании", написанной профессиональным историком Л. Н. Гумилевым, который, дважды подвергшись сталинским репрессиям, имел возможность в тюрьме и лагере вполне овладеть уголовным арго [Снегов 1991: 202-203]:

Работяга Вильгельм Оранский поднял в стране шухер Его поддержали гезы. Мадридская малина послала своим наместником герцога Альбу. Альба был тот герцог! Когда он прихлял в Нидерланды, голландцам пришла хана. Альба распатронил Лейден, главный голландский шалман. Остатки гезов кантовались в море, а Вильгельм Оранский припух в своей зоне. Альба был правильный полководец. Солдаты его гужевались от пуза, в обозе шло тридцать тысяч шалашовок. Но Альба вскоре даже своим переел плешь. Все знали, что герцог в законе и лапу не берет. Но кто-то стукнул в Мадрид, что он скурвился и закосил казенную монету. Альбу замели в кортесы на общие работы, а вместо него нарисовались Александр Фарнезе и Маргарита Пармская, рядовые придурки испанской короны.

Понимание этого текста не вызывает особых затруднений у рядового носителя русского языка, в частности потому, что большинство из попавших в не-

го арготизмов глубоко внедрилось в современную разговорную речь.

До революции арго развивалось совершенно автономно от общеупотребительного языка; в художественной литературе арготическая и другая жаргонная лексика употреблялась почти исключительно для речевой характеристики отдельных персонажей. В СССР в 1920-е годы в связи с резким повышением социальной мобильности населения языковая норма дестабилизируется, повседневный язык пронизывается словами уголовного происхождения, часть их прочно закрепляется в разговорном стиле, и скоро их происхождение перестает осознаваться: *барахло, по благу, липовый* (в значении 'ненастоящий') и др.

С 1930-х годов в связи с усилением официального контроля за письменными текстами они становятся более нормативными, но устная речь, в первую очередь молодежный, армейский и другие жаргоны, благодаря постоянным массовым контактам представителей всех слоев общества с пенитенциарной системой находится под заметным воздействием арго. Арготическая лексика широко используется в неподцензурной художественной литературе (ср. у И. Бродского: *Челюсть с фиксой золотою блещет вечной мерзлотою; В этих шкарах ты как янки; Это я верный закон накнокал*)¹². В годы перестройки с отменой цензуры существенно арго-тизируется язык всех видов письменных текстов, средств массовой информации и публичных выступлений. Один политик характеризует своего вполне интеллигентного оппонента фразой *Пахан никогда не будет бороться со своей малиной*, другой предлагает обществу *жить по законам, а не по понятиям*. В повседневную языковую практику широких слоев населения арготизмы проникают уже не только "снизу", но и "сверху", из языка политиков и журналистов.

Заимствования из арго могут заметно менять значения. Например, *опустить* (в арго – 'придать максимально низкий социальный статус путем гомосексуального насилия') в речи современных журналистов и политиков означает 'поставить на место, унизить'; *гонник* (первоначальный, с XIX в., смысл в арго – 'оборванец', затем также 'грабитель') в современном молодежном жаргоне приобретает в качестве основного значение 'малокультурный агрессивный подросток; "качок"; "любер"', а также 'любитель "попсы", низкопробной, с точки зрения говорящего, музыки'. При перенесении уголовной фразеологии в разговорный или жаргонизированный вариант общего языка часто утрачивается внутренняя форма, ср. *дать в/на лапу* 'дать взятку' (из уголовн. *дать лапу*, где само слово *лапа* имеет значение 'взятка'); *без балды* 'всерьез, без обмана' (из *без булды*, где *булда*, ранее *бульда*, имеет значение 'педерастия'); *голый Вася* 'пусто, безнадежно' (из *голый вассер*, значение то же).

Термин *сленг* более характерен для западной лингвистической традиции. Содержательно он близок к тому, что обозначается термином *жаргон*.

Арго, жаргон, сленг – это разновидности социолекта. Специфика каждого из этих языковых образований может быть обусловлена профессиональной обособленностью тех или иных групп либо их социальной отграниченностью от остального общества. Компьютерный жаргон (сленг) – пример *профессио-*

¹² *Фикса* – металлическая зубная коронка, *шкары* – брюки, *накнокать* – заметить, узнать, сообразить

нально специфичных языковых образований, воровское арго, студенческий сленг – примеры *социально* специфичных субкодов. Иногда группа может быть обособлена и профессионально, и социально; речь такой группы обладает свойствами и профессионального, и социального жаргона (арго, сленга). Пример – солдатский жаргон, поскольку военное дело представляет собой профессию, а люди, занимающиеся этой профессией, живут своей, достаточно обособленной от остального общества, жизнью.

1.14. КОЙНЕ

Термин *койне* (греч. *κοινή* 'общий язык') первоначально применялся лишь к общегреческому языку, который сложился в IV–III вв. до н. э. и служил единым языком деловой, научной и художественной литературы Греции до II–III вв. н. э.

В современной социалингвистике койне понимается как такое средство повседневного общения, которое связывает людей, говорящих на разных региональных или социальных вариантах данного языка. В роли койне могут выступать наддиалектные формы языка – своеобразные *интердиалекты*, объединяющие в себе черты разных территориальных диалектов, – или один из языков, функционирующих в данном ареале.

Понятие *койне* особенно актуально при описании языковой жизни больших городов, в которых перемешиваются массы людей с разными речевыми навыками. Межгрупповое общение в условиях города требует выработки такого средства коммуникации, которое было бы понятно всем. Так появляются *городские койне*, обслуживающие нужды повседневного, главным образом устного, общения разных групп городского населения.

Помимо городских койне выделяют *койне ареала*, т. е. определенной территории, на которой распространен данный язык (или языки). Так, в многоязычной республике Мали (Африка) в качестве койне используется язык бама-на, имеющий наддиалектную форму [Виноградов 1990]. Понятие *койне* иногда применяется и к письменным формам языка – например, к латыни, использовавшейся в качестве языка науки в средневековой Европе.

1.15. ПРОСТОРЕЧИЕ

Просторечие – это речь необразованного и полубразованного городского населения, не владеющего литературными нормами. Просторечие можно рассматривать как разновидность койне. Сам термин *просторечие* употребителен главным образом в отечественной социалингвистике, поскольку просторечие – "наиболее русская" языковая подсистема, специфичная для русского национального языка. Если территориальные диалекты и тем более литературный язык имеют прямые аналоги в других национальных языках, то у просторечия таких аналогов нет. Ни французская подсистема *langue populaire*, ни то, что в англоязычной лингвистической литературе называется *nonstandard*

или *illiterate speech*, не являются подобиями русского просторечия, отличаясь от последнего как в отношении социальной базы (т. е. состава носителей), так и в отношении структурных и функциональных свойств.

Так, *langue populaire* только приблизительно соответствует русскому просторечию: хотя эта разновидность речи стоит между арго и фамильярным стилем литературного французского языка, она *арготизована*, т. е. насыщена элементами различных социальных арго – в гораздо более сильной степени, чем русское просторечие (правда, конец XX в. отмечен усилением влияния разнообразных арго и жаргонов на эту подсистему русского языка). Кроме того, и это главное, *langue populaire* – это не только социальная, но и стилистическая разновидность французского языка: носители литературного языка в ситуациях непринужденного общения используют элементы *langue populaire*. В русской же литературной речи просторечные единицы могут использоваться только с целью иронии, шутки, сознательного стилистического контраста и т. п.

То, что может быть сопоставлено с русским просторечием в английском языке, в частности в его американском варианте, – это так называемый *общий сленг*, который, однако, не имеет своих носителей, а является функционально-стилистической разновидностью английского языка (элементы общего сленга широко используются в средствах массовой информации; в последнее время некоторые отечественные лингвисты настаивают на том, что и в русском языке можно выделить так называемый *общий жаргон*, занимающий промежуточное положение между просторечием и социальными жаргонами: см. [Ермакова и др. 1999]).

Еще более сложная картина в немецком языке, где промежуточные (между литературным языком и территориальными диалектами) формы *Halbmundart* и *Umgangssprache* содержат целый комплекс языковых, функциональных и социальных черт, не позволяющих однозначно квалифицировать эти языковые образования и, во всяком случае, приравнивать их к русскому просторечию по статусу и свойствам.

В родственных славянских языках просторечию также нет точного соответствия. Например, *obecná čeština* – функционально-стилистическая разновидность современного чешского языка, наиболее близкая к русскому просторечию, – отличается от него одной (по крайней мере) существенной особенностью: ею могут пользоваться, главным образом в бытовых ситуациях, и люди вполне культурные (см. об этом в [Нещименко 1985]), в то время как носителям современного русского литературного языка просторечие несомненно "противопоказано" (оно воспринимается как признак низкой культуры или как сознательное "ёрничанье"). Польские городские диалекты в гораздо большей степени, чем русское просторечие, опираются на крестьянские говоры; болгарские, сербские и хорватские городские койне близки к их диалектной основе, что также отличает их от русского просторечия (см. [Толстой 1985]).

Просторечие реализуется исключительно в устной форме. Наиболее типичные сферы и ситуации реализации просторечия: семья (общение внутри семьи и с родственниками), очередь, "посиделки" во дворе коммунальных домов, суд (свидетельские показания, прием у судьи), кабинет врача (рассказ пациента

о болезни) и немногие другие. В целом по сферам функционирования просторечие сопоставимо с территориальными диалектами: и в том, и в другом случае преобладают узкобытовые и внутрисемейные ситуации общения.

Поскольку просторечие складывалось в результате смешения разных диалектных и жаргонных потоков, их преобразования в условиях городской языковой жизни, в нем сосуществуют черты южных и северных диалектов (например, и [г] взрывное, и [у] фрикативное, *чавд*, *вдуть*, *тестов*, *хотишь*, *в пальтё* и т. п.), и элементы жаргонной речи (*втихаря*, *по-быстрому*, *балдеть*, *приперлись по нахалке* и т. п., личные обращения типа *друг*, *кореш*, *хозяин* и др.) – подробнее об этом и других свойствах современного русского просторечия см. в книге [Крысин 1989]).

Иногда говорят об *анормативности* просторечия: в нем может быть представлено всё, что допускается системой данного языка, его словарными и грамматическими возможностями. Это не совсем так. Действительно, в просторечии нет нормы в узком понимании термина *норма*, поскольку данную подсистему языка никто не кодифицирует. Но просторечию, как и другим некодифицированным подсистемам языка, присуща определенная *традиция* использования языковых средств. Иное дело, что здесь гораздо шире вариативность используемых единиц: носитель просторечия может сказать и *хотишь*, и *хочешь*, и *делав*, и *дел* (родительный падеж множественного числа), и *ёздию*, и *ёздю*, и *езжу* и т. п.

1.16. ДИГЛОССИЯ И ДВУЯЗЫЧИЕ

Описанные выше термины, обозначающие подсистемы национального языка, свидетельствуют о том, что естественные языки принципиально неоднородны: они существуют во многих разновидностях, формирование и функционирование которых определяются социальной дифференцированностью общества и разнообразием его коммуникативных потребностей.

У некоторых из этих разновидностей есть свои носители, т. е. совокупности говорящих, владеющие только данной подсистемой национального языка (территориальным диалектом, просторечием). Другие разновидности служат не единственным, а дополнительным средством общения. Например, студент пользуется студенческим жаргоном главным образом в "своей" среде, в общении с себе подобными, а в остальных ситуациях прибегает к средствам литературного языка. То же верно в отношении профессиональных жаргонов: программисты и операторы ЭВМ используют компьютерный жаргон в непринужденном общении на профессиональные темы, а выходя за пределы своей профессиональной среды, они употребляют слова и конструкции общелитературного языка.

Подобное владение разными подсистемами одного национального языка и использование их в зависимости от ситуации или сферы общения называется *внутриязыковой диглоссией* (*диглоссия* – от греч. δι – дву(х)- и γλῶσσα, – язык; буквально – 'двуязычие').

Помимо этого, диглоссия может обозначать и владение разными языками, тогда термин употребляется без определения "внутриязыковая".

Понятие и термин *диглоссия* в 1959 г. ввел в научный оборот американский исследователь Ч. Фергюсон [Ferguson 1959]. До этого в лингвистике использовался (и продолжает использоваться сейчас) термин *двуязычие* – как русский перевод интернационального термина *билингвизм*. А для ситуаций, в которых могут функционировать несколько языков, принят термин *многоязычие* (ср. англ. *multilingualism*, фр. *plurilinguisme*).

Прежде чем выяснять, для чего потребовалось новое понятие *диглоссия*, рассмотрим более детально, что скрывается за термином *двуязычие*.

Двуязычие и многоязычие, как следует из буквального значения терминов, – это наличие и функционирование в пределах одного общества (обычно – государства) двух или нескольких языков. Многие современные страны дву- или многоязычны: Россия (ср. существование на ее территории, наряду с русским, таких языков, как башкирский, татарский, якутский, бурятский, осетинский и мн. др.), страны Африки, Юго-Восточной Азии, Индия и др.

Функционирование двух и более языков в обществе было бы невозможно без двуязычия отдельных членов языкового сообщества (даже если индивид владеет несколькими языками, его часто называют билингвом, а само явление – билингвизмом, или двуязычием).

Различаются три основных типа индивидуального билингвизма. При субординативном билингвизме говорящие воспринимают второй язык через призму родного: понятия соотносятся с лексическими единицами родного языка, а последние – с единицами второго языка. В силу естественного различия семантических структур двух языков при порождении и восприятии текста на втором языке неизбежны ошибки типа анекдотического перевода русского диалога: *Который час? – Два часа. – Так много? – Кому как. – Which watch? – Two watch. – Such much? – Whom how.*

При координативном (чистом) билингвизме два языка совершенно автономны, каждому соответствует свой набор понятий, грамматические категории двух языков также независимы. Смешанный билингвизм в идеале подразумевает единый механизм анализа и синтеза речи, а сосуществующие языки различаются лишь на уровне поверхностных структур. Л. В. Щерба называл такую коммуникативную систему одним языком с двумя терминами. Разумеется, реально полного изоморфизма грамматических систем двух языков не наблюдается, происходит лишь их большее или меньшее уподобление. Словарь же действительно может быть единым в плане содержания, различаясь только планом выражения.

Один из авторов данного учебника в ходе полевой работы в дер. Лёждуг Коми АССР в 1968 г. получил запись рассказа рыбака на его родном языке коми о том, как в сетях запуталась окольцованная утка-чирок. Последнее предложение выглядело так: *Снимитім кольцосэ и узнайтім, что чирокыс зимуйтэма Францияын* 'Мы сняли кольцо и узнали, что чирок зимовал [ранее, предпрошедшее время] во Франции'. Здесь носитель смешанного двуязычия при полном сохранении морфологии языка коми совершенно свободно и бессознательно-

но (показательно, что текст был им записан!) использует русскую лексику. В других контекстах в значениях 'снять', 'узнать', 'зимовать' он мог бы употребить соответствующие единицы из этнического языка: *босыпны, тддны, тдвйыны*.

Три выделенных типа билингвизма, конечно, представляют собой идеальные упрощения; у реального билингва преобладает один из них. Субординативный билингвизм по своей природе означает вторичное, неполное владение вторым языком и характерен для начинающих билингвов, но уже на ранних стадиях овладения языком ему сопутствуют элементы координативного и смешанного двуязычия. При эффективном двуязычии реально сосуществуют координативное и смешанное двуязычие (а часто и элементы субординативного) с преобладанием одного из них.

Обычно двуязычие продуктивно, т. е. билингв способен активно использовать второй язык. Особый случай двуязычия представляет пассивный (рецептивный) билингвизм – такое владение вторым языком, когда индивид его понимает, но сам текстов на нем практически не порождает. Для "двустороннего" пассивного билингвизма, когда каждый из коммуникантов пользуется своим языком, но понимает язык другого, иногда используется термин *дуалингвизм* (англ. *dual-lingualism*; явление дуалингвизма описано, например, в [Lincoln 1979]). Такое явление чаще встречается на границах распространения различных (как правило, родственных) языков.

В норме билингвы владеют хотя бы одним языком в полном объеме. Однако возможны случаи, когда общение индивида с носителями его родного языка ограничено, а уровень коммуникативного взаимодействия с носителями языка, доминирующего в языковом сообществе, невысок. В подобной ситуации адекватное знание родного языка утрачивается, а второй язык осваивается в ограниченных пределах. Это явление получило название полуязычия (англ. *semilingualism*). Лексический состав обоих языков оказывается ограниченным, а грамматическая структура упрощена [Полинская 1987]. Особые формы полуязычия образуются в условиях, когда контактирующие языки близкородственны. Так, в результате смещения украинского и русского языков возникает так называемый *суржик* (см. о нем [Труб 2000]), а смесь белорусского и русского языков получила название *трасянка* (см. [Типология... 1999: 9]).

Для полуязычия, как и для субординативного билингвизма, переключение кодов нехарактерно.

В отличие от двуязычия, диглоссия обозначает такую форму владения двумя самостоятельными языками или подсистемами одного языка, при которой эти языки и подсистемы *функционально распределены*: например, в официальных ситуациях – законодательстве, делопроизводстве, переписке между государственными учреждениями и т. п. – используется официальный (или государственный) язык, если речь идет о многоязычном обществе, или литературная форма национального языка (в одноязычных обществах), а в ситуациях бытовых, повседневных, в семейном общении – другие языки, не имеющие статуса официальных или государственных, иные языковые подсистемы – диалект, просторечие, жаргон.

Важным условием при диглоссии является то обстоятельство, что гово-

рящие делают сознательный выбор между разными коммуникативными средствами и используют то из них, которое наилучшим образом способно обеспечить успех коммуникации. Из этого ясно, что двуязычие не обязательно сопровождается диглоссией – хотя и редко, но языки билингва могут никак не распределяться в соответствии с коммуникативной ситуацией. Кодовый репертуар одноязычного индивида может быть чрезвычайно ограничен, и в различных коммуникативных ситуациях он будет использовать одну и ту же языковую подсистему. В этом случае можно говорить о его моноглоссности.

1.17. СФЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКА

Из всего, о чем говорилось до сих пор, становится ясно, что язык может обслуживать очень широкий спектр коммуникативных потребностей отдельного человека и общества в целом. В соответствии с разными областями человеческой деятельности – производством, образованием, наукой, культурой, торговлей, бытом и т. п. – выделяются разные сферы использования языка (или языков, если речь идет о неодноязычном обществе).

Сфера использования языка – это область внеязыковой действительности, характеризующаяся относительной однородностью коммуникативных потребностей, для удовлетворения которых говорящие осуществляют определенный отбор языковых средств и правил их сочетания друг с другом.

В результате подобного отбора языковых средств и правил их сочетания друг с другом формируется более или менее устойчивая (для данного языкового сообщества) традиция, соотносящая определенную сферу человеческой деятельности с определенным языковым кодом (субкодом) – самостоятельным языком или подсистемой национального языка. Так, в средневековой Европе латынь была коммуникативным средством, использовавшимся при богослужении, а также в науке. Другие сферы деятельности обслуживались соответствующими национальными языками и их подсистемами. В России роль культурного коммуникативного средства долгое время принадлежала церковно-славянскому языку. На современном Памире один из памирских языков – бесписьменный шугнанский – используется преимущественно в сфере семейного и бытового общения шугнанцев, в официальных же ситуациях, а также при общении с "чужими" они прибегают к помощи таджикского и русского языков.

Языки и их подсистемы по сферам деятельности могут распределяться нежестко: один из языков или одна из подсистем преобладают в данной сфере, но допускается использование элементов и других языков (подсистем). Так, в семейном общении жителей современной русской деревни преобладает местный диалект, он же используется ими и при производстве сельскохозяйственных работ. Однако в современных условиях чистый диалект, как мы уже выяснили выше, – редкость. Он сохраняется лишь у некоторых представителей старшего поколения сельских жителей. В речи же большинства он сильно "разбавлен" элементами литературного языка и просторечия. Так, в Белоруссии в

сфере гуманитарного образования используется белорусский язык (это поощряется официально проводимой политикой государства), но здесь можно встретить и элементы близкородственного русского языка. В сфере производства, несмотря на государственную поддержку родного языка, преобладает русский язык (в специальной терминологии, в технической документации, в профессиональном общении специалистов). Использование белорусского, естественно, не возбраняется.

1.18. РЕЧЕВАЯ И НЕРЕЧЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Термин *коммуникация* многозначен: он употребляется, например, в сочетании "средства массовой коммуникации" (имеются в виду пресса, радио, телевидение), в технике его используют для обозначения линий связи и т. п. В социолингвистике коммуникация – это синоним общения. Иноязычный термин в данном случае более удобен, так как легко образует производные, а они необходимы для обозначения разных сторон общения: *коммуникативная ситуация*, *коммуниканты* (= участники коммуникативной ситуации) и некоторых других.

Коммуникация может быть *речевой* и *неречевой* (или, в иной терминологии, *вербальной* и *невербальной* – от лат. *verbum* 'слово, выражение'). Скажем, общение людей в ряде спортивных игр (баскетбол, футбол, волейбол) не обязательно включает вербальный компонент или включает его минимально – в виде возгласов: *Пас! Беру!* и пр. Не всякая физическая работа требует словесного общения. Например, в цехах с высоким уровнем шума – штамповочном, механосборочном, литейном – обходятся без слов, но люди, работающие в таких цехах, все же общаются (например, при помощи жестов).

Значительно большая часть видов человеческой коммуникации происходит с помощью речи (ведь и язык-то предназначен главным образом для общения). Эти виды в первую очередь и интересуют социолингвистов.

Речевая коммуникация происходит в рамках коммуникативной ситуации¹³.

1.19. КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ

Коммуникативная ситуация имеет определенную структуру. Она состоит из следующих компонентов: 1) говорящий (адресант); 2) слушающий (адресат); 3) отношения между говорящим и слушающим и связанная с этим 4) тональность общения (официальная – нейтральная – дружеская); 5) цель; 6) средство общения (язык или его подсистема – диалект, стиль, а также параязыковые средства – жесты, мимика); 7) способ общения (устный / письменный, контактный / дистантный); 8) место общения.

¹³ Говоря выше о невербальной коммуникации, мы не имели в виду жестовые языки глухих. Структурная специфика этих языков такова, что их план выражения целиком ориентирован на жестикуляцию и мимику. В функциональном отношении они не уступают звуковому языку, и, разумеется, жестовая коммуникация тех, кто ими пользуются, также происходит в рамках коммуникативной ситуации.

Эти компоненты суть *ситуативные переменные*. Изменение каждой из них ведет к изменению коммуникативной ситуации и, следовательно, к варьированию средств, используемых участниками ситуации, и их коммуникативного поведения в целом.

Так, общение судьи и свидетеля в зале судебных заседаний отличается большей официальностью используемых обеими сторонами языковых средств, нежели общение этих же лиц не во время судебного заседания: меняется место, но все другие ситуативные переменные сохраняются неизменными.

Обращение судьи к свидетелю с целью выяснения биографических данных с необходимостью предполагает вопросно-ответную форму общения с соответствующими синтаксическими свойствами диалога (эллиптичность высказываний, повтор отвечающим некоторых элементов вопроса и т. п.). Обращение судьи к свидетелю с целью воспроизвести показания последнего на предварительном следствии предполагает преобладание монолога судьи и лишь подтверждающую или отрицающую реакцию свидетеля (меняется цель общения, с сохранением всех других ситуативных переменных).

Выходя из служебной роли, судья перестает находиться со свидетелем в тех отношениях, которые предписывают им обоим определенное речевое поведение. Скажем, в "транспортной" ситуации, если и тот, и другой едут в автобусе - при социальных ролях "пассажир - пассажир" - их речь, разумеется, менее официальна.

Если судья и свидетель знакомы друг с другом, то тем не менее обстановка судебного заседания и их роли предписывают им обоим официальную тональность общения; вне этой обстановки, при "возврате" к ролевым отношениям "знакомый – знакомый" (или "приятель – приятель") тональность общения может меняться на неофициальную, даже фамильярную, с использованием средств разговорного языка, просторечия, жаргонов.

Общение судьи и свидетеля на приеме у судьи (вне судебного заседания), когда общение контактно и устно, допускает эллиптированные формы речи; собственноручные же письменные показания свидетеля (дистантность и письменная форма общения) требуют эксплицитных, синтаксически законченных форм выражения.

Заметим, что в чисто иллюстративных целях, чтобы показать, как может изменяться каждая ситуативная переменная, мы в значительной степени упростили описанные ситуации, схематизировали их. В реальном же общении ситуативные переменные взаимодействуют друг с другом и каждая из них приобретает определенные значения вкупе с другими. Например, если меняется место общения, то это часто означает одновременно и изменение его цели, а также отношений между коммуникантами и тональности общения. Контактность взаимодействия говорящего и слушающего обычно связана с использованием устно-разговорных форм речи, а дистантность – письменной речи (ср., однако, общение-по телефону) и т. д.

Приведем пример записи речи одного и того же лица, рассказывающего в разной обстановке об одном и том же – о научной командировке. При сохранении темы речи изменению подвергается весь спектр ситуативных переменных:

цель, место, отношения между участниками коммуникации, тональность, контактность / дистантность, устная / письменная формы речи. Соответственно меняется весь строй речи: выбор лексики, синтаксических конструкций, интонационная структура высказываний, логическая последовательность изложения и т. п.

1. *И вот эту протоплазму надо было... нет, не примеры даже или что... найти, а всю картотеку облазить. Причем черт их знает, может, их вообще нет там, этих терминов* (беседа с друзьями).

2. *Неважно съездила: у меня ведь не было списка слов, надо было как-то исхитриться и разыскать в картотеке не отдельные термины, а всю группу терминов. Причем никто – ни завкартотекой, ни я сама – не знали, есть ли они там вообще* (разговор с сослуживцами).

3. *Очень трудно было отыскать в картотеке необходимые мне термины: я не имела точного списка, пришлось в значительной степени идти на ощупь* (устный отчет о командировке на заседании отдела).

4. *Во время командировки я собирала материал об исследуемой мною группе терминов. Несмотря на трудности – отсутствие точного списка слов и недостаточность информации о наличии терминов интересующей меня тематики в картотеке, мне удалось найти ряд лингвистически содержательных примеров* (из официального письменного отчета о командировке).

Ситуативные переменные имеют разный "вес" с точки зрения силы их влияния на характер коммуникативной ситуации. Большим весом обладают те переменные, которые отражают некоторую лингвистическую или социальную заданность структуры общения, меньшим – переменные, соответствующие многообразию реальных коммуникативных ситуаций. Число значений первых переменных конечно, значения вторых представляют собой незамкнутые множества.

Так, *цель* общения реализуется каким-либо конкретным *речевым актом*, типы которых исчислимы, с использованием определенных функций языка. Например, сообщая что-либо, говорящий прибегает к речевому акту сообщения и использует при этом язык в его информационной функции, возможно, в сочетании с эмотивной (это зависит от намерений говорящего: хочет ли он просто информировать слушающего о чем-либо или же еще и прокомментировать сообщаемое, внося свои оценки). Просьба, угроза, клятва, извинение, приказ, оправдание и тому подобные интенции говорящего облекаются в форму соответствующих речевых актов, которые отличаются друг от друга как по целям, так и по характеру совмещения в них разных функций языка.

Несмотря на то что *тональность* на первый взгляд кажется такой ситуативной переменной, которая имеет недискретные значения, в действительности говорящие не только отчетливо ощущают различия между официальным, нейтральным и дружеским (фамильярным) общением, но и знают заранее, какая тональность соответствует тем или иным коммуникативным ситуациям.

В отличие от этих переменных, *место* общения не является наперед заданной переменной, и число значений этой переменной едва ли можно при-

знать конечным. В связи с этим заметим, что и вес этой переменной меньше, чем вес таких факторов общения, как цель, отношения между коммуникантами, тональность общения и др. Изменение места коммуникации далеко не всегда ведет к изменению характера речевого поведения общающихся: если отношения между ними остаются прежними, то изменение фактора "место" оказывается нерелевантным (ср., например, общение учителя и ученика в классе и вне класса). Изменение места общения чаще всего значимо в сочетании с изменением каких-либо других условий общения. Так, если в результате изменения места усиливается зависимость одного из коммуникантов от другого, то меняется характер речевого поведения первого. Например, нарушитель дорожного движения, будучи задержан сотрудником ГИБДД, в условиях городской улицы может позволить себе вербальный протест и несогласие с применяемыми к нему санкциями в большей степени, нежели в отделении милиции, куда в случае необходимости его доставляет милиционер (зависимость нарушителя от милиционера, асимметрия их социальных отношений налицо и в том, и в другом случае, однако во втором – в отделении милиции – она, несомненно, усиливается).

1.20. РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ, РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ, РЕЧЕВОЙ АКТ

Все три термина, вынесенные в заголовок этого раздела, имеют непосредственное отношение к речевой коммуникации. Первый термин – синоним термина *речевая коммуникация*. Важно подчеркнуть, что оба синонима обозначают двусторонний процесс, взаимодействие людей в ходе общения. В отличие от этого в термине *речевое поведение* акцентирована односторонность процесса: им обозначают те свойства и особенности, которыми отличаются речь и речевые реакции одного из участников коммуникативной ситуации – или говорящего (адресанта), или слушающего (адресата). Термин *речевое поведение* удобен при описании монологических форм речи, например коммуникативных ситуаций лекции, выступления на собрании, митинге и т. п. Однако он недостаточен при анализе диалога: в этом случае важно вскрыть механизмы взаимных речевых действий, а не только речевое поведение каждой из общающихся сторон. Таким образом, понятие *речевое общение* включает в себя понятие *речевое поведение* (о разграничении терминов *речевое общение* и *речевое поведение* см. также в книге: [Винокур 1993]).

Термин *речевой акт* обозначает конкретные речевые действия говорящего в рамках той или иной коммуникативной ситуации. Например, в ситуации покупки товара на рынке между покупателем и продавцом возможен диалог, включающий разные речевые акты: запрос об информации (– *Сколько стоит эта вещь? Кто производитель? Из какого она материала?*), сообщение (– *Две тысячи; Южная Корея; Натуральная кожа*), просьбу (– *Отложите, пожалуйста, я сбегая за деньгами*), обвинение (– *Вы мне сдачу неправильно дали!*), угрозу (– *Сейчас милицию вызову!*) и др.

В середине XX в. английский философ Дж. Остин, а вслед за ним американские ученые Дж. Серль и Г. Грайс разработали *теорию речевых актов*, в которой выявили ряд закономерностей, характерных для процесса речевой коммуникации, и сформулировали принципы и постулаты, следование которым обеспечивает успех тому или иному речевому акту и в целом речевой коммуникации: например, "выражайся ясно", "будь искренен", "будь краток", "избегай непонятных выражений" и др. (см. [Грайс 1985: 222– 223]).

Делаются попытки разработать правила речевого общения, которые не только учитывали бы закономерности использования языковых средств, но и регламентировали их совмещение друг с другом в зависимости от характера коммуникативной ситуации. Примером могут служить правила речевого общения, предложенные американской исследовательницей С. Эрвин-Трипп [Ervin-Tripp 1971].

Термин *правило* С. Эрвин-Трипп употребляет для описания, а не для предписания, не для регламентации тех или иных речевых действий, т. е. для констатации некоторых нормальных, типичных актов коммуникации.

С. Эрвин-Трипп различает три типа подобных правил:

1. Правила выбора языковых средств: а) общие для всех социальных слоев; б) специфичные для разных социальных слоев и групп. Пример: выбор формы обращения, национальные и социальные различия в этом выборе.

2. Правила следования, т. е. последовательности речевых действий при коммуникации: приветствия, благодарности, прощания и т. п. В рамках этих правил рассматриваются формулы прощания, приглашений, вызова по телефону, установления коммуникативного контакта.

3. Правила совместной встречаемости; имеются в виду правила соединения в одном контексте тех или иных лексических, фонетических, интонационных, синтаксических и т. п. единиц и свойств. Типы этих правил: а) горизонтальные, определяющие отношения между единицами беседы во времени (их временную последовательность), и б) вертикальные, определяющие соотношение в данных коммуникативных условиях единиц разных уровней языковой структуры (например, в такой-то синтаксической конструкции нормально может использоваться только определенная лексика, выбор нормативной лексики должен сочетаться с нормативным произношением и т. д.).

Особо рассматриваются правила взаимодействия собеседников, когда говорящий стремится к тому, чтобы окружающие или партнер по диалогу, принадлежащие к данной социальной или профессиональной группе, признали его "своим", одобрили его речевое поведение и правила переключения с одного кода на другой при смене ситуации и социальной роли говорящего.

Следует обратить внимание на то, что перечисленные правила достаточно абстрактны. Они легко применимы к относительно простым коммуникативным ситуациям, какими являются этикетные речевые акты (типа приветствий, поздравлений, прощания и т. п.), а при описании более сложных и при этом более естественных, реальных коммуникативных ситуаций использование этих правил сопряжено с рядом неясностей и затруднений. Неясно также, насколько обязательны правила, предлагаемые С. Эрвин-Трипп. Если, например, говоря-

щий, используя сленг, придерживается литературного произношения, означает ли это, что он строит свою речь "не по правилам", отклоняется от стандартов речевого поведения? Всегда ли говорящий должен выбирать те формы общения, которые приняты в данной социальной среде, т. е. социально или профессионально окрашены, или же и его собственная, свойственная ему манера речевого поведения может обеспечить коммуникативный успех?

При всей условности рассмотренных правил идея своеобразных социолингвистических грамматик, содержащих правила социально-языкового поведения людей в различных ситуациях, весьма привлекательна и заслуживает изучения и разработки. Вместе с тем эта идея чрезвычайно трудна для реализации. Для этого необходимы по крайней мере два компонента: 1) разработанные грамматики конкретных языков, которые позволяли бы порождать не только грамматически правильные высказывания, но и разного рода разговорные конструкции, отклоняющиеся от стандарта, принятого в кодифицированном языке; 2) более или менее исчерпывающие описания всех форм социального поведения членов языкового сообщества. На современном этапе развития социолингвистики можно говорить лишь о фрагментах как того, так и другого.

1.21. КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

В процессе речевой коммуникации люди пользуются средствами языка – его словарем и грамматикой – для построения высказываний, которые были бы понятны адресату. Однако знания только словаря и грамматики недостаточно для того, чтобы общение на данном языке было успешным: надо знать еще условия употребления тех или иных языковых единиц и их сочетаний. Иначе говоря, помимо собственно грамматики носитель языка должен усвоить "ситуативную грамматику", которая предписывает использовать язык не только в соответствии со смыслом лексических единиц и правилами их сочетания в предложении, но и в зависимости от характера отношений между говорящим и адресатом, от цели общения и от других факторов, которые в совокупности с собственно языковыми знаниями составляют *коммуникативную компетенцию* носителя языка¹⁴.

Характер навыков общения, входящих в коммуникативную компетенцию и отличающихся от знания собственно языка, можно проиллюстрировать на примере так называемых *косвенных речевых актов*. Косвенным называется такой речевой акт, форма которого не соответствует его значению и цели. Например, если сосед за обеденным столом обращается к вам со следующими словами: – *Не могли бы вы передать мне соль?*, то по форме это вопрос, а по сути просьба, и ответом на нее должно быть ваше действие: вы передаете соседу солонку. Если же вы поймете эту просьбу как вопрос и ответите утверди-

¹⁴ Наряду с термином *коммуникативная компетенция* некоторые ученые используют термин *социолингвистическая компетенция*. Например, С. Эрвин-Трипп настаивает на предпочтении именно этого термина, поскольку "необходимо исключить многие формы владения неязыковой коммуникацией" [Ervin-Tripp 1973: 293].

тельно: *Да* или *Могу*, не производя соответствующего действия и дожидаясь, когда же собеседник действительно, прямо попросит вас передать ему соль, – процесс коммуникации будет нарушен: вы поступите не так, как ожидал говорящий и как принято реагировать на подобные вопросы-просьбы в аналогичных ситуациях.

Р. Якобсон обратил внимание на то, что в роли слушающего человек обладает более высоким уровнем языковой компетенции, чем в роли говорящего. "Интересной лингвистической задачей, – писал он, – является точное сравнение более высокой, как правило, языковой компетенции индивида в роли слушающего с более низкой языковой компетенцией того же индивида в роли говорящего" [Якобсон 1985: 382].

Это несоответствие отражает фундаментальное различие между двумя интеллектуальными категориями – *знанием* и *владением*. Знание – например, языка – может быть пассивным, в то время как владение языком с необходимостью предполагает наличие определенных активных навыков в обращении с языковыми средствами (подробнее см. об этом в разделе "Владение языком как социолингвистическая проблема" главы 2).

В сферу коммуникативной компетенции входят правила этикета (в русском языковом сообществе они касаются, в частности, употребления местоимений *ты* и *вы*, в японском и корейском – многообразных глагольных форм вежливости), правила общения ребенка со взрослыми (и взрослых с детьми), правила общения со "своим" и с "чужим", с "высшим", "низшим" и равным (по социальному статусу), правила соблюдения "социальной дистанции" при значительной асимметрии социального положения участников коммуникации, разнообразные поведенческие (но выражающиеся и в языке) стратегии, управляющие реализацией таких речевых актов, как просьба, требование, обвинение, угроза, обещание и многое другое.

Большая часть этих правил и стратегий – "неписаные": еще не созданы ситуативные грамматики (о чем мы говорили в конце предыдущего раздела), которые регламентировали бы речевое поведение человека в соответствии с условиями коммуникативной ситуации. Вместе с тем подавляющее большинство носителей языка владеет правилами и стратегиями речевого общения в разнообразных жизненных обстоятельствах, что обеспечивает нормальное и эффективное взаимодействие их друг с другом.

* * * *

Мы рассмотрели ряд ключевых социолингвистических понятий. Разумеется, это не исчерпывающий их список, однако в целом он достаточен для дальнейшего обсуждения проблем, методов и направлений современной социолингвистики. В ходе этого обсуждения мы будем по мере необходимости обращаться и к другим терминам и понятиям, каждый раз указывая тот смысл, в котором они употребляются.

ГЛАВА 2

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Тридцать лет назад, формулируя задачи социальной лингвистики, В. М. Жирмунский называл две главные: 1) изучение социальной дифференциации языка (в связи с социальным расслоением общества) и 2) изучение социальной обусловленности развития языка [Жирмунский 1969: 14]. В дальнейшем это мнение одного из родоначальников отечественной социалингвистики подверглось коррекции в сторону расширения круга проблем, которыми должны заниматься социалингвисты. Так, В. А. Звегинцев, хотя и считал, что у социалингвистики отсутствуют четкие границы и что некоторые исследователи (например, Д. Хаймз) непомерно расширяют компетенцию этой науки, относил к ведению социалингвистики проблемы речевого общения, эффективное изучение которых возможно только при всестороннем учете "человеческого фактора", и в частности социальных характеристик человека [Звегинцев 1976; 1982].

И всё же проблемы, о которых писал В. М. Жирмунский, являются центральными для социалингвистики, поскольку их решение позволяет, во-первых, представить тот или иной язык в реальных формах его существования, имеющих социальную обусловленность, и, во-вторых, выявить движущие силы языковой эволюции, социальные стимулы (или, напротив, препятствия) происходящих в языке изменений. Иначе говоря, решая две указанные проблемы, социалингвистика отвечает на два кардинальных вопроса: как функционирует язык и как он развивается.

Поэтому знакомство читателя с кругом проблем, которыми занимается социалингвистика, начнем с рассмотрения именно этих двух проблем. В ходе рассмотрения мы будем привлекать внимание к разным точкам зрения на решение каждой из проблем, имеющих обращение в современной социалингвистике, а при необходимости и делать экскурсы в прошлое, чтобы показать истоки тех или иных научных взглядов. Однако, прежде чем приступить к анализу социальной обусловленности функционирования и развития языка, необходимо выяснить один важный вопрос, ответ на который полезно учитывать при обращении к собственно социалингвистической проблематике. Это вопрос о самом понятии *язык* и о различиях между языком и рядом смежных понятий – *диалектом*, *наречием*, *идиомом* и др.

2.1. СООТНОШЕНИЕ ЯЗЫКА И ДИАЛЕКТА

В "Лингвистическом энциклопедическом словаре" термин *язык* имеет два взаимосвязанных значения: во-первых, язык₁ – "язык вообще, язык как определенный класс знаковых систем", и во-вторых, язык₂ – «конкретный, так называемый этнический, или "идиоэтнический", язык – некоторая реально существующая знаковая система, используемая в некотором социуме, в некоторое время и в некотором пространстве» [Кибрик 1990: 604]. Однако если не пони-

мать социум, время и пространство предельно узко, то окажется, что язык₂ является довольно сложно организованным комплексом близких знаковых систем, соотносящихся с членениями социума, времени и пространства. Для этих разновидностей языка₂ в лингвистике возникли многочисленные термины – диалект, наречие (например, *северно-великорусское наречие*), говор, социолект, литературный язык, койне, разговорный язык и т. п., причем часть терминов, возникших в разных лингвистических традициях, с трудом сводимы друг к другу, как это было показано на примере русского термина *просторечие*.

Когда лингвист исследует структуру языка, статус той разновидности языка₂, которой он занимается, часто не важен, а выявление и обоснование этого статуса может оказаться самостоятельной и совсем непростой задачей. Для таких случаев в конце концов пришлось изобретать новый термин *идиом*, обозначающий любую территориально-социальную разновидность языка¹⁵.

Говоря об "моноэтническом" языке, мы предполагаем, что язык₂ тесно связан с народом (при буквальном понимании термина должен находиться с ним во взаимно-однозначном соответствии), а социальные и территориальные варианты языка привязаны к соответствующим подразделениям народа. И в самом деле, относительно недавно русское слово *язык* имело и еще одно значение: 'сообщество тех, кто говорит на одном языке, народ', именно оно имеется в виду в знакомых с детства строках "и назовет меня всяк сущий в ней язык" – ведь дальше перечисляются представители разных народов (внук славян, тунгус, калмык). Такая метонимия не случайна, поскольку каждый народ говорит на своем языке. При перечислении важнейших признаков разных типов этносов (общность культуры, психологии, происхождения, территории, экономики, наличие самоназвания и др.) язык часто упоминается на первом месте. В то же время хорошо известны примеры, когда разные народы пользуются одним языком (англичане и американцы, аргентинцы и испанцы и др.). Один народ может пользоваться разными языками. Скажем, в недавнем прошлом евреи России и СССР в повседневной жизни говорили на идиш (ашкенази), на грузинском (грузинские евреи), татском (горские евреи), на варианте таджикского (бухарские евреи) или крымско-татарского (караимы и крымчаки), а в религиозных целях использовали древнееврейский. Таким образом, каждая группа евреев пользовалась двумя языками (неродственными), причем один из них – общий для всех групп. Может быть, под языком как признаком этноса в данном случае надо понимать именно древнееврейский? Но женщины часто владели им очень слабо, а их вряд ли стоит исключать из этноса. Возникают довольно сложные отношения: немецким языком пользуются и немцы, и часть швейцарцев, французским – французы и другая часть швейцарцев; французы и немцы – само-

¹⁵ По сути, этот термин синонимичен термину *код* в смысле, введенном в разд. 1.3. Два термина возникли независимо в разных отраслях лингвистики, и их соотношение близко к дополнительному распределению; термин *идиом* никогда не используется при обсуждении проблемы переключения и смешения кодов, и, напротив, в контексте обсуждения проблемы соотношения языка/диалекта не применяется термин *код*. Часто, впрочем, любую разновидность языка₂ лингвисты называют просто языком, не вкладывая в это слово терминологического смысла, а пользуясь лексической единицей, отражающей наивную картину мира, которая обычно содержит лишь одно понятие (язык, language, Sprache и т. д.). Но если при этом не делать оговорки под *n-ским языком ниже понимается...*, то не исключена реакция типа *Какой же это язык?* или *Нет такого языка!*

стоятельные народы. А швейцарцы – единый народ? И если да, то кто такие франко- и германо-швейцарцы?

Вот что сами люди думают по поводу собственной национальности [Климчук 1990: 96–97]:

Гродненская область Белоруссии: "Да, я поляк. Меня крестили поляком (т. е. по католическому обряду), вот я и поляк. А разве я виноват?"

Юг Брестской области Белоруссии: "Теперь я белоруска. Потому что живу в Белоруссии, сюда замуж вышла". – "А раньше?" – "Раньше была украинкой. Село, где я родилась, пятнадцать километров отсюда, это Ровенская область".

Закарпатье: "Вообще-то мы русские (т. е. восточные славяне¹⁶), теперь мы украинцы (с 1945 г. Закарпатье в составе УССР), а до войны мы были чехами (область находилась в составе Чехословакии)".

Вообще говоря, "для себя" каждый из говоривших может пользоваться другим самоназванием, здесь же они употребили "общепринятые" этнонимы, что вовсе не означает реальность их ощущения собственного единства с соответствующими народами.

Не так уж редко местные традиции вообще не знают ничего похожего на идентификацию с какой бы то ни было общностью, напоминающей этническую. На литовско-белорусско-польском пограничье издавна многие местные жители свободно говорят на нескольких языках (конечно, в первую очередь они владеют разговорными формами, которые могут заметно отличаться от литературной нормы): с литовцем из Каунаса они говорят по-литовски, с поляком из Варшавы – по-польски, с белорусом из-под Могилева – по-белорусски, с русским из Москвы – по-русски. И считают себя кто литовцем, кто поляком, кто белорусом, кто русским; но многие затрудняются соотнести себя с определенной национальностью. На вопрос "Так кто же вы?" отвечают: "Мы тутэйши" (тутошние, здешние). На вопрос "А на каком языке между собой говорите?" пожимают плечами и не вполне уверенно отвечают: "Мы по-прбсту говорим". На Земле таких мест, где люди считают себя всего-навсего "местными", а свой язык – "обыкновенным", довольно много. Иными словами, наличие четкого представления о собственной национальности и родном языке не универсально.

Выявлять, как соотносятся между собою понятия *народ* (*этнос*) и *язык* – это в первую очередь задача этнологии, но есть в ней и лингвистический компонент: не случайно классификация народов основывается на классификации языков. При этом важно понять, как соотносятся родственные идиомы, когда следует говорить о разных языках, а когда о диалектах одного языка. Начнем рассмотрение фактов с наиболее простых случаев, когда в обществе нет письменной традиции.

2.1.1. СООТНОШЕНИЕ БЕСПИСЬМЕННЫХ ИДИОМОВ

¹⁶ Комментарий исследователя не совсем верен; часто в устах жителя Закарпатья русский – одно из самоназваний, синонимичное другому – *русин* и противопоставленное названиям соседей – украинцев, словаков, венгров.

Традиционно все общества были бесписьменными и, как правило, имели соседей, с которыми поддерживали контакты разной степени интенсивности и дружелюбия; препятствием служили лишь серьезные физические преграды – горы, пустыни, большие водные пространства. Если язык соседей не был понятен, то коммуникативные потребности решались через двуязычие. Групповая идентичность поддерживалась за счет отделения мира "своих" от мира "чужих", причем категория "своих" была значительно уже того, что принято называть этносом. С возникновением классов и государств, с широким распространением отдельных религий родоплеменная идентичность постепенно утрачивается (но ее отчетливые следы могут столетиями сохраняться в оседлом обществе, как это, например, имеет место у современных черногорцев), локальная идентичность часто перерастает в региональную, возникает сословная / классовая идентичность, постепенно формируется этатическая (государственная). Часто, но отнюдь не всегда, складывается идентичность, объединяющая тех, кто говорит на взаимопонятных идиомах, но, даже явно сложившись, она может играть второстепенную роль по сравнению с остальными.

Противопоставление языков свойственно любому обществу и всегда так или иначе привязано к проблеме взаимопонимания, но само понятие взаимопонимания может быть идеологизировано на самых ранних стадиях культурной эволюции. Представители одной группы могут не хотеть понимать своих соседей даже при минимальных языковых отличиях. М. Мид [Mead 1935] описала такой любопытный факт из недавней истории папуасов-мундугуморов (по современной терминологии их принято называть биват). Среди мундугуморов запрет на каннибализм в отношении тех, кто говорит на том же языке, носит сакральный характер; ослушника должна постигнуть скорая и неизбежная смерть. Когда одна группа мундугуморов отселилась с берегов реки Юат во внутренние районы, межгруппового каннибализма не наблюдалось до тех пор, пока одному смельчаку не удалось попробовать представителя соседней группы без катастрофических последствий. В результате было решено, что язык новой группы изменился достаточно, чтобы считаться самостоятельным.

Лингвисты давно пытаются как-то объективировать критерий (взаимопонятности идиомов. По значению языковых различий для исследователей С. Е. Яхонтов делит пары идиомов на пять категорий, три из которых представляют практическую значимость и при общении самих носителей языков [Яхонтов 1980: 151-153]:

1. "Носители разных идиом¹⁷ свободно общаются друг с другом, но по особенностям произношения и отчасти лексики могут приблизительно определить, откуда каждый из них родом"; "во всех этих случаях возраст различий очень невелик". (Так соотносятся варианты английского и испанского, голландский и африкаанс, русские диалекты Сибири.)
2. "Носители разных идиом без большого труда общаются между собой, хотя возможны отдельные случаи непонимания"; "возраст

¹⁷ С. Е. Яхонтов пользуется термином *идиома*, в женском роде.

таких различий – около 500 лет или немного больше". (Так соотносятся русский с украинским, татарский с башкирским, узбекский с уйгурским.)

3. "Носители разных идиом не могут свободно общаться, но постоянно слышат в речи друг друга знакомые слова и даже короткие фразы. Говорящий на одном языке может научиться понимать другой, "постепенно привыкая" к нему, без учебника или переводчика"; "возраст таких различий – 1000–1500 лет". "Однако возможность узнавать "свои" слова в родственном языке в большой степени зависит от фонетических изменений, происходивших в этих языках". "Практически это знание может быть скорее использовано при чтении, чем при попытке понять устную речь". (Так соотносятся русский с болгарским или польским, турецкий с татарским, тайский (сиамский) и шанский.)

Другой исследователь еще сильнее огрубляет картину, утверждая, что носители родственных идиомов в речи друг друга "либо понимают очень мало (может быть, 10%) – и мы имеем дело с разными языками, либо почти всё (70% или более) – и мы имеем дело с диалектами одного языка" [Dixon 1997: 8].

На практике решать вопрос о статусе идиомов без опоры на традицию лингвистам приходится не так уж часто. Ярче всего эта проблема проявляется там, где есть необходимость быстро дать хотя бы приближенную оценку картины размещения языков на определенной территории. В ходе предварительной классификации многих сотен папуасских языков был принят следующий формальный критерий разграничения языка и диалекта. По модифицированному С. Вурмом 200-словному списку Сводеша на глазок, без компаративистских исследований, для пары идиомов выявляется общая лексика. Если ее доля превышает 81%, идиомы считаются диалектами одного языка, если же "родственных" слов менее 78% – разными языками. В пределах 3-процентного "зазора" (а в исключительных случаях – и вне его) исследователь при решении дилеммы язык / диалект основывается на том, какие именно лексические единицы оказываются "родственными"¹⁸.

Классификация Яхонтова мало что дает для объективизации противопоставления язык / диалект: уже в первом пункте в качестве примеров приводятся разные языки (голландский и африкаанс), а начало расхождению верхненемецких и нижненемецких диалектов, диалектов крайнего юга и севера Италии было положено явно ранее 1500 лет назад. Дело, конечно, не в давности *начала* расхождений, поскольку взаимные контакты могут не только сдерживать дивергенцию, но и приводить к конвергенции идиомов, между которыми сохраняется определенный уровень взаимопонятности. С. Вурм измеряет синхронную степень лексической близости независимо от дивергентно-конвергентной истории идиомов. Несмотря на упоминание процентов и дат, и С. Е. Яхонтов, и Р. Дик-

¹⁸ Аналогичным образом выявляется и иерархическое соотношение языковых групп различного ранга и распределение по ним языков. Сам замысел методики принадлежит Сводешу [Swadesh 1954: 326], однако она не была им реализована в полной мере, поскольку для языков североамериканских индейцев, известных несравнимо лучше папуасских, проблема наделения идиомов статусом языка или диалекта не стояла так остро, а их классификация уже опиралась на достижения компаративистики. За перечнями языков многих районов Африки и Южной Америки стоят сходные критерии, хотя они далеко не всегда формализованы.

сон подходят к проблеме импрессионистически. В качестве пытающихся понять друг друга абстрактных носителей идиомов оба исследователя предполагают лиц, не имеющих опыта взаимного общения. Подход С. Вурма более формализован, здесь нет самих носителей языков, но его 80-процентный критерий отражает предел возможного взаимопонимания в случае не подготовленных к взаимному контакту носителей языков, они явно не смогут понять 70% текста, как того требует Диксон, и находятся ближе всего к третьей категории Яхонтова. На европейском материале подсчеты по Вурму дадут нетрадиционный результат, различные скандинавские или иберо-романские идиомы заведомо будут отнесены к единым языкам.

В действительности способность к пониманию во многом зависит от языковой практики индивидов, которая чрезвычайно разнообразна. Проблема взаимопонятности идиомов сводится в первую очередь к общности лексики, но характер связывающих (и одновременно разделяющих) фонетических корреспонденции также важен. Иногда он обуславливает одностороннее понимание. Так, при невысоком темпе речи португальцы вполне понимают испанцев, датчане – шведов, в обратную сторону понимание заметно снижается.

Более важна проблема языковой непрерывности, которая впервые была отмечена на материале романских языков. В цепи пунктов А-В-С-D-E-...-V-W-X-Y-Z жители каждых двух соседних не замечают разницы между идиомами друг друга, жители А и Е, V и Z испытывают при общении незначительные затруднения, жители Е и V понимают друг друга с большим трудом, а для жителей крайних пунктов взаимопонимание полностью исключается. Как будто бы ясно, что идиомы А и Z относятся к разным языкам, но границу между ними провести невозможно. Явление языковой непрерывности известно в самых разных культурах: у донеолитических охотников-собирателей Австралии, кочевников Евразийской степи, земледельцев северного Индостана, хотя, разумеется, оно не является универсальным. Например, на Новой Гвинее, где применялась методика С. Вурма, непрерывности как раз не наблюдается.

Обычно такие диалектные цепи – результат дивергенции, но постоянные контакты соседей не дают развиваться языковому барьеру. Физические преграды также оказываются относительными. В культурах, ориентированных на море, оно может служить вполне удобным "путем сообщения". Например, в Центральной Микронезии существует цепь островов Сонсорол – Нгулу – Улити – Фаис – Сорол – Во-леаи – Сатавал – Пулуват – Трук¹⁹. Об истинной языковой непрерывности тут говорить не приходится, но идиомы смежных островов всегда соотносятся как близкие диалекты, а взаимопонимание между жителями Сонсорола и Трука невозможно.

Языковая непрерывность может быть и вторичной, когда на стыке родственных, но явно различающихся языковых традиций интенсифицируются социальные контакты и начинается языковая конвергенция. Такой процесс имел место во второй половине XIX – начале XX в. в Восточных Карпатах. С разви-

¹⁹ От наиболее изолированного атолла Сорол до Улити и Фаиса на севере - почти 200 км, до Нгулу на западе - 300, до Волеаи на востоке - 400 км.

тием капиталистических отношений язык западных русин подвергся значительной славянизации, в центре же русинской территории русинский идиом занимал промежуточное положение между западно- и восточнославянской традициями.

Вот как описывал в 1904 г. 70-летний старик из Собранца (тогда комитат Унг Венгерского королевства, сейчас восточная Словакия) языковую ситуацию в своем селе [Селищев 1941: 197]:

<p>Ked ja byu chlapcisko... v Sobrancí hutorili po ruski, a teraz uz l'em po slovenski. Vtedi hutorili seper, mi teraz hutorime: teraz; predtim sto chocete a de p o j d e s, a dneska <i>pez</i> [теперь], мы теперь говорим <i>teraz</i>, ranь l'em: <i>co chces a dze pujdzes</i>. Od moho chlapcousstva sitko se promenelo... Preto zochabaju ruskú besedu, bo se vidriznaju, vidriznaju z <i>pujdzes</i>. Rusnakoch, po varosoch i po bl'iznich valaloch.</p>	<p>Когда я был мальчишкой... в Собранце говорили по-русски [по-русински], а теперь уже только по-словацки. Тогда говорили <i>sepredtim sto chocete</i> ['что хотите'] и <i>de pojdes</i> ['куда пойдешь'], а сейчас только <i>co chces</i> и <i>dze pujdzes</i>. С моего детства все поменялось... Потому оставляю русский разговор, что все уда</p>
--	--

дразняться, дразнят русских и в городах, и в ближних деревнях.

Селищев квалифицирует эту речь как "[восточно] словацкую, хотя и со многими элементами украинского говорения"; кроме того, заметим, что в фонетике текста есть явные полонизмы, а в словаре – венгерские заимствования (*varos* 'город', *valal* 'деревня'). В составе Австро-Венгрии проиллюстрированный говор был звеном диалектной цепи, соединявшей словацкий и украинский языки. С передачей восточного Закарпатья СССР (сейчас – Украина) этот континуум разделился. Русинский идиом на западе продолжал словакизироваться, а на востоке началась его украинизация. Значительная группа русинов еще во времена Австро-Венгрии переселилась в освобожденную от турок Воеводину (сейчас – Сербия), где "восточно-западно-славянский" идиом подвергся "югославянизации". Там русинский язык

получил официальное признание, стал использоваться в школьном обучении. Попытки создания еще двух письменных русинских языков предпринимаются в Словакии и на Украине [в Словакии – с большим успехом). В результате для "полгаризнанного" народа с единым самосознанием развиваются три различные письменные традиции.

Выше речь шла лишь об идиомах повседневного общения. В действительности и на дописьменной стадии часто возникают средства межгрупповой (может быть, лучше сказать надгрупповой) коммуникации. Это идиомы типа койне, обслуживающие общий для нескольких групп эпический фольклор, на более поздних этапах – торговлю, отправленные распространяющихся на разные социальные общности единых религиозных культов. Соответствующий идиом обладает повышенным престижем, а общество, в котором он распространен, становится диглоссным. С возникновением письменности именно такие идиомы получают все шансы на литературное развитие. Государства, находившиеся на до-письменной стадии, были очень небольшими и объединяли почти исключительно родственные этнические группы, поэтому проблема овладения пре-

стижным идиомом не была серьезной. Социальная верхушка и не испытывала особой нужды специально распространять престижный идиом.

Важным исключением является во многом загадочное государство Тауантинсуйю, более известное как империя инков. Это единственный пример, когда огромное государство, распространившееся с севера на юг на тысячи километров, функционировало без письменности. Основные территориальные приобретения инков пришлось на 1470–1520-е годы. Значительная часть новых подданных переводилась в особую категорию зависимого населения – *митмак* и переселялась на отдаленные от исконных мест обитания целинные и слабообрабатывавшиеся земли. Из говоривших на одном языке переселенцев формировались *пачаки* (сотни семей), объединявшиеся в этнически разнородные *уаранги* (тысячи семей); в пределах уаранг, как и во всем Тауантинсуйю, языком общения становился кечуа, официальный язык государства. Митмаки составляли не менее 10% населения инкской империи, а во вновь осваиваемых районах – до четырех пятых [Березкин 1991: 109–112]. Так язык кечуа из исконной территории в центральном Перу распространился до южной Колумбии и центрального Чили.

2.1.2. УСТНЫЙ ИДИОМ И ПИСЬМЕННАЯ ТРАДИЦИЯ

С возникновением письменной традиции в государстве упрочивается диглоссия. По существу, все официальные функции переходят к письменному языку. Грамотность в пределах определенного государственного или культурного ареала становится престижной, овладевают ею немногие, и получение образования мало зависит от того, насколько родной идиом человека близок к письменному языку. В раннем Средневековье латынь была письменным языком в равной степени для романских, германских и кельтских народов. У восточных христиан разнообразие несколько больше, в отдельных церквях в качестве литературного языка используются греческий, армянский, грузинский, сирийский, коптский, геэз, церковно-славянский и ряд других, но и здесь непосредственная связь между родным идиомом индивида и литературным языком, которым он пользовался, в течение длительного времени могла отсутствовать (румыны, например, до Нового времени в качестве литературного языка использовали церковно-славянский). Положение в остальном мире было (а кое в чем и остается) сходным: у мусульман роль престижного литературного языка занимает арабский, у индуистов (как индоарийцев, так и дравидов) – санскрит, на Дальнем Востоке (не только в Китае, но и в Корее, Японии, Вьетнаме) – вэньянь. Несколько больше разнообразие в буддийской среде: на юге используется пали, на севере – вэньянь и тибетский. Значимые исключения из этого правила имелись, но их было немного.

В Европе этническое сознание начинает формироваться лишь в позднем Средневековье и современную форму у многих народов приобретает только в XIX в., а то и позднее. До возникновения "новых" письменных языков на положении диалектов латыни были не только романские, но (в функциональном отношении) и германские идиомы повседневного общения. Среднюю позицию в

языковой функциональной парадигме занимали многочисленные койне, складывавшиеся в основном в рамках феодальных владений. Именно такие региональные койне становились придворными языками, в частности потому, что феодалы нередко не знали грамоты (т. е. латинского языка). В позднем Средневековье и особенно в эпоху Возрождения многие идиомы, восходящие к региональным койне, получают письменную фиксацию. Некоторые из них распространились и за пределы своего региона, но шансы их развития оказались неравными. Провансальский, будучи "всего лишь" языком народной поэзии, стал на какое-то время достаточно популярным в романоязычном мире и даже за его пределами, однако с возникновением единого французского королевства он постепенно сдает свои позиции (северо)французскому. Тосканский, который первым из итальянских идиомов получил литературную обработку, благодаря сочинениям Данте, Петрарки, Боккаччо стал престижным по всей Италии. Но в силу феодальной раздробленности его официальные функции долго были ограничены, и в мелких итальянских государствах с XV–XVI вв. начинает достаточно успешно развиваться литература на региональных идиомах. С образованием единого государства за тосканским закрепляется статус литературного языка, а другие письменные традиции именуется диалектными, но их право на законное существование никем не оспаривается. "Переводы с диалекта на язык и с языка на диалект (в том числе и "автопереводы", выполнявшиеся самими авторами, как, например, К. Гольдони и др.) издавна были узусом литературной жизни Италии <...> Вековые традиции имеет также итальянский диалектный театр <...> Самым сильным диалектальным театром в конце XIX в. был венецианский (при этом два ведущих актера были не из Венеции, а из Пьемонта и Генуи!)" [Касаткин 1976: 176–177]. Даже в XX в. диалект в Италии медленно уступает свои позиции и проникает в новые жанры. Фильм Л. Висконти "Земля дрожит" (1946) был поставлен на сицилийском диалекте; при выходе на массовый экран (1951) он был дублирован на итальянский [Касаткин 1976: 178]. В Германии, отличавшейся гораздо большей раздробленностью, предок современного немецкого гораздо сильнее потеснил локальные письменные традиции, включая сильную нижненемецкую, долго поддерживавшуюся мощью Ганзейского Союза. Здесь причина в религиозном авторитете перевода Библии, выполненного Мартином Лютером. На крайнем западе нижненемецкой территории еще со Средневековья функционируют голландская и фризская письменные традиции. Первая из них упрочилась в рамках одного из наиболее развитых в Новое время государств мира, а территория фризских идиомов (в структурном отношении сильно отличных от нижненемецких) оказалась поделенной между Нидерландами, Ганновером, Бременом, Шлезвигом. Литературный фризский язык по существу так и не возник, а голландский в XVI–XIX вв. за пределами Нидерландов конкурировал в официальной сфере с немецким. Как язык школы и церкви он продолжал использоваться даже в единой Германии и окончательно уступил свои позиции немецкому только в XX в. [Plank 1988].

Причины, по которым набор идиомов в Европе оказался структурированным в существующую иерархию языков и диалектов, часто не связаны с собственно лингвистическими явлениями. «Романские диалекты <...> первоначально

имели равные шансы развития в полифункциональные, нормированные языки <...> Многочисленные письменные традиции (такие, как галисийская, астурийская, арагонская в Испании, гасконская, провансальская и многие другие во Франции) значительно ослабили или совсем замерли в Новое время по причине отсутствия политико-экономической самостоятельности соответствующих регионов" [Нарумов 1994: 310]. Понятия языка и диалекта в их иерархической противопоставленности, "унаследованные" от сравнительно-исторического языкознания и структурной диалектологии, легко подвергаются идеологизации, поскольку они используются не только для описания состояния внутренней структуры лингвем, но и для установления определенных иерархий типа "галисийский есть диалект испанского или португальского языка" или "корсиканский есть разновидность тосканского диалекта итальянского языка". Самостоятельных диалектов в традиционной, да чаще всего и в современной, романистике не допускается, они всегда приписываются к тому или иному литературному языку, его [их] покрывающему (ср. термин немецких романистов *Dachsprache* "язык-крыша") <...> астурийский и арагонский диалекты равноположены лежащему в основе испанского литературного языка кастильскому диалекту, так как все они являются результатом развития разговорной латыни в соответствующих регионах, в то время как андалусский диалект генетически является производным от кастильского» [Нарумов 1994: 309].

Основное свойство, декларируемое для диалектов одного языка, – взаимопонятность достигается в Европе только с введением всеобщего начального образования. "Взаимопонятными" они становятся, с одной стороны, за счет использования носителями локальных идиомов выученного нормативного языка или вариантов, близких к нормативности, с другой стороны, за счет все ускоряющейся в XX в. нивелировки различий между идиомами, попавшими под одну "языковую крышу". Показателен такой сравнительно недавний пример: король Италии Виктор Эммануил III во время поездки в 1906 г. по пострадавшей от землетрясения Калабрии прибегал к услугам переводчика [Касаткин 1976: 164].

Как говорилось выше, комплекс европейских наций в основном сложился в XIX в. В ряде случаев обслуживавшие их письменные языки оказывались по разным причинам не вполне подходящими.

В Норвегии, в течение многих столетий находившейся в унии с Данией, литературным языком был датский, но в норвежской столице сложилось норвежско-датское койне с норвежской фонетикой и в основном датской лексикой и морфологией. "В силу лексической и морфологической близости между датским языком и норвежскими диалектами датский текст мог читаться, так сказать, по-норвежски" [Стеблин-Каменский 1968: 48]. Это койне и легло в основу норвежского языка *риксмол* ('государственный язык', позднее он стал называться *букмол* 'книжный язык'). Параллельно в середине XIX в. возникло движение за создание нового языка на базе собственно норвежских диалектов, который сначала получил название *лансмол* 'язык страны', или 'сельский язык', а позднее – *нюнорск* 'новонорвежский'. Несколько упрощая, можно сказать, что оба языка пережили конвергентную эволюцию, но их нормы до сих пор заметно отлича-

ются; выходящая в Норвегии литература фактически образует континуум (правда, неравномерный) между двумя полюсами.

Сходная ситуация сложилась и в Греции, где до достижения в начале XIX в. независимости письменный стандарт был близок к новозаветному греческому. Несколько модернизированная норма, получившая название *кафаревуса*, оставалась очень архаичной, и с конца XIX в. радикальные сторонники ориентации на устно-разговорную речь стали разрабатывать новый стандарт – *димотики*. Демократизацию языка приветствовали далеко не все; публикация переводов на димотики трагедий Эсхила в начале XX в. вызвала студенческие волнения, приведшие к человеческим жертвам [Елоева 1992: 13]. Литература на новом стандарте продолжала публиковаться, но официальное признание в качестве литературного языка димотики получила только в 1973 г., после чего наметилось некоторое сближение двух норм.

Несколько по-иному складывалась ситуация в области распространения чешского языка. Здесь к XIX в. все официальные позиции занял немецкий, а чешский, имевший в Средние века довольно богатую литературу, стал бесписьменным. В процессе национального возрождения ориентация была сделана именно на средневековый язык эпохи Яна Гуса, при том что пражское койне к тому времени достаточно сильно потеснило диалекты и на территории собственно Чехии (не Моравии) превращалось в единый стандартный язык повседневного общения. Новый литературный чешский язык за XIX–XX вв. несколько модернизировался, но его устная форма используется лишь в строго официальной ситуации. Разговорный стандарт, *obecná čeština*, постепенно все чаще получает письменную фиксацию и становится сейчас уместным даже в университетской аудитории; употребление литературного языка в сколь бы то ни было непринужденной обстановке исключено. Различие двух норм можно проиллюстрировать шуточным стихотворением Эмануэля Фринты "Профессор", где синонимичные первая и третья строфы написаны на письменном и разговорном стандартах:

Pan profesor studuje¹ hýly²
a rozlične³ škodlivé býli²,
a říkává⁴ prý²:
I studovaný^{1,2}
se častokrát⁵ nepřekne⁶ zmýli².

Пан профессор изучает снегирей
и различные вредные сорняки,
и часто⁴, кажется, говорит⁴, что
даже учёный
нередко грубо ошибается.

Má předobré srdce i hlavu,
a proto ma v ulici slávu,
a nemine den
a některa z žen
ho chvalf, když nakupuje kdvu:

У него добрейшие сердце и голова,
и поэтому он славится в (своей) улице,
и дня не проходит,
чтобы кто-нибудь из женщин
не похвалил его, когда [он/она⁷] покупает
кофе:

"Von⁷ profesor študuje¹ hejly²
a rázný³ to⁸ škodlivý bejli²,

"Профессор-то изучает снегирей
и всякие такие вредные сорняки,

a říkává⁴ prej²:

I študovanej^{1,2}

se kolikrát³ vošklivě zmejli²".

и поговаривает⁴, мол,

даже учёный

часто здорово ошибается".

Примечания

¹ Германизм *studuje/studovaný* в разговорном языке употребляется с "более германским" начальным *š*: *študuje/študovaný*.

² Долгому *ý* письменного языка в разговорном во многих случаях соответствует *ej*, что отражается и на морфологической системе (ср. окончание прилагательного в *studovaný/študovanej*).

³ В письменном языке прилагательные *rozličný* и *různý* ('различный') синонимичны, но в разговорном используется только последнее, при этом отличаются падежные флексии (в письменном языке могло бы быть *různo škodlivé býli*, в разговорном - только *různý škodlivý bejli*).

⁴ В оригинале употреблен очень продуктивный в чешском длительный вид, равноупотребимый и в письменном, и в устном языке (*říkat'* говорить', *říkáváť* "часто говорить, любить говорить, говаривать'); частица *prý /prej* 'кажется; мол, дескать' указывает на неполную достоверность и используется, в частности, при пересказывании чужих слов.

⁵ В паре *častokrát/kolikrát* 'часто, много раз' второе слово письменному языку не свойственно.

⁶ Наречия *nepěkně* и *ošklivě* буквально означают 'некрасиво, дурно' и оба используются в письменном языке; в разговорном стандарте *nepěkně* неупотребимо (при том, что без отрицания, *pěkně* 'красиво', оно вполне обычно и в разговорном). *Ošklivě* в разговорном получает протетическое *v-*: *vošklivě* (как и все слова с начальным *o-*: *okno* -> *vokno* 'окно'; *ořech* -> *vořech* 'орех').

⁷ Протеза *v-* в личном местоимении *on/von* 'он', как и дублирование субъекта (*von profesor* 'он, профессор'), - признаки разговорного языка.

⁸ Указательное местоимение *to* в усилительной функции характерно именно для разговорного стандарта.

Там, где школа и средства массовой информации обеспечили в рамках государств возможность взаимопонимания, потребность в реализации региональной идентичности приводит к оживлению старых и созданию новых письменных традиций. Признание прав меньшинств часто способствует изданию на таких языках значительного количества литературы. Яркий пример – послефранкистская Испания, где, скажем, международный журнал "Курьер ЮНЕСКО" издается, кроме испанского, на каталанском и галисийском (а также неиндоевропейском баскском языке). Чисто информационной нужды в этом нет, поскольку все галисийцы и ката-ланцы двуязычны, а их языки достаточно близки к испанскому. Проиллюстрируем их близость на примере одного и того же текста из этого журнала на четырех иберо-романских языках (для сопоставления к трем названным добавлен португальский). Текст посвящен языкам межэтнического общения.

Испанский, *El Correo de la UNESCO*, Febrero 1994: Португальский, *O Correio da UNESCO*, Abril 1994:
 Hay muchas lenguas de eso tipo en el mundo. Han alcanzado esa condition por diversas razones, sea que expresen una cierta proyeccion cultural o simbolizen una supremacia politica, cosa que les confiere considerable prestigio entre las demas comunidades linguisticas. Ha muitas linguas desse tipo no mundo. Alcantaram essa condicao por diversas razoes - por expressarem uma certa projecao cultural ou refletirem supremacia politica. Dessa forma, adquiriram consideravel prestigio entre as demais comunidades linguisticas.

Галисийский, *O Correio da UNESCO*, Marzo 1994: Каталанский, *El Correu de la UNESCO*, Març 1994:
 Hai moitas linguas deste tipo no mundo. Alcazaron esa condition por diversas razons, sexa que expresen unha certa proxeccion cultural ou simbolizen unha supremacia politica, o que lies confire un considerable prestixio entre as demais comunidades linguiisticas. N'hi ha una gran varietat arreu del mon. Han adquirit aquest status per diverses raons, be sigui perque expresen una certa proxeccio cultural o bé perquè simbolitzen una supremacia politica, fet que els dona un prestigi considerable entre la resta de comunicants linguiistiques.

Все эти тексты являются независимыми переводами с английского оригинала (*The UNESCO Courier*, February 1994):

There are many of these languages in the world, and they achieve their status for a variety of reasons, one of which may be that their speakers possess some appealing cultural features or achieve cultural or political supremacy, which makes their language prestigious in the eyes of speakers of other languages. Таких языков в мире много, и они приобретают этот статус по целому ряду причин, одной из которых может быть то, что их носители обладают некими притягательными культурными особенностями либо достигли культурного или политического превосходства, придающего их языкам престиж в глазах тех, кто говорит на других языках.

Лексическая близость всех четырех языков (особенно португальского – галисийского – испанского) вполне очевидна и не может серьезно препятствовать взаимопониманию. Имея в виду попытки создания в современной Испании наряду с проиллюстрированными астурийской, арагонской и андалусской литературных традиций, ясно, что речь идет именно о попытке письменной реализации локальной субэтнической идентичности.

Классическим примером обратной ситуации является положение многих языков Китая, в первую очередь самого китайского. Единство языка держится исключительно на иероглифической письменности, даже единого стандарта озвучивания иероглифической записи не существует. Русский китаист П. П. Шмидт в начале XX в. писал: "Если бы китайцы приняли европейский алфавит, то образовалось бы по крайней мере десять новых языков" (цит. по [Москалев 1992: 144]); надо добавить, что взаимопонятность диалектов некоторых из таких языков все равно оставалась бы невысокой.

Сходную оценку давал и Сунь Ятсен, уроженец пров. Гуандун, сообщавший, что китайские торговцы, происходившие из разных провинций Южного Китая, в конце XIX в. обычно общались посредством английского пиджина. Он так описывает соотношение "диалектов" юэ и южный минь: "Хотя Шаньтоу отстоит от Гуанчжоу всего на 180 миль (к северу), тем не менее разговорные языки их так же непохожи один на другой, как итальянский и английский" (цит. по [Яхонтов 1980: 155]). Разумеется, эту непрофессиональную оценку не следует понимать буквально, генетически китайские идиомы ближе, чем английский и итальянский. Это импрессионистичное суждение примерно означает: "языки сходного строя, но совершенно невзаимопонятные".

Не удивительно, что за пределами Китая единство "китайского языка" признается не везде. Например, в Австралии, где перепись регистрирует языки населения, каждая группа китайских диалектов фиксируется как отдельный язык. Кто прав? И в Китае, и в Австралии большинство китайцев придерживаются принятых в этих странах точек зрения, что мало отражается на их этнической идентичности. Они считают себя принадлежащими к единому народу, языком культуры которого служит единый литературный китайский язык; статус разговорного идиома, используемого в повседневной практике общения, оказывается малозначимым.

Происходит также и искусственное, навязываемое сверху, консолидирование не ощущающих своего единства этносов и, как следствие, объединение их идиомов. В некоторых случаях это вполне удается, как произошло с рядом "вновь образованных" народов СССР. Яркий пример – хакасы. Вот какую характеристику получал хакасский язык в середине 1930-х годов:

"ХАКАССКИЙ ЯЗЫК, термин, принятый после советизации и в связи с развитием национальной культуры Минусинского района, для создающегося государственного языка тех национальностей, которые прежде суммарно назывались минусинскими татарами или абаканскими турками <...> Хакасский язык как их [языков "местных народностей": ак-кас, сарыг-кас, кара-кас и др.] синтетическое оформление встречается главным образом в письменной форме <...> и включает в себя ряд черт фонетики и морфологии, свойственных отдельным из этих языков" [БСЭ. 1-е изд. Т. 59: 396].

Название новому народу и языку было дано по существовавшему много столетий назад племенному объединению в районе Саян. Хакасы стали ощущать себя единым этносом, но единый языковой стандарт не привился, как и в большинстве сходных случаев.

Хорошо известны усилия по объединению сербов и хорватов в единый народ с единым языком; лингвистические предпосылки для такого объединения вполне разумны. Консолидация действительно шла, статистика Югославии в 1960–1980-х годах показывала постоянный рост "югославов" по национальности (тех, кому этническая принадлежность казалась несущественной). Но обострение межэтнических конфликтов привело к мгновенному росту этнической идентичности среди говорящих на сербско-хорватском языке, причем не только

на Балканах. Например, в Австралии среди сербских, хорватских и боснийских иммигрантов по переписи 1986 г. более половины называли свой язык югославским или сербско-хорватским, в 1991 г., с началом конфликта в Югославии, таких оказалось только 18%, а к 1996 г. "определились" уже все: 65% называли свой язык хорватским и 35% – сербским.

2.1.3. ГЕТЕРОГЕННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ТРАДИЦИИ

В западном мире принято, чтобы письменная культурная традиция придерживалась одного языка. Переключение и смешение кодов допускается лишь в речи персонажей художественных текстов или с юмористическими целями. В

России наиболее известным мастером таких текстов был И. Мятлев. Вот, например, отрывок из его "Сенсаций и замечаний госпожи Курдюковой за границую, дан л'этранже":

Патриот иной у нас
Закричит: "Дю квас, дю квас,
Дю рассольчик огуречный!"
Пьет и морщится, сердечный:
Кисло, солоно, *мове*,
Ме се рюс, э ву саве:
Надобно любить родное,
Дескать, даже и такое,
Что не стоит ни гроша!

Же не ди па, ла каша
Манная, авек де пенки,
Ла морошка, лез опенки,
Поросенок су ле хрен,
Ле кисель э ле студень
Очень вкусны; но не в этом
Ле патриотизм! Заметим,
Что он должен быть в душе!
В кушанье *c 'em en neuiel*

(Использованы следующие французские единицы: *du* – партитивный артикль: *du квас* '[хочу] квасу'; *mauvais, Mais c'est russe, et vous savez* 'гадко, Но это русское, и вы знаете'; *Je tie dis pas* 'я не говорю'; *la, des, les, le* - артикли; *avec V; sous* 'под'; *c'est un peche* 'это грех'.)

В многоязычной Индии положение было и во многом остается иным. "В классических пьесах Калидасы, Бхасы и других языки распределяются по социальному принципу: цари и знатные господа говорят на санскрите, знатные дамы – на шаурасени, простолюдины – на магадхи, женщины поют на махараштри" [Елизаренкова 1990: 391]; шаурасени, магадхи и махараштри – среднеиндийские языки начала нашей эры с различной территориальной привязкой (северо-западная, восточная и центральная Индия). В дравидийских литературах Южной Индии широко практикуется смешение кодов. Существует особая форма тамильского языка *manippravaalam*, в которой тамильские предложения или их части замещаются текстом на языке заимствования. "В средневековой литературе в качестве последнего выступал санскрит <...> В наше время (в особенности в устной речи, а также и в художественной литературе) место санскрита занимает английский, и порой бывает трудно определить, каким же языком пользуется говорящий – тамильским или английским" [Андронов 1983: 39].

То же произошло и в складывавшейся независимо от западных традиций гавайской литературе. Вот первый куплет гавайской песни *Ku'u rua i Paoa-kalani* ("Мой цветок в Паоа-ка-лани"):

E ka <i>gentle breeze</i> e <i>waft</i> mai nei	О <i>легкий бриз</i> , доносящийся сюда,
Ho'ohali'ali'a mai ana ia'u	Навевающий мне воспоминания
'O ku'u <i>sweet never fading flower</i> I	О моем <i>сладком никогда</i>
<i>bloom</i> i ka uka o Paoa-ka-lani.	<i>не увядающем цветке,</i>
	Который <i>расцвел</i> в глубине [парка]
	Паоа-ка-лани.

Имея в виду особенности сверханалитичной гавайской грамматики, можно сказать, что граница кодов проходит здесь даже внутри того, что является аналогом нашей глагольной словоформы. Так, вербальная составляющая *e waft mat nei* 'доносящийся' оформлена рамочным показателем континуальности *e ... nei*, внутрь которого в постпозиции к неизменяемому знаменательному слову (в данном случае – английскому) включается показатель направления действия (*mat*, к говорящему). Автор песни – королева Лилиу-о-ка-лани, естественно, прекрасно владела гавайским культурным наследием, ее поэзия целиком лежит в рамках традиции²⁰. До открытия островов европейцами гавайцы не имели языковых контактов, и язык не мог рассматриваться как элемент идентичности. Во второй половине XIX в. в условиях полного билингвизма значительной части населения королевства (независимо от этнического происхождения) переключение кодов стало неотъемлемой особенностью языкового поведения. Пурризм не был свойствен и гавайской литературе этого периода, как раз переживавшей расцвет. В европейских культурах внешне сходный поэтический прием не случайно называется макаронизмом (от ит. *maccherone* 'паяц, балагур'): переключение кодов в поэзии всегда воспринимается юмористически.

В наши дни в двуязычном социуме, противопоставляющем себя монолингвам, элементом идентичности, который обладает для его членов высокой символической ценностью, может оказаться само двуязычие. Так, например, в испано-американской среде на юго-западе США под названием Spanglish институализировалась смешанная речь с постоянным переключением и смешением кодов. Письменную фиксацию она получает редко, но широко представлена в средствах массовой информации. В японском документальном фильме о языках национальных меньшинств (Kotoba-no Seikimatsu, NHK ETV) диск-жокей одной из техасских радиостанций говорит: "Я не задумываюсь о переключении кодов²¹ с английского на испанский, с испанского на английский – это тот самый язык второго поколения мексикано-американцев, на котором я говорю с детства". А вот его типичная фраза в эфире: ***All right, all right, recordan-do una vez mas: tomorrow night it's gonna happen en el parque Rosdeo, Tejano Thunder! Be there!*** 'Ладно, ладно, напоминаю еще раз: завтра вечером это случится в

²⁰ Прочитанная песня относится к жанру *меле иноа* – песен, предназначенных для прославления определенного лица, в данном случае Дж. Уил-сона, который вместе с цветами из королевского парка Паоа-ка-лани тайком передавал газеты находившейся одно время под домашним арестом королеве.

²¹ Ди-джей пользуется термином *code switching*, хотя с точки зрения лингвиста здесь не переключение (switching), а явное смешение кодов.

парке Росдео, Tejano **Thunder!** Будьте там!' Показательно, что даже само название рекламируемой местной группы, которое, вероятно, надо переводить как *Гром-по-черепице*, двуязычно: *tejano* – от исп. *teja* 'черепица', *thunder* – англ. 'гром'.

* * *

Итак, каково же соотношение языка и диалекта? Несмотря на то что это противопоставление родилось в рамках "чистой" лингвистики, там оно не является необходимым. «При синхронном лингвистическом описании некоторой локальной лингвистической разновидности, при исследовании ее истории или определении ее генетической, типологической или даже ареальной отнесенности применение по отношению к ней терминов "язык" или "диалект" (а также в ряде случаев "наречие" или "говор") практически безразлично: оно не является здесь квалификационным (хотя иногда употребление термина "диалект"» вместо "язык" может и затемнить общую лингвистическую картину данного ареала в целом) [Эдельман 1980: 128-129].

Анализ социолингвистического материала показывает, что решающее мнение в этом вопросе принадлежит самим носителям языка. К числу "объективных" показателей разграничения языка и диалекта относится взаимопонятность и/или наличие престижного наддиалектного идиома (устного или письменного), а также политико-экономического центра интеграции носителей родственных идиомов.

2.2. СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЯЗЫКА

Проблема социальной дифференциация языка имеет давнюю традицию в мировой лингвистике. Она берет свое начало с известного тезиса И. А. Бодуэна де Куртенэ о "горизонтальном" (территориальном) и "вертикальном" (собственно социальном) членении языка [Бодуэн де Куртенэ 1968]²². Этой проблеме в первой трети XX в. уделяли внимание такие известные представители французской социологической школы в языкознании, как А. Мейе, ученики знаменитого швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра – А. Сэшеэ и Ш. Балли, Ж. Вандриес (Бельгия), А. Матезиус и Б. Гавранек (Чехословакия), Э. Сепир (США), Дж. Фёрс (Англия) и другие. Значителен вклад в изучение этой проблемы отечественных языковедов – Е. Д. Поливанова, А. М. Селище-ва, Р. О. Шор, Л. П. Якубинского, Б. А. Ларина, В. М. Жирмунского, М. Н. Петерсона, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, М. М. Бахтина и других.

Для современного этапа разработки этой проблемы характерны следующие особенности:

1. Отказ от широко распространенного в прошлом прямолинейного

²² Любопытно, что такого же понимания и употребления терминов-метафор *горизонтальное* и *вертикальное* членение языка придерживается американский социолог Дж. Хертцлер [Hertzler 1965: 308 и след.]. Однако в его книге, появившейся полвека спустя после указанной работы И. А. Бодуэна де Куртенэ, имя последнего не упоминается. По-видимому, в данном случае речь должна идти об обычном совпадении, а не о заимствовании, так как едва ли Дж. Хертцлер знал о работах Бодуэна де Куртенэ.

взгляда на дифференциацию языка в связи с социальным расслоением общества. Согласно этому взгляду расслоение общества на классы прямо ведет к формированию классовых диалектов и "языков". Особенно отчетливо такая точка зрения была выражена А. М. Ивановым и Л. П. Якубинским в их книге "Очерки по языку" (1932), а также Л. П. Якубинским в работах "Язык пролетариата", "Язык крестьянства" и других, опубликованных в 1930-е годы в журнале "Литературная учеба".

Более убедительной и в настоящее время разделяемой большинством лингвистов является точка зрения, согласно которой природа и характер отношений между структурой общества и социальной структурой языка весьма сложны, непрямолинейны. В социальной дифференциации языка получает отражение не только и, может быть, даже не столько современное состояние общества, сколько предшествующие его состояния, характерные особенности его структуры и изменений этой структуры в прошлом, на разных этапах развития данного общества. В связи с этим необходимо помнить неоднократно высказывавшийся языковедами прошлого, но не утративший своей актуальности тезис о том, что темпы языкового развития значительно отстают от темпов развития общества, что язык в силу своего предназначения быть связующим звеном между несколькими сменяющимися друг друга поколениями гораздо более консервативен, чем та или иная социальная структура.

"Социальная дифференциация языка данного общественного коллектива, – писал по этому поводу В. М. Жирмунский, – не может рассматриваться статически, в плоскости синхронного среза, без учета динамики социального развития языка [и, добавим, общества]. Язык данной эпохи, рассматриваемый в его социальной дифференциации, всегда представляет систему в движении, разные элементы которой в разной мере продуктивны и движутся с разной скоростью. Механическое сопоставление последовательного ряда синхронных срезов также не в состоянии воспроизвести динамику этого движения. Описывая структуру языка с точки зрения ее социальной дифференциации, мы должны учитывать ее прошлое и будущее, т. е. всю потенциальную перспективу ее социального развития" [Жирмунский 1969: 14].

2. С отказом от прямолинейной трактовки проблемы социальной дифференциации языка и признанием сложности социально-языковых связей сопряжена другая особенность разработки указанной проблемы в современном языкознании: при общей тенденции к выявлению системных связей между языком и обществом социолингвисты указывают на механистичность и априоризм такого подхода к изучению данной проблемы, который декларирует полную изоморфность (полную соотносительность свойств) структуры языка и структуры обслуживаемого им общества.

Преувеличенное и потому неправильное представление об изоморфности языковой и социальной структур в определенной мере объясняется отсутствием до сравнительно недавнего времени конкретных социолингвистических исследований – в трактовке социально-языковых связей преобладал умозрительный подход. С появлением работ, опирающихся на значительный по объему языковой и социальный материал, шаткость теории изоморфизма стала более оче-

видной.

Как показывают эти исследования, социальное достаточно сложно трансформировано в языке, вследствие чего социальной структуре языка и структуре речевого поведения людей в обществе присущи специфические черты, которые хотя и обусловлены социальной природой языка, но не находят себе прямых аналогий в структуре общества. Таковы, например, типы варьирования средств языка, зависящие от социальных характеристик говорящих и от условий речи (социальная и ситуативно-стилистическая вариативность по Лабову; см. [Лабов 1975]).

"Нет простого и очевидного соответствия между характером социальных и экономических условий, с одной стороны, и языковыми особенностями – с другой, – пишет современный немецкий лингвист М. Бирвиш. – Иначе говоря, основные различия между экономически неоднородными социальными группами не имеют прямого отражения в системе языковых разновидностей, существующих в данном языковом сообществе" [Bierwisch 1976: 420].

Даже в тех случаях, когда социальные факторы выступают в качестве детерминантов речевого поведения, между этими факторами и обуславливаемой ими языковой неоднородностью нет взаимно-однозначного соответствия. Например, от структуры отношений между участниками общения в значительной мере зависит выбор говорящими функциональных стилей языка, однако между типами этих отношений (официальные – нейтральные – дружеские) и функциональными стилями нет полного соответствия: при официальных отношениях могут использоваться и официально-деловой, и научный, и публицистический стили, а один и тот же стиль, например научный, может применяться и при официальных, и при нейтральных, и даже при дружеских отношениях между участниками коммуникативной ситуации.

Кроме того, механизм изменения стилистического рисунка речи неадекватен механизму изменения тональности речевого общения – ослабление социального контроля над речевым поведением коммуникантов (например, при переходе от официальных отношений к неофициальным) не ведет к снятию контроля нормативно-языкового (обычно общающиеся продолжают придерживаться принятых в данном языке норм).

3. Для разработки проблемы социальной дифференциации языка в современной социолингвистике характерен более широкий, чем прежде, взгляд на эту проблему. Она начинает рассматриваться в контексте варьирования средств языка (которое может обуславливаться как социальными, так и внутриязыковыми причинами); в том числе и таких средств, которые принадлежат к относительно однородным языковым образованиям, каким является, например, литературный язык.

Некоторые исследователи говорят об уже сформировавшейся теории варьирования, которая описывает различные колебания в языке и в его использовании. Эта теория опирается на постулат, согласно которому реальное речевое поведение человека определяется не только его *языковой компетенцией*, но и знанием социально обусловленных *коннотаций*, т. е. смыслов, сопутствующих основному значению слова. М. Бирвиш, например, считает, что, поскольку

разные люди усваивают язык в разных социальных условиях, они в результате овладевают "разными грамматиками языка" и описывать эти различия надо с помощью особых "расширительных правил" (extension rules), которые учитывают сведения как о самих языковых единицах, так и об их коннотациях [Bierwisch 1976: 442 и след.]. В непосредственную связь с таким аспектом изучения социальной дифференциации языка можно поставить и все более настойчивые попытки ученых отказаться от слишком "жесткого", опирающегося исключительно на социальные критерии подхода к расслоению языка на различные подсистемы и привлечь для решения этой проблемы функционально-стилистическую варьированность языковых образований.

Такие социальные категории, как *статус, престиж, социальная роль*, некоторые исследователи рассматривают в качестве факторов, влияющих на стилистическое варьирование языка. Чешский лингвист И. Краус положил в основу предложенной им классификации именно эти категории при исследовании стилеобразующих факторов, среди которых он различает: 1) связанные с характером языковых сообщений и их функцией, 2) связанные с ориентацией говорящего на слушающего и 3) связанные с оценкой личности говорящего [Краус 1971]. Внимание к фигуре говорящего как к одному из основных факторов, обуславливающих варьирование речи, выделение различных типов говорящих в зависимости от социальных и ситуативных признаков характерно для ряда современных исследований в области стилистики. Таково, например, новаторское для своего времени исследование У. Лабова, в котором фонетическая вариативность современного американского варианта английского языка (American English) рассматривается в зависимости от социального расслоения говорящих и от стилистических условий речи.

Плодотворную попытку связать ролевую структуру поведения человека с функционально-стилистической дифференциацией языка предпринял петербургский лингвист К. А. Долинин. По его мнению, функциональные стили – "это не что иное, как обобщенные речевые жанры, т. е. речевые нормы построения определенных, достаточно широких классов текстов, в которых воплощаются обобщенные социальные роли – такие, как ученый, администратор, поэт, политик, журналист и т. п. Эти нормы – как и всякие нормы ролевого поведения – определяются ролевыми ожиданиями и ролевыми предписаниями, которые общество предъявляет к говорящим (пишущим). Субъект речи (автор) знает, что тексты такого рода, преследующие такую цель, надо строить так, а не иначе, и знает, что другие (читатели, слушатели) ждут от него именно такого речевого поведения" [Долинин 1978: 60]. Функциональные стили отражают "традиционное представление о данного рода деятельности, сложившееся в данной культуре, ее (деятельности) социальный статус, – т. е. как на нее смотрят в обществе, какие требования предъявляют к тем, кто ею занимается, – опять-таки ролевые предписания и ролевые ожидания, которые, будучи приняты субъектом, определяют его отношение к себе как исполнителю роли, к адресату речи как ролевому партнеру и к предмету речи как объекту ролевой деятельности" [Там же: 62].

Отмечая сравнительную новизну "социально-стилистического" аспекта

изучения социальной дифференциации языка, надо, однако, сказать, что предпосылки к социологической интерпретации стилистических различий в языке были заложены в работах языковедов первой половины XX в. В этом отношении особенно показательны труды академика В. В. Виноградова, для лингвистической концепции которого был весьма характерен *социально-стилистический* анализ языка.

Исследуя историю русского литературного языка XVII–XIX вв., В. В. Виноградов настаивал на конкретно-историческом характере описания различных его подсистем. Такие понятия, как просторечие, простонародный язык, чиновничий язык, солдатский жаргон и другие, трактовались им по-разному в зависимости от того, к какому этапу развития русского языка эти понятия прилагались. Говоря, например, о различиях между просторечием и простонародным языком в конце XVIII – начале XIX в., В. В. Виноградов писал:

«...Понятие просторечия охватывало широкую, ненормированную, разнородную область фамильярно-бытовых стилей "не офранцузившегося" дворянства, духовенства, разночинной интеллигенции и даже мещанства. Просторечие претендовало на роль национального выразителя коренных русских бытовых начал – в отличие, с одной стороны, от ученого, книжного, "славянского" языка, а с другой – от чужих, заимствованных, по преимуществу французских форм речи русских европейцев <...>. Просторечие представляло пеструю смесь "народных", т. е. не имевших узкообластного значения, слов и идиом городского общеупотребительного говора <...> общеупотребительных профессионализмов и арготизмов <...> и подвижного фонда выражений из различных социальных стилей буржуазно-дворянской и мещанско-крестьянской устной речи» [Виноградов 1935: 387].

Простонародный язык, в отличие от просторечия, по Виноградову – это «обиходный язык крестьянства (независимо от областного деления на диалекты), дворни, городских ремесленников, мещанства, мелкого чиновничества, вообще мелкой буржуазии, не тронутый просвещением. Он вклинивался в просторечие, питался его формами и пополнял их <...>. Вообще граница между просторечием и простонародным языком была очень подвижной, извилистой <...>. В своих "низких", наиболее далеких от сферы литературного повествования формах дворянское просторечие сливалось с простонародностью» [Там же: 392].

При изучении русского литературного языка, его истории В. В. Виноградов за стилистическими разновидностями литературного языка стремился увидеть их "социальную подоплеку", а во взаимоотношениях литературного языка с просторечием, диалектами, жаргонами – взаимные связи коллективов носителей этих языковых подсистем.

Для понимания того, как В. В. Виноградов объяснял социальное расслоение языка, важно неоднократно выдвигавшееся им положение о социально-экспрессивной окраске, присущей языковым средствам. Характерно, что он рассматривал ее в связи с социально-коммуникативной закрепленностью различных функциональных разновидностей речи. В этом он предвосхитил некоторые идеи современной социолингвистики о зависимости речи от ситуации и

от социальных ролей коммуникантов. Вот что, например, он писал о разновидностях диалога:

«В общественном сознании закрепились шаблоны диалогов, дифференцированных по типичным категориям быта. Так, говорится: "официальный разговор", "служебный", "интимный", "семейная беседа" и т. п. Даже с представлениями о разных формах социального взаимодействия, каковы, например, "судебный процесс", "дискуссия", "прения" и т. п., у нас соединяются определенные ассоциации о сопровождающих их формах речеведения. Как существуют разные виды социально-экспрессивной окраски слов, так есть и разные типы социально-экспрессивных разновидностей диалога» [Виноградов 1965: 161].

Указывая на гетерогенный характер языковых образований, которые традиционно рассматривались как нечто целое (имеются в виду социальный диалект, профессиональный жаргон, крестьянский говор), на их чрезвычайно сложное и в разные эпохи различное дробление в зависимости от ряда факторов, В. В. Виноградов призывал учитывать социальную и стилистическую окраску, которую несут на себе слова, попадающие в литературную речь из некодифицированных разновидностей русского национального языка. Его собственные характеристики языковых средств с этой точки зрения представляют собой блестящий образец социолингвистического анализа языковых фактов.

За каждым фактом языка В. В. Виноградов видел социальное лицо носителя языка, и его стилистические квалификации тех или иных слов и оборотов являются одновременно и социальными их характеристиками. Можно сказать, что В. В. Виноградов стоял у истоков *социостилистики* – социолингвистической дисциплины, которая лишь в последнее время получает систематическое развитие.

При сравнении современных социостилистических исследований с работами В. В. Виноградова надо отметить увеличивающуюся детальность анализа, стремление обнаружить социальные различия на всё более мелких "участках" языковых образований.

Так, социально обусловленная вариативность средств обнаруживается даже в такой подсистеме национального языка, как язык литературный, единство и нормативность которого сознательно культивируются и охраняются общественными и научными институтами. Современные исследователи различают литературный язык как теоретический конструкт и как данность, как реальную коммуникативную систему, функционирующую в тех или иных конкретных национальных условиях: "единый литературный язык является скорее тенденцией или идеальным заданием, нежели реальностью" [Степанов 1969: 308]. В действительности же "в синхронном срезе национального литературного языка может иметь место его функциональная дифференциация, объясняемая: а) существованием региональных вариантов или субстандартов литературного языка; б) социальной стратификацией литературного языка" [Ярцева 1977: 12].

Современный русский литературный язык не является в этом отношении исключением. Для всей его системы характерна вариативность средств, обусловленная не только функционально-коммуникативными факторами, но и факторами социальными – различиями говорящих по возрасту, роду занятий,

уровню и характеру образования и некоторым другим признакам.

Социально маркированы также **оценки** фактов языка его носителями. То, что воспринимается нейтрально представителями одних социальных групп, у представителей других вызывает протест или раздражение, а третьи отстаивают его как единственно возможный способ выражения. Те или иные языковые единицы могут оцениваться как символы принадлежности говорящего к определенной социальной группе. Например, произношение [шы]гм, [жы]/?а характерно для старшего поколения потомственных москвичей, употребление форм [что], *конё[чн]о* свойственно речи петербуржцев, произношение полумягких [ж], [ш] в иноязычных словах типа *жюри*, *брошюра* обнаруживается в речи некоторых представителей старой интеллигенции и т. п. (подробнее об этом можно узнать из работы [Крысин 2000]).

Характеризуя в целом современный этап в разработке проблемы социальной дифференциации языка, надо подчеркнуть интерес исследователей к промежуточным образованиям – *полу диалектам*, *интержаргонам*, которые формируются во многих национальных языках и обусловлены интеграционными процессами, происходящими в современных обществах (сближением различных социальных слоев и групп, миграционными процессами, урбанизацией населения и связанным с этим объединением в условиях города разнодиалектных и разноязычных групп людей, увеличением социальной мобильности и т. п.).

2.3. СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ ЭВОЛЮЦИИ

В тесной связи с проблемой социальной дифференциации языка находится проблема социальных условий, в которых существует и развивается каждый конкретный язык. И теснота такой связи вполне понятна: социальная дифференциация языка на том или ином синхронном срезе является результатом его развития, в котором немаловажную роль играют социальные факторы, и наоборот, характер развития языка, специфика его функционирования могут в той или иной степени обуславливаться его социальной структурой.

Идея социальной обусловленности языковой эволюции отнюдь не нова. Она следует из аксиомы, согласно которой язык есть явление общественное, а коли это так, то, естественно, развитие языка не может быть полностью автономным: оно так или иначе зависит от развития общества. Вопрос заключается в том, как именно изменения в общественной жизни влияют на изменения в языке, каков механизм такого влияния.

Ответ на этот вопрос мы находим в работах ряда отечественных и зарубежных ученых. Особое место в этом ряду занимают труды Евгения Дмитриевича Поливанова (1891–1938), которому принадлежат многие новаторские для его времени мысли о социальной обусловленности развития языка. Кое-что из высказывавшегося Е. Д. Поливановым в 1920-е годы получило отклик и дальнейшее развитие лишь много лет спустя – в 60–70-е годы XX в. Для понимания современного состояния социолингвистики полезно выяснить, что из лингвистических

тического наследия выдающегося ученого восприняли нынешние исследователи языка.

2.3.1. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Е. Д. ПОЛИВАНОВА

Рассматривая вопрос о социальной обусловленности языка, Е. Д. Поливанов неоднократно указывал, что в прошлом языковеды уделяли недостаточное внимание социальным причинам языковых изменений. В лучшем случае это делалось декларативно, а в конкретных лингвистических исследованиях "социальная сторона языкового процесса на деле оставалась почти без внимания" [Поливанов 1968: 52]. В действительности же наука о языке должна быть не только естественно-исторической, но и социологической.

Важнейшим компонентом социологической лингвистики Е. Д. Поливанов считал теорию языковой эволюции, точнее – ту ее часть, которая должна иметь дело с выяснением социальных причин языковых изменений. Указывая на задачу изучения процессов, происходивших в русском языке после 1917 г., как на одну из актуальных задач отечественного языкознания, он подчеркивал, что для понимания этих процессов и для предвидения их развития в будущем необходимо "общее учение об эволюции языка <...>. Иначе говоря, мы нуждаемся в лингвистической историологии", т. е., пояснял Е. Д. Поливанов, в учении "о механизме языковой эволюции" [Поливанов 1931: 25].

Придавая большое значение социальному контексту, в котором развивается язык, Е. Д. Поливанов в то же время предостерегал от фетишизации социальных факторов, от попыток всё в языке объяснять воздействием экономических и политических сил (такой подход был характерен для марризма). В языке действуют и его внутренние законы, "устанавливаемые для языка вне времени и пространства", социальными же факторами бывает "предопределена конечная цель языкового развития" [Поливанов 1928: 175]. «Признание зависимости языка от жизни и эволюции общества, – писал он в одной из своих статей, – вовсе не отменяет и не отрицает значения естественно-исторических "теорий эволюции" языка» [Поливанов 1928: 40].

Какие же закономерности вскрывает лингвист, исследующий язык под социальным углом зрения? В развитии языка, считал Е. Д. Поливанов, сложно взаимодействуют собственно языковые, внутренние, и внешние, социальные факторы. Характер этого взаимодействия и роль каждой группы факторов он подробно анализирует в ряде своих работ. Он приходит к выводу, что социальные факторы не могут изменять природу языковых процессов, но от них "зависит решение 1) быть или не быть данного рода языковой эволюции вообще и 2) видоизменение отправных пунктов развития" [Поливанов 1968: 211].

Ход языкового развития Е. Д. Поливанов сравнивал с работой поршней паровоза. Подобно тому как какой-либо общественный сдвиг не может заставить поршни двигаться не параллельно, а перпендикулярно рельсам, какой-либо фактор экономического или политического характера не может изменить

направление фонетических и других процессов, т. е. "чтобы, например, вместо *ц* или *ч* (из *к* смягченного) получился какой-нибудь другой звук – *ф*, *х*, *э* или т. п." [Там же: 1968: 226].

Социальные факторы влияют на язык не непосредственно. Основной путь их воздействия, по мнению Е. Д. Поливанова, таков: "Экономико-политические сдвиги видоизменяют контингент носителей языка (или так называемый социальный субстрат) данного языка или диалекта, а отсюда вытекает и видоизменение отправных точек его эволюции" [Там же: 86]. Яркий пример такого рода видоизменений дает русский литературный (или, как называл его Е. Д. Поливанов, стандартный) язык послереволюционной эпохи. В конце 1910-1920-х годов значительно изменился состав носителей русского литературного языка: кроме старой интеллигенции, которая традиционно составляла основной слой литературно говорящих людей, литературными нормами овладевали демократические слои населения – рабочие, крестьяне, новая, "красная" интеллигенция. Изменение состава носителей обусловило новую цель языковой эволюции – создание языка, единого для всех социальных слоев, объединяемых в новом коллективе носителей, "ибо потребность в перекрестном общении обязывает к выработке единого общего языка (т. е. языковой системы) взамен разных языковых систем, каждая из которых не способна к обслуживанию нового коллектива полностью" [Там же: 87].

В ходе этого процесса выясняется, язык какой из объединяемых социальных групп «будет "играть первую скрипку" в эволюции, направленной к установлению единообразной (для всех данных групп) системы речи» [Там же: 212].

Эта мысль Е. Д. Поливанова замечательна тем, что предвосхищает более поздние по времени разработки в области теории социальных групп. В современных социологических и социолингвистических исследованиях ориентацию говорящих на язык какой-либо одной общественной группы связывают с понятием *социального престижа*: чем более престижен статус группы в глазах всех других членов данного социума, тем вероятнее, что именно ее язык способен служить образцом для подражания. Такой социально престижной языковой подсистемой обычно является язык наиболее культурной части общества, однако при определенных условиях шкала оценок может сдвигаться в сторону иных социальных групп. Так, в преступной среде высоким престижем пользуются те, кто владеет воровским аргом.

Выработка единого общего языка, о которой говорит Е. Д. Поливанов, идет неравномерно на разных участках языковой системы. Это объясняется тем, что уровни структуры языка – лексика, фонетика, морфология, синтаксис – неодинаково восприимчивы к влиянию социальных факторов. В наибольшей степени подвержены такому влиянию лексика и фразеология: изменения в жизни общества отражаются в этих сферах языка в виде новых наименований и оборотов, в переосмыслении старых слов, в заимствованиях и т. п. "Лексика (с фразеологией) – единственная область языковых явлений, где само содержание культуры (данного коллектива в данную эпоху) отражается более или менее непосредственно. Вот почему здесь быстрее всего (даже в пределах языка одно-

го и того же поколения) может обнаруживаться результат социально-экономической мутации" [Там же: 208].

При обосновании тезиса о прямом и непосредственном воздействии социальных факторов на лексику и фразеологию Е. Д. Поливанов обращал внимание преимущественно на количественные изменения в словаре, на перемены в его составе (главным образом на уход одних слов и появление других, новых). Накапливаясь, эти количественные изменения в дальнейшем привели и к качественным сдвигам в лексико-семантической системе русского языка: к изменению в смысловых (парадигматических и синтагматических) связях между словами различных классов и групп, в их стилистической прикрепленностиTM и эмоциональной окраске, к новым видам взаимодействия общеупотребительной и терминологической лексики и т. п. (эти процессы подробно описаны в четырехтомном труде "Русский язык и советское общество" [РЯиСО 1968]).

Естественно, что на том незначительном временном отрезке, который рассматривал Е. Д. Поливанов, анализируя изменения в русском языке, таких качественных сдвигов произойти еще не могло. И Е. Д. Поливанов ничего о них не говорит, даже по отношению к будущему русского языка.

Обращаясь к изменениям на других уровнях языковой структуры – в фонетике и морфологии, Е. Д. Поливанов выдвигает два тезиса: 1) явления этих уровней в гораздо меньшей степени, чем лексика, проницаемы для влияния социальных факторов; 2) количественные накопления фонетических черт в индивидуальных "языках" говорящих лишь очень медленно, постепенно приводят к качественным изменениям в общей фонетической системе языка.

Обусловленные социальными сдвигами языковые новшества накапливаются неравномерно не только на разных уровнях языковой структуры, но и в различной языковой среде. Одни группы говорящих консервативны, последовательно придерживаются старой нормы (как, например, большая часть интеллигенции), в речи же других наблюдается смешение разнородных черт – литературных, диалектных, просторечных, профессиональных. Это ставит перед учеными вопрос о необходимости изучать "социально-групповые диалекты". Е. Д. Поливанов не только отчетливо показал, для чего нужно такое изучение, но и дал интересные примеры описания характерных признаков некоторых социально-языковых подсистем в своих работах "Фонетика интеллигентского языка", "О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка" и др.

Социолингвистическая концепция языковой эволюции, которую Е. Д. Поливанов последовательно отстаивал во многих своих работах, была несвободна от некоторых ошибок. Одни из них можно объяснить влиянием "духа времени" (таково, например, его мнение о классовом характере литературного языка, о том, что им владеет господствующий класс общества), другие – преувеличением роли социальных факторов в развитии языка в эпохи коренных преобразований в обществе. Так, Е. Д. Поливанов считал, что в эпоху революционных катаклизмов темп языковой жизни убыстряется. Как показали дальнейшие исследования русского и других языков, темп языковой эволюции во многом зависит от уровня развития литературного языка – чем более он развит,

тем медленнее темп происходящих в нем изменений. В связи с этим гораздо более справедливым представляется знаменитый поливановский парадокс: развитие литературного языка заключается, в частности, в том, что он все меньше изменяется.

Влияние Е. Д. Поливанова на развитие теории языковой эволюции и на становление социолингвистики оказалось столь глубоким, что без ссылок на его идеи и труды до сих пор не обходится ни одно серьезное социолингвистическое исследование, касающееся проблем эволюции языка.

2.3.2. НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ

Современная социолингвистика отличается чрезвычайно богатым разнообразием взглядов на социальные механизмы языковых изменений. Мы ограничимся характеристикой двух наиболее известных концепций, принадлежащих, соответственно, русскому языковеду Михаилу Викторовичу Панову и американскому социолингвисту Уильяму Лаббву.

2.3.2.1. ТЕОРИЯ АНТИНОМИЙ

Согласно концепции, изложенной в уже упоминавшемся труде "Русский язык и советское общество" [РЯиСО 1968], в развитии языка ключевую роль играют так называемые антиномии – постоянно действующие противоположные друг другу тенденции, борьба которых и является Движущим стимулом языкового развития. Важнейшие из антиномий следующие: *антиномия говорящего и слушающего, системы и нормы, кода и текста, регулярности и экспрессивности*. На каждом конкретном этапе развития языка антиномии разрешаются в пользу то одного, то другого из противоборствующих начал, что ведет к возникновению новых противоречий, и т. д. Окончательное разрешение антиномий невозможно: это означало бы, что язык остановился в своем развитии.

Так, антиномия говорящего и слушающего разрешается то в пользу первого, то в пользу второго: то в языке получают развитие "редуцированные" способы выражения – процесс, отражающий интересы говорящего, который стремится к экономии речевых усилий; то, при других социальных условиях, начинают преобладать расчлененные формы и конструкции, что отвечает интересам слушающего (в полной, расчлененной форме, будь это отчетливо произносимое слово или законченная синтаксическая конструкция, легче распознать смысл передаваемого сообщения, чем в форме свернутой, редуцированной).

Например, в русском языке 20-х годов XX столетия была сильна тенденция к сокращению наименований, к стяжению их в аббревиатуру: *начпрод, комбед, реввоенсовет, ЦК, нэп* и т. п. Этот процесс затронул и чисто бытовые формы речи и нашел отражение в литературе того времени. Популярный в прошлом "Дневник Кости Рябцева" Николая Огнева содержит такой диалог:

« – Ну, *довам*, – сказал я на прощанье.

– Это как же понимать?

– *Доволен вами*, это вместо "спасибо". Спасибо – это ведь спаси бог и, значит, – религиозное».

В современном языке наряду с аббревиатурами распространены расчлененные наименования типа *заместитель директора по науке, инженер по технике безопасности*, не сокращаемые до слоговых или инициальных аббревиатур.

Антиномия системы и нормы заключается в том, что система "позволяет" всё, что не противоречит законам данного языка, а норма отбирает, фильтрует то, что разрешается системой, и допускает к употреблению далеко не всё из того, что "позволено" системными возможностями языка. Характерная для современной русской морфологии экспансия флексии *-а (-я)* в именительном падеже множественного числа на все более широкий круг существительных мужского рода (*цеха, слесаря, сектора, прожектора, инспектора* и т. п.) – пример разрешения конфликта между системой и нормой в пользу системы. Однако в разных субкодах русского национального языка этот процесс реализуется с неодинаковой степенью полноты: для профессиональной речи формы с названной флексией естественны и органичны (ср. *взвода* – в языке военных, *пеленга* – у моряков, *суна* и *торта* – у поваров и кондитеров и т. п.), не менее частотны они в просторечии, где возможны даже *очередя, матеря* – вместо *очереди, матери* (иначе говоря, экспансии флексии *-а (-я)* подвержены и существительные женского рода), а литературный язык, во-первых, тщательно фильтрует подобные формы, пропуская в употребление одни и отсеивая другие, и, во-вторых, значительную часть уже допущенных форм снабжает разного рода ограничительными пометами типа словарных помет "проф.", "прост.", "разг.", отдавая, таким образом, предпочтение традиционным формам на *-ы (-и)* для стилистически нейтральных контекстов.

Антиномией кода и текста М. В. Панов обозначил противоречие между набором языковых единиц (фонем, морфем, слов) и текстом, который строится из этих единиц. Чем меньше набор единиц, тем длиннее должен быть текст, передающий то или иное содержание, поскольку каждый "квант" содержания может быть передан в большинстве случаев не отдельной единицей (их мало), а комбинацией единиц. И наоборот, чем больше набор единиц, тем короче текст: каждому "кванту" содержания соответствует отдельная единица кода. В развитии языка действуют две противоборствующие тенденции: к сокращению и, значит, упрощению кода (набора единиц) и к сокращению, т. е. упрощению, текста. Разрешается это противоречие то в пользу кода, то в пользу текста.

Известный пример сокращения кода в современной русской лексике – постепенное вытеснение из речевого оборота некоторых терминов родства: *шурин, деверь, золовка* – к появлению на их месте описательных наименований: *брат жены, брат мужа, сестра мужа*. Сейчас такому вытеснению стали подвергаться и некоторые другие термины родства: вместо *тесть* все чаще говорят *отец жены*, вместо *свекровь* – *мать мужа*; заметим, однако, что подобная замена, по-видимому, не грозит слову *теща*, которое в русской культурно-

речевой традиции осложнено множеством коннотативных (сопутствующих основному значению слова) связей.

Пример увеличения кода: заимствование иноязычных слов для обозначения понятий, которые по-русски могут быть названы только описательно – с помощью двух-, трех-словных сочетаний: *снайпер – меткий стрелок, мотель – гостиница для автотуристов, стайер – бегун на длинные дистанции* и т. п. Можно было бы в подобных случаях обойтись и без заимствований, не увеличивая число знаков словарного кода. Но в таком случае пришлось бы удлинять текст – из-за употребления описательных оборотов, обозначающих указанные понятия. Характерно, что в русском языке 1920-х годов преобладали описательные, "разъясняющие" наименования, что было вполне понятно и оправданно в условиях демократизации литературного языка, приобщения к нему широких масс людей, которые раньше не владели литературной нормой (увеличение словаря путем новых иноязычных заимствований означало бы для них еще одну трудность в освоении литературного языка). Русский язык конца XX в. идет по пути заимствования иноязычной лексики, тем самым на этом участке языковой системы антиномия кода и текста разрешается преимущественно в пользу кода.

Действие антиномии кода и текста также безразлично к тому, в какой языковой подсистеме, в какой речевой среде она проявляется. Как правило, эта антиномия разрешается в пользу кода (он увеличивается) в *социально замкнутых* коллективах говорящих. Так, в социальных и профессиональных жаргонах, которые и характерны для подобных замкнутых коллективов, имеется, как правило, богатый, детализированный словарь для обозначения определенных реалий и видов деятельности (в воровском аргоне, например, чрезвычайно детально различаются по названиям виды краж, "специалисты" по каждому из этих видов: *домушник, ширмач, скокарь, медвежатник*, разновидности орудий преступления и т. п.). В специальных технических и научных терминологиях активно действует тенденция к установлению одно-однозначных отношений между термином и его содержанием (многозначные термины нежелательны).

Напротив, в социально не замкнутых, "текучих" коллективах, где языковые привычки говорящих постоянно испытывают воздействие речевых особенностей других групп, вливающихся в состав носителей данной языковой подсистемы, код сокращается, зато текст испытывает тенденцию к удлинению. Это естественно: в речи людей, составляющих подобные текущие коллективы, сохраняются лишь знаки, общие для всех членов коллектива. С помощью этого набора знаков (слов, аффиксов и т. п.) передается любое содержательное сообщение, причем объединение различных знаков, необходимое для выражения тех или иных смыслов (которым нет "однознакового" соответствия в коде), ведет к увеличению текста.

Антиномия регулярности и экспрессивности питается соответственно информационной и эмотивной функциями языка. Информационная функция наиболее последовательно выражается с помощью однотипных, стандартных, регулярно образуемых языковых средств (передача информации эффективна без наличия информационного "шума", а в качестве такового может выступать

неоднозначность или метафоричность языковой единицы, нестандартность ее структуры и т. п.). Эмотивная функция, напротив, в своем выражении опирается на экспрессивную окрашенность языковых единиц, их нестандартность, идиоматичность, т. е. на такие свойства, которые противопоказаны чистой информации.

«В каждом ярусе языка есть единицы, подчиняющиеся какому-то общему правилу, и единицы, которые регулируются другим, менее сильным правилом, – пишет М. В. Панов. – Постоянно действует тенденция уподобить слабую часть системы более сильной, подчиняющейся более общему правилу. Это – тенденция, стимулированная языком в его чисто информационной функции. Если в языке есть агглютинативные и фузионные единицы, то неизбежно возникает стремление обобщить их или в сторону последовательной, полной агглютинативности, или в сторону полной фузионности.

Но такие устремления сталкиваются с противоположными – с постоянной тенденцией сохранить для экспрессивных целей выделенность, "отчужденность" некоторых единиц. Каждая единица языка имеет и чисто информационное, и (в той или иной степени) экспрессивное назначение; следовательно, эта антиномия определяет жизнь каждой единицы языка» [Панов 1968: 27–28].

Пример противоборствующих тенденций к регулярности и к экспрессивности – создание, с одной стороны, упорядоченных систем специальных терминологий в соответствующих сферах науки и техники, со строго "прозрачными" отношениями между терминами и стандартными дефинициями, а с другой – метафоризация общеупотребительных слов с целью создать экспрессивные профессионально-жаргонные аналоги к официальным терминам (*кастрюля* вместо *синхрофазотрон*, *болтанка* – вместо *люфт*, *баранка* в значении 'ноль очков' и т. п.).

И эта антиномия, как легко видеть, не асоциальна: при одних условиях развития языка, в одних коллективах говорящих легче побеждает тенденция к регулярности, при иных социальных условиях и в иных социальных группах – тенденция к экспрессивности. Так, в развитых литературных языках, особенно в книжной их разновидности, рельефно проявляется тенденция к регулярности (это способствует стабильности литературной нормы), а в групповых (профессиональных и социальных) жаргонах сильна тенденция к экспрессивности.

Антиномии – наиболее общие закономерности языкового развития. Разумеется, они не отменяют действие конкретных социальных факторов, формирующих своеобразный контекст эволюции каждого языка. Однако они не являются и чем-то отдельным от социальных факторов: тесное взаимодействие тех и других, "наложение" определенных социальных условий на действие каждой из антиномий и составляет специфику развития языка на разных этапах его истории.

В отличие от антиномий, охватывающих своим действием языковую систему в целом, **социальные факторы** неодинаковы по своему влиянию на язык. Они имеют разную лингвистическую значимость: одни из них, *глобальные*, действуют на все уровни языковой структуры, другие, *частные*, в той или иной мере обуславливают развитие лишь некоторых уровней.

Что же считается социальным фактором, влияющим на языковую эволюцию? Это, например, изменение круга носителей языка; распространение просвещения; территориальные перемещения людей (миграция); создание новой государственности, по-новому влияющей на некоторые сферы языка; развитие науки; крупные технические новшества и изобретения (никто не станет спорить, например, с тем, что изобретение книгопечатания, радио, внедрение в быт каждого человека телевидения явились социальными факторами, повлиявшими на сферы использования языка, массовая компьютеризация многих видов деятельности в тех или иных формах отражается и в языке, а также в речевом поведении носителей языка, и т. п.).

Примером глобального социального фактора является изменение состава носителей языка. Оно ведет к изменениям в фонетике, в лексико-семантической системе, в синтаксисе и, в меньшей степени, в морфологии языка²³. Так, изменение состава носителей русского литературного языка в 20-30-е годы XX в. повлияло на произношение (в сторону его буквализации: вместо старомосковского нормативного *було[шн]ая, смеял[са]* и *ти[хы]й* стали говорить *було[чн]ая, смеял[с'а], ти[хи]й*), на лексико-семантическую систему: заимствование слов из диалектов и просторечия повлекло за собой перестройку парадигматических и синтагматических отношений внутри словаря; в литературный оборот были вовлечены синтаксические конструкции, до тех пор распространенные в просторечии, диалектах, в профессиональном речевом обиходе (таковы, например, по происхождению обороты типа *плохо с дровами, проверка воды на зараженность химическими отходами* и под.); под влиянием некодифицированных подсистем языка увеличилась частотность форм на *-а (-я)* в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода и т. п.

Пример частного социального фактора – изменение традиций усвоения литературного языка. В XIX – начале XX в. в дворянско-интеллигентской среде преобладала устная традиция – во внутрисемейном общении, путем передачи произносительных и иных образцов речи от старшего поколения к младшим. В связи с демократизацией состава носителей литературного языка стала распространяться и даже преобладать форма приобщения к литературному языку через книгу. Этот фактор повлиял главным образом на нормы произношения: наряду с традиционными произносительными образцами стали распространяться новые, более близкие к орфографическому облику слова (примеры см. выше).

Итак, в социолингвистической концепции М. В. Панова и его школы основной упор делается на тесное взаимодействие собственно языковых закономерностей (антиномий) и социальных факторов; последние понимаются как условия, способствующие (или, напротив, препятствующие) проявлению той или иной внутренней закономерности развития языка.

²³ Общеизвестно, что морфологическая система наиболее устойчива к внешним влияниям. Поэтому даже те социальные факторы, действие которых проявляется на всех уровнях языковой структуры, в морфологии имеют минимальные рефлексии.

2.3.2.2. ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЭВОЛЮЦИИ У. ЛАБОВА

Отталкиваясь от "ахронического", вневременного подхода к языку, представленного в порождающей грамматике Н. Хомского, и критикуя Хомского и его последователей за их пренебрежение к языковой реальности, У. Лабов предложил концепцию языкового развития, основанную на тщательно проанализированных данных о действительной, живой речи современных американцев. Хотя У. Лабов рассматривает в основном фонетические изменения, их интерпретация представляет интерес и в более широком плане, с точки зрения эволюции языка вообще.

У. Лабов исходит из того, что изменения в структуре языка не могут быть правильно поняты без учета сведений о языковом сообществе, которое пользуется этим языком. Так, изменения в фонологической системе можно проследить, лишь наблюдая за речью изучаемого коллектива носителей в течение более или менее длительного времени, сравнивая произносительные характеристики этой речи на разных временных срезах. Исследуя полученный таким путем материал, социолингвист сталкивается с необходимостью решить три проблемы: 1) *проблему перехода*: как, каким путем один этап языкового изменения сменяется другим? 2) *проблему контекста*: надо найти "непрерывную матрицу социального и языкового поведения, в которую заключено языковое изменение" и 3) *проблему оценки*: как говорящие оценивают те языковые факты, которые наблюдает исследователь [Лабов 1975а: 201-202].

Решая эти проблемы на примере анализа речи небольшого коллектива говорящих на американском варианте английского языка, У. Лабов выделяет такие этапы, характеризующие механизм языкового изменения:

- 1) начало изменения – в ограниченной подгруппе языкового сообщества; данная языковая форма усваивается всеми членами подгруппы;
- 2) последующие поколения говорящих внутри той же подгруппы воспринимают данное изменение как признак речи старшего поколения;
- 3) в той мере, в какой ценности данной подгруппы воспринимаются другими подгруппами, это языковое изменение распространяется в остальные подгруппы;
- 4) постепенно сфера распространения новшества совпадает с границами языкового сообщества;
- 5) под влиянием новшества перестраивается фонологическая система языка, обслуживающего данное сообщество;
- б) структурные перегруппировки влекут за собой новые изменения, связанные с первыми, и цикл повторяется.

Однако этим эволюционный процесс не ограничивается. Важен социальный статус той подгруппы, внутри которой зародилось данное новшество. Если эта подгруппа не занимает господствующего положения в сообществе, то члены привилегированных подгрупп подвергают новшество осуждению. С этого начинается исправление измененных форм "в сторону образцов, которых придерживается подгруппа с наивысшим социальным статусом, т. е. образцов, пользующихся *престижем*" [Лабов 1975а: 225]. Отсюда путь к стилистическо-

му разграничению: престижный образец используется в полных, официальных стилях речи, а новшество, одобряемое лишь частью говорящих (определенной их подгруппой), распространено в непринужденной речи. Если изменение возникает в подгруппе, имеющей высший социальный статус, то оно становится господствующим образцом для всех членов данного языкового сообщества.

Давая эту схему языкового изменения, У. Лабов подчеркивает, что "внутренние (структурные) и социолингвистические факторы в процессе языкового изменения вступают в систематическое взаимодействие друг с другом" [Там же: 228]. Эта мысль объединяет теорию У. Лабова с теорией антиномий, о которой речь шла выше. Однако предложенная У. Лабовом схема вряд ли может претендовать на роль универсального представления всякого языкового изменения: новшества в фонетической системе (или на каком-либо другом уровне языковой структуры) могут проходить и через другие этапы, становясь в конце концов достоянием коллектива говорящих. Но, конечно, – и У. Лабов здесь, бесспорно, прав, – языковое изменение происходит в социальном контексте, и "нельзя вначале произвести анализ структурных соотношений внутри языковой системы, а потом обратиться к внешним факторам" [Там же]²⁴.

С точки зрения функционирования языка в разных группах говорящих и сосуществования в одном языковом сообществе различных норм и систем ценностей интересно исследование У. Лабовом вопроса о влиянии социальной мобильности на речь носителей современного американского варианта английского языка [Labov 1966a].

Согласно результатам этого исследования, та часть населения, которая социально движется "снизу вверх" (из низших слоев в высшие), "воспринимает нормы внешней референтной группы – как правило, нормы группы, более высокой по социальному уровню". Те говорящие, которые "социально стабильны" (т. е. не покидают пределов слоя, к которому принадлежат), обнаруживают тенденцию к тому, чтобы придерживаться своих собственных языковых норм, "более точно – к достижению некоего баланса собственных и внешних норм, который находит себе отражение в речевой практике, лишенной значительных стилистических колебаний". Наконец, носители языка, для которых характерно перемещение "сверху вниз" (в более низкие социальные слои), не воспринимают большую часть нормативных моделей, которые присущи этой, более низкой социальной среде.

Из овоих наблюдений У. Лабов делает вывод, что в современном городе "языковая стратификация является отражением скорее систем социальных ценностей, чем систем социального существования". Иначе говоря, в языковых различиях, обусловленных социальными различиями носителей языка, получает отражение не прямо и непосредственно различия в экономическом и социальном статусе групп говорящих, а различия в ценностной ориентации, присущей

²⁴ С этим утверждением американского исследователя перекликается давнее высказывание академика В. В. Виноградова: "Не следует думать, что законы развития языка, вытекающие из его общественной сущности, из его общественных функций, и законы, вытекающие из структуры языка, – это разные, взаимно не связанные закономерности как бы разных планов функционирования языка. На самом деле они взаимообусловлены и неразрывны" [Виноградов 1952: 33]

каждой такой группе.

Сравнение двух кратко охарактеризованных концепций языковой эволюции выявляет некоторые их сходства и различия. Основное сходство заключается в том, что и та и другая школы социолингвистики исходят из представления о сложном характере взаимоотношений языка и общества, об отсутствии прямых аналогий и жестких зависимостей между социальными и языковыми процессами и структурами, о многоступенчатости влияния изменений, происходящих в обществе, на изменения в языке.

При этом для отечественной школы социолингвистики вплоть до конца XX в. было характерно преимущественное внимание к макропроцессам, происходящим в языке и в обществе, а многие представители американской социолингвистики (и в их числе У. Лабов) более склонны к анализу микропроцессов, которые характеризуют социальную и языковую жизнь сравнительно небольших человеческих групп (более подробно о различии макро- и микропроцессов в языке и языковой жизни социальных объединений см. в разделах "Макросоциолингвистика" и "Микросоциолингвистика" главы 4-й).

2.4. СМЕШЕНИЕ ЯЗЫКОВ. ПИДЖИНЫ И КРЕОЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ

Когда у потенциальных собеседников нет взаимопонятных средств общения, а коммуникативная задача относительно сложна и не может быть решена при помощи элементарных жестов, коммуниканты создают новое средство общения – вспомогательный смешанный язык с крайне ограниченным словарем и минимальной, неустоявшейся грамматикой. Языки такого типа, а также их возможные эволюционные продолжения – пиджины и креольские языки (креолы) – называют **контактными языками**, а исследующий их раздел лингвистики – контактологией, или – чаще – **креолистикой**.

Основы креолистики заложены еще в XIX в. Х. Шухардтом, однако как самостоятельное направление в лингвистике она стала развиваться лишь с 1950-х годов. Поскольку специфика контактных языков целиком обусловлена социальной ситуацией их возникновения и становления, креолистика вошла составной частью в более широкую дисциплину – социолингвистику.

Наиболее элементарный контактный язык в специальной литературе обычно именуется жаргоном. В контексте общего курса социолингвистики термин *жаргон* в этом значении не очень удачен, поскольку в социальной диалектологии за ним закрепилось иное значение (как указывалось выше, также не всегда однозначное). Этот термин используют не все креолисты; иногда первая фаза развития контактного языка называется *препиджином* (т. е. "допиджином"), в других случаях любой вспомогательный язык называется пиджином, а начальная стадия его формирования, соответствующая жаргону в только что указанном смысле, именуется *ранним*, или *нестабильным*, *пиджином*. Во избежание двусмысленности мы будем называть начальный этап формирования контактного языка препиджином. Поскольку контактный язык в хо-

де своего становления выполняет однотипные функции элементарной коммуникации, а процесс его стабилизации континуален, в подходящих контекстах термин *пиджин* вполне естественно использовать в широком значении и говорить о функциях пиджина (подразумевая и стадию препиджина) и о стабилизации пиджина (т. е. о переходе препиджина в пиджин).

Этимология термина *пиджин* не до конца ясна, хотя обычно считается, что он восходит к китайскому восприятию английского слова *business*; впервые он зафиксирован в 1807 г. в применении к англ о-китайскому пиджину (орфографически – *pigeon*); другой термин, использовавшийся в сходном значении, – *лингва-франка*²⁵.

2.4.1. ЗАРОЖДЕНИЕ КОНТАКТНОГО ЯЗЫКА

Контактный язык никогда не создается намеренно, он является результатом неудавшейся попытки выучить язык партнера по коммуникации. Препиджин возникает как компромисс между плохо усвоенным вторым языком начинающих билингов и "регистром для иностранца", который создается теми, для кого этот язык является родным. Выбор языка, на базе которого формируется препиджин, определяется сугубо прагматическими причинами: основой его становится тот язык, редуцированная форма которого по тем или иным причинам оказывается более эффективной для коммуникации. В результате большая часть лексики пиджина обычно восходит к одному из контактирующих языков; такой язык в креолистике называется **лексификатором**.

Препиджин имеет узкую коммуникативную направленность, поэтому словарь его ограничивается несколькими сотнями единиц, а грамматическая структура крайне примитивна; грамматическая семантика при необходимости может передаваться лексическими средствами. И лексический состав, и грамматика препиджина отличаются нестабильностью; его фонетика максимально приближена к нормам родных языков говорящих.

Чем более регулярный характер имеют контакты, чем более постоянен круг тех, кто прибегает к услугам препиджина, тем выше вероятность стабилизации его словарного состава и грамматической структуры, превращения в стабильный пиджин.

Часто говорится, что пиджин (в широком смысле) "может возникнуть по случаю, даже за несколько часов – если критическая ситуация требует общения с минимальным уровнем понимания" [Hall 1962: 152]; например, в ситуации, когда "ньюйоркцы покупают солнечные очки в Лиссабоне" [Holm 1988: 5]. Это не вполне верно: о препиджине можно говорить лишь тогда, когда ситуация общения повторяется в каких-то своих существенных чертах хотя бы для одной из коммуницирующих сторон – например, если португальцы, продавая очки

²⁵ В современной социолингвистической литературе этим термином обозначается любой неродной для коммуникантов язык-посредник, например английский, санскрит или хинди, используемый для достижения взаимопонимания ассамцами и бенгальцами. Сам термин *лингва-франка* ("язык франков", т. е. европейцев) первоначально обозначал средневековый пиджин Средиземноморья, иначе называвшийся *сабир*.

разным иностранцам, общаются с ними на смеси португальского и английского языков (при этом степень владения английским языком покупателями может быть различной). Не следует думать, что в структуре препиджина все случайно и непостоянно: препиджин – это скорее некоторая макросистема, в которой заданы предельные границы колебаний тех или иных языковых подсистем – фонетики, порядка слов, семантических возможностей служебных и знаменательных единиц и т. п. Носителям препиджина интуитивно знакомы эти пределы, и в ситуации общения они взаимно сближают собственные препиджинные идиолекты, отличающиеся меньшим диапазоном вариативности, чем препиджин в целом.

Для языков с непрерывной историей, которыми традиционно занималась лингвистика, основными формообразующими факторами являются территориальные и социальные. На начальных стадиях формирования контактного языка значение их отступает на второй план. Ведущая роль здесь принадлежит этническому фактору, точнее, родному языку билингва, использующему (пре)пиджин в качестве вспомогательного языка. Каждый идиолект контактного языка обладает некоторой стабильностью уже на стадии препиджина; гарантом этой относительной стабильности служат неосознаваемые представления индивида о структуре человеческого языка, наличие и сущность которых обуславливаются его языковыми навыками. У лиц с одним и тем же родным языком эти навыки довольно близки, поэтому (пре)пиджинные идиолекты группируются в этнолекты в соответствии с родными языками индивидов: к одному этнолекту относятся контактные языки тех индивидов, которые имеют общий родной язык. Унифицирующим фактором в пределах этнолекта служит однотипная интерференция родного языка, проявляющаяся на всех уровнях.

Поскольку функциональное назначение пиджина – поддержание коммуникации между носителями его различных этнолектов, его история представляет собой решение извечного языкового конфликта между говорящим и слушающим. Говорящий консервативен и не заинтересован в каком бы то ни было изменении собственных языковых навыков (а они определяются в первую очередь родным языком), однако он вынужден идти на компромисс со слушающим, чтобы быть понятым адекватно. В каждом акте коммуникации говорящий и слушающий постоянно меняются ролями и достигают некоторого ситуативного "языкового консенсуса". Вступая в новые коммуникативные акты, каждый индивид корректирует свой идиолект в соответствии с языковыми требованиями нового коммуниканта. При постоянстве контингента лиц, пользующихся контактным языком, начинается его унификация. С расширением функций контактного языка и детализацией передаваемой при его помощи информации по необходимости усиливается взаимная конвергенция идиолектов коммуникантов.

Итак, процесс стабилизации и перехода препиджина в пиджин представляет собой взаимное сближение этнолектов, в ходе которого в пределах каждого из них унифицируются идиолекты. Направление этого сближения определяется численностью и, что важнее, социальным положением носителей отдельных этнолектов. Результатом взаимного сближения этнолектов является доста-

точно стабильный узуальный стандарт, впрочем, этнолектные различия в пределах этого стандарта обычно сохраняются и во вполне развитых пиджинах.

Если контингент говорящих на препиджине непостоянен, а потребность в его использовании возникает лишь от случая к случаю, он не достигает стабилизации и редко может существовать длительное время. На протяжении человеческой истории такие препиджины должны были возникать тысячи раз, но, поскольку от них не сохранилось никаких следов, они остались неизвестными науке.

2.4.2. Типы пиджинов и их эволюция

На ранних ступенях эволюции пиджины обслуживают минимальные потребности в тематически ограниченной коммуникации. В традиционном обществе чаще всего они возникают из потребностей торговли, но иногда используются и с более широкими коммуникативными задачами. Следует подчеркнуть, что при многогранных межэтнических взаимоотношениях пиджины не возникают: в этом случае развивается двуязычие. Существование торговых пиджинов отмечалось во всех частях света (некоторые подробности о русско-норвежском торговом пиджине см. ниже).

Менее специализированные пиджины встречаются реже. К их числу относится самый старый из известных пиджинов на европейской (южнороманской) лексической базе – уже упоминавшийся средиземноморский сабир, использовавшийся, по крайней мере с XII в., в контактах европейцев с арабами, позднее и турками.

Из неевропейских пиджинов многоцелевого назначения наибольшего внимания заслуживает так называемый чинукский жаргон – европейцам он стал известен с 1830-х годов, но возник заведомо раньше. Первоначальный район его распространения – низовья р. Колумбии, но позднее он широко использовался на пестрой в языковом отношении территории от Калифорнии до Аляски. Им пользовались носители не всегда родственных, но структурно близких индейских языков, поэтому типологически он достаточно маркирован; в фонологической системе, например, присутствуют поствелярные согласные и глоттализированные смычные. В XIX – первой половине XX в. он был хорошо известен лицам европейского происхождения; канадские рыбаки, например, использовали иногда чинукский жаргон при радиопереговорах с целью сохранить важную информацию в секрете от рыбаков-японцев.

Большинство пиджинов характеризуются почти полным отсутствием морфологии, но если они функционируют в среде типологически и материально близких между собой языков, то морфология может быть достаточно выраженной. Так, некоторые пиджины на основе языков банту сохранили довольно значительные элементы системы классного согласования; наиболее известный из этих языков – шаба-суахили, распространенный на юго-востоке Заира. (Разумеется, среди носителей родственных языков нужда в пиджине и возможность создания именно пиджина, а не койне возникает только при отсутствии взаимопонимания.) В условиях банту-европейских контактов в Натале возник пиджин

фанагало (вероятно, в 1840-х годах). Его словарь на 70% восходит к языкам банту: в первую очередь к зулу, в меньшей степени – к коса. Около четверти лексики имеет английское происхождение, остальное – из языка африкаанс. Здесь классное согласование не сохранилось, но аффиксация для пиджина довольно богатая: например, множественное число образуется с помощью префикса *ma-*: *skatul* 'ботинок' – *maskatul* 'ботинки', имеются глагольные суффиксы каузатива, пассива, прошедшего времени.

В литературе по контактологии в числе пиджинов нередко упоминаются такие вспомогательные средства межэтнической коммуникации, как жестовые языки слышащих. При отсутствии взаимопонятной коммуникативной системы собеседники всегда начинают с использования иконичных жестов, но обычно они предпочитают как можно быстрее построить звуковой способ общения (жестикуляция надолго остается важным вспомогательным средством, дополняя складывающийся препиджин). Однако, по крайней мере в двух регионах, для межэтнического общения широко применялись развитые жестовые языки: среди индейцев североамериканских прерий и у австралийских аборигенов. В первом случае использовался единый жестовый язык на всем Среднем Западе США; в конце XIX в. им владели около 100 тыс. представителей различных племен. На территории Австралии функционировало несколько жестовых языков, каждый из которых объединял этнические группы, говорившие на взаимонепонятных языках. Австралийские жестовые языки в функциональном отношении не уступали звуковым, поскольку широко использовались и при внутриэтнической коммуникации (в частности, во время длительных инициационных обрядов и периода траура для вдов, длившегося до года и более).

Полное отсутствие каких-либо сведений по истории этих языков, а также специфический характер незвуковой коммуникации вообще, не позволяют подробно останавливаться на них.

Развитие техники мореплавания в начале Нового времени и последующая европейская колониальная экспансия привели к закреплению за пиджинами новых функций. Так называемые морские пиджины распространились в пунктах стоянки судов, совершавших трансокеанские плавания. Вскоре во многих таких пунктах возникли укрепленные поселения европейцев. На Атлантическом побережье Африки главная цель таких поселений была в захвате или покупке рабов, в Южной и Юго-Восточной Азии они преследовали в основном торговые цели. Первыми заокеанскую экспансию начали португальцы и испанцы, затем – англичане, французы, голландцы, иногда сменяя предшественников в одних и тех же пунктах. В ходе контактов с местным населением в XVI–XVII вв. возникли пиджины на основе соответствующих европейских языков. Эти или сходные пиджины использовались при работорговле, а затем на плантациях в Новом Свете. Самостоятельная группа пиджинов на основе французского языка возникла на ранее не обитаемых островах Индийского океана, где с XVIII в. было организовано плантационное хозяйство.

Непосредственных данных о пиджинах этого периода нет, и то немногое, что о них удастся установить, реконструируется по материалам продолжающих их традицию более поздних стадий развития контактных языков.

С начала XIX в. морской пиджин *бичламар* (на английской основе) распространяется на островах Океании. Первоначально он использовался в местах стоянок китобоев затем – при заготовке сандалового дерева, ловле трепангов и т. п. К середине XIX в. команды в значительной мере комплектовались из матросов-океанийцев, так что пиджин использовался и на самих судах. С 1860-х годов начинается развитие плантационного хозяйства в Квинсленде (Австралия) и на некоторых островах Океании. В качестве рабочей силы использовались законтрактованные меланезийцы, достаточно хорошо знакомые с бичламаром, поэтому он становится рабочим языком плантаций. После окончания контракта бывшие рабочие стали широко применять его в межэтнических контактах на родине. Таким образом, с конца XIX в. в юго-западной Океании начинают независимо развиваться четыре потомка бичламара: *ток-писин* (на Новой Гвинее), *бислама* (на Новых Гебридах, сейчас Республика Вануату), пиджин Соломоновых Островов и *брокен* (на о-вах Торресова пролива²⁶).

В условиях колониального управления бывали и другие пути возникновения пиджинов. В британской колонии Папуа многоязычные полицейские силы использовали пиджин на основе австронезийского языка моту. Вскоре "полицейский моту" (сейчас он называется *хири-моту*) превратился здесь в основной язык межэтнического общения, а в ходе получения независимости Папуа – Новой Гвинеей этот пиджин стал даже символом борьбы сепаратистов за отделение Папуа.

Итак, стабилизировавшиеся пиджины представляют собой вспомогательные языки, располагающие устоявшимся, однако ограниченным словарем. Эти языки не имеют собственной этнической или социальной базы: для какого-либо ребенка пиджин может оказаться первым по времени усвоения, но он не остается единственно известным или основным языком общения, поскольку не располагает возможностями выполнять все те функции, которые предъявляются к языку обществом, в котором пиджин используется²⁷. В отношении словаря пиджин часто основывается на каком-то одном языке, однако его грамматическая структура отличается от языка-лексификатора; степень взаимопонимания между пиджином и лексификатором может быть невелика. Со стороны тех, для кого язык-лексификатор является родным, пиджин требует специального изучения. Однако последние, даже если они придерживаются стандарта пиджина в фонетике и грамматике, склонны при необходимости включать в текст на пиджине любую лексику из своего родного языка, оформляя ее "под пиджин", ср. подчеркнутые слова в записи текста на русско-китайском пиджине (говорит русский, расхваливающий продаваемую китайцу шубу): *Его сота рубли купеза давай; его хаохаоды ю, да-дады ю; полтора года таскай, ломай не могу; его замерзни мею. 'За нее [шубу] торговцы 100 рублей давали; она очень хороша, большая; полтора года проносишь – не порвется; в ней не замерзнешь'*.

²⁶ Жители о-вов Торресова пролива не работали на плантациях; бичламар широко распространился здесь благодаря ловцам жемчуга

²⁷ Функциональная ограниченность, вообще говоря, не свидетельствует о принципиальной неспособности языка выполнять все общественно необходимые коммуникативные функции.

Структурные черты, свойственные всем пиджинам, имеют самый общий характер: простота состава фонем и правил их реализации в речи, слабо выраженная морфология, неглубокий синтаксис.

По-видимому, существуют универсалии расширения семантики при пиджинизации. Например, утрачивается противопоставление глаголов типа 'смотреть' – 'видеть' или 'сказать' – 'говорить'. Подобная лексическая "бедность" может сохраняться и на поздних стадиях развития контактного языка (разумеется, компенсируясь какими-то другими языковыми средствами); так, английским глаголам *say–tell–speak–talk* в ток-писине соответствуют только *tok* и *spik*. Еще одна универсальная особенность лексики пиджинов, проявляющаяся и в происходящих из них креольских языках, – образование антонимичных прилагательных при помощи отрицания, ср. 'плохой': ток-писин *nogut*, сранан *no bun* (букв, *не-хороший*), 'тупой': ток-писин *nosap*, гаит. *pa file* (букв, *не-острый*).

Значение многих лексических единиц с точки зрения языка-лексификатора может строиться с неожиданной метафорикой, а в пиджинах, возникавших в условиях социального неравенства, часты явно пейоративные семантические переходы (в самом пиджине в данном случае пейоративность не ощущается). Ср. в ток-писине: *banis* (< *fence*) 'забор; ребра', *klok* (< *clock*) 'часы; сердце', *masta* (< *master*) 'европеец', *misis* (< *missis*) 'европейка', *meri* (< *Mary*) 'меланезийка', *manki* (< *monkey*) 'мальчик-меланезиец' (европейский мальчик будет обозначаться *likhk masta* 'маленький маста').

Возможность стабилизации пиджина в значительной степени зависит от социальной и демографической ситуации среди его носителей. Как уже говорилось, лексически пиджин обычно строится на базе одного языка, причем в большинстве случаев он является целевым²⁸ для тех, кто им не владеет. При достаточно большом числе носителей языка-лексификатора и отсутствии социальных барьеров между ними и остальными носителями складывающегося пиджина шансы на стабилизацию контактного языка невелики.

Формирующийся и даже стабилизовавшийся пиджин обычно считают испорченной разновидностью лексификатора: ломаным английским, испорченным французским и т. п., особенно те, кто хорошо владеет языком-лексификатором. Последняя категория говорящих на пиджине не только не видит нужды в его стабилизации, но и плохо подготовлена к такому исходу психологически. Эти лица и являются основным "дестабилизирующим фактором" не только складывающегося пиджина, но и более поздних этапов эволюции контактного языка. Они не образуют особой очерчиваемой группы в составе своего этноса; пиджин можно считать в какой-то степени пассивно известным даже тем носителям языка-лексификатора, которые и не подозревают о самом существовании пиджина. Те же, кто вынужден затрачивать специальные усилия для усвоения этого контактного языка, заинтересованы в его быстрой стабилизации.

Как только препиджин начинают использовать для общения между собой представители двух и более языковых групп, каждая из которых не владеет

²⁸ Целевой язык (англ. *target language*) – язык, которым индивид стремится овладеть

языком-лексификатором, он получает хорошие шансы на стабилизацию и превращение в пиджин. Иногда даже утверждается, что это единственный путь стабилизации пиджина, но факты говорят об обратном.

Русско-китайский пиджин, зародившийся во второй четверти XVIII в., первоначально использовался китайскими и русскими купцами в пограничных городах – русской Кяхте и китайском Маймачине²⁹, поэтому и именовался *кяхтинским*, или *маймачинским*, языком. Со второй половины XIX в. на Дальнем Востоке получил распространение другой вариант этого пиджина, использовавшийся русскими при общении с китайскими сезонными рабочими, а в Маньчжурии – с местным населением. В меньшей степени этот пиджин обслуживал контакты русских с монголами, а позднее с нанайцами, удэгейцами, корейцами, но никогда не применялся в контактах различных нерусских групп между собой. В большинстве русских идиолектов этот пиджин не отличался единообразием, но китайский этнолект был относительно стабилен уже в середине XIX в. Совершенно аналогично дело обстояло с китайским *пиджин-инглиш*, который использовался в прибрежной торговле на юге Китая.

Причина такой необычной стабилизации в обоих случаях заключается в том, что китайские этнолекты обоих пиджинов были в известном смысле нормированы: в Китае издавались учебные словари и разговорники этих пиджинов. Авторы соответствующих пособий выдавали изучаемые языки за нормативный русский и английский (трудно сказать, всегда ли при этом они были искренни). Китайские купцы, отправлявшиеся на границу торговать с русскими, были даже обязаны сдать экзамен на знание "русского" языка.

"Полицейский моту" стабилизировался также по довольно специфическим причинам: патрульная полицейская служба формировалась из представителей различных этнических групп, однако Порт-Морсби, административный центр Папуа, был на этнической территории моту, и складывавшийся пиджин должен был находиться под их дестабилизационным влиянием. Однако моту, традиционно предпринимавшие торговые экспедиции за сотни миль, привыкли пользоваться двумя торговыми пиджинами, кроме того, при общении с соседями они традиционно пользовались упрощенным кодом, который и послужил основой полицейского моту. Изучения своего подлинного языка чужаками они не поощряли еще в 1920-е годы³⁰.

Возможна и такая ситуация, что при контакте двух этнических групп каждая пользуется собственным пиджином. Так обстоит дело на о-вах Фиджи, куда с конца XIX в. в качестве плантационных рабочих завозили индийцев. Там возникло два пиджина: один на фиджийской основе, другой – на основе сложившегося здесь местного варианта хиндустани. При межэтнических контактах индийцы обычно пользовались первым из них, а фиджийцы – вторым. Вероятно, ведущим обстоятельством, способствовавшим стабилизации обоих пиджи-

²⁹ Современный Алтанбулак на монгольско-российской границе

³⁰ Миссионер У. Лоуэс, прожив среди моту несколько лет и сделав первые переводы из Священного Писания, позднее узнал от своего сына, что выученный им язык оказался лишь упрощенной формой моту, которую те употребляли в общении с иноплеменниками, но никогда не использовали во внутриэтнической коммуникации

нов, было то, что они использовались параллельно. Для индийского пиджина важным оказалось и то, что индийская община была многоязычной и хиндустани для многих был вторым языком (впрочем, внутри индийской общины пиджин-хиндустани практически не использовался). На стабилизации пиджин-фиджи не могло не сказаться то обстоятельство, что в традиционном фиджийском обществе существовала традиция общения с иностранцами на особом упрощенном коде.

В редких случаях при двустороннем контакте может возникнуть пиджин, лексически достаточно удаленный от родных языков обеих групп. Это также способствует стабилизации пиджина. Образец такого пиджина – русско-норвежский пиджин, наиболее известный под именем *руссенорск*, на истории формирования и функционирования которого остановимся чуть подробнее.

Этот пиджин использовался при межэтническом общении торговцев, рыбаков и моряков в бассейне Баренцева моря, в первую очередь в ходе меновой торговли между русскими поморами и норвежцами Варангер-фьорда. Он назывался также *моя-по-твоя* (что может быть переведено как 'я [говорю] по-твоему') и *как-спрэк* (букв.: 'что говоришь?' или 'что сказал?').

Торговые контакты между русскими и норвежцами восходят еще к новгородской эпохе; с конца XVIII в. они заметно расширяются и становятся все более интенсивными вплоть до закрытия границы после революции 1917 г. Первое упоминание о существовании здесь особого пиджина относится к 1812–1814 гг., хотя косвенные свидетельства можно найти и в предшествующие десятилетия. Общее число известных текстов на руссенорске невелико, в основном это записи диалогов, отдельных фраз и слов, сделанные непрофессионалами. Подавляющее большинство текстов записано норвежцами; тем самым русский этнолект диалогических реплик, приписываемых русским, предстает через призму его норвежского восприятия.

О фонетике руссенорска сказать можно немного, однако есть основания считать, что существовала заметная межэтнолектная унификация: норвежские передние огубленные гласные заменялись задними, гортанное [h] давало, в соответствии с русской традицией, [g] (ср. ниже в тексте, норвежский этнолект: *gs*/при норв. *hav* 'море')- Очень вероятно, что в русском этнолекте в словах русского происхождения [x] заменялось на [к].

В лексическом отношении руссенорск отличается от многих других пиджинов тремя взаимосвязанными особенностями. Во-первых, это наличие двух почти равноправных языков-лексификаторов: из примерно 400 известных единиц его словаря около половины восходит к норвежскому и около трети – к русскому. Есть сведения, что русские считали этот язык норвежским, а норвежцы – русским. Во-вторых, наличие десятков синонимических дублетов разного происхождения; по существу, можно говорить об одной сложной лексической единице, имеющей два плана выражения: *skasi/sprxkam* 'говорить, сказать', *balduska/kvejta* 'палтус', *musik/man* 'мужчина', *ras*³¹/*dag* 'день', *eta/den* 'этот', *njet/ikke* 'не', *tvoja/ju* 'ты' и т. д. При этом имеется тенденция использовать рус-

³¹ Восходит к русскому раз (ср. *stara ras* 'вчера').

ские по происхождению единицы в норвежском этнолекте, а норвежские – в русском. В-третьих, многие словарные единицы руссенорска имеют двойную этимологию, т. е. либо в равной степени возводимы к русскому и норвежскому этимону, либо, определенно восходя к одному из языков, имеют серьезную этимологическую поддержку в другом. При этом речь идет не только о широко распространенных интернационализмах типа *kaansul* 'консул', *kajuta* 'каюта', *vin* 'вино'. Двойную этимологию имеет наиболее частотное служебное слово руссенорска – предлог *po* (ср. рус. *по* и норв. *pa* 'в, на, к'), столь же невозможно выбрать однозначный источник происхождения слова *kruski* 'кружка' (ср. норв. *krus*). В некоторых случаях слова руссенорска являются контаминацией русско-го и норвежского: *mangoli* 'много' (ср. норв. *mange* 'много' и рус. *Много ли*)³², *ljugom* 'врать' (ср. норв. *lyve* и рус. *лгать*). В ряде случаев происхождение каждого из дублетов очевидно, но в другом языке имеется вполне очевидная этимологическая поддержка: *dobra/bra* 'хороший', *tovara/vara* 'товар' (ср. норв. *bra, vare*, значения те же).

Можно думать, что лексическая дублетность руссенорска не случайна. Точно такая же картина наблюдается в русско-китайском пиджине, где дублируются местоимения, числительные, *ю/еси* 'есть', *мию/нету* 'нет', ряд частотных знаменательных слов; имеется стойкая тенденция к распределению дублетов по этнолектам, китайцы почти не пользуются лексикой, восходящей к китайским этимонам, а те русские, которые достаточно хорошо владеют пиджином, предпочитают, по возможности, слова китайского происхождения. Ср. такой обмен репликами на базаре: (Русский): *Тунтун игэян?* '[Цена за] всё одинаковая?' – (Китаец): *Ади-нака!* 'Одинаковая!'. Вероятно, в этих случаях действовал своеобразный принцип вежливости "моя-по-твоя", признание социального партнерства.

Несколько десятков лексических единиц руссенорска восходит или к английскому и нижненемецким диалектам, или же к другим местным языкам – шведскому, финскому, саамскому. Наличие лексики первой группы вполне естественно: это "морские" интернационализмы, хорошо известные всем, кто связан с морем; вероятно, и попали они в руссенорск через посредство морских жаргонов.

Появление же заимствований из "сухопутных" (по крайней мере, в условиях контактов на Баренцевом море) языков – пусть и косвенный, но веский аргумент в пользу существования в этом районе отличных от руссенорска его "сухопутных" предшественников, известных норвежцам и/или русским.

Порядок членов предложения в руссенорске допускает колебания, но наиболее обычным является постпозиция предиката. При переходном глаголе имеется сильная тенденция располагать члены предложения следующим образом: глагол занимает конечную позицию, слева к нему примыкает немаркированный прямой объект, следующую влево позицию занимает дативный объект с

³² В этом и в ряде других слов руссенорска конечное *-ли*, явно восходя к русскому показателю общего вопроса, не выделяется в качестве самостоятельной морфемы, ср.: *Mangoli ar moja njet smotrom tvoja!* 'Много лет тебя не видел!'; *Kak maga ju prodatti?* 'Какой товар продаешь?'; *Etta dorgli!* 'Это дорого!'.

предлогом *po*, еще левее располагаются темпоральные и локативные сирконстанты, также вводимые предлогом *po*; подлежащее находится в максимально левой позиции, в начале предложения: *Moja paa dumosna grot djengi plati* 'Я заплатил много денег на таможне'; *Davajpaa moja skib kjai drikkom* 'Выпей чаю на моем корабле'.

Наиболее загадочной особенностью грамматики руссе-норска является синтаксис отрицания. Показатель отрицания *njet/ikke* располагается перед тем словом, к которому оно относится, в целом повторяя порядок русского и норвежского; имеется, однако, одно серьезное исключение. В руссенорске различные актаны глагола (прямое дополнение, датив, подлежащее) могут помещаться между отрицанием и самим глаголом, что выглядит крайне необычно с точки зрения обоих языков-лексификаторов³³: *Kor ju ikke paa moja mokka kladi?* 'Почему ты не принес мне муку?'; *Paa den dag ikke Russefolk arbej*, 'В этот день русские не работают'. Происхождение этой особенности, возможно, следует искать в финском языке, где аналогичный синтаксис при отрицании вполне обычен.

Соотношение руссенорска с языками-лексификаторами наглядно иллюстрируется следующим диалогом [Broch 1930]:

Русский	Руссенорск	Норвежский
– Здравствуй, мой старый хороший друг!	– Drasvi, gammel go ven pa moja!	– Goddag, min gamle gode ven!
- Сколько дней ты шёл сюда из Архангельска?	– Nogoli dag tvoja reisa pa Ar-kangel otsuda?	– Hvor mange dage har du brukt pa reisen fra Arkangel
– Три недели, был сильный шторм.	– Tri vegel, grot storm.	– Tre uker, meget storm.
– Сильный шторм на море.	– Grot stoka pa gaf.	– Sterk storm pa sjeen.
– Где ты останавливался?	– Koda tvoja stan-op?	– Hvor har du stoppet op?
– Я три дня пробыл у мадам Клерк [в Элве-несе].	– Ja pa madam Klerk tri daga ligge ne.	– Jeg har ligget po Elvenes i Sydvaranger (fra Klerks eien-dom) i tre dage.
– Ты купишь рыбу?	– Tvoja fisk korom?	– Kjoper du fisk?
-Да.	-Да.	- Ja.
- Какая твоя цена?	- Kak pris?	– Hvilken pris?
– Один вес муки за два веса трески.	– En voga mokka, sa to voga treska.	– En vog mel, sa to vog torsk.
– Это мало.	- Eta mala.	- Det er litet.
– Ладно, полтора веса трески за вес муки.	- Slik slag, en a en hal voga treska, sa en voga mokka.	- Slik slag (det er det samme), en og en halv vog torsk, so en vog mel.
- Это очень дорого.	– Eta grot djur.	- Det er meget dyrt.

³³ В норвежском языке отрицание при глагольном сказуемом помещается непосредственно после личной формы глагола.

- Ну, давай посидим в каюте - No davaj pa kajut sitte ne, sa - Kom og sit ned i kahytten og и маленько чайку попьем, не nokka lite tjai drinkom, ikke drik litt te, det skader ikke. повредит. skade.

2.4.3. СТАНОВЛЕНИЕ РАЗВИТЫХ КОНТАКТНЫХ ЯЗЫКОВ

В определенной ситуации пиджин может стать единственным языком социума, члены которого достаточно тесно связаны между собой, и начать обслуживать все коммуникативные потребности этого социума, в частности использовать как язык семейного общения. При этом пиджин становится родным, а часто и единственным языком нового поколения. Этот процесс называется **нативизацией** (от англ. *native* 'родной'), или **креолизацией**, пиджина, а новая ступень развития контактного языка – **креолом, или креольским языком**. Термин *креол* восходит к возникшему в Бразилии португальскому *crioulo*, первоначально обозначавшему африканского раба, родившегося в Америке.

Пиджины могли креолизироваться в разных социальных условиях: в метисных (смешанных) семьях, возникавших в береговых европейских укреплениях, на плантациях, а также среди беглых рабов (марунов), возрождавших традиционную африканскую культуру в условиях Нового Света. Многие креолисты полагают, что нативизация могла происходить еще до того, как пиджин стабилизировался, т. е. на стадии препиджина.

С расширением функций контактного языка увеличивается его словарный состав, усложняются фонетическая и грамматическая структуры. В разных типах креолов этот процесс имел свою специфику. Креолы, возникавшие в фортах, подвергались большему влиянию языка-лексификатора. В языках марунов при расширении словарного состава и усложнении грамматических средств, наоборот, сильнее всего проявлялся африканский субстрат. В условиях плантационного рабовладения контактный язык быстро становился языком семьи. Параллельно с существованием балансировавшего на грани стандартизации пиджина и все новых препиджинных идиолектов в каждом районе плантационного хозяйства возникали собственные креольские разновидности контактного языка. Это привело к тому, что современные англо-креольские языки Карибии, восходя в конечном счете к общему пиджину, часто имеют различный африканский субстрат (на Ямайке, например, это в первую очередь йоруба и тви, в Суринаме – киконго). Рассмотрим чуть более детально историю формирования креольских языков Суринама.

С конца XVI в. побережье современного Суринама, как и всей Гвианы, было ареной соперничества голландцев, англичан и французов. В 1651 г. здесь закрепляются англичане (плантаторы вместе со своими рабами перебираются в основном с Барбадоса), но в 1667 г. Суринам переходит к Нидерландам, колонией которых он и оставался до 1975 г.

Для языкового будущего страны важнейшим периодом оказалась вторая половина XVII в. С переходом Суринама к Нидерландам британские колонисты

вместе со своими рабами постепенно выезжали на острова Вест-Индии, в первую очередь на Ямайку; одновременно увеличивался приток голландских поселенцев и новых рабов, но к 1671 г. "старые" рабы, ввезенные еще в британский Суринам, численно преобладали (1300 против 1200 новых). О контактных языках этого периода ничего не известно, но вполне логично считать, что в начале 1660-х годов здесь уже сложился достаточно устойчивый пиджин на английской основе, к которому в конечном счете восходит основной креольский язык Суринама – *сранан*³⁴. Окончательно этот и другие контактные языки Суринама складываются лишь в XVIII в. Ранее их стабилизации и креолизации препятствовал приток новых африканцев, пиджины которых, как привезенные с невольничьих рынков, так и недостаточно усвоенные местные разновидности, размывали складывавшийся стандарт.

Важным дестабилизирующим фактором был также контактный язык на португальской основе, привезенный рабами 200 плантаторов-евреев, изгнанных из Бразилии³⁵. По некоторым данным, португальский креол *джу-тонго* ('еврейский язык') просуществовал в Суринаме до середины XIX в.

Под влиянием работорговли и английской, и португальской креолы Суринама формировались во взаимодействии. Наиболее интересным результатом этого процесса стал *сарамакка*, язык так называемых лесных негров (голланд. *bosnegers*), живущих сейчас в среднем течении р. Суринам (около 20 тыс. говорящих).

Происхождение племени сарамакка известно достаточно хорошо. Первые массовые побеги с побережья в джунгли происходили в 1690-х годах; именно тогда образовались кланы "лесных негров", названия которых (*мачау*, *кадосу*, *биити*) восходят к фамилиям плантаторов еврейско-бразильского происхождения (Machado, Cardoso, Britto). К 1710г. формирование нового этноса в принципе завершилось: начался 50-летний период вооруженных столкновений "лесных негров" с войсками голландской колониальной администрации, когда освобожденные невольники с большой настороженностью относились к вновь прибывавшим, подозревая их в шпионаже в пользу властей. После заключения мира с голландцами (1762) сарамакканы обязались выдавать им всех будущих беглецов.

Наиболее правдоподобным представляется следующий сценарий становления языка сарамакка. Рабы, доставлявшиеся в Суринам в конце XVII в., пользовались английским пиджином с сильным влиянием африканского субстрата (голландцы вывозом рабов из Африки не занимались). Те из них, кто попал

³⁴ Сранан - родной языка для 1/3 населения Суринама и основной язык межэтнической коммуникации в стране.

³⁵ Еврейские плантаторы происходили из так называемой Новой Голландии, территории на северо-востоке Бразилии с центром в Морицстаде (совр. Ресифи), которую Нидерланды удерживали за собой в 1630–1654гг. Евреи-марраны (внешне принявшие христианство) селились в Бразилии с 1580 г.; здесь они искали убежища, опасаясь религиозных преследований на Пиренейском полуострове. При голландской власти они открыто вернулись к иудаизму; тогда же сюда перебрались многие евреи-сефарды, изгнанные из Испании и Португалии и нашедшие временный приют в итальянском г. Ливорно и в Нидерландах. С возвратом этих земель Португалии новые колонисты были вынуждены в трехмесячный срок покинуть страну. Они эмигрировали сначала в Кайенну, а затем в Суринам (еще при британской власти, в 1664 г.).

на плантации с рабочим языком джу-тонго, вынуждены были осваивать и его. В новой коммуникативной ситуации складывался новый пиджин, лексификаторами которого стали португальский креол и английский пиджин. Поскольку тенденция к побегу была особенно характерна для недавних невольников, именно этот язык и стал главным средством общения первых "лесных негров".

В результате основной словарный фонд языка сара-макка отличается сильной гетерогенностью: к португальскому восходит 37% его базового словаря, к английскому – 54%, вклад голландского и африканских языков – по 4%. Сарамакка содержит самый большой африканский языковой компонент из всех креолов Нового Света. В обиходной лексике насчитывается около 140 единиц, восходящих к ки-конго и чуть меньше – к эве (заметим, языки эти не родственны, и говорят на них в разных частях Африки, разделенных тысячами километров). Именно из районов распространения этих языков происходят 2/3 невольников, попавших в Суринам к началу XVIII в. Еще больше слов африканского происхождения в ритуальных языках, использующихся в местной культовой практике. Любопытно, что в сранане есть небольшой пласт слов древнееврейского происхождения – например, *trefu* 'пищевое табу', *kaseri* 'ритуально чистый' (ср. рус. *трефный*, *кошерный*), в сарамакканском соответствующие понятия выражаются единицами африканского происхождения. Это дополнительное свидетельство в пользу того, что во время побега общим языком рабов был пиджин, его лексическое обогащение и креолизация происходили уже в джунглях.

Сценарий возникновения языка сарамакка показывает, что становление креольских языков было сложным процессом, в котором от демографических и языковых характеристик тех, кто оказывался вовлечен в сферу их использования, зависело будущее самих языков: креолизовавшийся язык с уже стабильной грамматической структурой и богатым словарем часто подвергался декреолизации под воздействием пытавшегося усваивать его нового контингента говорящих, численно превосходившего сложившееся ранее креольское языковое сообщество. "Новые" начинающие билингвы могли и до этого владеть пиджином (или разными пиджинами), независимо возникшим на той же лексической основе, что и креольский язык, который они пытались освоить. В результате складывался новый пиджин, который в дальнейшем креолизовался; такой процесс мог повторяться несколько раз.

Собственно лингвистической информацией по истории современных креолов мы практически никогда не располагаем, известны лишь некоторые этапы формирования креольского этноса и конечный продукт языковой эволюции – современный креол. Одну из самых сложных историй пережил *крио* (язык межэтнического общения в Сьерра-Леоне, родной для 500 тыс. человек). Район современного Фритауна с конца XVI в. часто посещали португальцы, в 1663 г. тут был основан английский форт; есть сведения, что в это время здесь использовались и португальский, и английский пиджины. К концу XVIII в. численность афро-европейских мулатов достигала 12 тыс. человек. В 1787–1792 гг. тремя партиями сюда было переселено около 2 тыс. бывших рабов, получивших свободу за участие на британской стороне в североамериканской войне за

независимость. В 1800 г. к поселенцам добавились 550 марунов с Ямайки. После отмены работорговли в Великобритании (1807) сюда доставлялись все освобожденные английским флотом негры, незаконно переправлявшиеся через Атлантику. По переписи 1848 г., в Сьерра-Леоне среди 11 тыс. таких освобожденных африканцев было более 7 тыс. йоруба. Естественно, столь сложная этнодемографическая ситуация не могла не отражаться на языке Фритауна. С распространением к концу XIX в. крио в глубь материка (естественно, в форме пиджина) он подвергся влиянию местных языков менде, темне и ваи.

В сравнительно редких случаях в процесс выработки стандарта креольского языка включались и носители языка-лексификатора. Это происходило, когда определенная группа европейцев, "бедные белые", оказывалась в территориальной изоляции от основной массы своих сородичей в метрополии и в социальной изоляции от колониальной рабовладельческой верхушки в колонии, находясь в то же время в постоянном бытовом контакте с носителями креола. Если такая европейская группа оказывалась численно сопоставима с креольской группой, результатом их коммуникативного взаимодействия является промежуточное койне, которое со временем становится родным для обоих языковых коллективов, даже если между ними не происходит значительной метисации. Такой "полукреол" может быть относительно единообразным (как на Каймановых о-вах в Вест-Индии), в других случаях диалекты белых и креолов могут сохранять некоторое своеобразие (франко-креольский язык о. Реюньон в Индийском океане).

Промежуточная ситуация складывалась там, где большая часть европейцев была двуязычна и хорошо владела креолом, но социальный и культурный барьеры, отделявшие их от рабов и их потомков, были достаточно сильны. Общаясь лишь с домашними рабами, эти европейцы не могли влиять на общекреольский стандарт, при этом их собственный родной язык испытывал воздействие со стороны креола. Проводником такого влияния становились подрастающие поколения белых – подчас дети больше общались с няньками, слугами, сверстниками-рабами, чем с собственными родителями. Такое общение вело к диффузии между языковыми системами разных социальных слоев. Этот процесс оказал влияние на формирование некоторых региональных вариантов европейских языков (диалект белых в южных штатах США, луизианский французский, некоторые разновидности португальского языка Бразилии). Считается, что специфика языка африкаанс вырабатывалась в сходных условиях.

Анализ синхронного состояния подобных языковых образований часто не позволяет объективно оценить, с результатом какого из процессов мы имеем дело: со сближением креола с языком-лексификатором или же с размыванием нормы стандартного языка под воздействием креола. Недаром в истории креолистики большинство англо-креольских языков Карибии квалифицировалось как диалекты английского. К подобным языковым системам, о которых нельзя с уверенностью утверждать, что они прошли стандартный для креола путь развития, часто применяется термин *креолоид*.

Все контактные языки на базе английского, возникшие в бассейне Атлантического океана, взаимосвязаны, причем история их возникновения и непро-

стой эволюции насчитывает всего несколько веков. Между тем отличия их друг от друга достаточно велики, что затрудняет или вовсе исключает взаимопонимание. Наглядное представление об этом дает перевод английской фразы *The dog of the man who lives in that house, is named King* 'Собаку человека, который живет в этом доме, зовут Кинг' на ряд атлантических контактных языков [Hancock 1987: 315]³⁶:

Сарамакка:	di dagu fu di womi dati di libi n' a wosu de a nɛ kin
Сранан:	a dagu f a man di libi n' ini a oso dati nen kir)
Гайянский:	a man wa liv a da hous dag neem kit)
Нигерийский пиджин:	di dog we na di man we liv fo da haus get am, i nem kin
Крио:	di man we tap na da os dog nem kir)
Блэк-инглиш:	da meg hav in das? haeas docog nei kiarj
Галла:	di dag fa di man wa hp iina da hocos neem kirj
Ямайский:	di maan wa lib iina da hocos daag nyem kirj
Барбадосский:	di dog da? bilorj tco di man da? hv in da? hocos, i neem km

Совершенно иная возможность для креолизации пиджинов возникла в связи с системой резерваций, получившей развитие в Северной Америке и Австралии. Когда в 1856 г. в Орегоне была образована резервация Гранд-Ронд, *чинукский жаргон* стал ведущим языком общения представителей 15 племен.

Сходным путем шла креолизация пиджина в северной территории Австралии. Он получил распространение в конце XIX в., оказавшись наиболее подходящим средством для решения новых коммуникативных задач: коренным австралийцам необходимо было поддерживать отношения не только с иммигрантами, но и с ранее мало или вообще неизвестными аборигенными группами, поскольку под европейским натиском многие племена были вынуждены перемещаться на новые территории. В 1909 г. в англиканской миссии Ро-пер-Ривер нашли убежище около 200 аборигенов – остатки восьми племен, сильно пострадавших от междоусобиц и преследований в предыдущие годы. Функциональное развитие этого пиджина наиболее интенсивно шло среди учащихся открывшейся здесь школы-интерната. После Второй мировой войны он начал креолизоваться. Сейчас этот новый язык, получивший название *криол* (Kriol), является основным средством общения примерно для 10 тыс. человек и функционирует в более чем 100 поселениях. Он стал использоваться в школьном обучении и в радиовещании.

Совершенно по-иному складывалась судьба пиджинов в Меланезии. На плантациях они расширяли свои функциональные возможности, однако смешанные браки были здесь скорее исключением; по возвращении на родину ме-

³⁶ Сарамакка и сранан, как говорилось, распространены в Суринаме, гайянский – непосредственно к западу от них, в Гайяне (бывш. Британская Гвиана), ямайский и барбадосский – на соответствующих островах Вест-Индии; галла (англ. *Gullah*) – наиболее архаичный вариант блэк-инглиш, распространенный в первую очередь на прибрежных островах Северной и Южной Каролины; нигерийский пиджин и крио – на африканском берегу Атлантики.

ланезийцы оказывались в традиционной этнической среде, и пиджин оставался для них вспомогательным языком. Но в этом качестве он получил неожиданно быстрое распространение. В решающий для ток-писина период Новая Гвинея находилась под германским управлением (1885-1914). Немецкая администрация и миссионеры активно пользовались этим языком.

В административных центрах пиджин постепенно становится основным языком общения, почти ни для кого не являясь родным. В результате такой эволюции эта разновидность контактного языка – *расширенный пиджин* – в функциональном отношении ничем принципиально не уступает языкам, прошедшим иной путь формирования. Такой процесс возможен только в многоязычном обществе при отсутствии традиционного языка-посредника. В форме ограниченного пиджина этот язык быстро распространялся и в не контролируемые колонизаторами районы: неоднократно отмечалось, что европейцы, проникая впервые во внутренние районы Новой Гвинеи, часто сталкивались с тем, что пиджин был там уже известен.

В последние годы нативизация ток-писина происходит и в сельской местности, причем это возможно даже в этнически однородной среде: у представителей народности му-рик, издавна занимавшейся торговлей в низовьях р. Сепик, он вытеснил этнический язык, так как оказался очень удобным средством коммуникации с любыми торговыми партнерами³⁷.

Эволюция контактного языка, характеризующаяся его постоянной стабилизацией, с одной стороны, лексическим и грамматическим расширением – с другой, идет непрерывно. Креолизация – дискретное явление: язык либо стал для кого-то родным, либо нет. Тем не менее основное разграничение между видами контактных языков приходится проводить в непрерывной, а не в дискретной области: препиджин и ранний пиджин и в социолингвистическом, и в структурном отношении качественно отличаются от расширенных пиджинов и креолов; первые – это вспомогательные языки ограниченного употребления, вторые не имеют принципиальных отличий от любых других естественных языков.

2.4.4. КОНТАКТНЫЙ КОНТИНУУМ

В ходе исторической эволюции контактные языки развивались как за счет внутренних ресурсов, так и под воздействием внешних влияний. Сообщности, пользовавшиеся контактными языками, редко оказывались в полной изоляции, но в течение длительного времени они испытывали влияние "верхнего социального барьера". Поэтому владение европейскими языками, а стало быть и

³⁷ Отсутствие символической ценности у родного языка вполне естественно для папуасского торгового народа. В папуасском понимании предметом торговли могут быть такие элементы культуры, как орнамент, мелодия, танец, определенный тип прически, одежды и украшения. При этом во многих случаях продаются и покупаются не сами предметы, а право их изготовления. После того как "авторское право" на некоторый нематериальный объект приобретено, он расценивается как элемент собственной культуры. При таком подходе к культурным феноменам утрата этнического языка и смена его на другой, более удобный в коммуникативном отношении, не только не влечет ностальгии, но может рассматриваться как выгодная коммерческая сделка.

возможности воздействия последних через двуязычие самой контактной общности на новые языки были очень ограничены. Если это положение менялось, контактный язык начинал подвергаться влиянию занимавшее главенствующее положение европейского языка.

Когда европейский язык оказывался отличным от языка-лексификатора (голландский в Суринаме, английский на Тринидаде или Сейшельских о-вах), его влияние ограничивалось лексикой и отчасти синтаксисом. Но взаимодействие лексификатора и креола имело принципиально иные результаты: возникал так называемый посткреольский континуум.

Понятие *языкового континуума*, разработанное и широко использовавшееся в диалектологии, к креольским языкам впервые было применено Р. ДеКампом [DeCamp 1961: 82] при анализе соотношения англо-креольских языков Карибии и английского. Природа диалектного и контактного континуумов в корне различна: первый имеет пространственную (территориальную) мотивацию, второй – социальную. В каждой точке диалектного континуума имеется своеобразный местный стандарт, выделить же какие-либо локальные стандарты на социальном пространстве контактного континуума затруднительно.

Посткреольский континуум развивается в большинстве тех ситуаций, когда в повседневном употреблении с креольским языком начинает конкурировать язык-лексификатор. Например, взаимопонимание между наиболее "ортодоксальным" вариантом гайанского креола и нормативным английским исключено. Но в реальной городской речи встречаются многочисленные промежуточные варианты, подчас мало напоминающие и нормативный английский, и "ортодоксальный" креол. Так, фраза / *gave him* 'Я ему дал' может иметь следующие варианты [O'Donnell, Todd 1980: 52]:

I	gave	him	a	did	gi	ii
a	geev	him	a	did	gi	ii
a	geev	im	a	di	gii	ii
a	geev	ii	mi	di	gi	hii
a	giv	him	mi	di	gii	ii
a	giv	im	mi	bin	gi	ii
a	giv	ii	mi	bin	gii	ii
a	did giv	hii	mi	bin	gii	am
a	did giv	ii	mi		gii	am

Простейшая модель описания посткреольского континуума была разработана У. Стюартом, предложившим различать наиболее удаленную от лексификатора разновидность креола (*базилект*) и наиболее близкую к нему (*акролект*) с серией промежуточных разновидностей (*мезолектов*) [Stewart 1965].

В ряде случаев вариативные черты континуума могут быть описаны через так называемые импликационные шкалы К креольским языкам эта методика впервые применена ДеКампом [DeCamp 1971b].

Исследуя наличие отдельных акролектных и базилект-ных черт (в их противопоставлении) в различных идиолектах ямайцев, он выяснил, что подвергающиеся варьированию черты могут быть размещены на направленных от ба-

зилекта к акролекту осях таким образом, что идентификация одной черты в некотором идиолекте неминуемо влечет присутствие в нем всех других, расположенных ближе к началу оси, "более базилектных" черт. Таким импликационным соотношением связаны, например, следующие бази-лектно-акролектные лексические пары: 1) *nyam* – *eat* 'есть', 2) *nana* - *granny* 'бабушка', 3) *pikni* - *child* 'ребенок'. Грамматические и фонетические особенности включаются в те же импликационные шкалы, что и лексика. Так, использование базилектного приглагольного отрицания *no ben* вместо акролектного *didn 't* располагается на приведенном фрагменте шкалы между чертами 2 и 3, а замена акролектных межзубных смычных базилектными взрывными *t* и *a* – правее 3-й черты.

В отношении указанных черт идиолекты ямайцев могут быть распределены по семи типам от наиболее *акролектных*, т. е. близких к языку-лексификатору (1), до *базилектных*, т. е. наиболее удаленных от языка-лексификатора (7).

Тип идиолекта	Используемые языковые средства					
1	<i>eat</i>	<i>granny</i>	<i>didn't</i>	<i>child</i>	<i>e-t</i>	<i>a-d</i>
2	<i>eat</i>	<i>granny</i>	<i>didn't</i>	<i>child</i>	<i>e-t</i>	<i>a-d</i>
3	<i>eat</i>	<i>granny</i>	<i>didn't</i>	<i>child</i>	<i>t</i>	<i>d</i>
4	<i>eat</i>	<i>granny</i>	<i>didn't</i>	<i>pikni</i>	<i>t</i>	<i>d</i>
5	<i>eat</i>	<i>granny</i>	<i>no ben</i>	<i>pikni</i>	<i>t</i>	<i>d</i>
6	<i>eat</i>	<i>nana</i>	<i>no ben</i>	<i>pikni</i>	<i>t</i>	<i>d</i>
7	<i>nyam</i>	<i>nana</i>	<i>no ben</i>	<i>pikni</i>	<i>t</i>	<i>d</i>

Идиолектов, нарушающих рассмотренную импликационную закономерность, например таких, где одновременно используются лексемы *nyam*, *granny* и *child*, не существует.

Реально посткреольские социумы обычно диглоссны. Языковая компетенция индивида складывается из владения оцениваемым более высоко "индивидуальным акролектом" и менее престижным "индивидуальным базилектом", причем за ними закреплены социально разграниченные функции. Сами говорящие при этом могут не осознавать всей сложности языковой ситуации. Между тем посткреольские языковые ситуации представляют, вероятно, самый сложный объект социолингвистики. Одномерная континуальная модель их описания упрощает реальность, но как "раз простота одномерной модели делает ее эффективным инструментом анализа, а всякая многомерная модель может рассматриваться как комбинация нескольких разнонаправленных одномерных континуумов, скажем, континуумов индивидуальных базилектов и акролектов.

Возможность возникновения и результаты развития таких континуумов не зависят от эволюционной стадии контактного языка: в подходящих социолингвистических условиях контактный континуум может развиваться из препиджина, различных вариантов пиджина и из креола. Примером постпрепиджинного континуума может служить так называемый гастарбайтер-дойч, немецкий язык рабочих – иммигрантов в ФРГ. Современный фиджийский этнолект индийцев на Фиджи представляет собой постпиджинный континуум. На

Гавайях до недавнего времени сосуществовали во взаимодействии постпиджинный и посткреольский континуумы.

Для возникновения континуума необходимо, во-первых, чтобы носители контактного языка имели социальную мотивацию для освоения более престижного нормативного языка, идентичного или близкого к языку-лексификатору, а во-вторых, чтобы образцы такого целевого языка были им доступны. Результаты развития континуума зависят от степени мотивации овладения новой коммуникативной системой, от близости целевого языка к лексификатору, от доступности образцов, их фактической близости к целевому языку³⁸ и массы сопутствующих обстоятельств.

Креол и целевой язык первоначально представляют собой не варианты одной системы, а две очень различные системы, хотя в силу их лексической близости между ними существует некоторая степень взаимопонимания. На продвинутой стадии процесс декреолизации эквивалентен языковому изменению в диалекте или городском просторечии под влиянием заимствований из нормативного языка.

В начальной фазе развития континуума отдельные идиолекты начинают испытывать интерференционное воздействие престижного языка. Постепенно контактный язык поляризуется на базилектную и акролектную разновидности, каждая из которых продолжает сдвигаться в направлении целевого языка. Базилектные и акролектные разновидности декреолизируются неравномерно: спектр мезолектов может и сужаться, и расширяться:

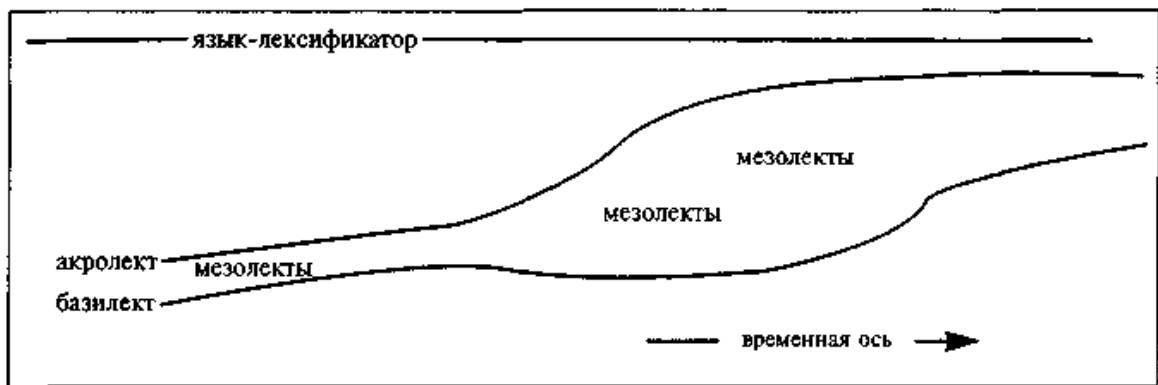

Схема изменений контактного языка во времени

Декреолизация может зайти достаточно далеко, и посткреольское состояние оказывается столь близким к языку-лексификатору, что его уже не вполне корректно рассматривать как самостоятельный, отличный от лексификатора, язык. По каким-либо социальным причинам декреолизация может приостановиться, вырабатывается своеобразный стандарт, обладающий для его носителей этнокультурной ценностью (например, *блэк-инглиш*, "диалект" афроамериканцев США). В этих случаях можно утверждать, что мотивация овладения су-

³⁸ Целевым обычно бывает нормативный язык, в то время как доступными могут оказаться лишь сниженные разновидности (типа просторечия)

перстратным языком прекращается, он более не является целевым языком; имеется даже тенденция формировать стандарт на основе базилекта, чтобы отличия двух языковых образований были более рельефны.

Целевой язык при развитии контактного континуума и лексификатор, на базе которого некогда формировался пиджин, почти никогда не бывают идентичны. В процессе пид-жинизации моделью обычно служат просторечные социолекты, жаргон моряков³⁹ и т. п. Акролект же в своем развитии ориентируется на более престижные нормированные коды.

2.4.5. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РАЗВИТЫХ ПИДЖИНОВ И КРЕОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

Языковые ситуации в странах распространения креольских языков сильно различаются. В некоторых случаях эти языки являются родными для подавляющего большинства населения страны (Гаити, Ямайка и ряд других островных государств Вест-Индии, Республика Кабо-Верде), в других – там, где креольский этнос представляет собой одну из нескольких крупных этнических групп населения, – это основные языки межэтнического общения (Суринам, Сьерра-Леоне, Маврикий). Наконец, могут существовать и небольшие креолязычные группы, язык которых используется лишь для внутриэтнического общения (такие группы есть в ряде государств Америки, Южной и Юго-Восточной Азии, в Австралии; из упоминавшихся языков к ним относятся сарамакка, брокен).

Расширенные пиджины в первую очередь используются как языки межэтнического общения (при этом, как указывалось, постепенно происходит их креолизация). В своих коммуникативных возможностях развитые расширенные пиджины, как и креолы, принципиально ничем не уступают языкам, которые формировались иными путями. Спектр выполняемых ими функций определяется не их происхождением, а их официальным статусом и отношением к ним самих говорящих.

Вот несколько примеров.

Бислама провозглашен национальным языком Республики Вануату, но традиция его использования в государственных структурах пока еще только складывается и в официальном употреблении он уступает английскому и французскому – языкам бывших метрополий. Пиджин Соломоновых о-вов официального статуса не имеет, хотя широко используется в средствах массовой информации. Среди тихоокеанских контактных языков функционально наиболее развит *ток-писин*. Хотя официальными в Папуа – Новой Гвинее объявлены три языка (ток-писин, хири-моту, английский), именно ток-писин служит основным рабочим языком центрального правительства и большинства провинциальных администраций. На всех этих языках создается художественная литература.

³⁹ Бесспорные следы "морского" происхождения имеются в самых разных креолах. Например, в индопортугальском словосочетании *disembarc du cavall* 'слезать с лошади' глагол восходит к португальскому глаголу со значением 'сходить на берег'.

Роль ток-писина в новогвинейском обществе хорошо характеризует следующее сообщение газеты "Пост-Курир" о встрече премьер-министров Папуа – Новой Гвинеи и Японии (1977): "В ходе переговоров м-р Сомаре, великолепно говорящий по-английски, пользовался пиджином. Секретарь по иностранным делам, м-р Тони Сиагуру, переводил пиджин на английский, а японский переводчик, в свою очередь, переводил для м-ра Фукуды. Как сообщил позднее официальный представитель ПНГ, м-р Сомаре решил пользоваться пиджином, поскольку может лучше выразить на нем свои мысли".

Большинство европейцев (лингвисты не исключение) традиционно считали креольские языки и пиджины лишь исковерканными формами английского, французского и других языков. Этот предрассудок довольно долго мешал успешному функциональному развитию креолов и расширенных пиджинов, изданию на них литературы, использованию в образовании и официальных сферах. В 1953 г. ООН даже обязала Австралию, управлявшую в то время подопечной территорией Новая Гвинея, отменить использование пиджина в административных целях и прекратить субсидировать те школы, где на нем велось обучение.

Важным функциональным отличием расширенных пиджинов и креолов является то, что первые не на всей территории своего распространения функционируют в полном объеме. Для многих носителей в удаленных центральных районах Новой Гвинеи ток-писин продолжает оставаться вспомогательным средством элементарного межэтнического общения, т. е. стабильным, но не расширенным пиджином. Тем не менее в качестве языка-посредника он постепенно вытесняет региональные лингва-франка.

Примеры быстрого структурного и функционального развития пиджинов, роста их престижа наблюдаются и в других регионах мира. Например, *фанагало*, возникший на юге Африки как пиджин для поддержания элементарной межэтнической коммуникации и еще несколько десятилетий назад ассоциировавшийся исключительно с отношением "хозяин–слуга", стал ведущим языком общения в многонациональных трудовых коллективах, он широко используется и в быту; часто к нему прибегают и южноафриканские индийцы [Mesrtrie 1989]. Любопытно, что фанагало, ни для кого не будучи родным языком, становится символом идентичности даже для белых южноафриканцев. В литературе описан такой показательный эпизод: белого южноафриканца, эмигрировавшего в Новую Зеландию, приятель снимает на видеопленку, чтобы отослать ее знакомым в ЮАР как рождественский подарок. Тот, сначала смутившись, говорит в объектив: *Heu wena? Ini wena buka?* 'Эй, ты? Куда смотришь?' – и после паузы добавляет: *Kanjani lapa kaya?* 'Как дела на родине?'. Использование фанагало в данном случае иллюстрирует его важную символическую ценность для говорящего.

2.5. ВЛАДЕНИЕ ЯЗЫКОМ КАК СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В каждой науке наряду с терминами, имеющими более или менее строгие дефиниции, существуют интуитивно понимаемые, неопределяемые термины. При этом, как это ни парадоксально, подобные термины нередко обозначают базовые понятия. Таково, например, понятие числа в математике, понятие слова в лингвистике (до сих пор не существует единого и при этом непротиворечивого определения термина *слово*).

К таким интуитивно понимаемым, формально не определяемым относится и понятие *владение языком*. Более того, до сравнительно недавнего времени это словосочетание и не осознавалось лингвистами как терминологическое. Само собой разумелось, что можно говорить о владении языком, если человек умеет понимать высказывания на данном языке и строить на нем - по определенным правилам, общим для всех говорящих на данном языке, - тексты (устные и письменные).

Современный этап развития лингвистики знаменателен, в частности, тем, что понятия, ранее осмысливавшиеся чисто интуитивно или не имевшие строгих толкований, начинают получать эксплицитные определения. Такова, например, судьба некоторых традиционных грамматических понятий: "управление", "согласование", "грамматическое значение" (в отличие от лексического) и некоторых других, которые во второй половине XX в. подверглись пересмотру и существенным уточнениям (главным образом с позиций формального описания языка для целей, связанных с созданием действующих моделей языка).

Так случилось и с понятием *владение языком*.

Поскольку в качестве основной задачи лингвистики в последние десятилетия выдвигается задача *моделирования речевой деятельности* человека или, иначе, того, как человек владеет языком, постольку естественно и необходимо выяснить, что имеется в виду, когда говорят о владении языком.

Ю. Д. Апресян, одним из первых в отечественной лингвистике четко сформулировавший указанную задачу, предпринял попытку расчлнить понятие *владение языком* на составляющие. По его мнению, владеть языком значит: 1) уметь выражать заданный смысл разными (в идеале – всеми возможными в данном языке) способами; 2) уметь извлекать из сказанного на данном языке смысл, в частности – различать внешне сходные, но разные по смыслу высказывания и находить общий смысл у внешне различных высказываний; 3) уметь отличать правильные в языковом отношении высказывания от неправильных [Апресян 1980: 2].

В такой интерпретации владение языком – это собственно языковые умения говорящего: способность к перифразированию, умение различать многозначность и омонимию, владение синонимией и интуитивное представление о норме. Эта интерпретация является, по существу, более детальной разработкой того, что американский лингвист Н. Хомский назвал *языковой компетенцией* (*competence*) говорящего. Помимо компетенции Хомский выделяет *языковое*

употребление (performance) – то, как используют язык говорящие.

Развивая (и одновременно критикуя) эти идеи Хомского, другой американский исследователь – Делл Хаймс показал, что знание языка предполагает не только владение его грамматикой и словарем, но и ясное представление о том, в каких речевых условиях могут или должны употребляться те или иные слова и грамматические конструкции. Хаймс ввел понятие *коммуникативной компетенции* и теоретически обосновал необходимость различать *грамматичность* высказывания и его *приемлемость* в данных условиях общения, в данной социальной среде [Hymes 1972: 278–281]. Грамматичность примерно соответствует тому, что Хомский называет *competence*, а приемлемость – тому, что у Хомского обозначено термином *performance*. Оба этих свойства составляют навык, именуемый *коммуникативная компетенция*, и таким образом оказывается, что владение языком представляет собой не чисто лингвистический, а социолингвистический феномен.

Вслед за Д. Хаймсом на необходимость изучения языковой способности человека в тесной связи с социализацией и с широким социальным контекстом, в котором протекает речевая деятельность людей, указывали У. Лабов, С. Эрвин-Трипп, Ч. Филлмор и другие исследователи.

Ч. Филлмор, например, в одной из своих работ сделал попытку разграничить собственно языковые знания человека и владение им информацией о различных компонентах акта коммуникации. "Основные факторы коммуникативного события, – пишет он, – таковы: личность отправителя сообщения, личность предполагаемого получателя или адресата сообщения, осведомленность отправителя о посреднике или очевидце коммуникативного события, код, используемый собеседниками, тема и специфическое содержание сообщения, форма его, свойства канала, посредством которого передается сообщение, обстановка или социальная ситуация, в рамках которой имеет место сообщение, и функция, в которой выступает сообщение в данной ситуации" [Fillmore 1973: 277]. Указывая на недостаточность собственно лингвистического компонента для того, чтобы говорить о подлинном владении языком, Филлмор пишет: "Есть ясные случаи грамматичных предложений (типа / *love you*) и ясные случаи неграмматичных наборов слов (типа *the of of*); но кажется, что решение вопроса о том, как квалифицировать неясные случаи, должно основываться на понимании ситуации, а не просто на грамматике, которая порождает все явно грамматичные предложения и терпит неудачу при порождении явно неграмматичных фраз..." [Там же: 283].

Это указание на ограниченные возможности чисто грамматического подхода при анализе живой речи перекликается с мыслью, которую настойчиво повторяет У. Лабов: грамматика описывает многие реально встречающиеся высказывания как ошибки, между тем как этими ошибками насыщена разговорная речь и они не ведут к непониманию. Следовательно, лингвистическая теория должна быть построена таким образом, чтобы она была способна описывать и объяснять не только "чистые" случаи, но и якобы ошибочные – а на самом деле объясняемые ситуацией и иными факторами – высказывания [Labov 1966; 1970].

Развивая эти взгляды на задачи лингвистического описания, Джон Гамперц ввел понятие *контекстуализации* (англ. *contextualisation*). Оно основано на том, что говорящий озабочен не только тем, чтобы доводить до слушателя правильно сформулированные утверждения, но и тем, чтобы эти утверждения были вписаны в соответствующий контекст, в котором они получили бы надлежащую интерпретацию [Gumperz 1984: 17]. Дж. Гамперц указывает такие виды контекстуализации: переключение кода, повышение или понижение тона, изменение скорости речи, изменение позы говорящего и др. Все они могут служить сигналами, указывающими на то, что одна тема разговора кончилась и начинается другая. Поскольку говорящий в своем поведении постоянно использует подобные сигналы, они должны учитываться при описании языка и правил его употребления в различных коммуникативных ситуациях.

Можно сказать, что к настоящему времени мнение, согласно которому лингвистическое описание должно ориентироваться не только на словарь и грамматику, но и на социальный контекст использования языка, стало общепринятым. Однако такого признания недостаточно для того, чтобы ясно представить себе структуру того, что может быть названо термином *владение языком*. Можно выделить несколько уровней владения языком в зависимости от того, какого рода информация о языке и его использовании имеется в виду.

2.5.1. СОБСТВЕННО ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

Собственно лингвистический уровень включает три упомянутых выше умения, или способности, говорящего: способность к перифразированию, способность понимать сказанное на данном языке и умение отличать правильные высказывания от неправильных. Этот уровень отражает свободное "манипулирование" языком безотносительно к характеру его использования в тех или иных сферах человеческой деятельности. Хотя сущность этого уровня владения языком вполне ясна, проиллюстрируем каждое из умений несколькими примерами.

Способность к перифразированию проявляется в том, что одну и ту же мысль говорящий может выразить по-разному. И чем больше перифраз он может использовать, тем выше (в этом отношении) степень его владения языком. Например: *Переходя улицу, будьте особенно внимательны.* = *При переходе улицы будьте особенно внимательны.* = *Когда вы переходите улицу, (то) будьте особенно внимательны.* = *Переход улицы требует (от пешехода) особой внимательности.* – *Особая внимательность – вот что требуется при переходе улицы* и т. д.

Понимание текстов на данном языке не нуждается в каких-либо иллюстрациях ввиду полной очевидности этого навыка. Распознавание же многозначности и омонимии заключается в способности носителя языка осознавать неоднозначность таких словосочетаний и предложений, как, например: *люблю Чехова* = 1) 'люблю произведения А. П. Чехова'; 2) 'люблю человека по фамилии Чехов'; *посещение писателя* = 1) 'кто-то посетил писателя'; 2) 'писатель посетил кого-то'; *Школьники из Костромы поехали в Ярославль* = 1) 'костромские

школьники поехали в Ярославль'; 2) 'Школьники (не сказано, какие) поехали из Костромы в Ярославль' и т. п.

Речь, в особенности устная, насыщена подобными неоднозначными высказываниями, однако коммуниканты не испытывают от этого особых неудобств, так как многозначность (или омонимичность) снимается контекстом и ситуацией общения. Владение синонимией заключается, с одной стороны, в навыке перифразирования (когда один и тот же смысл выражается разными синонимичными конструкциями – примеры см. выше), а с другой – в умении находить общий смысл во внешне различных словосочетаниях и предложениях. Например, человек, владеющий русским языком, должен опознавать как тождественные по смыслу пары словосочетаний типа *деревянные ложки – ложки из дерева; оконное стекло – стекло для окон; продуктовый магазин – магазин, где продаются продукты* или варианты высказываний и вопросов типа: *Подвиньтесь, пожалуйста. – Можно попросить вас подвинуться? – Вы не могли бы подвинуться?* и т. п.

Наконец, человек, владеющий каким-либо языком, должен уметь определить, как можно, а как нельзя говорить на этом языке (но он не обязан знать причины этого: разбираться в причинах "правильностей" и "неправильностей" – дело лингвиста). Например, владеющий русским языком, не колеблясь, отнесет к неправильным фразы типа: **Он сделал мне помощь* (вместо: *оказал помощь*), **С минуту воцарилось молчание* (вместо: *На минуту воцарилось молчание* или *С минуту длилось молчание*), **Я имею шестьдесят килограмм веса* (вместо: *Я вешу шестьдесят килограмм(ов)* или *Во мне шестьдесят килограмм(ов)*) и т. п.

Эти знания и умения составляют основу навыка, называемого "владение языком". Очевидно, однако, что для свободного общения на том или ином языке трех указанных умений недостаточно. Можно хорошо знать правила произношения, правила грамматики, нормы словоупотребления, уметь использовать разные языковые средства для выражения одной и той же мысли, обладать острым чутьем на разного рода языковые неправильности, но при этом не иметь необходимых навыков нормального для данного языкового сообщества коммуникативного поведения, недостаточно умело применять лингвистические знания и способности в реальной речевой обстановке. Природный, "подлинный" носитель языка обычно способен варьировать речь в зависимости от своих отношений с адресатом, от цели речи и многого другого (о чем мы уже достаточно говорили выше). Поэтому помимо собственно лингвистического уровня владения языком целесообразно выделять еще и другие.

2.5.2. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ УРОВЕНЬ

Этот уровень предполагает владение национально обусловленной спецификой использования языковых средств. Носители того или иного языка, с детства овладевая словарем, грамматикой, системой произносительных и интонационных средств данного языка, незаметно для себя, чаще всего неосознанно, впитывают и национальные формы культуры, материальной и духовной. Нередко эти культурные обычаи бывают связаны со специфическим использова-

нием языка, его выразительных средств.

Так, в Венгрии чай *варят*, а в России *заваривают* (поэтому для русского человека выражение *варить чай* необычно, странно, хотя сказать так по-русски можно, – тем самым это выражение нельзя признать языковой неправильностью). В Финляндии яйца продают на вес, а не на десятки, как это принято в России; отсюда возможные высказывания в речи финнов, овладевающих русским языком, типа: *Взвесьте мне, пожалуйста, килограмм яиц*, которые природному носителю русского языка, конечно же, кажутся странными (хотя в чисто языковом отношении они вполне правильны)⁴⁰.

Национально обусловлены многие речевые стереотипы, т. е. обороты и высказывания, "жестко" прикрепленные к той или иной ситуации и варьируемые в строго определенных пределах. Так, у русских приняты следующие стереотипные начала разговоров по телефону: – *Алло!* – *Да!* – *Слушаю!* или: – *Я слушаю, слушаю вас* и немногие другие (при снятии трубки в ответ на телефонный звонок). Немец, даже достаточно хорошо владеющий русским языком, может в этом случае произнести: – *Пожалуйста!* (как бы предлагая звонящему начать говорить). Представляясь собеседнику по телефону, русский говорит: – *Это Петров (это Дмитрий Иванович, это Коля)*. Немец или француз, следуя принятым в их национальных традициях стереотипам, могут сказать: – *Здесь Гофман*; – *Здесь Поль* (кальки немецкого *Hier ist Hoffman* и французского *Id Paul*).

Существенным компонентом национально-культурного уровня владения языком является знание *коннотаций* слова – тех стандартных, общепринятых в данном обществе ассоциаций, которые возникают у говорящих при произнесении того или иного слова. Такие стандартные ассоциации очень часто бывают обусловлены национально.

«Французское *eau*, – писал Л. В. Щерба, – как будто вполне равно русской *воде*; однако образное употребление слова *вода* в смысле "нечто лишенное содержания" совершенно чуждо французскому слову, а зато последнее имеет значение, которое более или менее точно можно передать русским *отвар* (*eau de riz, eau d'orge* – рисовый отвар, ячменный отвар). Из этого и других мелких фактов вытекает, что русское понятие воды подчеркивает ее пищевую бесполезность, тогда как французскому *eau* этот признак совершенно чужд» [Щерба 1958: 86].

Слово *сокол* в русском языковом сознании связано с такими свойствами, как бесстрашие, гордость. На этой основе родилось переносное употребление этого слова применительно к летчикам. Во французском языке у соответствующего слова (*faucou*) таких ассоциаций нет, поэтому употребить слово *faucou* по отношению к авиатору для француза такая же нелепость, как для русского сказать о летчиках *наши славные воробьи*.

Слово *корова* ассоциируется с такими свойствами, как толщина (телесная) и неповоротливость; поэтому возможны бранные выражения с применением этого слова по отношению к человеку, преимущественно к женщине, что со-

⁴⁰ Примеры заимствованы из книги [Верещагин, Костомаров 1976: 91-92].

вершено непонятно и невозможно для индусов, в национальных традициях которых – поклонение корове как священному животному.

Черный цвет в русском обществе (так же, как в большинстве других европейских социумов) – символ траура. Само прилагательное *черный* в прямом своем значении имеет соответствующую коннотацию, обусловленную указанным семиотическим фактом. Благодаря связи "черный – траур" в языковом сознании говорящих по-русски ироническое выражение *траур под ногтями* легко понимается и может быть столь же легко переведено на языки, обслуживающие те общества, в национально-культурных традициях которых цветом траура является также черный цвет. Однако для перевода этого выражения на языки тех наций, которые имеют иные традиции символического обозначения траура (например, в некоторых культурах Востока для этого служит белый цвет), необходимы комментарии.

Коннотации могут быть обусловлены не только национальными, но и социальными различиями между говорящими. В этом случае по-разному коннотируются одни и те же факты данного национального языка. Так, за словом *материал* портному и юристу, ученому и скульптору видится разная реальность; глагол *сидеть* вызывает разные ассоциации у подсудимого и у молодых родителей (чей ребенок уже ползает, но еще не сидит) и т. д.

Факты такого рода давно и хорошо известны. Однако не всегда обращают внимание на то, что подобные различия имеют непосредственное отражение в сочетаемости соответствующих языковых единиц. В речи представителей каждой социально-профессиональной группы активизируются те лексические, семантические и синтаксические связи слова, которые актуальны для соотношения слова с реалией или ситуацией, лучше других знакомой говорящему: *сшить брюки из дорогого материала; На вас поступил компрометирующий материал; Ему удалось получить интересный экспериментальный материал; Из какого материала этот памятник? Ее сын сидит в тюрьме; Сынишка у них уже сидит* и т. п.

Таким образом, в речевой практике людей, принадлежащих к разным социально-профессиональным группам, активны различные фрагменты корпуса языковых средств: наиболее свободно и легко они владеют теми фрагментами, которые отражают их социальный статус и профессиональную деятельность.

2.5.3. ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

Владение языком на этом уровне предполагает знание не только слова, но и "мира слова", т. е. того реального мира, который стоит за словом.

Например, владение русским словом *часы* предполагает знание не только собственного значения этого слова, его лексической и грамматической сочетаемости (*часы идут, стоят, спешат, отстают, остановились, тикают, бьют, точные часы, на часах, – половина второго* и т. п.), фразеологических сочетаний, содержащих это слово (*точен, как часы; Счастливые часов не наблюдают*), и другой чисто языковой информации, но и многочисленных разновидностей прибора для измерения времени: часы механические, электрические,

электронные, водяные, солнечные, атомные; наручные, карманные, стенные (или настенные), будильник, ходики, часы с кукушкой, куранты и др.

Знание "мира слова" проявляется, в частности, в правильном представлении о родо-видовых отношениях между вещами и понятиями. Так, носитель русского языка знает, что *мебель* – это общее название для дивана, шкафа, стола, стульев, кресел и других видов мебели, что *перебегать*, *переплывать*, *переползть*, *перелетать* и другие подобные глаголы могут быть обобщены глаголом *перемещаться*. Такое знание имеет важные логические следствия как для речевого общения в целом, так и для построения логически правильных высказываний. Например, для образования цепочек однородных членов в предложении необходимо соблюдать условие, благодаря которому такие члены и называются однородными: они должны обозначаться словами, которые называют вещи или понятия одного логического уровня. Можно сказать: *В комнате стояли стол, стулья и еще кое-какая мебель*, но нельзя: **В комнате стояли стол, стулья и мебель*. Можно сказать: *Спасаясь от лесного пожара, всё живое в лесу перебегало, переплывало, переползало, перелетало подальше от огня*, но нельзя: **Спасаясь от пожара, всё живое перебегало, переползало и перемещалось подальше от огня*.

Помимо родо-видовых, между вещами и понятиями, а также между действиями и событиями существуют и другие отношения – причинно-следственные, временные, пространственные и т. п. Знание этих отношений позволяет человеку отличить логически нормальное высказывание от аномального, неправильного: *На улице сыро, потому что идет дождь* (но не: **На улице сыро, поэтому идет дождь*); *Он встал, оделся и вышел на улицу* (но не: **Он оделся, встал и вышел на улицу* или ** Он вышел на улицу, оделся и встал* – во всяком случае, такие предложения описывают необычные ситуации). Пример из речи ребенка: **Завтра я был в детском саду, а вчера не пойду* свидетельствует не только о том, что говорящий не овладел значениями слов *завтра* и *вчера*, но и о том, что он не имеет ясного представления о взаимном расположении смыслов 'вчера', 'сегодня', 'завтра' на оси времени.

Приведенные здесь неправильные высказывания являются *логическими аномалиями* в отличие от приводившихся выше языковых неправильностей. В самом общем виде различие между языковой неправильностью и логической аномалией может быть сформулировано так: языковая неправильность – это высказывание, противоречащее возможностям данного языка (так не говорят по-русски, по-английски, по-арабски и т. д.), логическая аномалия – это высказывание, противоречащее нормальной логике вещей (так не бывает, хотя по-русски (по-английски, по-арабски) так сказать можно): ср. сочетания типа *круглый квадрат*, *жидкий лед* и т. п. (подробный анализ различий между языковыми неправильностями и логическими аномалиями содержится в работе [Апресян 1978]).

Кроме рассмотренных трех уровней владения языком, выделяют еще **ситуативный уровень**. Умение применять языковые знания и способности – как собственно лингвистические, так и относящиеся к национально-культурному и энциклопедическому уровням, – сообразно с ситуацией составляет этот уровень

владения языком.

В главе 1 (раздел "Коммуникативная ситуация") мы достаточно подробно рассмотрели компоненты ситуации общения и проиллюстрировали важность ситуативных условий для правильного использования языковых средств. Поэтому здесь ограничимся констатацией положения о том, что знание ситуативных условий речи органически входит в навык, называемый "владение языком".

2.6. СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Речевое общение представляет собой сложный процесс, в изучении которого можно выделить разные аспекты: собственно лингвистический (анализ тех языковых средств – фонетических, интонационных, лексических, грамматических, которые используются в коммуникации), психологический (установка общающихся друг относительно друга, их коммуникативные интенции, индивидуальные особенности поведения и т. п.), социальный. Последний аспект включает в себя *статусные* и *ролевые* различия между людьми (о понятиях *социального статуса* и *социальной роли* см. в главе 3), проявляющиеся в актах коммуникации, общественные стандарты и требования, предъявляемые к тем или иным формам речевого поведения, социальные различия между говорящими в их отношении к собственным и чужим моделям речевого поведения и т. п.

Рассмотрим некоторые проблемы, относящиеся к социальному аспекту речевого общения.

2.6.1. РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ В СОЦИАЛЬНО НЕОДНОРОДНОЙ СРЕДЕ

При исследовании речевого общения часто неявно предполагается, что человеческая среда, в которой происходит общение, однородна в социальном отношении. Между тем весьма обычны ситуации, когда коммуникация осуществляется представителями разных социальных слоев и групп. Таково, например, общение судьи, подсудимого, обвинителя, адвоката и свидетелей в зале суда, посетителей на приеме у представителей власти, в ролевых парах типа "покупатель - продавец", "врач - пациент", "хозяин квартиры – сантехник", "водитель такси – пассажир" и т. п.

Для успеха коммуникации необходимо своеобразное взаимное приспособление участников коммуникативной ситуации. Такое приспособление может касаться: 1) набора языковых средств; 2) правил их использования в данной ситуации; 3) тактик речевого общения; 4) при контактном общении – ее невербальных компонентов (жестов, мимики, телодвижений и т. п.). Для всех четырех типов коммуникативного приспособления имеет значение различие коммуникантов по признакам "свой / чужой" и "выше / ниже" (в некоторой социальной или возрастной иерархии). Дадим краткую характеристику разных сторон речевого общения.

1. При общении со "своим", т. е. человеком из той же социальной среды и при этом знакомым говорящему, последний более или менее свободен в

выборе языковых средств; при общении с "чужим" происходит селекция языковых средств – путем переключения на стилистически более официальный регистр, самоограничений языкового репертуара (например, рабочий, общаясь с врачом или с судьей, избегает ненормативной лексики, которая обычна для его речевого поведения в общении со "своими"), а также в виде редукции сугубо индивидуальных речевых черт (слова и выражения, которые человек любит употреблять в общении с "домашними", едва ли уместны в разговорах с официальными лицами).

Подобная селекция наблюдается и при общении взрослого и ребенка, начальника и подчиненного, командира и солдата и т. п.

2. Правила использования языковых средств различаются в зависимости от того, происходит ли общение в привычной для говорящего социальной среде или в непривычной. В первом случае довольно часты отступления от нормативных форм речи (ср. семейные словечки, обороты, присловья, а также речевую специфику других малых социальных групп; см. об этом более подробно в разделе "Микросоциоллингвистика" главы 4). При общении в непривычной социальной среде говорящий вынужден с большей аккуратностью следовать правилам употребления языковых средств, в противном случае его ждет коммуникативная неудача (недоумение, непонимание, отказ от общения) или своеобразные санкции со стороны тех, с кем он вступает в контакт (насмешки, осуждение, возмущение и т. п.).

Общение в непривычной среде часто характеризуется тем, что участники общения владеют разными подсистемами одного национального языка: одни – исключительно или преимущественно литературным языком, другие – диалектом, третьи – просторечием или каким-либо социальным жаргоном и т. д. Речевое общение может происходить с использованием средств каждой из этих подсистем: носитель диалекта использует местный говор, носитель просторечия – просторечные слова и обороты, носитель литературного языка – средства языка литературного. Однако при общем относительном взаимопонимании – поскольку все употребляемые при коммуникации средства принадлежат одному национальному языку – возможны коммуникативные провалы, обусловленные тем, что внешне сходные или тождественные языковые знаки имеют в разных подсистемах неодинаковое содержание: различаются по смыслу, коннотациям, экспрессивно-стилистической окраске, функционально-стилистической принадлежности и т. п.

В рассказе А. П. Чехова "Новая дача" инженер Кучеров спрашивает деревенских мужиков, зачем они пускают скотину в его огород и сад, рубят деревья в лесу, перекопали дорогу. Он говорит им:

" – Вы же за добро платите нам злом. Вы несправедливы, братцы. Подумайте об этом. Убедительно прошу вас, подумайте. Мы относимся к вам по-человечески, платите и вы нам тою же монетою".

Из всей его речи мужики уразумели только то, что надо платить (этот глагол понят ими в конкретном, вещественном смысле):

" – Платить надо. Платите, говорит, братцы, монетой..."

В другой раз, встретив крестьян, Кучеров говорит раздраженно, возму-

щенный бессмысленностью их поступков по отношению к нему и его семье:

«Инженер остановил свой негодующий взгляд на Родионе [старом кузнеце] и продолжал:

– Я и жена относились к вам, как к людям, как к равным, а вы? Э, да что говорить! Кончится, вероятно, тем, что мы будем презирать вас. Больше ничего не остается!..

Придя домой, Родион помолился, разулся и сел на лавку рядом с женой.

– Да... – начал он, отдохнув. – Идем сейчас, а барин Кучеров навстречу... Да... глядит на меня и говорит: я, говорит, с женой тебя призирать буду... Хотел я ему в ноги поклониться, да оробел... Дай Бог здоровья... Пошли им Господи...

Степанида перекрестилась и вздохнула.

– Господа добрые, простоватые... – продолжал Родион. – "Призирать будем..." – при всех обещал. На старостилет и... оно бы ничего... Вечно бы за них Бога молил... Пошли, Царица небесная...».

3. В понятие *тактика речевого общения* входят такие компоненты, как инициатива коммуникативного контакта, установка на общение, "иллокутивное вынуждение" (термин А. Н. Баранова и Г. Е. Крейдлина [Баранов, Крейдлин 1992]). Здесь имеется в виду согласование участниками общения коммуникативных намерений, которые они облачают в форму тех или иных речевых актов – просьбы, требования, сообщения, приглашения, обещания и т. п., – соотношение диалогических и монологических форм речи, паузация (в частности, допустимость / недопустимость, обязательность / необязательность, краткость / протяженность пауз) и др.

Рассмотрим с этой точки зрения общение врача и пациента.

В типичном случае это представители разных социальных слоев. Хотя инициатива обращения к врачу может исходить от пациента, "ведущим" в их диалоге является, несомненно, врач. Он задает вопросы, и пациент обязан на них отвечать; он приказывает: – *Дышите!* – *Задержите дыхание!* – *Разденьтесь!* – *Лягте на кушетку!* – и пациент обязан подчиняться. Врач рекомендует, запрещает, страшит возможными последствиями нарушения врачебных предписаний, и это не вызывает протеста, поскольку входит в систему ролевых ожиданий, характерных для социальной роли врача.

Само взаимодействие "врач – пациент" с необходимостью предполагает установку на общение (с этим можно сравнить взаимодействие в паре "следователь – подследственный", где установка на общение может присутствовать только у следователя). Врач и пациент периодически меняются ролями говорящего и слушающего, и хотя в целом их общение можно характеризовать как диалог, в этом диалоге допустимы более или менее значительные по объему фрагменты монологической речи – например, когда врач составляет анамнез и выслушивает рассказ пациента обо всех его прошлых и настоящих недугах. В процессе общения врача и пациента допустимы и нормальны паузы, причем регулирует паузацию, как правило, врач – например, при выслушивании ритмов сердца, при измерении артериального давления и т. п. (ср. общение в ситуации "своей" социальной среды, когда возникновение пауз скорее спонтанно, чем

вынуждаемо одной из сторон общения).

Различия в тактиках речевого общения могут касаться также способов реализации одних и тех же языковых и па-рязыковых средств. Например, манера говорить, принятая среди представителей современного русского просторечия, в интеллигентской среде иногда оценивается как агрессивная (повышенная громкость обычной "информационной" беседы, резкость интонаций, обертучная размашистая жестикуляция, телодвижения, имитирующие те или иные физические процессы, и т. п.), тогда как с точки зрения говорящего – носителя просторечия такая манера общения агрессивной не считается. В интеллигентской среде при передаче чужого мнения или чужих высказываний не принято подражать манере говорения, которая характерна для цитируемого лица; в просторечной среде имитация чужой речи с элементами передразнивания (при отрицательной оценке того, кто имеется в виду, его действий и т. п.) – явление вполне обычное.

4. Невербальные компоненты коммуникативной ситуации – жесты, мимика, телодвижения – более разнообразны и свободны при общении людей среди "своих". В чужой среде, и особенно при общении "снизу вверх", эти компоненты находятся под социальным контролем, который суживает рамки жестовых и мимических реакций, и под самоконтролем участников коммуникации.

Из этой краткой характеристики разных сторон речевого общения видно, что в общем случае взрослый человек владеет некоей совокупностью социализированных, принятых в данном социальном коллективе норм общения, включающих как собственно языковые нормы, так и правила социального взаимодействия. Эти нормы обязательны для людей, живущих в данном языковом обществе, при их речевом поведении как в социально однородной, так и в социально неоднородной среде.

2.6.2. СОЦИАЛЬНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

В языке существуют "зоны", в большей или меньшей мере чувствительные к влиянию социальных факторов. Например, формы обращения к собеседнику, стереотипы приветствий, прощаний, поздравлений, извинений и т. п. – словом, вся система речевого этикета в наибольшей степени обусловлена социальными характеристиками коммуникантов и ситуацией общения. При этом в разных языках и языковых сообществах действуют разные рекомендации и запреты, касающиеся употребления тех или иных этикетных формул. Эти формулы достаточно условны: на их месте могли бы быть другие языковые выражения с той же функцией, однако традиция – культурная и языковая – закрепила в употреблении именно данные речевые формы, а не какие-либо иные, и пренебрежение условностями этикета, попытки "вольничать" с этикетными шаблонами могут вести к непониманию и конфликтам.

Если вы начинаете общение с вашим знакомым без обычного *здравствуй(те)* или *добрый день*, то он может либо оскорбиться, либо предположить, что у вас случилось нечто, выбившее вас из обычной колеи и заставившее пренебречь формами этикета.

Уход из гостей без прощания оценивается в русском обществе как невежливое поведение; англичане же относятся к этому иначе, и в русском языке даже существует оборот "уйти по-английски" – незаметно и потому не прощаясь (любопытно, что в английском языке то же действие обозначается словосочетанием *to take French leave*, т. е. 'уйти по-французски').

Обращение по имени в соответствии с русскими обычаями возможно лишь к близкому или хорошо знакомому человеку. При этом обычно используется не полное, так называемое паспортное, имя, а уменьшительное: не *Вячеслав*, а *Слава*, не *Екатерина*, а *Катя* (правда, в последнее время, особенно в молодежной среде, наблюдается тенденция использовать в этой функции полную форму имени: *Александр*, *Леонид*, *Святослав*, однако это еще не стало общерусской нормой). У американцев принято более свободное употребление личного (и часто также уменьшительного) имени: например, коллеги по научной работе – не обязательно друзья или близкие знакомые! – могут называть друг друга *Билл*, *Боб*, *Сьюзи*.

На юге США в прошлом существовали очень строгие различия между обращениями белых к черным, с одной стороны, и черных к белым – с другой. От рабов всегда требовалось обращаться к каждому из правящей социальной группы, добавляя вежливое *сэр*, или *мистер*, или *мадам*. К ним же обращались: *бой* или только по имени.

Среди некоторых национальностей современной Индии о лице, занимающем высокое социальное положение, принято говорить, употребляя местоимение и глагольные формы множественного числа. В буквальном переводе это звучит так: *Судья начали заседание; Доктор заняли место председателя*. Такое лицо и о себе говорит в столь же почтительной форме: *мы пошли, нас предупредили*, а не *я пошел, меня предупредили*. С этим можно сравнить обороты, существовавшие в старом русском просторечии: *Барыня кушают, Барин гневаются*, а также клише, начинавшее царские постановления: *Мы, милостию Божией государь и император всея Руси Николай Второй...*

Местоимение 2-го лица единственного числа, соответствующее русскому *ты*, используется в языке раджастхани (Индия) при дружеском обращении вышестоящего к нижестоящему или старшего по возрасту к младшему. Такое обращение возможно также в случае, когда говорящий ощущает большое интеллектуальное превосходство над адресатом (или это превосходство признается всеми членами данного социума): например, деревенский мудрец, к которому односельчане обращаются за советом и помощью, всем без исключения говорит *ты*, в том числе и сильным мира – богатому торговцу, землевладельцу.

В Венгрии, по наблюдениям венгерского лингвиста академика Ф. Паппа, обращение на *ты* (*te*) широко распространено в среде интеллигенции и мало встречается у крестьян: крестьяне обращаются друг к другу на *вы*, даже жена мужа называет на *вы* (а он ее – на *ты*). Среди интеллигентных людей одной профессии принято обращение на *ты*, даже если между собеседниками большая разница в возрасте и они мало знакомы друг с другом: на *ты* может происходить, например, общение специалистов, впервые встретившихся на профессиональной конференции. Если жёны на *ты*, то и их мужья, несмотря на воз-

можную значительную разницу в возрасте и не очень близкое знакомство друг с другом, тоже должны придерживаться этой формы личного обращения.

У некоторых народов речевой этикет очень своеобразен и сложен. Например, в сельских районах Мексики в обращениях к собеседникам используются два местоимения 2-го лица: литературное испанское *usted* и менее вежливое *Ты* (сравните русские *Вы* и *ты* или немецкие *Sie* и *du*). Но любопытно, что уважительное *usted* используется не только в официальных ситуациях и при обращении младших к старшим, но и при обращении... к собакам и кошкам, тогда как других животных называют на *ты*. Это связано со спецификой культурно-бытовых традиций, в которых собакам и кошкам отводится особое место: в отличие от других животных, собака и кошка постоянно находятся в доме (или при доме), они как бы члены семьи. Местоименное обращение *usted* и служит своеобразным отличительным признаком такого особого положения этих домашних животных.

Чрезвычайно разработанная система речевого этикета сохраняется по традиции в Японии и некоторых других странах Востока. У японцев существуют иерархически упорядоченные совокупности форм приветствий, рекомендаций, просьб, благодарности и т. п., использование которых зависит от социального статуса собеседника, его возраста, пола, уровня культуры и других признаков (подробнее об этом можно прочитать в книге [Алпатов 1973]).

Еще более сложны и дифференцированы формы вежливости в таких языках, как корейский, тибетский, яванский. Корейцы, например, различают шесть рядов морфологических форм, каждая из которых связана с определенными отношениями между собеседниками: если социальное положение говорящего ниже, чем социальное положение адресата, употребляются одни формы, если выше – другие, при равенстве – третьи. Различаются по использованию этих форм виды речевого общения младшего по возрасту со старшим, женщины с мужчиной, мужчины с мужчиной и т. д. Кроме того, еще два ряда форм служат для обозначения разных отношений между говорящим и тем, о ком (или о чем) идет речь в данной ситуации.

В тибетском языке одно и то же значение выражается по-разному, имеет ли говорящий в виду себя или кого-либо другого, к кому он относится с почтением. Например, слова *и* и *го* значат 'голова', но *и* – почтительная форма, а *го* – обыкновенная (о своей голове говорящий не скажет *и*, а только *го*). Так же различаются слова *gongpra* и *sampra* 'мысль', *chhab* и *chpu* 'вода' и некоторые другие.

"В яванском языке, – пишет исследователь этого языка К. Гирц, – почти невозможно что-либо сказать, не указав на различия в социальном положении говорящего и слушающего. Эти различия сильнее, чем те, которые символизируются местоимениями *du* и *Sie* в немецком (или *ты* и *Вы* в русском). Приветствуя человека, занимающего более низкое социальное положение, чем говорящий, последний использует выражение *Apa padda slamet?* 'Как дела?'; встречаясь же с лицом, которое выше его на социальной лестнице, он говорит нечто совсем иное, более вежливое, но имеющее тот же смысл: *Menapa sami sugeng?* Точно так же различаются и другие формы обращений и приветствий. Более того, многие слова и аффиксы, помимо их собственных значений, несут еще до-

полнительную нагрузку в условиях живой речи: они указывают на социальный статус собеседников и на степень близости их отношений. Так, слова *omah*, *grija*, *dalem* значат 'дом', но употребляются они различно: *omah* можно сказать при разговоре с человеком более низкого социального статуса, чем говорящий, *grija* – при разговоре с равным, третье же слово – *dalem* – самое "уважительное": оно используется в общении с лицом более высокого социального положения" [Geertz 1970: 282-283].

На этих примерах мы убеждаемся, что формы речевого этикета отличаются не только национальным, но и социальным своеобразием. Способ обращения к собеседнику, виды приветствий, благодарности, приглашения, прощения и т. п. зависят от социального положения обоих коммуникантов, их пола и возраста, от характера их взаимоотношений.

Речевой этикет – лишь одна из "зон", испытывающих на себе влияние социальных факторов, регулирующих использование языковых средств. На других участках языковой системы это влияние имеет более скрытые и сложные формы. Например, оказывается, что социальные факторы не только формируют условия, в которых развивается и функционирует язык, но и входят в качестве компонентов в структуру языковых единиц. На первый взгляд это кажется маловероятным. Но факты свидетельствуют: социальное проникает в ткань языка, а не только служит "антуражем" его употребления.

2.7. СОЦИАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В СЕМАНТИКЕ И В СОЧЕТАЕМОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

В лингвистических описаниях издавна отмечаются факты социальной маркированности формы языковых единиц: шахтеры говорят *дóбыча угля*, моряки – *компáс*, милиционеры и следователи – *осужденный за кражу* и *возбужденное дело* и т. п. Сравнительно недавно социолингвисты обратили внимание на то, что социальные различия между людьми проявляются не только "поверхностно" – например, в том, как они произносят одни и те же слова, но и более глубоко. Например, эти различия могут быть "встроены" в значение языковой единицы или в правила ее сочетаемости с другими единицами. Тем самым речь может идти не только о том, что социальные факторы обуславливают функционирование и развитие языка, но и о том, что они являются компонентами содержательной структуры языкового знака.

2.7.1. СОЦИАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В СЕМАНТИКЕ СЛОВА

В каждом языке имеется лексика, обозначающая различные отношения между людьми – межличностные и институциональные (т. е. реализующиеся в некоей иерархической социальной структуре – семье, производственной группе, спортивной команде, воинском подразделении и т. п.), а также отношения между личностью и обществом. Лексические значения таких слов содержат в себе указания на характер подобных отношений, которые в самом грубом виде

можно разделить на отношения подчинения (или зависимости) и отношения равенства.

Рассмотрим это явление на двух группах примеров – предикатах, обозначающих асимметричные отношения, или отношения подчинения (зависимости):

(1) *арестовать, аудиенция, благоволить, велеть, верховодить, взыскание, властвовать, власть, вменить, возглавить, воспретить, выговор, выселить, выслать, гневаться, головоломка, даровать, диктат, диктатура, жучить, закатать (под арест), зыкнуть, изгнать, инспектировать, кара, карать, кассация, кассировать, командировать, командовать, коноводить, консультировать, контролировать, конфисковать, мирволить, надзирать, надлежать, назначить, нахлобучка, нотация, обязать, окрик, опека, опекать, отозвать (по-сла), отстранить (от работы), подчинить, позволить, покровительство, покровительствовать, помилование, помиловать, разрешить, распекать, ревизовать, руководить, сместить, сослать, тиранить, экзаменовать* и др. Эти слова обозначают ситуации, в которых социальная роль первого участника (семантического субъекта, или агенса) "выше" социальной роли второго участника (адресата или контрагента). Если мы обозначим социальную роль символом Р, то отношения, описываемые этими предикатами, можно схематически обозначить как $P(X) > P(Y)$;

(2) *апеллировать, апелляция, вымолить, выплакать (себе прощение), выхлопотать, гневить, грубить, дерзить, докладывать (в контекстах типа: доложить по начальству), испросить, исхлопотать, консультироваться, молить, непочтение, послушаться, отпроситься, повинование, повиноваться, подпевала, подчиняться, прекословить, пререкаться, рапорт, рапортовать, резать (правду в глаза), слушаться, экзаменоваться* и др. Социальная роль первого участника ситуации "ниже" социальной роли второго; схематически: $P(X) < P(Y)$.

Значения слов, называющих асимметричные ролевые отношения, назовем социально ориентированными в отличие от социально не ориентированных значений, присущих словам типа *дружить, напарник, однокурсник, сослуживец, сосед, сотрудничать* и под. Социально не ориентированные значения не содержат в себе никаких указаний на равенство социальных ролей, которые исполняют участники ситуаций, обозначаемых словами с такими значениями; поэтому дальше они не рассматриваются.

Семантическая структура слов, обозначающих социально ориентированные отношения, содержит не менее двух актантов - субъекта и адресата: кто *командует* кем, кто *высылает* кого, кто *апеллирует* к кому, кто *выслуживается* перед кем и т. д. Помимо актантов субъекта и адресата в значениях этих слов могут быть и другие смысловые компоненты – например, актанты содержания (*Командир приказал нам наступать*), мотивировки (*Петю наказали за неуспеваемость*), начальной точки (*Их выселили из квартиры*), конечной точки (*Декабрист Лунин был выслан на каторгу*) и др.

Некоторые из слов, обозначающих социально ориентированные отношения, указывают на определенные социальные функции лиц, между которыми эти отношения устанавливаются. Так, командир должен *командовать*, сол-Дат

должен *подчиняться*, невзрослый сын обязан *слушаться* родителей и не должен их *ослушиваться* и т. д. Компонент лексических значений глаголов *командовать*, *подчиняться*, *слушаться*, *ослушиваться*, указывающий на неравенство статусов участников соответствующей ситуации, здесь вполне очевиден. Он как бы лежит на поверхности. В других случаях такой компонент может быть выявлен только путем семантического анализа.

Так, глагол *благоволить* означает не просто 'проявлять расположение к кому-н.' или 'испытывать, проявлять к кому-либо доброжелательство, расположение', как истолковано это слово в словаре под ред. Д. Н. Ушакова и в малом академическом словаре. В этих толкованиях упущено существенное условие: статус того, кто выказывает благоволение, выше статуса того, кому благоволение адресовано. Если этим условием пренебречь, то, следуя приведенным толкованиям, мы должны допустить к употреблению, в частности, фразы типа: **Учитель математики благоволит к своим коллегам* (ситуация равных статусов субъекта и адресата) или **Ученик благоволит к директору школы* (ситуация, "обратная" нормальной: статус объекта благоволения ниже статуса адресата).

В ситуации, описываемой глаголом *гневаться*, субъект мыслится как лицо почитаемое, авторитетное, обладающее в данной социальной иерархии большой властью. Сравните:

И увидев то, *царь* Иван Васильевич
Прогневался гневом, топнул о землю
 И нахмурил брови черные..
М Ю Лермонтов

Невозможно употребление глагола *гневаться* в ситуациях с равным и в особенности с "обратным" статусом субъекта и адресата: **Товарищи на меня гnevаются*; **Лакей разгневался на барина за выговор, который тот ему устроил*.

Рассмотрение этих двух явно устаревших глаголов – *благоволить* и *гневаться* – может привести на мысль, что социальный компонент лексического значения, указывающий на неравенство статусов субъекта и адресата действия (или отношения), характерен лишь для книжных и устаревших слов. Но это не так.

Например, вполне современный и даже разговорный по своей стилистической окраске глагол *распекать* – *распечь* нормально употребляется при обозначении отношений, в которых субъект обладает более высоким статусом, чем адресат. Можно сказать: *Мать распекала сына за двойки*, но нельзя: **Сын-школьник распекал мать за то, что она поздно пришла с работы* или **Подчиненные распекали начальника за грубость*.

Глагол *принимать* – *принять* в одном из своих значений описывает ситуацию, в которой принимающее лицо обладает более высоким статусом, чем принимаемое: *Вчера президент Франции принял посла США и имел с ним продолжительную беседу*; *Сегодня мэр не принимает посетителей*.

Некорректно употребление этого глагола, если условие об асимметрии социальных статусов нарушено: **Посол Франции принял президента США; *Директор завода не принял министра.*

Глаголы *грубить* и *дерзить*, близкие друг другу по смыслу, обозначают отношения, в которых субъект находится в более низком статусе, чем адресат. Правда, глагол *грубить* может предусматривать два типа статусных (или ролевых) отношений между участниками называемой им ситуации: чаще всего статус (роль) субъекта ниже статуса (роли) адресата, но возможно его употребление и в ситуации, когда их статусы (роли) равны. Сравните такие примеры:

Не груби отцу! (обращение к подростку);
Мальчик плохо учится, грубит учителям;
Мы с тобой друзья, а ты не хочешь говорить со мной
нормально:
всё время злишься, грубишь.

Если отношения между участниками ситуации таковы, что статус (роль) субъекта выше статуса (роли) адресата, то употребить этот глагол нельзя: **Отец грубит сыну; *Учитель грубит ученикам.*

Заметим, что оборот *быть грубым*, который кажется полным синонимом глагола *грубить*, может употребляться при любых статусных (или ролевых) отношениях между субъектом и адресатом этого действия: *Мальчик груб с родителями и с товарищами; Учитель груб с учениками (со своими коллегами, с директором).*

Важным компонентом значения глагола *грубить* является то, что это – речевое действие: грубость выражается в словах, в интонации, в сопровождающих речь жестах и т. п.

В отличие от этого содержанием действия, обозначаемого глаголом *дерзить*, является не столько словесная грубость, сколько непочтительное отношение, которое может выражаться и невербально. Сравните такой пример: *Хотя молодой офицер говорил тихо и вежливо, все понимали, что он дерзит генералу.*

Глагол *дерзить* в большей степени, чем *грубить*, ориентирован на выражение асимметричных отношений между участниками обозначаемой им ситуации: дерзят обычно младшие по возрасту старшим (часто на это различие накладывается и разница в социальном статусе или в социальных ролях). Фразы типа: *Коля, почему ты дерзишь учительнице? Мальчик надерзил отцу и даже не извинился,* – нормальны, правильны, а фразы типа: *^Учительница постоянно дерзила своим ученикам* (статус субъекта выше статуса адресата) или *^Мальчик дерзит своим товарищам* (статусы субъекта и адресата равны) – воспринимаются как аномальные, неправильные. Словосочетание *быть дерзким* ведет себя точно так же, ср.: **Учитель дерзок с учениками, *Мальчик дерзок с товарищами.*

На этих примерах мы убеждаемся, что в описание семантики (в толкование) слов, обозначающих асимметричные отношения между людьми, необхо-

димо включать социальный компонент, который указывает неравенство статусов (или асимметрию социальных ролей) участников называемой словом ситуации. Этот социальный компонент составляет пресуппозицию лексического значения предикатов, обозначающих асимметричные отношения между людьми: при употреблении таких предикатов с отрицанием *не* социальный компонент сохраняется (не подвергается отрицанию) в отличие от ассерции (утвердительной части лексического значения), с которой и взаимодействует отрицание. Например, в предложении: *Начальник вовсе и не благоволит к этой сотруднице* – не отрицается тот факт, что статус начальника выше статуса сотрудницы, мы отрицаем лишь наличие особого отношения первого ко второй.

2.7.2. СОЦИАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВ

Ограничения в сочетаемости языковых единиц весьма разнообразны. Они обуславливаются характером лексического значения единицы, ее синтаксическими свойствами, поведением в высказывании, закрепившейся в языковой традиции избирательностью при соединении с другими единицами и многими другими факторами.

Существуют социальные по своей природе ограничения в сочетаемости слов в пределах высказывания, которые отражают определенные особенности ситуации, описываемой таким высказыванием.

Продемонстрируем это на следующих примерах.

А. В русском языке имеется класс предикатов – глаголов и отглагольных существительных, сочетаний связки *быть* с прилагательным или существительным, которые обозначают взаимное действие или взаимное отношение участников ситуации: *дружить, ссориться, обниматься, соответствовать, быть равным, быть другом* и т. п.

Обозначив участников ситуации, называемых этими предикатами, с помощью переменных *X* и *Y*, а сам предикат – с помощью переменной *P* (= предикат), мы можем констатировать вполне очевидную закономерность: если *X P* (– *дружит, ссорится, борется, обнимается, ...*) с *Y*, из этого обязательно следует, что и *Y P* (= *дружит, ссорится, борется, обнимается, ...*) с *X*, или – что то же самое по смыслу – *X и Y P* (= *дружат, ссорятся, борются, обнимаются, ...*).

Иначе говоря, из утверждения *Коля дружит с Петей* следует, что и *Петя дружит с Колей* и что *Коля и Петя дружат*, и все три высказывания синонимичны друг другу.

Такие предикаты называются симметричными. Классический симметричный предикат – выражение *быть равным*. Если при обозначении равенства геометрических фигур говорится: *Треугольник ABC равен треугольнику DEF*, то следствия из этого утверждения в виде фраз *Треугольник DEF равен треугольнику ABC* и *Треугольники ABC и DEF равны* обязательны, они не имеют и не могут иметь исключений (это противоречило бы элементарной логике).

Кроме классических симметричных предикатов есть так называемые квазисимметричные предикаты, у которых указанное условие синонимии всех трех

конструкций ($X P Y = Y P X = X и Y P$) выполняется не всегда.

Таков, например, предикат *быть похожим*. В общем случае он является симметричным: предложение *Хи Y похожи (друг на друга)* трансформируется как в предложение *X похож на Y*, так и в предложение *Y похож на X*. Но в реальном употреблении этого предиката действуют факторы, делающие предикат несимметричным. Так, можно сказать:

*Сын похож на отца, но не говорят * Отец похож, на сына, хотя вполне правильно Отец и сын (сын и отец) похожи друг на друга.*

Дело в том, что при употреблении предиката *быть похожим* применительно к родственникам действует следующее правило: первое актантное место предиката должно заполняться существительным, обозначающим лицо более молодое, нежели то, которое обозначается существительным, заполняющим второе актантное место. Если же имеются в виду два человека, не связанные друг с другом родственными узами, указанное условие необязательно; вполне можно сказать: *На этой фотографии мой дед похож на нынешнего президента Франции.*

Однако в этом случае действуют другие факторы: устанавливая сходство двух людей, обычно сравнивают данное лицо с человеком, известным в данном обществе, со своего рода эталоном, например: *Этот старик похож на Жана Габена* (но не наоборот: **Жан Габен похож: на этого старика*).

Если лицо, с которым сравнивают (Y), не обладает свойством "эталонноеTM", оно должно быть известно и говорящему, и слушающему, в то время как лицо, которое сравнивают (X), может быть известно только говорящему. Например:

—Ты знаешь Сидорова (X)?

—Нет. А кто это?

—Ну как же! Такой круглолицый, приземистый, в очках, похож на нашего декана (Y).

"Обратный" порядок переменных при предикате *быть похожим* в данном случае неестествен: *Декан похож на Сидорова* (но при этом Сидоров не известен второму участнику диалога).

Соотношение актантных смыслов X и Y предиката *быть похожим* напоминает соотношение темы и ремы при актуальном членении предложения: Y – тот, на кого похож какой-либо человек, – это данное, известное участникам коммуникативного акта, а X – новое лицо, вводимое в поле внимания слушающего.

Интересный случай представляет собой предикат *быть другом (друзьями)*. Казалось бы, он синонимичен глаголу *дружить*, который является одним из примеров классических симметричных предикатов. Но как только мы начинаем осуществлять синтаксическую трансформацию в соответствии со сформулированным выше условием симметричности, обнаруживается разница в употреблении этих двух предикатов. Эта разница не абсолютна: она проявляется лишь в том случае, если в качестве X и Y выступают названия лиц, неравных по социальному статусу, авторитету, известности в обществе, таланту и тому подобным характеристикам.

В употреблении предиката *быть другом (друзьями)* действует условие: 7 (тот, кому X приходится другом) – лицо с большим "социальным весом", чем X (тот, кто является другом 7). Сравните:

Асеев и Маяковский дружили. – Асеев дружил с Маяковским. – Маяковский дружил с Асеевым.

Асеев и Маяковский были друзьями. = Асеев был другом Маяковского. Фраза *Маяковский был другом Асеева* воспринимается как не вполне корректная, в ней нарушено сформулированное выше условие разного "социального веса" лиц – участников ситуации, обозначаемой предикатом *быть другом*.

Б. Вторая группа примеров связана с особой ролью говорящего в структуре речевого акта и в структуре высказывания. Об этом свидетельствует, в частности, специфика сочетаемости притяжательного местоимения *мой* с некоторыми разрядами существительных.

Так, в сочетании с существительным *семья* употребление этого местоимения отличается следующей особенностью: сочетание *моя семья* естественно в устах отца или матери и менее естественно в устах "рядового" члена семьи – сына или дочери, в особенности невзрослого (вместо этого они должны сказать *наша семья*).

Сочетания *мой отдел, мой цех* естественны в устах начальника отдела (цеха) в ситуации, когда он общается с представителями вышестоящих органов (например, отчитывается перед директором), и неестественны, когда начальник отдела (цеха) выступает перед сотрудниками или рабочими, составляющими этот отдел или цех. В этом случае лучше сказать *наш отдел (цех)*. С другой стороны, сочетание *мой отдел (цех)* неестественно в устах рядового сотрудника отдела (или рабочего цеха) – более нормально: *наш отдел, в нашем цехе*.

Эта особенность в понимании и употреблении местоимения *мой* наблюдается в том случае, когда местоимение сочетается с существительным, обозначающим иерархизованный коллектив, т. е. такую организованную группу людей, отношения между которыми иерархизованы по принципу "глава – подчиненные". Это слова *семья, отдел, цех, завод, бригада, взвод, рота, полк, дивизия* и под.

При сочетании с названиями неиерархизованных коллективов местоимение *мой* не обнаруживает указанной особенности; ср. выражения типа *моя деревня*:

Провожать меня вышла чуть ли не вся моя деревня.

Спецификой обладает употребление местоимения *мой* и при соединении с существительными, обозначающими места постоянного обитания человека: *дом, квартира, изба, комната* и др. Выражения *мой дом, моя квартира, моя изба* должны пониматься в том смысле, что говорящий является владельцем, хозяином этого жилого помещения. Эти выражения естественны в устах главы семьи и сомнительны в устах невзрослого члена семьи.

Рассмотренные примеры убеждают нас, что социальные факторы глубоко проникают в ткань языка, обуславливая правильное понимание и употребление языковых единиц, закономерности их сочетания друг с другом в речи.

ГЛАВА 3

НЕЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ: СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ДЕМОГРАФИЯ

Социолингвистика – языковедческая дисциплина, но для ее освоения недостаточно багажа лингвистических знаний. Поскольку она рассматривает носителя языка как члена общества, необходимо отчетливо понимать, как устроено общество, какое место занимает носитель языка в социальной структуре, какие его свойства как элемента социальной структуры могут отразиться на его языковом репертуаре. Социология накопила богатый опыт интерпретации фактов межличностного взаимодействия, и многое в этом опыте полезно для социолингвиста.

Как уже говорилось, социолингвистика занимается не только исследованием языковых особенностей индивида как представителя всевозможных общественных структур, но также и функционированием языков в обществе. Фактическую информацию социолингвист черпает из имеющейся статистики, в частности из переписей населения. Но переписи обычно не принимают в расчет специфических запросов социолингвистов, поэтому социолингвисты проводят собственные выборочные опросы населения по интересующим их проблемам. Однако демографическая статистика, в первую очередь материалы переписей, остаются незаменимым источником информации для социолингвиста, изучающего современное состояние и динамику языковых ситуаций.

Социолингвист должен понимать язык социолога и язык демографа. Но если социология для социолингвистики по-настоящему смежная дисциплина и сама может немало почерпнуть из ее достижений, то демография – это дисциплина вспомогательная; собственно говоря, демография должна входить в область эрудиции социолингвиста лишь постольку, поскольку ему необходимо свободно оперировать фактическими данными, собранными демографами-практиками, и верно их интерпретировать.

3.1. НОСИТЕЛЬ ЯЗЫКА В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ

Социальная структура и обусловленные ею принципы взаимоотношений вступающих в коммуникацию индивидов знакомы всем из практики повседневного общения. Для того чтобы не нарушать их, носителю языка нет нужды знакомиться с основами социологии. Но социолингвисту при анализе языковых фактов полезно воспользоваться готовыми достижениями социологов, много сделавшими для понимания организации и функционирования социальных систем.

Вместе с тем социолог, изучающий закономерности взаимодействия индивидов, не может не прибегать к результатам, полученным социолингвистами, так как взаимодействие (или, как часто говорят социологи, *интеракция*) в пер-

вую очередь происходит путем общения, осуществляющегося обычно посредством естественных языков. Иначе говоря, результаты конкретных социолингвистических исследований предназначены, в частности, и для социологов, поэтому их следует излагать с учетом специфики научной парадигмы социологии.

Вот почему в учебнике социолингвистики и необходим данный раздел, сообщающий сведения о "внелингвистическом фундаменте" любого социолингвистического исследования.

3.1.1. СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

Социология стремится дать научное объяснение структуре общества и тем процессам, которые в нем происходят. "Ни одно определение социологии не является исчерпывающим вследствие характерного для современного состояния данной дисциплины разнообразия концепций и направлений" [Аберкромби и др. 1994: 304–305]. Тем не менее известное единство во взгляде на предмет социологии существует. Эта наука изучает законы эволюции и функционирования общества в целом, а также отдельных его составляющих – социальных общностей разного уровня, социальных институтов, организаций. При этом центральной фигурой социологического исследования является человек; все социальные феномены исследуются этой наукой под углом зрения межличностного взаимодействия. Неслучайно известный американский учебник социологии начинается следующими словами: "Социология, попросту говоря, это один из способов изучения людей. Социологи стремятся выяснить <...> всё, что происходит с людьми, когда они взаимодействуют друг с другом" [Смелзер 1994: 14].

Взаимодействие индивидов протекает в рамках определенных социальных общностей, которые социология подразделяет на общности массовые и общности групповые. Массовые общности складываются стихийно и представляют собой более или менее аморфные образования, механически объединяющие своих членов; их состав разнороден, а вхождение того или иного человека в такую общность во многом случайно, не связано с его важнейшими социальными характеристиками. Примерами таких общностей могут служить сторонники широких массовых движений (антивоенных, в защиту окружающей среды и т. п.), аудитория определенного средства массовой информации, поклонники фигурного катания или хоккея с мячом, любители цыганского романса или группы "Аквариум" и т. п.

Им противопоставлены групповые общности (или социальные группы), которые имеют собственную историю формирования, во многом обуславливающую их свойства. Таким общностям присуща сравнительная однородность (в том смысле, что все входящие в них индивиды обладают рядом общих характеристик) и стабильность в пространстве и времени. Главная особенность социальных групп – наличие внутренней структуры, благодаря которой целое представляет собой нечто большее, чем сумма его частей. Разные школы философов и социологов по-разному называют такое свойство социальных систем: *органичностью*, *холизмом*, *синергией* или просто *системностью*. Различные соци-

альные группы взаимосвязаны между собой и иерархически организованы в общество.

Групповой или массовый характер общности никак не связан с количеством ее членов: и те и другие могут быть разного размера – от нескольких человек (семья, пассажиры купе)⁴¹ до многих миллионов (нация, телеаудитория).

Массовая общность обычно не соотносена со структурой общества в целом, другими массовыми и групповыми общностями. Если массовая общность обладает собственной структурой, то последняя либо определяется внешними, случайными по отношению к ней самой обстоятельствами, либо соотносена с той или иной структурной единицей массовой общности носит для него случайный, вероятностный характер. Например, общность, объединяющая тех, кто проживает в гостинице (а в норме она является массовой), имеет два типа структурных единиц. С одной стороны, это члены различных семей (заведомо групповых общностей) или же участники какой-либо конференции (общность чаще групповая, чем массовая), члены одной тургруппы (скорее всего, массовая общность) и т. п. Очевидно, что эти общности по своему происхождению никак не связаны с объединяющей их массовой общностью. При этом их можно рассматривать как структурные единицы последней, поскольку они могут обладать специфическими интересами именно в связи со своим вхождением в состав данной массовой общности: семья хочет поселиться в одном номере или в смежных номерах, все члены тургруппы заинтересованы в одновременном ресторанном обслуживании и т. д. С другой стороны, постояльцы, живущие на одном этаже, могут рассматриваться как структурное подразделение данной массовой общности (их коллективные интересы подразумевают, в частности, исправность оборудования на этом этаже и добросовестную работу горничной), но для каждого индивида соотносена с этим подразделением оказывается случайной.

Между массовыми и групповыми общностями нет непреходимой грани. При заселении коммунальной квартиры соседская общность из массовой может быстро перерасти в групповую; то же происходит и со многими студенческими группами. Такой процесс возможен и для общностей большого размера: движение "зеленых" во многих странах оформляется в сплоченные политические партии, общность болельщиков спортивной команды также может приобрести некоторые свойства социальной группы. Впрочем, при такой эволюции (неважно, идет ли речь о студентах или о болельщиках) в групповую общность перерастает лишь некоторое ядро массовой общности. Обратный процесс невозможен: социальная группа может распасться, но трансформация ее в массовую общность выглядит невероятно.

Социология изучает любые общности. Некоторые ее направления имеют дело преимущественно с массовыми общностями; но для социалингвиста специальный интерес представляют в первую очередь общности группового типа. Именно к ним часто применяют еще один термин – *социум*. В чем же специфика социума? Наиболее отчетливо и полно она проявляется у достаточно круп-

⁴¹ Группу из двух человек иногда называют *диадой*, из трех – *триадой*

ных социальных образований такого рода.

Характеристика этноса (а этнос для социолога – групповая общность) не обходится без понятия *культура*. Понятие *культура* входит в предметную область ряда гуманитарных дисциплин, и естественно, что точка зрения различных наук на этот предмет несколько разнится в зависимости от того, под каким углом зрения он рассматривается, в каком контексте возникает необходимость обсуждать названное понятие. Тем не менее многообразие существующих определений культуры может удивить: американские исследователи К. Клакхон и А. Крёбер, например, в книге, названной ими просто "Культура", дали обзор почти 300 различных определений культуры [Kluckhohn, Kroeber 1952]. Математик может счесть такую ситуацию просто абсурдной, поскольку 300 определений окружности представить себе довольно трудно; физик может решить, что книга посвящена истории науки, и одни определения приходят на смену другим, последовательно уточняя сущность понятия. Для лингвиста эта ситуация более привычна и хорошо знакома: например, такие центральные для языкознания понятия, как *слово* или *предложение*, имеют не один десяток определений.

В ситуации параллельного существования множества дефиниций, иногда взаимно противоречивых, иногда дополняющих (но не уточняющих) друг друга, определять предмет следует по возможности наиболее широко. Вот, например, один из вариантов, давно предложенный классиком этнографии Э. Б. Тайлором: "Culture <...> is that complex whole which includes knowledge, belief, art, morals, law, custom, and any other capabilities and habits acquired by man as a member of society". В последнем русском переводе это звучит так: "Культура <...> слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества" [Тайлор 1989: 18]⁴².

Возможно, лингвисту такое определение покажется несколько обидным, поскольку язык здесь напрямую не назван, он всего лишь одна из многих "способностей и привычек". Посмотрим, как такое понятие культуры соотносится с другими, более мелкими типами социальных общностей – например, такими, как поселенческая общность (множество постоянных жителей какого-либо города или деревни), сообщество хиппи, конфессия, слаженный производственный или учебный коллектив, семья. Представители этих общностей располагают массой специфических способностей и привычек, которые они обрели именно как члены соответствующих сообществ. Вряд ли можно говорить об искусстве отдельной студенческой группы, нравственности отдельного города или законах, свойственных одной конкретной семье. Но своя специфика у таких групп может возникнуть и в этих культурных сферах, причем с возрастанием солидарности, сплоченности соответствующей общности она повышается. Иными словами, чем ближе общность к идеальному виду группы, чем дальше

⁴² *Belief*, употребленное в оригинале, включает в себе не только *верования*, но и любые *убеждения*. Кроме того, Тайлор относит к культуре *any* (т. е. *любые*) *other capabilities and habits*, а переводчик – лишь *некоторые* другие способности и привычки.

она ушла от общности массовой, с тем большим основанием мы можем говорить о наличии у нее собственного комплекса представлений об устройстве мира и общества и связанных с ним норм и моделей поведения (в том числе и языкового). В известном смысле каждый социум располагает своей собственной культурой.

Вернемся к классификации социальных групп. Одни социологи предпочитают подразделять их на малые и большие, другие – на первичные и вторичные; каждый автор склонен пользоваться либо одной из этих дихотомий, либо другой. В первом из этих противопоставлений различие строится на наличии / отсутствии регулярных непосредственных контактов между членами группы, во втором – на присутствии устойчивых неформальных межличностных отношений в первичной группе и отсутствии их во вторичной. Сам термин *первичная группа* первоначально был введен для обозначения семьи как первого коллектива, членом которого становится человек; позднее его стали использовать для любых групп, в которых важным группообразующим признаком являются эмоциональные связи.

По способу организации группы делятся на неформальные и формальные; первые возникают "сами собой", вторые образуются волевым решением "сверху". Формальные группы в большинстве случаев создаются для выполнения определенной совместной деятельности, специфической именно для данной группы; в таком случае группа называется целевой, или инструментальной. Целевая группа может быть и неформальной: дворовая футбольная команда, в отличие от официального спортивного клуба, обычно складывается сама собой. С другой стороны, формальная группа может не иметь целевого характера, а создаваться по причине чисто административных удобств; впрочем, в этом случае она всегда является структурным подразделением целевой группы более высокого уровня. Примерами могут служить студенческие группы в рамках отделения или факультета, готовящего по одной специальности, подразделения однотипного назначения в составе воинской части, дневная и ночная смены на производстве и т. п. Разумеется, каждый факультет, воинская часть, завод или университет являются целевыми формальными группами.

Признание общности малой группой зависит всего лишь от наличия у ее членов непосредственных контактов, поэтому среди малых групп есть целевые и нецелевые, формальные и неформальные. Но эволюция даже высоко формальной (в смысле происхождения) целевой малой группы может привести к тому, что взаимоотношения всех ее членов фактически начинают основываться на неформальных эмоциональных связях; в этом случае она по всем своим характеристикам рискует оказаться неотличимой от группы, возникшей как первичная.

Эволюция формальной группы может привести к появлению ее "двойника", возникающего на том же "человеческом субстрате", но живущего по иным законам. Яркий пример такого раздвоения являются классы в начальной школе, когда в возрасте 9–11 лет коллектив постепенно освобождается от авторитарного воздействия учителя. Формальная группа с его административным участием продолжает существовать, но параллельно с ней на основе неформальных меж-

личностных отношений возникает другая группа со своими жесткими стереотипами, которые часто не соответствуют ожиданиям педагогов и родителей. Учитель не является членом этой группы-двойника, но считать ее неформальной нет оснований, поскольку рядовые члены группы – школьники – вынуждены состоять в ней независимо от своего желания.

Как видим, социологи достаточно детально классифицируют группы, но пока речь шла о каждой группе как об отдельном элементе социальной структуры. В действительности в обществе почти неисчислимы малые и большие группы комбинируются в сложным образом переплетенные иерархические структуры. Если некто является дипломатом или военнослужащим, мы понимаем, что он состоит членом каких-то формальных целевых групп, среди которых высшими иерархическими единицами являются Министерство иностранных дел и Министерство обороны, объединяющие всех дипломатов и всех военных. (С точки зрения социолога это формальные вторичные большие группы.)

Объединенные общими чертами группы могут соотноситься не только иерархически. Когда мы квалифицируем кого-либо как студента, охотника-любителя, столяра или панка, мы подразумеваем, что соответствующее качество человек приобретает своим вхождением в какую-то малую группу студентов, охотников-любителей и т. п., но при этом не имеется в виду, что все студенты или охотники-любители образуют особые социальные общности, групповые или массовые. Такие социальные сообщества иногда называют ассоциациями.

Выше мы говорили о том, что отличительной чертой любой группы являются специфические, присущие только ей особенности поведенческих норм, связанные со свойственными этой группе представлениями об устройстве общества. Но между взаимосвязанными группами поддерживается вертикальная и горизонтальная межгрупповая коммуникация, от степени интенсивности которой зависит культурное единообразие соответствующих групп. В большинстве случаев культурные особенности малых групп являются лишь разновидностями культурных комплексов иерархически вышестоящих больших вторичных групп. В этом случае говорят о субкультуре как разновидности культуры большинства. Субкультура обычно не находится в конфликте с господствующей культурой, "однако во многих случаях большинство общества относится к субкультуре с неодобрением или недоверием. Эта проблема может возникнуть даже по отношению к уважаемым субкультурам врачей или военных" [Смелзер 1994: 62]. Группа или ассоциация групп может противопоставлять себя обществу в целом, отталкиваясь от его культурных норм и ценностей и создавая контркультуру. Черты контркультуры присущи радикальным молодежным группам, преступному сообществу, некоторым религиозным объединениям.

3.1.2. ИНДИВИД В ОБЩЕСТВЕ

Мы видели, что количественно и качественно группы весьма различны. "Группы могут отличаться по размеру: от двух любовников, страстно сжимающих друг друга в объятиях, до миллионов мужчин и женщин, мобилизованных

на войну. <...> Они могут состоять в тесном и постоянном контакте <...> или могут быть рассеяны по свету, как представители министерства иностранных дел. По составу группы различаются по нескольким линиям. <...> Сходство по возрасту, полу, этнической принадлежности или любой общий интерес участников составляют основу для объединения" [Шибутани 1969: 48–49]. В любом случае люди объединяются в группы для осуществления каких-то совместных задач (пусть и сугубо неформальных, типа проведения досуга), при решении которых происходит – в широком смысле – разделение труда и гибкая координация действий членов группы. Сами они осознают свою сопричастность к группе, идентифицируют себя с ней. Принадлежность к группе очевидна не только "изнутри", но и "снаружи", с точки зрения посторонних.

Входя в различные группы, каждый индивид имеет несколько социальных позиций в обществе. Например, студент (что само по себе есть некоторая социальная позиция) может быть активистом молодежной партии, чемпионом института по шахматам, гитаристом в группе; дома он является сыном и братом, а в свободное время подрабатывает репетитором и т. д. Каждая из этих позиций связана с определенными правами и обязанностями и называется статусом.

Большинства присущих ему статусов человек добивается сам; такие статусы называются приобретенными. Статус студента приобретается путем успешной сдачи экзаменов, статус чемпиона – путем победы в соревновании, статус мужа – путем вступления в брак. Другие статусы, такие, как пол, этническая или расовая принадлежность, мы получаем при рождении; они называются приписанными статусами. Некоторые приписанные статусы мы получаем и позже (статус старшего брата – при рождении в семье еще одного ребенка, статус совершеннолетнего – по достижении определенного возраста). Суть приписанных статусов заключается в том, что они достаются человеку автоматически, помимо его воли и желания и, будучи полученными, как правило, сопровождают его на протяжении всей жизни. Если возможна утрата приписанного статуса, то это происходит по определенным правилам и также помимо воли индивида (таков, например, статус военнообязанного).

Некоторые статусы совмещают в себе свойства приобретенных и приписанных: человек вкладывает значительные усилия в подготовку и защиту диссертации, но полученная в результате ученая степень остается на всю жизнь. Другой пример – статус преступника, который приписывается по решению суда, но приобретается противоправным поведением. Юридически в нашей стране этот статус утрачивается со снятием судимости, но в глазах общества человек все равно может остаться преступником.

Некоторые статусы ситуативны, имеют кратковременный характер: пассажир трамвая, покупатель в булочной, человек, выступающий на профсоюзном собрании или научной конференции. Значимость большинства таких статусов подкрепляется их периодической возобновляемостью. (Подчеркнем, что статус обезличенного *покупателя* принципиально отличается от статуса *постоянного покупателя*; последний возникает в совершенно иной системе социальных взаимоотношений.)

Ясно, что все приобретенные статусы индивид получает в рамках какой-либо социальной группы. Может показаться, что часть приписанных статусов (например, половые, возрастные, расовые) никак не зависят от общества, но это не так. Социальный смысл этих биологически предопределенных статусов различен в разных обществах, расовые статусы зависят от наличия скрытой или явной расовой дискриминации, а в однородных в расовом отношении обществах просто не существуют. Ситуативные статусы обычно характеризуют позицию индивидов в массовых общностях. Напомним, что массовый характер общности не связан с ее размером и пара "продавец–покупатель" является примером массовой общности; при этом статус покупателя существует только в рамках таких небольших массовых общностей (они могут содержать и более двух членов – при наличии очереди), а статус продавца присущ его обладателю и как члену формальной целевой группы, какою является магазин.

Социальные статусы определяют взаимоотношения индивида с другими членами общества, его относительно постоянное или временное положение в социальных иерархиях разного типа.

Всякий статус подразумевает права, обязанности и соответствующее ему нормативное поведение. Статус студента подразумевает посещение занятий, сдачу экзаменов, прохождение практики, право пользования библиотекой своего вуза и многое другое. Статус преподавателя – компетенцию в соответствующей дисциплине, определенные педагогические навыки, исследовательскую деятельность, посещение заседаний кафедры и т. п. Такой комплекс стандартных общепринятых ожиданий называется социальной ролью. Одному статусу может соответствовать несколько ролей; в самом деле, ожидания в отношении вузовского преподавателя со стороны студентов, коллег, заведующего кафедрой, администрации и технических работников вуза заметно различаются. Комплекс ролей, привязанных к одному статусу, называется ролевым набором.

Многие роли, характерные для данного общества, имеют специальные обозначения в языке: *отец, жена, сын, одноклассник, сосед, учитель, покупатель, пациент, пассажир, клиент, председатель собрания* и т. п. Все взрослые члены общества более или менее хорошо знают, чего ожидать от поведения человека при исполнении им каждой из подобных ролей, так что даже простое произнесение имени роли обычно вызывает в сознании говорящего и слушающего представление о комплексе свойственных этой роли прав и обязанностей.

Статусы можно подразделить на формальные и неформальные, но ролевой набор, связанный с формальным статусом, наряду с формальным компонентом (который часто имеет официальное описание в должностных инструкциях и законах) может содержать и компонент неформальный: начальник среднего звена может "покрывать" своих подчиненных перед вышестоящей администрацией, учитель на "городской" контрольной может подсказать ученику – такое поведение если и не ожидается впрямую, то, по крайней мере, и не удивляет.

В общем случае ролевые ожидания не зависят от конкретного человека, а формируются вместе с тем типом социальной системы, в рамках которой эта роль существует; однако это верно лишь при наиболее абстрактном рассмотре-

нии статусов и связанных с ними ролей. Реальный индивид, получив определенный статус, начинает осваивать соответствующие роли. Социологи называют этот процесс интернализацией роли (от лат. *internus* 'внутренний').

Несмотря на то что совокупность ожиданий, присущая той или иной роли, состоит из набора констант, предписывающих индивиду определенное поведение, интернализация ролей каждым человеком происходит через призму его личного опыта и под влиянием той микро- и макросреды, к которой он принадлежит. Поэтому и исполнение ролей, как обусловленных постоянными и долговременными социальными характеристиками индивида, так и проигрываемыми в той или иной стандартной ситуации, варьирует от личности к личности, от одной социальной группы к другой. Важно, однако, что эта вариативность находится в определенных пределах – пока она не противоречит ожиданиям, присущим данной роли, пока не нарушает некоторых социальных норм.

Представления о типичном исполнении той или иной социальной роли складываются в *стереотипы*; они составляют неотъемлемую часть ролевого поведения. Стереотипы формируются на основе опыта, частой повторяемости ролевых признаков, характеризующих поведение, манеру говорить, двигаться, одеваться и т. п.

Обучение ролевому поведению проходит в рамках некоей социальной системы, через налагаемые этой системой формальные и неформальные санкции; эти санкции могут быть положительными (поощрения) и отрицательными (наказания). Тем самым социальная система навязывает носителю нового статуса принятые в ней нормативные понимания его нового ролевого набора. Однако человек обладает известной свободой переработки стандартных ролей "под себя", в соответствии с собственным толкованием типового поведения, соответствующего вновь приобретенному им статусу. Конформисты принимают роль в готовом виде. Другие, напротив, принимая роль, настойчиво навязывают свое собственное ее видение партнерам по социальному взаимодействию и нередко преуспевают в модификации роли. Если при этом переработка роли становится чересчур кардинальной, ее носитель подвергается в обществе непониманию и осуждению. Вот как, например, описывает М. П. Арцыбашев в романе "Санин" положение своего героя в глазах окружающих, в том числе его собственной матери: "[интеллигентные люди] распались на группы соответственно получаемому образованию. Убеждения их всегда отвечали не их личным качествам, а их положению: всякий студент был революционер, всякий чиновник буржуазен, всякий артист свободомыслящ, всякий офицер с преувеличенным понятием о внешнем благородстве, и когда вдруг студент оказывался консерватором, или офицер анархистом, то это уже казалось странным, а иногда и неприятным. Санин по своему происхождению и образованию должен был быть совсем не тем, чем был, и как <...> и все, кто с ним сталкивался, так и Марья Ивановна смотрела на него с неприятным ощущением обманутого ожидания"⁴³.

⁴³ Показательно, что хотя все четыре типичных статуса, упомянутых Арцыбашевым, и сейчас вполне ярко выражены, за неполные 100 лет (роман завершен в 1902 г.) стандартные ролевые ожидания по отношению к ним заметно изменились.

Рассматриваемый комплекс ожиданий не случайно получил наименование роли. Мы играем социальные роли с той же степенью свободы, как это допустимо в театре. Автор пьесы наделяет своих персонажей определенными характеристиками, режиссер пытается вложить в сценическую реализацию каждой роли собственные ожидания, актер исполняет режиссерские указания не без оглядки на собственное понимание персонажа, при этом ролевые ожидания зрителя не всегда оказываются удовлетворенными. Таким образом, в социальной роли можно выделить типизированный, нормативный компонент (как в тексте пьесы) и индивидуальный, идиосинкратический, присущий данной роли только в связке с ее конкретным носителем.

Как мы уже говорили, каждый индивид располагает достаточно большим набором постоянных статусов, которые он приобретает в силу своей соотнесенности с различными социальными группами. Сами эти группы часто являются элементами иерархически организованных социальных систем, и место группы в таких иерархиях определяет ее статус. Показателем положения статуса в конкретной иерархии служит его *престиж*. Престижность статуса конкретного человека складывается из его статуса в группе и статуса самой группы: студенты и профессора разных вузов, занимающие одинаковые должности, или военнослужащие разных частей различаются по престижу. Статус – понятие гораздо более объективное, чем сопровождающий его престиж. Оценка престижности одного и того же статуса представителями разных социальных групп может значительно различаться.

Следует иметь в виду, что при конкретном взаимодействии индивидов среди их многочисленных статусов существенными оказываются далеко не все. Ясно, что при общении внутри малой группы ведущими оказываются статусы, присущие индивидам в ее пределах, при этом обязательно принимаются во внимание и неформальные статусы (типа *душа общества*, *неформальный лидер*, *козел отпущения*). При интеракции членов различных малых групп, организованных в большую, значимым становится статус соответствующих малых групп. Участники взаимодействия в рамках массовой общности ориентируются на внешние проявления статуса друг друга. Некоторые из них очевидны (например, пол и возраст), другие могут лишь казаться таковыми (как выясняется, обмануть может даже наличие милицейской формы). При взаимодействии с незнакомым или малознакомым человеком индивид невольно (а иногда осознанно) выбирает из своего *статусного набора* какой-то основной и в соответствии с ним автоматически модифицирует свое ролевое поведение. Это наглядно видно при сравнении исполнения одних и тех же ситуативных ролей (пациента, покупателя и др.) людьми, имеющими разный социальный статус, – скажем, столяром, преподавателем математики, студентом, домохозяйкой: хотя та или иная ситуация (например, купля-продажа) предъявляет к ее участникам определенные требования, ролевое поведение каждого из участников бывает обусловлено их постоянными или долговременными характеристиками, их профессиональным и служебным статусом, уровнем общей культуры и т. п.

В таком взаимодействии ведущую роль начинает играть основной социальный статус – то положение, которое человек занимает в обществе в целом.

Основной статус складывается из комплекса групповых статусов индивида, преломленного через призму восприятия его другими членами общества.

Значение основных статусов взаимодействующих индивидов ярко проявляется, когда они исполняют ситуативные роли – например, случайных собеседников. В этом случае каждый строит свое ролевое поведение, подбирая актуализируемый статус не только для себя, но и для своего коммуниканта (при этом часто оказывается не на что опереться, кроме внешних проявлений статусов своего собеседника); но даже объективно правильное определение статуса другого лица может приводить к так называемому *ролевому конфликту*⁴⁴, поскольку престиж статуса – понятие относительное. Приведем диалог Злеца (хиппи) и Незнакомца («в пиджаке, в белой рубашке, в галстук и с "Известиями" в руках») из пьесы Б. Б. Гребенщикова "В объятиях джинси":

Незнакомец.	Вы разрешите здесь присесть?
Злец.	А у тебя капуста есть?
Незнакомец.	Что-что? не понимаю вас.
Злец.	Там турмалайский прибыл бас.
Незнакомец.	Не понимаю вас никак.
Злец.	Не знать фирмы, какой чудак!
	Откуда взялся ты такой?
Незнакомец.	С работы я иду домой.
Злец.	С работы? Что? Вот это срам!
	Скажи мне, что ты делал там?
Незнакомец.	Я там работал.
Злец.	Ты там что?!

Здесь представители разных культур, обладая ситуативными статусами случайных собеседников, демонстрируют различное ролевое поведение (один обращается на "ты", другой на "вы"). Судя по внешнему виду идущего с работы Незнакомца (пиджак, белая рубашка с галстуком), его основной статус рядовым членом общества должен оцениваться высоко, но Злец, в полном соответствии с ценностями хиппи (работать не следует), выказывает презрение по отношению к статусу Незнакомца (ходить на работу – срам), а также симулирует непонимание сути его ролевого поведения как служащего ("что ты делал там?") и искреннее удивление по поводу того, что Незнакомец соответствовал стандартным ролевым ожиданиям и на работе *работал*.

Жизнь человека как члена общества начинается с освоения ролевого поведения в первичной группе, семье, в которой он родился и воспитывается; отсюда начинается его социализация – процесс последовательного вхождения ин-

⁴⁴ О ролевом конфликте говорят в трех случаях: 1. Индивид понимает свою роль одним способом, а носитель связанной с ним роли – по-другому;

2. Носители ролей А и Б имеют разные ожидания относительно роли В;

3. В конфликт вступают две плохо совместимые роли одного индивида (на пример, *начальник* не любит исполнять роль *просителя*).

дивида во всё новые для него группы и усвоения, интернализации всё новых ролей. В теоретическом осмыслении этого процесса важным является понятие *референтности* – зависимости оценок субъекта от собственного понимания поведенческих норм других лиц и социумов. Референтная группа (референтная личность) – это такой реальный или воображаемый социум (личность), на нормы и ценности которого ориентируется субъект. Если возможна социальная мобильность и индивид не принадлежит к своей референтной группе, то он стремится стать ее членом; в пределах своей группы человек часто выбирает референтную личность, поведение которой он принимает за образец. (Иногда говорят об отрицательной референтности – когда человек строит собственное поведение, отталкиваясь от стандартного поведения отрицательно оцениваемого объекта.)

Степень причастности индивида к отдельным социумам сильно варьирует: в одном он может иметь высокий статус и быть референтной личностью для остальных членов этого социума, в другом – занимать маргинальное положение, в третьем социуме достаточно высокий статус человека нередко совмещается с его же отрицательной референтностью в силу того, что в глазах членов этой группы его ролевое поведение не соответствует статусу.

Ввиду различия в ценностных установках социумов, к которым принадлежит индивид, его положительная и отрицательная референтность в этих социумах может быть следствием даже одних и тех же поведенческих актов: ср., например, отношение к ученому, делавшему партийную карьеру, со стороны товарищей по партии и со стороны коллег по науке.

Степень владения индивидом социально одобренными (в пределах соответствующих социумов) культурными нормами⁴⁵ тех социумов, членом которых он является, иногда существенно варьирует. В социальной группе человек может занимать различное положение: быть в ядерной ее части, активно участвовать в ее деятельности или же, наоборот, находиться на периферии социума. Последнее часто является результатом прямо противоположных интенций личности, в зависимости от ее референтных установок: индивид может лишь включаться в жизнь данного социума и только овладевать его нормами и стереотипами, а может, наоборот, стремиться порвать с данной социальной группой и намеренно избавляться от свойственной ее членам специфики (интенсивность таких процессов зависит от степени открытости группы). Кроме того, любая из культур, присущих человеку в связи с его членством в разных группах, испытывает влияние других составляющих того идиокультурного комплекса, которым он обладает. Такое взаимодействие культур в пределах личности происходит помимо воли индивида и обычно им не осознается.

Точно так же неосознанно может осуществляться и н-культурация в новые социумы, интернализация новых ролей и уход от старых. Вообще говоря, участники внутри-групповых взаимодействий часто не отдают себе отчета в их

⁴⁵ Под понятием *норма* скрываются две различные сущности: *прескриптивная* (предписывающая) норма как эталон (ср.: литературная норма) и *дескриптивная* (описывающая некое состояние) норма как средняя величина (ср.: норма осадков).

социальной сути, так же, как не осознают наличия поведенческих норм и стереотипов. Осознание приходит при нарушении нормы или непонимании ее посторонним. Чем более стабильны внутригрупповые нормы, тем меньше они осознаются членами группы. То, что всегда осознается очень отчетливо, – это членство, принадлежность к группе. Психологическое соотнесение себя с социальной группой, с членами которой индивид разделяет определенные нормы, ценности, групповые установки, социологи называют *идентичностью* (англ. *identity*)⁴⁶.

Человек одновременно идентифицирует себя с различного рода общностями: биологическими (от расовых до кровнородственных), территориальными (с присущими им иерархиями), конфессиональными, языковыми, социальными (классовыми, сословными, кастовыми и т. п.), культурными. Возникает иерархия идентификаций. Идентификация индивида с определенным социумом может быть как положительной, так и отрицательной ("я *не отношу* себя к такому-то"). Каждый индивид, сознательно или бессознательно, при соотнесении себя с определенными общностями выделяет наиболее важные для него *актуальные идентификации*, причем актуализированность может сильно меняться. В рамках общности одного типа индивид делит мир на "наших" и "ненаших"; во многих случаях только "наши" признаются "настоящими". Неслучайно многие этнонимы этимологизируются как 'настоящий человек', а российские хиппи зовут себя *пилл*.

О первостепенной важности языка в идентификации индивида с различными социальными группами хорошо сказал Э. Сепир: «Чрезвычайная важность мельчайших языковых различий для символизации таких психологически реальных групп, противопоставленных политически и социологически официальным группам, инстинктивно чувствуется большинством людей. "Он говорит как мы" равнозначно утверждению "Он один из наших"» [Сепир 1993: 232].

3.1.3. СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО

Несмотря на очевидную значимость проблемы социального неравенства, ее общепризнанного теоретического осмысления пока не существует.

У нас в стране она долго решалась в рамках марксистского подхода, с его центральным понятием класса. Общепризнанным было ленинское определение классов: "...Большие группы"⁴⁷ людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы – это такие группы людей, из которых одна может се-

⁴⁶ Ряд исследователей считает, что термин *identity* подразумевает некую статичность, и предпочитают ему термин *identification*, точнее раскрывающий динамичность самого явления.

⁴⁷ *Большие группы* здесь следует понимать не в рассмотренном выше терминологическом, а в обиходном смысле.

бе присваивать труд другой благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства" (Ленин, ПСС. Т. 39: 15). В марксистской концепции главным фактором в определении классовой принадлежности является отношение к средствам производства; основными классами современного им общества классики марксизма считали буржуазию и пролетариат. После социалистической революции предполагалось стирание классовых различий и стойкое последовательное движение к социальной однородности общества.

Классы в марксистском понимании этого термина в известном смысле действительно исчезли, но то явление, ради объяснения которого было выдвинуто само понятие класса, – социальное неравенство – продолжает существовать. Показательно, что классик социологии М. Вебер, отталкиваясь не от общефилософских построений, а от анализа реального состояния неравенства в современном ему западноевропейском обществе, еще в начале XX в. выявил существование *среднего класса*. Так же, как Маркс (и предшественники Маркса), важнейшим показателем классовой принадлежности Вебер считал имущественное неравенство. Но наряду с этим он придавал большое значение неравенству социальных статусов; при этом в группы с высоким статусом могут входить не самые богатые люди, а обладатель богатства может иметь в глазах общества низкий престиж (как, вероятно, в современном российском обществе обстоит дело с преступными авторитетами). Третий тип неравенства, отражающийся, по Веберу, на классовой структуре, – это неравенство во властных полномочиях. Реальные возможности для проведения определенной политики индивидом или социальной группой связаны с уровнем их богатства и престижа, но далеко не всегда ими определяются. Сейчас широко распространены представления о номенклатуре как о правящем классе позднего советского общества: главным фактором классовообразования служили не собственность и не престиж, а именно доступ к власти.

Многие социологи XX в. не пользуются термином "классовое расслоение", а более осторожно говорят о социальной стратификации. Число выделяемых социальных страт различно, различаются и основания их выделения, но они всегда противопоставлены по уровню доступа к общественным благам, властным возможностям и престижу. Некоторые по традиции называют такие страты классами, но вполне очевидно, что с антагонистическими классами марксизма они имеют мало общего.

У. Л. Уорнер в 1930–1940-х годах, изучая социальную стратификацию в небольших американских городах, в качестве основного критерия отнесения индивидов к определенным классам выдвинул их репутацию в обществе, то, насколько высоко или низко оценивается статус данного человека другими членами общества. В результате Уорнер выделил три класса: высший, средний и низший, каждый из которых подразделяется на высший и низший слои. Оказалось, что служащие по признаку их общественной репутации распределены по всем шести слоям, а наемные рабочие попали в оба слоя среднего и низшего класса. При этом основу высшего слоя среднего класса составляли высокообразованные лица, занятые интеллектуальным трудом, и бизнесмены с высоким доходом (врачи, юристы); типичными представителями низшего слоя среднего

класса оказались секретари, банковские кассиры, канцелярские служащие, мелкие собственники. Интересно, что современные российские социологи считают, что исследование Уорнера "не утратило своего значения для социологического знания и по сей день, особенно для анализа социальных реалий современной России" [Социология 1996: 210].

Теоретические представления современных социологов о социальной стратификации и природе ее возникновения могут довольно сильно различаться, но на практике критериями отнесения к конкретной социальной страте в различных комбинациях выступают уровень доходов, уровень образования, стандарты потребления, профессиональная квалификация, объем властных полномочий. При различных подходах в современных индустриальных государствах около 2/3 населения относят к среднему классу. У нас в стране проблема существования среднего класса стала очень популярной, но с научной точки зрения она мало исследована.

3.1.4. ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

3.1.4.1. ЯЗЫКОВОЙ КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРЫ СОЦИУМА

Выше мы не случайно указывали на культурную специфику отдельных социумов. Культурные особенности социума манифестируются в языке независимо от того, о социуме какого ранга идет речь.

Лексикон языка инвентаризует материальную и духовную культуру соответствующего общества, именно в словарном составе культурное различие проявляется наиболее рельефно. "Громадное большинство слов-понятий любого языка несоизмеримо со словами-понятиями всякого другого языка. Безусловное исключение составляют только термины" [Щерба 1974: 299]. Степень лексического расхождения языков определяется степенью расхождения культур соответствующих социумов. "Поскольку большинство литературных языков Европы возникли под влиянием латинского, а в дальнейшем все время влияли друг на друга, постольку в основе большинства европейских литературных языков лежит более или менее одна и та же система понятий. Потому-то перевод с одного европейского языка на другой гораздо легче, чем, например, с китайского или с санскритского на любой европейский" [Там же: 298–299]. Взаимовлияние языков, о котором говорит Щерба, есть лишь следствие взаимовлияния культур. Роль латыни в формировании новых литературных языков Западной Европы – следствие доминирования этого языка в западном христианском мире.

Существуют хрестоматийные примеры, отражающие языковую относительность: у народов Севера многочисленны названия разновидностей снега, у таежных охотников есть особые названия для одного и того же животного в зависимости от его возраста и пола, от времени охоты на него и т. п. Словарная детализация в данном случае не связана непосредственно с природной средой: эта детализация существует лишь постольку, поскольку соответствующие факты действительности имеют значимость для социальной жизни соответствующей группы людей.

Отдельная лексическая единица появляется в языке (или в какой-то его социальной разновидности) лишь тогда, когда в соответствующем социуме рождается необходимость именованного нового для культуры понятия. Речь идет не только о заимствовании некоей реалии: сами по себе предмет, явление и тому подобное могут иметь место, но не иметь социальной значимости, и тогда в обществе отсутствует потребность в их номинации. Если для народа основным родом занятий является охота, то лексикон его неизбежно детализирован в этой области. Для русских в целом это неверно, но есть социальная общность, в которой соответствующая терминология разработана не менее детально, чем у любого сибирского народа. У охотников волк до года называется *прибылым*, годовалый – *перьярком*, старше он становится *матерым*. В лексике отражаются не только особенности анатомического строения объектов охоты и охотничьих собак в целом, но даже и отдельных пород, ср.: *гачи* 'задние части ляжек борзой собаки', *вощёк* 'оконечность носа борзой или гончей'; *гон*, *правило*, *прут*, *перо* – это хвосты собак разных пород, *труба* 'хвост лисицы', *полено* 'хвост волка', *пых* 'хвост зайца' и т. д.

Большинством говорящих из всей этой лексики используется разве что слово *матерый*, и дело не в том, что мы не сталкиваемся регулярно с лисами, волками и зайцами. Сотрудник зоопарка видит их регулярно, по-своему детализирует понятия из предметной области животного мира, но, поскольку псовой охотой он не занимается, ему не приходится следить за *трубой* или *поленом* убегающего животного.

Рядовому русскому часто приходится видеть работу строителей, но вне профессиональной среды термины типа *опалубка* или *обрешетка* не используются. Всякий взрослый носитель языка неоднократно видел соответствующие явления действительности (или, не замечая, скользил по ним взглядом), но многие даже не слышали этих слов. И дело тут не в степени внимания к явлению действительности: у тех, кто непосредственно не изготавливает опалубку и обрешетку, нет номинативной потребности формировать в собственном сознании соответствующие понятия и средства их выражения.

Всякий телезритель регулярно видит перемежающиеся заставки в начале выпусков новостей, которые ведущий предваряет фразой "В заголовках новостей". Большинство смотрят (или хотя бы слушают) эту часть программы достаточно внимательно, но лишь у самих телевизионщиков она имеет особое название – *Шпигель*, поскольку только им приходится обсуждать удачную или неудачную *склею шигеля*.

Индивид одновременно входит в огромное число социальных групп и владеет соответствующим количеством языковых разновидностей. "Между признанным диалектом или целым языком и индивидуализированной речью отдельного человека обнаруживается некоторый тип языковой общности, которая редко является предметом рассмотрения лингвистов, но чрезвычайно важна для социальной психологии. Это разновидность языка, бытующая среди группы людей, связанных общими интересами. Такими группами могут быть семья, ученики школы, профессиональный союз, преступный мир больших городов, члены клуба, дружеской компании из четырех-пяти человек, прошедших со-

вместно через всю жизнь, несмотря на различие профессиональных интересов, и тысяча иных групп самого разнообразного порядка" [Сепир 1993: 232].

Таким образом, идиолект индивида не монолитен, это комплекс известных человеку и используемых им в подходящих коммуникативных контекстах социальных разновидностей языка.

В связи с обсуждением лингвистической специфики социологических понятий и терминов надо кратко остановиться на еще одной проблеме, оживленно дискутировавшейся в отечественном языкознании в рамках проблемы "язык и общество".

Марксистский подход к истории постулировал последовательную смену социально-экономических формаций как результат классовой борьбы угнетателей и угнетенных, с этим процессом была связана концепция эволюции этноса от племени к народности, а затем к капиталистической нации, позднее преобразовывавшейся в нацию социалистическую.

Соответственно и советские лингвисты потратили много усилий на выявление формационных и классовых противопоставлений в языке, поиски различий между племенными языками, языками народностей и наций, пролетарской и буржуазной языковой специфики. Следует признать, что в целом эти искания оказались малопродуктивными.

Выдающийся русский, а позднее американский социолог Питирим Сорокин еще в 1920 г. отмечал, что "класс либо ускользал и ускользает из пальцев своих теоретиков, либо, будучи пойман, превращается в нечто столь неопределенное и неясное, что становится невозможным отличить его от ряда других кумулятивных групп, либо, наконец, сливается с одной из элементарных группировок"⁴⁸ [Сорокин 1992: 283]. Перефразируя это высказывание, можно отметить, что классовая специфика языка тоже "ускользнула из пальцев". Социальные разновидности языка многообразны, но классовых диалектов (пролетарского, буржуазного и т. п.) не бывает. "Существование социальных диалектов порождается в конечном счете классовой дифференциацией общества, но конкретные формы социальной дифференциации не прикреплены прямолинейными и однозначными признаками к определенным классовым носителям" [Жирмунский 1968: 32].

3.1.4.2. ПРОЯВЛЕНИЕ СТАТУСА И РОЛИ В ЯЗЫКЕ

Всякая социальная характеристика индивида проявляется в использовании им языка. Речевые особенности служат одним из важнейших признаков, по которым мы определяем статус собеседника. Бывает достаточно одной-двух языковых черточек, чтобы понять, о каком человеке идет речь. Ср. начало песни В. Высоцкого, через акцентную характеристику создающее романтический

⁴⁸ В концепции П. А. Сорокина *элементарная группировка* – это объединение людей по какому-либо одному признаку (полу, возрасту, языку, вероисповеданию, уровню дохода, профессии и т. п.); *кумулятивная группа* объединяет людей сразу по нескольким существенным признакам (таковы, например, понятия *нация*, *сословие*, *элита*).

образ борца с морской стихией:

Мы говорим не "штормы", а "шторма" –
Слова выходят коротки и смачны:
"Ветра" - не "ветры" сводят нас с ума,
Из палуб выкорчевывая мачты.

Род занятий, несомненно, влияет на характер использования языка. Например, люди интеллектуального труда – представители науки, инженеры, врачи, учителя и др. – как правило, используют литературную форму национального языка, крестьяне пользуются диалектом, а те, кто занят физическим трудом, наряду с литературным языком могут прибегать к средствам просторечия, профессиональных жаргонов. Лица, по своей профессии связанные со словом, – писатели, журналисты, учителя-словесники, радио-и теледикторы, священники – в большей мере следуют традиционной норме, чем те, чья деятельность не сопряжена с профессиональным использованием языка.

Подобные зависимости прослеживаются и в группах людей, различающихся уровнем и характером образования: очевидно, например, что с повышением уровня образования возрастает приверженность литературной форме языка, поскольку в подавляющем большинстве стран языком всех видов образования является язык литературный. Кроме того, важен характер образования: "гуманитарии" (филологи, историки и др.), как правило, более консервативны в своих языковых привычках и предпочтениях, чем те, кто получил техническое образование: в речи последних больше новшеств, не всегда одобряемых традиционной нормой (ср., например, процесс жаргонизации устной интеллигентской речи, наблюдаемый в современной России, – у "технарей" он выражен более отчетливо, чем у "гуманитариев").

Разному возрасту соответствуют разные модели речевого поведения. Ребенку прощают ошибки, которые в речи взрослого считаются недопустимыми. Некоторая бессвязность в синтаксических построениях, нечеткость произношения у старика воспринимаются как неизбежная, хотя и печальная, данность, а те же черты у молодого и здорового носителя языка оцениваются как вызывающая удивление аномалия. Человек преклонного возраста может обратиться на *ты* к незнакомому подростку, но обратное – обращение подростка к пожилым людям на *ты* – воспринимается в культурном русском обществе как несомненная грубость. Такие речевые акты, как нравоучение, запрет, окрик, более естественны в устах старших по отношению к младшим (например, в семье и других малых социальных группах), чем при общении людей, равных по возрасту, или тем более при адресации младшего к старшему⁴⁹.

Различия можно обнаружить в речи людей и в зависимости от их пола. Например, женщины чаще, чем мужчины, используют эмоционально-оценочную лексику и уменьшительные образования, в их речи больший спектр

⁴⁹ Об интересных закономерностях, связанных с различными представлениями о том, какому возрасту что соответствует, пишет Г. Е. Крейдлин в статье "Стереотипы возраста" [Крейдлин 1996].

цвето-обозначений, чем у мужчин, речь которых, в свою очередь, имеет и другие отличия от "женской" (например, большая приверженность жаргонным словам и выражениям, ненормативной лексике, более свободному использованию технической терминологии и др.).

В некоторых обществах различия в речи между мужчинами и женщинами столь заметны, что можно говорить о двух "языках" – мужском и женском. Например, в чукотском языке, по свидетельству В. Г. Богораза, существует особое женское произношение. Женщины, в отличие от мужчин, произносят вместо *ч* и *р* только *ц*, в особенности после мягких согласных [Богораз 1934–1939]. В языке одной из народностей, живущих на Малых Антильских островах, – два словаря: один используется мужчинами (и женщинами, когда они говорят с мужчинами), а второй – женщинами, когда они говорят между собой. В языке индейцев, живущих в Северной Калифорнии (США), одни и те же предметы и явления называются по-разному в зависимости от того, кто о них говорит – мужчина или женщина. Например:

Смысл	Как выражается в языке	Как выражается в языке
	мужчин	женщин
'огонь'	' <i>auna</i>	' <i>auh</i>
'мой огонь' 'олень'	' <i>aumja bana</i>	' <i>au'mch' ba'</i>
'медведь'	' <i>en'na</i>	' <i>et'</i>

В так называемых культурных обществах различия между мужчинами и женщинами в языке значительно меньшие, они касаются главным образом не набора языковых единиц, а частоты их использования, а также речевого поведения, отношения к языку, языковых вкусов и предпочтений и т. п. Например, английские конструкции типа *John is here, isn't he?* более характерны для речи американок, мужчины-американцы предпочитают прямой вопрос: *Is John here?* То же касается конструкций с усилительным *so*: *I feel so unhappy! That sunset is so beautiful!* – они более естественны в устах женщины [Lakoff 1975]. Негритянские женщины, живущие в США, более чувствительны к языковым неправильностям, особенно в ситуациях, требующих повышенного внимания к собственной речи. В этих случаях они употребляют меньше непринятых, ненормативных форм, чем мужчины, и более восприимчивы к социально престижным языковым моделям, распространенным в культурной среде.

Отмечая подобные различия в использовании языка, исследователи справедливо считают, что в большинстве случаев они характерны для обществ, в которых издавна существует социальное разделение людей по полу. Положение мужчин и женщин в таких обществах различно (и в правовом, и в бытовом отношении), и расхождения в языке – естественное следствие этого социального неравенства. Однако даже и при этом условии значительные различия в языке между полами редки: речевое общение мужчин и женщин столь регулярно и интенсивно, что яркое своеобразие не может долго удерживаться.

Вместе с тем элементы языковых различий в зависимости от пола говорящих имеются и в цивилизованных обществах, в частности даже в тех, где

формально нет социального неравенства мужчины и женщины. Например, в современном русском обществе мужчины и женщины по-разному приветствуют друг друга: мужчины, в особенности молодые и хорошо знакомые друг с другом, могут употреблять наряду с формами *здравствуй(те)*, *привет*, *добрый день* и др. и форму *здорово*, которая женщинам менее свойственна. Обращения также более разнообразны у мужчин:

—*Садитесь, мамаша!* (обращение к пожилой незнакомой женщине);

—*Друг, дай закурить!*

—*Спокойно, папаша!* (говорит в фильме "Берегись автомобиля!" Деточкин-Смоктунувский).

В речи женщин подобные обращения редки. Напротив, апеллятивы типа *детка* (по отношению к ребенку), *милочка* и некоторые другие чаще употребляют женщины.

Иногда различия в использовании тех или иных слов более глубоки и, по видимому, отражают традиционную разницу в общественном положении мужчины и женщины. Например, слова *вдова* и *вдовец* имеют разные возможности употребления в так называемой посессивной конструкции: можно сказать *Это вдова Петра Николаевича*, но нельзя **Это вдовец Ольги Ивановны*. Если по-английски сказать *He's a professional* и *She's a professional*, то первая фраза понимается в том смысле, что некто хорошо владеет какой-либо профессией (например, он хороший врач или судья), а вторая фразой большинством говорящих по-английски будет понята в смысле 'Она – проститутка' [Lakoff 1975]. Весьма интересны также наблюдения Р. Лакоффа над тем, какие названия животных метафорически применимы к мужчине, а какие - к женщине: *dog* (собака) и *bitch* (сука), *fox* (лиса) и *vixen* (лисица, а в переносном смысле – сварливая женщина, ведьма) и т. п.

Однако в большинстве случаев различия между "мужской" и "женской" речью носят скорее количественный, чем качественный характер: таких-то элементов в речи мужчин больше, чем в речи женщин, и наоборот. Тем не менее постулат о зависимости речевых особенностей от разделения носителей языка по полу не подлежит сомнению: такая зависимость существует и проявляется многообразно⁵⁰.

Социальные роли, связанные с постоянными или долговременными характеристиками, накладывают отпечаток на поведение и даже на образ жизни данного человека, "оказывают заметное влияние на его личностные качества (его ценностные ориентации, мотивы его деятельности, его отношение к другим людям" [Кон 1967: 24]. Сказываются они и в речи: достаточно вспомнить такие расхожие "квалифицирующие" определения, как *начальственный окрик*; *хорошо поставленным актерским голосом*; *говорит, как учитель*; *кричит, как*

⁵⁰ Работы, изучающие половые различия в языке, в современной социолингвистике весьма многочисленны: см., например [Земская и др. 1993 – здесь же дан обзор литературы по этому вопросу, Lakoff 1975; Thome, Henley 1975; Sherer, Giles 1979, Mills 1999] и мн. др., а также обзор [Потапов 1997]. Сложилась даже особая социолингвистическая дисциплина – гендерная лингвистика (от англ. *gender* 'род, пол'), изучающая языковые явления, связанные с различиями носителей языка по полу.

базарная торговка; оставь свой прокурорский тон и т. п.

Среди стереотипов ролевого поведения манера говорить занимает важное место. В рассказе А. И. Куприна "С улицы" опустившийся полуинтеллигент-попрошайка использует атрибуты различных профессий для успешного и притом вполне респектабельного попрошайничества. Вот как он сам об этом рассказывает:

«Рассчитываешь всегда на психологию. Являюсь я, например, к инженеру – сейчас бью на технику по строительной части: высокие сапоги, из кармана торчит деревянный складной аршин; с купцом я – бывший приказчик; с покровителем искусства – актер; с издателем – литератор; среди офицеров мне, как бывшему офицеру, устраивают складчину. Энциклопедия!..

Надо стрелять быстро, чтобы не надоест, не задержать, да и фараоновых мышей [полицейских] опасаться, потому и стараешься совместить всё сразу: и кротость, и убедительность, и цветы красноречия. Бьешь на актера, например: "Милостивый государь, минуту внимания! Драматический актер – в роли нищего! Контраст поистине ужасный! Злая ирония судьбы! Не одолжите ли несколько сантимов на обед?" Студенту говорю: "Коллега! Помогите бывшему рабочему, административно лишенному столицы. Три дня во рту маковой росинки не было!" Если идет веселая компания в подпитии, вали на оригинальность: "Господа, вы срываете розы жизни, мне же достаются тернии. Вы сыты, я – голоден. Вы пьете лафит и сотерн, а моя душа жаждет казенной водки. Помогите на сооружение полдиковинки бывшему профессору белой и черной магии, а ныне кавалеру зеленого змия!"».

Герой рассказа гибко владеет не только формами социального поведения, но и различными манерами речи (правда, в несколько утрированном виде): сравните лексику и строй предложений в его обращениях к актеру (повышенная эмоциональность, мелодраматизм интонаций), студенту (дружески-почтительный и одновременно несколько фамильярный тон), к веселой компании (нотки обличения в сочетании с цветистостью).

Как видно из приведенных примеров, пары социальных ролей – наиболее типичная форма ролевого взаимодействия людей. Соотношение ролей в таких парах может быть трояким:

1) роль первого участника ситуации (X) выше роли второго участника (Y): $P(X) > P(Y)$;

2) роль первого участника ситуации ниже роли второго участника: $P(X) < P(Y)$;

3) роли обоих участников ситуации равны: $P(X) = P(Y)$.

Социальная роль X выше социальной роли Y тогда, когда в некоторой группе или ситуации общения Y зависит от X; и наоборот: социальная роль X ниже социальной роли Y, если в некоторой группе или ситуации общения X зависит от Y⁵¹. При отсутствии зависимости говорят о равенстве социальных ролей членов группы или участников ситуации.

⁵¹ Мы придерживаемся следующего истолкования понятия зависимости: "X зависит от Y = 'Y может каузировать изменения в свойствах, состояниях и поведении X-а'" [Апресян 1974: 108].

В соответствии с типами ролевых отношений все ситуации общения можно подразделить на симметричные и асимметричные. Симметричными являются ситуации с соотношением ролей по типу $P(X) = P(Y)$ – ср. общение одноклассников, соседей по дому, сослуживцев и т. п., асимметричными – ситуации с соотношением ролей по типам $P(X) > P(Y)$ и $P(X) < P(Y)$.

Такое разбиение ситуаций общения на два указанных класса не только отражает разную структуру ролевых отношений при наличии / отсутствии зависимости между коммуникантами – оно важно и с чисто лингвистической точки зрения.

Во-первых, для асимметричных ситуаций характерна тенденция, выражающаяся в том, что речь лица, находящегося в зависимом положении, *более эксплицитна*, нежели речь его ролевого партнера (под эксплицитностью понимается формальная выраженность элементов языка и связей между ними). Например, просьбы, жалобы, самооправдания (тип ролевого отношения $P(X) < P(Y)$) должны быть изложены максимально понятно для того, кому они адресованы, – это в интересах самого говорящего; для достижения этой цели говорящий избегает редукции языковых средств, которая может привести к потере сообщаемой им собеседнику информации.

При ролевых отношениях типа $P(X) > P(Y)$ требование эксплицитности речи также может быть настоятельным. Например, в речевых актах приказа, выговора, наставления речь говорящего максимально эксплицитна, хотя адресат в этом далеко не всегда заинтересован; в речевых актах рекомендации, совета, инструкции в эксплицитности заинтересованы обе стороны.

В симметричных ситуациях степень эксплицитности речи зависит от отношений между участниками речевой ситуации: чем более официальные они, тем выше степень эксплицитности, и, напротив, чем интимнее отношения, тем менее эксплицитна речь каждого из участников, тем ярче проявляется тенденция к свертыванию высказываний и замене языковых единиц элементами ситуации, а также жестами, мимикой, телодвижениями и т. п.

Во-вторых, большая часть асимметричных ситуаций обслуживается кодифицированными подсистемами языка, преимущественно разными стилями книжно-литературного языка, в то время как симметричные ситуации в этом отношении не маркированы: они могут обслуживаться как кодифицированными подсистемами языка, так и некодифицированными (диалектами, просторечием, жаргонами).

Понятие социальной роли оказывается чрезвычайно важным для выяснения механизмов использования языка, для изучения речевой коммуникации.

3.1.4.3. Языковая социализация

Вхождение человека в общество во многом происходит через освоение языка; по выражению Э. Сепира, "язык – мощный фактор социализации" [Сепир 1993: 231].

Ребенок при рождении еще не вполне человек в социальном смысле этого слова. Он представитель рода человеческого только биологически. Социальные

свойства и функции личности он приобретает в процессе воспитания и в общении с другими людьми. По выражению известного психолога А. Н. Леонтьева, "каждый отдельный человек учится быть человеком. Чтобы жить в обществе, ему недостаточно того, что дает ему природа при его рождении. Он должен еще овладеть тем, что было достигнуто в процессе исторического развития человеческого общества" [Леонтьев 1972: 408].

Произносить звуки и слова и понимать речь окружающих ребенок учится в человеческом обществе. Если же в самом раннем возрасте изолировать его от людей, то речь у него не развивается. Более того, по своему поведению и формам движений этот ребенок ничем не будет напоминать человека. В том, что это так, ученые убедились на примерах детей, которые совсем маленькими попадали к животным и росли в их обществе.

В 1920 г. индийский миссионер нашел в джунглях, в волчьем логове, двух девочек разного возраста – восьми и полутора лет (так определили после тщательного обследования детей). Каждая из девочек была похищена волчицей, по видимому, почти сразу после их рождения. Хотя оба ребенка обладали физическими свойствами человеческих существ, во многом они вели себя подобно волкам: передвигались на четырех конечностях, могли есть только молоко и сырое мясо, прежде чем взять пищу в рот, тщательно обнюхивали ее. Дети хорошо видели в темноте, боялись огня, были способны чують запах свежего мяса на расстоянии до 70 метров. Единственный звук, который девочки могли издавать, был волчий вой, во всем многообразии его модуляций. Они не умели смеяться, у них не были развиты жесты и мимика, обычные для детей их возраста.

Младшая, которую назвали Амала, вскоре умерла, так и не приспособившись к новым условиям существования. Старшая, Камала, прожила до 1929 г., находясь постоянно под наблюдением врачей и психологов. За все это время она выучила немногим более 30 слов, научилась понимать простые команды и отвечать *да* и *нет*. Совокупность этих навыков настолько элементарна, что ни о каком усвоении норм речевого поведения (как и всех других видов общественного поведения) здесь говорить не приходится.

Этот случай свидетельствует о том, что приобщение человека к себе подобным начинается с очень раннего возраста. Если время упущено и ребенок первые годы жизни находится в изоляции, то у него трудно – а в полной мере и невозможно – развить свойства, присущие человеку как члену общества, как социальной единице.

При этом оказывается, что уровень культуры и цивилизации той среды, в которой первоначально воспитывается ребенок, мало существен, – важно лишь, чтобы это были люди, а не животные. Примером, доказывающим это положение, может быть история индейской девочки, которую нашел французский этнограф Велляр в Парагвае на стоянке, покинутой племенем гуаяки. Он взял ее с собой и поручил воспитывать своей матери. По прошествии 20 лет девочка по своему развитию ничем не отличалась от интеллигентных европейских женщин. Она занялась этнографией, свободно говорила на французском, испанском и португальском языках.

Маугли, герой всем известной истории, которую рассказал английский

писатель Р. Киплинг, оказался в джунглях не в самом раннем возрасте. Хотя автор прямо не говорит, какое время прожил Маугли среди людей, одно то, что мальчик сам ушел из дома и попал к зверям, свидетельствует, что по крайней мере до года Маугли воспитывался людьми. Это обстоятельство должно объяснить нам, почему ребенок по своему поведению в значительной мере оставался человеком, хотя долгое время находился среди животных и общался исключительно с ними.

Таким образом, первые шаги в человеческом обществе ребенок делает еще до того, как он в состоянии стать на ноги и научиться ходить. Социализация начинается буквально с момента рождения.

Л. С. Выготский отмечал, что психическое развитие человека протекает путем усвоения им общечеловеческого опыта, передаваемого через предметную деятельность и прежде всего через язык. В течение всей жизни человека – а особенно интенсивно в первые годы – его адаптация к окружающим людям идет непрерывно. Ребенок усваивает нормы поведения, с возрастом расширяется круг социальных ролей, которые он умеет исполнять, и типов ситуаций, в которых он чувствует себя естественно и непринужденно, при этом путем многократных повторений он отбирает то, что принято в данной социальной среде, и отвергает чуждое, не характерное для того сообщества, членом которого он себя считает.

Психологи выделяют три основных этапа процесса социализации: 1) первичная социализация, или социализация ребенка; 2) промежуточная, или псевдоустойчивая, – социализация подростка; 3) устойчивая, целостная социализация, которая знаменует собой переход от юношества к зрелости.

По мере дифференциации и усложнения отношений растущего человека с окружающим миром умножается число социальных общностей, к которым одновременно принадлежит один и тот же индивид. В самом деле: до года-двух ребенок просто дитя своих родителей, и это одна из его немногочисленных (пока) социальных ролей. Затем его отдают в детский сад, и он становится членом еще одного сообщества. Дальше – группы сверстников во дворе, школьный класс, спортивные секции, кружки коллекционеров и т. п. После окончания школы человек становится членом таких социальных коллективов, как институт, завод, армия. Он не только участвует в совместной деятельности людей, составляющих ту или иную конкретную группу, но и наблюдает, как исполняют они различные роли. Поэтому, становясь взрослым, он формирует представление о разнообразных социальных ролях, включая и такие, которые сам ни разу не исполнял.

Все это имеет прямое отношение к усвоению языка. Социализация невозможна без овладения речью, и не речью вообще, а речью данной социальной среды, нормами речевого поведения, свойственными этой среде. Язык является и компонентом социализации, и ее инструментом.

Механизм того, как ребенок усваивает язык и как начинает его использовать, очень сложен и не вполне доступен прямому наблюдению. Ведь мы только слышим речь (или видим текст), а то, как она возникает, как мысль воплощается в слово, мы даже с помощью средств современной науки увидеть пока не

можем. И сам говорящий не способен проанализировать, как рождаются в нем слова и звуки, – он делает это неосознанно, подчиняясь выработанному в раннем детстве механизму порождения речи.

В том, что процесс порождения речи обычно неосознан (конечно, он подвластен сознанию в том смысле, что можно говорить, тщательно взвешивая каждое слово, внимательно вслушиваясь в него, но, во-первых, это совсем не одно и то же, что сознательный контроль над порождением речи, а во-вторых, для нормального говорения такая ситуация необычна), – легко убедиться на примерах бреда: человек потерял сознание, но может говорить, и в некоторых случаях достаточно связно. Сравните также говорение во сне, под гипнозом и т. п.

Возникает как будто противоречие: язык, как мы знаем, неразрывно связан с мышлением, он воплощает в словах, в высказываниях то, что рождается в мозгу, – и он же, оказывается, независим от сознания. От сознания, но не от мышления: и во сне, и в бреду, и под гипнозом человек не утрачивает способности мыслить (пусть в слабой, "угасающей" степени). Он теряет только способность сознательно контролировать свою деятельность (в том числе и речевую).

Лишенные возможности проникнуть внутрь мозга и инструментально исследовать лингвистическое знание и процесс порождения речи, языковеды научились моделировать структуру языка и речевое поведение на основе тех многочисленных фактов, которые можно получить при наблюдении за речевой деятельностью людей. Такие факты начинают появляться с первых криков ребенка, на самой начальной стадии его социализации.

Уже в раннем возрасте ребенок познает действительность с помощью языка. Хотя он сам еще не умеет говорить, но понимает, когда взрослые указывают ему: *Вот кукла. Это кошка.* Слово, и даже не отдельное слово, а высказывание в целом на этой стадии очень тесно связано с действительностью. "На начальных этапах, – писал А. Р. Лурия, – связная речь понимается ребенком только в пределах определенной действенной ситуации, и пусковое значение обращенной к нему речи определяется не столько связью между собой слов, сколько упомянутого во фразе с определенной наглядно-действенной ситуацией, возникающей при восприятии того или иного предмета" [Лурия 1959: 540].

О тесной связи высказывания с конкретной ситуацией (в сознании маленького ребенка) свидетельствуют и специальные эксперименты. Ребенок понимает фразу в целом, а не пословно. Например, когда вместо часто повторяемой фразы *Положи мячик на стол* малышу говорят *Положи мячик под кровать*, он все равно кладет мяч на стол, как и раньше.

Лишь в два-три года этот ситуационный характер понимания связной речи начинает отступать на задний план. Формируется собственная речь ребенка, обладающая определенной структурой. Теперь он не только слушает, но и говорит, т. е. от пассивного восприятия речи переходит к активному ее освоению. Этот переход протекает в полном согласии с психическим развитием маленького человека: как указывал Л. С. Выготский, в раннем возрасте (до двух лет) преобладает восприятие, а все другие психические процессы – память, внимание, мышление, эмоции – осуществляются через восприятие. У детей-

дошкольников преобладает память, и активное овладение языком невозможно без ее развития. В школьном возрасте на первое место выдвигается мышление [Выготский 1956: 431 и след.].

Л. С. Выготский теоретически обосновал и подтвердил экспериментально, что значения слов не одни и те же у детей разного возраста, что они меняются с развитием ребенка. Скажем, в раннем возрасте младенец воспринимает слово *завод* просто как сочетание звуков, оно не вызывает у него никаких ассоциаций; у мальчика трех-четырёх лет, отец которого работает на заводе, оно может связываться с образами труб, станков и т. п.; учащийся начальной школы имеет уже более четкое представление о содержании этого слова.

В овладении языком проявляются не только возрастные различия детей, но и особенности той социальной среды, в которой воспитываются, например, сын военнослужащего и сын рабочего, крестьянская девочка и дочь горожанина. Уже на самой ранней стадии развития, когда ребенок делает открытие о том, что каждая вещь имеет свое имя, есть условия к социально различному усвоению языка.

В разных по своей профессиональной ориентации и культурному уровню семьях неодинакова употребительность некоторых (одних и тех же) слов, понимание их смысла, их эмоциональная оценка. Одна и та же вещь имеет подчас разное наименование в семье токаря – и геолога, музыканта–и строителя. И даже одно и то же слово в разной социальной среде может пониматься по-разному. Когда у пятилетней дочери слесаря, заявившей, что она не любит слушать игру на скрипке, спросили, какой *инструмент* нравится ей больше всего, она, чуть подумав, ответила: – *Пассатижи*. В языковом сознании ребенка, растущего в семье музыканта, "техническое" значение слова *инструмент* едва ли будет на первом месте: скорее всего, инструмент для него – это рояль, скрипка и т. п.

У детей, пришедших в школу из разных в социальном и культурном отношении семей, часто обнаруживается неодинаковое владение языком, неравная способность к речевому общению. Различия касаются и активного запаса слов, умения связно говорить, и речевого приспособления к условиям общения. Эти различия сохраняются и в школьные годы, хотя совместное обучение детей разного социального происхождения в известной мере выравнивает их речь, уменьшает разницу во владении языком.

Английский психолог Б. Бернстайн сравнил речь двух групп подростков. В первой группе были дети из низших социальных слоев, не получившие систематического образования и работавшие рассыльными; во второй – учащиеся и выпускники так называемых высших частных школ (*high public schools*). В обеих группах – равное число подростков одного возраста. Их интеллектуальный уровень тоже был примерно одинаков (это устанавливалось специальными тестами). Каждый из членов этих двух групп дал короткое интервью на одну и ту же тему – о том, как он относится к возможной отмене пенальти в футболе. Интервью записывали на магнитофон и затем подвергали лингвистическому анализу. Этот анализ подтвердил заранее выдвинутую Б. Бернстайном гипотезу, согласно которой представители первой группы (низший социальный слой)

используют менее богатый и менее разнообразный словарь, чем представители второй группы [Bernstein 1966]. Делались эксперименты по изучению и различий в синтаксических способностях подростков из разных социальных групп: оказалось, что у ребят из бедных семей синтаксис более ограничен и однообразен, чем у учащихся и выпускников частных школ. Эти эксперименты послужили материалом для обоснования так называемой *теории языкового дефицита*, автором которой считается Б. Бернштейн.

Дальнейшие исследования внесли существенные поправки в эту теорию. Оказалось, что в использовании более или менее богатого словаря, тех или иных синтаксических конструкций решающую роль играют условия, в которых происходит общение. Изучая группы подростков-негров, У. Лабов обнаружил, что их речь при пересказывании различных историй приятелям, в словесных шутках и перепалках – словом, в естественных для них условиях – весьма гибка и разнообразна. Если они кажутся необщительными в официальных интервью с незнакомым исследователем, то это должно свидетельствовать скорее о непривычности для них обстановки интервью, чем об их языковой неразвитости. С другой стороны, подростки из обеспеченных и культурных американских семей не всегда прибегают к разнообразным языковым средствам: в семейных ситуациях, в разговорах с родителями они пользуются небогатым словарем и ограниченным набором синтаксических конструкций.

Между подростками той и другой групп различие заключается в том, что дети из культурных семей более успешно осваивают различные социальные роли, овладевают теми знаниями, которые необходимы для правильного приспособления своей речи к обстановке. При смене ситуации, изменении условий речи они лучше умеют переключаться с одних языковых средств на другие, подгоняя свою речь по стилю, окраске, тональности к условиям общения.

Превращаясь из ребенка во взрослого, человек учится приспособлять свою речь к целям общения, к социальным и психологическим условиям речи, к тем ролям, которые он исполняет по отношению к окружающим его людям. С достаточно раннего возраста язык усваивается не в "чистом" виде, а в разнообразных коммуникативных формах, включающих ситуативные и ролевые моменты. Недаром даже маленькие дети хорошо понимают, с кем как говорить – ласково, небрежно, капризно, грубо, повелительно и т. д.

Наблюдения показывают, что уже в возрасте трех-четырёх лет ребенок владеет элементами ролевого поведения: он начинает использовать языковые средства дифференцированно – в зависимости от того, с кем он говорит (например, с отцом, бабушкой или со сверстниками) и в каких условиях. Так, выбор лексики и весь строй речи в разговоре наедине с кем-либо из членов семьи отличаются от словоупотребления и синтаксических построений в беседах с тем же лицом, но в присутствии постороннего. Однако в целом правила ситуативно-ролевого поведения, выражающегося в речи, осваиваются труднее и в более длительные сроки, чем правила собственно языковые.

Первоначально речь ребенка не всегда ориентирована вовне, она может не быть направленной на реального собеседника. Это как бы речь для себя. Швейцарский психолог Ж. Пиаже показал, что многие трудности в общении

между детьми младшего возраста возникают как раз по этой причине: говорящий не заботится о том, чтобы сообщить другим нечто, он просто говорит сам с собой (любопытно, что это явление повторяется в глубокой старости). Такую речь Пиаже назвал *эгоцентрической*, в отличие от речи *социализированной*, произносимой для других, ориентированной на собеседника. Под влиянием социального окружения у человека развивается именно этот, второй тип речи, и в дальнейшем он-то и составляет костяк его речевой деятельности. Эгоцентрическая же речь постепенно перестает выражаться вовне, перестает звучать; но это не значит, что она исчезает. Она "перерастает" в речь внутреннюю, произносимую.

Толчком и необходимым условием к овладению социализированной речью служит игра. Участвуя в игре, дети могут переходить из одной роли в другую, не учитывая каноны и логику взрослых. Однако именно в игре ребенок начинает усваивать элементы тех ролей, которые играют на его глазах взрослые, прежде всего отец и мать. Поэтому с точки зрения социального и психологического развития игра – такой же важный вид деятельности для ребенка, как работа и другие виды общественного поведения – для взрослых.

Взаимодействуя в игре, дети воспринимают и усваивают то, что психологи называют шаблонами поведения, т. е. наиболее типичные и часто повторяющиеся формы человеческого общения. "Игры важны в социализации, поскольку роли участников специфичны; ясно установлено, что каждый играющий может или не может делать, определены цели взаимодействия и ограничена область личного выбора. Следует отметить, что дети научаются дисциплине и ответственности в группах равных <...> значительно больше, чем дома" – это мнение американского социопсихолога Т. Шибутани [Шибутани 1969: 421–422] разделяют и многие другие исследователи.

Процесс социализации, интенсивный в детстве и отрочестве, продолжается и у взрослого человека. Разумеется, он становится менее интенсивным, поскольку основные модели поведения (в том числе и речевого) уже усвоены. Однако подобно тому, как нельзя сказать о ком бы то ни было, что он в совершенстве владеет языком, никто не может быть уверен, что он полностью овладел всей "ситуативной грамматикой", действующей в данном языковом сообществе: попадая в новые для себя условия общения, носитель языка не всегда находит в собственной коммуникативной компетенции те модели поведения, которые наилучшим образом соответствуют данной ситуации (это может быть незнакомая социальная роль, которую вынужден проигрывать человек, неясные для него цели других коммуникантов, психологический дискомфорт и т. п.).

Можно сказать, что социализация каждого человека начинается с его рождения и заканчивается с последним его вздохом.

3.2. НОСИТЕЛЬ ЯЗЫКА В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ

3.2.1. ДЕМОГРАФИЯ КАК ДИСЦИПЛИНА, ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ ДЛЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

"Чистому" лингвисту в большинстве случаев неважно, каково происхождение исследуемых им текстов, социолингвисту же существенны многие характеристики говорящих. Из предыдущего раздела мы знаем, какого рода информация о носителях языка может понадобиться для успешного социолингвистического исследования. Но где ее взять? Работая в малой группе, все необходимые экстралингвистические сведения о ее членах собрать нетрудно. А исследуя языковые особенности достаточно крупного сообщества или какой-либо его социально маркированной части, социолингвист уже будет вынужден отбирать тех индивидов, которые станут объектом его наблюдения. Они должны быть достаточно типичны для всего сообщества. Процесс отбора нужных информантов не прост (об этом подробно говорится в главе 5), но прежде, чем отбирать, надо определить, какого типа информанты будут достаточно адекватно представлять всё выбранное для анализа сообщество.

Допустим, создатели рекламы хотят выяснить ее эффективность. Считается, что реклама действенна, даже если раздражает. Но всему есть пределы: раздражение может перерасти в отвращение к рекламируемому продукту, а чисто языковая реакция составляет немаловажный компонент спонтанного восприятия рекламного текста.

Вот три текста, составленные на языке, который пока еще не стал литературным: *"Cool" – ну просто клёвый журнал! Когда переходишь на жвачки "Wrigley's", другие просто не катят; "RC-Кола": кто не знает – тот отдыхает!*

Можно думать, что все они рассчитаны на молодежь, и авторы полагали, что такая форма подачи привлечет покупателей из молодежной среды. В двух первых случаях аудитория выбрана верно: молодежный журнал – молодежи и читать, жуя "Wrigley's". А как быть с безалкогольным напитком? Можно делать единую рекламу на все возрасты, а можно на каждую возрастную группу дать по отдельной рекламе. Но тут следует помнить, что текст не должен превращаться в антирекламу для потенциального покупателя из той группы, на которую данная реклама не рассчитана. А потенциальный потребитель средних лет, проинтерпретировав третью рекламу более привычными ему языковыми средствами как "не знаешь замечательного напитка RC-Кола – заткнись/отвали", делает вывод: "Я, конечно, отдохну от замечательного напитка RC-Кола, но компания, продвигающая его на российском рынке, отдохнет от моих денежек"

[Баранов 1999]⁵².

Допустим, имеется задача проверить реакцию на не вполне нормативные единицы *катить*, *отдыхать* (в задействованных в рекламе значениях) и *клёвый* именно среди молодежи, но среди всякой молодежи. Придется выяснять реакцию молодежи разного пола и возраста (вдруг у юношей 14–18 лет она окажется иной, чем у девушек 20–24?), живущих в столицах, областных городах и районных центрах, школьников и студентов, мелких торговцев, банковских служащих и "братков", православных, мусульман, иудаистов, кришнаитов и тех, кто к религии равнодушен.

Какова доля каждой из этих категорий среди молодежи России? Можно предположить, что по полу и годам рождения молодежь делится на равные части (относительно пола это не совсем верно, относительно возраста, как мы увидим ниже, может оказаться совсем неверным), а долю остальных категорий мало кто возьмется угадывать, не зная реальной статистики.

Вот задача совсем иного рода: в многоязычном государстве одно национальное меньшинство насчитывает 100 тыс. человек, другое – 5 тыс.; какой язык имеет больше шансов на выживание? Вообще говоря, от числа носителей судьба языка чаще всего не зависит: если среди 100 тыс. половина не владеет этническим языком, а остальные двуязычны, причем среди них дети школьного возраста составляют 5%, а дошкольников практически нет (такая ситуация совсем не редкость), то язык обречен на вымирание.

Судьбы языка могут определяться самыми разными обстоятельствами; при подготовке социолингвистических прогнозов может оказаться полезной даже статистика по уровню занятости. Если выясняется, что в местах традиционного проживания какого-либо малого народа безработица на порядок выше, чем на соседних территориях, можно прогнозировать значительную эмиграцию носителей языка в иноязычную среду – значит, и снижение шансов на повседневное использование ими родного языка и передачу его детям.

Количественный состав населения изучает демография. Но для демографии это лишь исходный материал, являющийся основой всестороннего анализа процесса воспроизводства населения⁵³. Эту науку интересуют как общие закономерности протекания демографических процессов, "так и особенности проявления этих закономерностей в конкретных населенных пунктах в определенных условиях места и времени" [ДЭС 1985: 118]. Последнее уточнение показывает, что демография в принципе может поставлять социолингвистике неоценимую ин-

⁵² Использование *отдыхать* в таком значении прочно прижилось в современном рекламном узусе; вот уличная реклама зимы 2000/2001 г. *Новейший утеплитель Тинсулейт. Зима отдыхает!* Сам глагол – отнюдь не новинка для субстандартных кодов русского языка, ср. в тексте, хорошо передающем словоупотребление 1970-х годов. «"Нарезик копченый желаете?" – спросил официант. – "Отдохнешь!" – реагировал Кузин» (С. Довлатов, "Заповедник").

⁵³ Точнее, демография изучает "закономерности и социальную обусловленность рождаемости, смертности, брачности и прекращения брака, воспроизводства супружеских пар и семей, воспроизводства населения в целом как единства этих процессов; она исследует изменения возрастно-половой, брачной и семейной структур населения, взаимосвязь демографических процессов и структур, а также закономерности изменения общей численности населения и семей как результата взаимодействия этих явлений. Демография разрабатывает методы описания анализа и прогноза демографических процессов и демографических структур" [ДЭС 1985' 118]

формацию: ведь "конкретными населенными" могут быть и носители конкретных языков или каких-либо социально значимых разновидностей языка. (Заметим, что иллюстрируемое последней цитатой использование существительного *население* во множественном числе – яркий маркер профессионального словоупотребления демографов, которые, как и представители любого профессионального сообщества, вполне заслуживают специального внимания социолингвистов.)

Демография подходит к человечеству с совершенно иных позиций, чем социология. Если для социолога индивиды прежде всего члены общества, то для демографа они являются элементарными единицами народонаселения. Большинство группировок народонаселения суть сугубо номинальные, статистические общности (городское население; занятое население; нетрудоспособное население; женщины, родившие пять и более детей; мужчины, никогда не состоявшие в браке; лица, выехавшие из данной местности в течение последнего календарного года; лица, умершие от несчастных случаев, отравлений и травм; домохозяйки с одним ребенком в возрасте до 16 лет и т. п.)⁵⁴.

На первый взгляд, все это не имеет никакого отношения к социолингвистике, для нее нужны лишь данные о языковом составе общества. Но существует обширная статистика, привязывающая разнообразную демографическую информацию к территориям, этнический и языковой состав которых известен. Реже можно найти подобные сведения, привязанные к этническим группам (к языковому составу, к сожалению, почти никогда), а это уже сильно помогает в работе социолингвиста. Кроме того, для любых прогнозов в отношении языковой ситуации и других социолингвистических процессов на определенной территории необходимо знать все демографические характеристики как самой территории, так и регионов, связанных с ней миграционными процессами. Чтобы правильно воспользоваться информацией такого рода, надо помнить, что собиралась она для целей, не связанных с социолингвистикой, и поэтому обращаться с ней следует осторожно. Между тем социолингвисты довольно часто неверно интерпретируют даже данные переписей о владении языками, о чем подробнее будет сказано ниже.

Работая с демографическими данными, необходимо в точности знать, как и для каких целей они были получены, нужно понимать, что разнообразные демографические показатели представляют собой сложный взаимосвязанный комплекс. В последующих разделах мы и расскажем об основных особенностях демографических данных.

3.2.2. ИСТОЧНИКИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Наиболее точную демографическую информацию дают переписи населения. Они проходят по разным программам. Обычно фиксируются гражданство, пол, возраст, время проживания в данной местности, уровень образования, со-

⁵⁴ В демографической литературе группировки такого рода могут называться группами; социологического смысла в этот термин, конечно, не вкладывается.

стояние в браке, наличие детей. Во многих странах выясняются также этническая, языковая, религиозная принадлежность, жилищные условия, род занятий, уровень дохода и под. Иногда собираются данные о предыдущих местах жительства, стране рождения и стране эмиграции, характере имеющегося имущества, расе, сословной или классовой принадлежности, грамотности на разных языках, наличии физических недостатков, участии в войнах и др. Переписные листы заполняются либо переписчиками (как у нас в стране), либо самими опрашиваемыми; иногда практикуется перепись по почте.

Современные переписи проводятся по состоянию на конкретную дату; в большинстве стран фиксируется не только определенный день, но даже час, к которому приурочиваются собранные данные (в СССР - полночь накануне дня переписи). Имея в виду последующую разработку полученных материалов, казалось бы, следовало проводить перепись по состоянию либо на 1 июля (и получить среднегодовые результаты), либо на 1 января (и получить результаты на начало года). Однако лето - время повышения миграций населения, а проведение переписи в новогодние праздники сопряжено с организационными сложностями. Первая всеобщая перепись в России проводилась по состоянию на "райшее утро" 28 января (9 февраля нового стиля) 1897 г., перепись СССР 1926 г. - по состоянию на 17 декабря; последующие переписи происходили в будний день после окончания школьных каникул и до начала студенческих: в 1939, 1979, 1989 гг. - 17 января, в 1959 и 1970 гг. - 15 января⁵⁵. Таким образом, число лиц определенного возраста, выявленных переписью, близко, но не идентично числу лиц соответствующего года рождения: те, кто попали в категорию 30-летних по переписи 1989 г., родились с 17 января 1958 г. по 16 января 1959 г.; предыдущей переписью все они были зафиксированы как 20-летние, а в 1959 г. подавляющее большинство из них попали в категорию лиц до одного года, но те, кто родились 15 и 16 января 1959 г., вообще не были учтены. Ниже, оперируя данными по возрасту, мы для простоты будем пренебрегать небольшим отклонением даты переписи от начала года и условно принимать 30-летних по переписи 1989 г. за родившихся в 1958 календарном году.

Переписи проходят в течение нескольких дней, не только в местах постоянного проживания населения, но в гостиницах, больницах, поездах дальнего следования, на вокзалах, в аэропортах и других местах временного проживания. По месту жительства переписываются те, кто живет там постоянно (включая отсутствующих в данный момент, оказавшихся на работе, в гостях, в дороге или же в командировке, в отпуске и т. п.) или временно.

Все временно отсутствующие (в СССР на срок до 6 мес.) относятся к постоянному населению. Другую категорию образует наличное население (те, кто на момент переписи реально находились на территории соответствующего населенного пункта, включая и временно там проживающих). Теоретически при аккуратном полном учете всего населения обе эти категории должны совпасть, но только в том случае, если перепись одновременно идет во всех местах, где могут находиться люди. Согласно переписям, наличное население, как

⁵⁵ В труднодоступных районах перепись проводится ранее намеченной даты.

правило, превышает постоянное; обратное положение часто характерно для сельской местности. В 1989 г. это превышение по СССР составило 988 тыс. человек⁵⁶.

Вся последующая обработка результатов ведется либо в отношении наличного населения (в СССР так обрабатывались переписи 1959 и 1970 гг.), либо в отношении постоянного (так обрабатывались переписи 1979 и 1989 гг.).

Во всех предыдущих переписях число иностранцев (а большинство из них нельзя отнести к постоянному населению) было невелико; теперь же в России присутствует большое количество строительных рабочих с Украины, из Белоруссии, Молдавии, азербайджанцев, занимающихся оптовой и розничной торговлей, и т. п. Если разработка предстоящей переписи России будет вестись с ориентацией на постоянное население, то, например, в Москве численность некоторых этнических групп окажется заниженной в несколько раз.

Поскольку сведения о временно отсутствующих записываются с чужих слов, то все данные (в частности, важные для социолингвистического исследования сведения о родном языке и другом языке, которым человек свободно владеет) могут не отражать личного мнения переписываемого. Искажения будут тем сильнее, чем больше лиц окажется переписанными заочно. Характер традиционной занятости у некоторых народов сопряжен с регулярным временным отсутствием в местах постоянного проживания; таковы народы Севера, занимающиеся выпасом оленей или охотой. Именно для этих быстро ассимилирующихся в языковом отношении народов особенно важно иметь по возможности точные данные о родном языке, но вероятность их искажения оказывается велика.

В последнее время возник еще один регион, где временно отсутствует значительная часть мужского населения, – Северный Кавказ; тут высокий уровень безработицы ведет к трудовым миграциям. Впрочем, язык здесь сохраняется хорошо, и сведения, полученные с чужих слов, обычно сравнительно достоверны.

Ответы на некоторые вопросы переписи унифицируются по предварительно подготовленной программе. Так, в СССР заранее готовились словари национальностей и языков, по которым в дальнейшем велась разработка национального состава (переписью зафиксированы: в 1926 г. – 194 народности, в 1939 г. – 97, в 1959 г. – 126, в 1970 г. – 122, в 1979 г. – 123, в 1989 г. – 128). Это не всегда означает, что неучитываемые народы и языки попадают в категорию "прочие"; часто проводится "укрупнение" одних народов за счет других. Так, в большинстве переписей СССР многие народы аваро-андо-цезской подгруппы включались в состав аварцев, памирские народы – в состав таджиков, энцы – в состав ненцев, хиналугцы – в состав азербайджанцев и т. п.⁵⁷ Указанные разли-

⁵⁶ Поскольку мужчины более склонны к миграциям, превышение наличного мужского населения над постоянным составляло 0,50% (среди женщин – 0,21%).

⁵⁷ Частично унификация происходила и на стадии публикации, иногда в ущерб здравому смыслу. Для большинства евреев СССР этническим языком служил идиш, но кроме них существуют бухарские (среднеазиатские) евреи (с этническим таджикским языком), горские евреи (с этническим татским) и грузинские евреи (с этническим грузинским). Сохранность этнического языка в качестве родного у всех этих групп разная, по переписи 1989 г. она составляла, соответственно, 11,1, 65,1, 75,8 и 90,9%. В публикациях (кроме 1926 и 1989 гг.) все эти

чия в перечне вопросов и методике проведения и обработки результатов переписей делают очевидной неполную сопоставимость их данных и в разных государствах, и в одной стране в разные годы.

Наряду с переписями населения во многих европейских странах с середины XX столетия проходили так называемые микропереписи – выборочные демографические обследования небольшой (1–10%), но представительной для всей страны части населения. В России в ходе микропереписи 1994 г. перед опрашиваемыми ставились и социолингвистические по своей сути вопросы, призванные выявить степень двуязычия (каким языком пользуются при общении в семье, в школе, на работе). Подробнее о полученных результатах будет сказано в главе 6 в связи с описанием методики выборочных обследований.

Кроме переписей важным источником демографической информации служит текущий учет так называемых демографических событий: рождений, смертей, регистрации и расторжения браков. У нас в стране эта статистика ведется органами, регистрирующими соответствующие события (в городах – органами ЗАГС, в сельской местности – органами исполнительной власти). Существует также текущая статистика миграций, но в отношении внутренних миграций (в пределах страны) она малодостоверна.

В советский период данные отраслевой статистики позволяли достаточно хорошо учитывать структуру работающего населения по роду занятий. Через соответствующие органы велся учет пенсионеров, школьников, студентов и других категорий населения. Современная текущая статистика в России распределяет занятое население по предприятиям и организациям различных форм собственности (государственные и муниципальные; частный сектор; общественные организации и фонды; совместные предприятия; предприятия смешанной формы собственности), но она часто отстает от быстро меняющейся социальной реальности и заведомо неполна. Регистрация некоторых социальных категорий (безработных, беженцев, вынужденных переселенцев и т. п.) сопряжена с предоставлением им каких-то льгот и материальных благ, поэтому тормозится искусственно.

Материалы переписей и текущей статистики по стране в целом и по регионам публикуются в центральных изданиях. Более подробные данные можно получить в региональных изданиях, разнообразные неопубликованные сведения доступны в республиканских и областных статистических управлениях. Надо сказать, что социолингвисты недостаточно оперативно пользуются такого рода информацией, предпочитая во многих случаях собственные каналы получения аналогичных сведений, а это ведет к потере времени и сил.

группы объединялись, и указывалась искусственная цифра, указывающая число тех из них, кто "считает родным языком язык своей национальности"; на 1989 г. она составила бы 14,2%.

3.2.3. ОСНОВНЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ

3.2.3.1. Половозрастная структура

Как уже говорилось в предыдущих главах, возраст и пол являются лингвистически значимыми биосоциальными факторами: представители разных поколений характеризуются неодинаковым использованием средств языка, разными предпочтениями в оценках языковых фактов и т. п., а различия людей по биологическому полу сказываются в их речевых склонностях и неприятиях. Поэтому понятно, что статистика соотношения разных в возрастном и половом отношении групп говорящих имеет существенное значение в конкретных социолингвистических исследованиях.

Данные о возрастной структуре населения обычно привязываются к информации о распределении его по полу: в разных возрастных группах соотношение мужчин и женщин различается. Соотношение родившихся мальчиков и девочек составляет в различных популяциях от 104 до 107; этот показатель принято называть *вторичным соотношением численности полов*⁵⁸. Достоверные сведения об этнических различиях в этой области отсутствуют, но имеются данные, что при повторных родах вероятность рождения мальчика снижается. Кроме того, начиная с Первой мировой войны, стало известно, что в первые послевоенные годы происходит подскок в рождении мальчиков⁵⁹. Биологически обусловленная смертность у мужчин выше во всех возрастах, но так называемый порядок вымирания (распределение по возрасту смерти) зависит от многочисленных разнонаправленных факторов, поэтому повсеместное (за редкими исключениями) преобладание женщин достигается лишь в возрастах старше 60 лет. Для стран Европы, Северной Америки, Австралии в целом характерно преобладание женщин (но в Ирландии и Исландии больше мужчин)⁶⁰, женщины преобладают и в "черной" Африке (кроме Эфиопии), страны Латинской Америки сильно различаются (в Мексике и Венесуэле больше мужчин, в Бразилии и Аргентине – женщин), в странах Азии и Северной Африки, за некоторыми исключениями (например, Индонезия, Япония), преобладают мужчины.

Согласно переписям СССР, в России на 100 женщин всех возрастов в 1979 г. приходилось в среднем 85,2 мужчины, а в 1989 г. – 87,7, но преобладание женщин начиналось лишь с середины четвертого десятилетия жизни. Смертность среди мужчин во всех возрастах, кроме 15–19 лет, превышает смертность женщин. В возрастных когортах⁶¹ 1939-1943, а также 1924-1928 и

⁵⁸ Первичным называется соотношение численности мужских и женских зародышей при оплодотворении; оно колеблется в пределах 125–130 к 100.

⁵⁹ В 1918 г. во Франции соотношение полов составило 107,6, а в Германии 107,7; довоенные показатели составляли 105-106.

⁶⁰ В Австралии до 1980-х годов преобладали мужчины, поскольку их всегда было больше среди иммигрантов, составляющих и до сих пор заметный процент населения страны.

⁶¹ Когортой демографы называют статистическую общность, объединяющую людей, у которых в один и тот же период времени произошло какое-то демографическое событие: те, кто в течение одного года (пяти, десяти и т. д. лет) родились, или вступили в брак, или родили первого (или пятого) ребенка, или овдовели и т. п. Иногда так же именуется любое возрастное объединение. Так, говорят, что по двум последним переписям наблюдается *превышение женской смертности над мужской в когорте 15–19 лет*; это не совсем точно: те, кто попал в эту

1919-1923 годов рождения падение доли мужчин отмечается гораздо сильнее, чем в когортах, объединяющих более молодое население; в обоих случаях это последствие Великой Отечественной войны.

Порядок вымирания различен у разных народов; рассмотрим несколько типичных случаев соотношения полов в разных возрастных когортах у некоторых народов России по переписи 1989 г. (табл. 1):

Таблица 1

Национальность	Возраст, полных лет				
	0-6	16-19	20-29	30-39	40-49
Татары	104,4	103,6	101,0	100,3	93,6
Русские	103,5	103,3	101,3	98,9	91,6
Чуваши	103,1	102,3	100,5	98,6	90,1
Марийцы	102,3	101,8	98,1	97,3	92,4
Буряты	103,4	101,2	98,4	94,9	89,0
Чукчи	105,7	97,6	96,1	85,2	75,3
Адыгейцы	105,8	104,5	101,0	103,8	97,7
Чеченцы	103,1	101,6	99,3	99,8	97,2
Кабардинцы	104,2	100,5	100,8	101,7	92,6
Лезгины	104,2	106,6	110,3	109,7	107,3
Мордва	106,1	105,8	103,1	102,2	94,0

У большинства народов России во взрослом состоянии относительная численность мужчин постепенно снижается. Правда, этот процесс идет с разной скоростью, и когорта, начиная с которой преобладают женщины, у разных народов различна. Сопоставление численности татар и чукчей дает наиболее контрастную картину. У чукчей (и у других народов Севера, а также тувинцев и коми) численное преобладание женщин над мужчинами начинается с подросткового периода. Не представленные в таблице удмурты занимают по этому показателю промежуточное положение между чувашами и марийцами, хакасы и якуты – между марийцами и бурятами, алтайцы приближаются к народам Севера и т. д.

Для всех народов Северного Кавказа (не только тех, что представлены в табл. 1) характерен иной порядок вымирания: здесь отмечается высокая смертность женщин в молодых и средних возрастах, вызванная тяжелыми условиями труда и быта в горной сельской местности (городское население среди представленных в таблице народов составляет от 27 до 44%). Период превышения женской смертности над мужской может быть более коротким (как у чеченцев) или более длинным (как у кабардинцев), повышенная смертность женщин может отмечаться в двух когортах (как у адыгейцев)⁶². Уникально положение лезгин: это единственный народ России, у которого мужчины преобладают во всех

группировку в 1979 г., родились в 1959-1963 гг., а те, кто попал в нее в 1989 г. - в 1969-1973 гг. Мы будем придерживаться этого неточного словоупотребления, поскольку существующая в демографии альтернатива именованья таких объединений *возрастными группами* представляется не очень удачной в силу занятости термина *группа* в социологии.

⁶² У ингушей, даргинцев, балкарцев ситуация близка к чеченской, у аварцев – к адыгейской, у осетин – к кабардинской, но с более высокой женской смертностью и т. д.

возрастных когортах до 60 лет и в целом по этносу; тем, что часть лезгин России – иммигранты из Азербайджана⁶³ (в 1989 г. там жило 36,8% всех советских лезгин), это может объясняться лишь в незначительной степени и только для рабочих возрастов.

Казалось бы, какое отношение приведенные данные имеют к социолингвистике? Они могут пролить свет на механизмы владения родным и вторым языками в разных по полу и возрасту группах населения. Это наглядно видно, например, при анализе данных, свидетельствующих о порядке вымирания у мордвы: этот народ явно выпадает из общей картины малыми различиями в порядке вымирания полов. Между тем мордва ни социально-культурными особенностями, ни географическим положением не выделяется среди своих соседей⁶⁴. Однако она подвержена сильной ассимиляции (в первую очередь русскими). В Приложении мы увидим, что у заметной части мордвы на протяжении жизни происходит смена этнической идентификации (и, как это ни покажется парадоксальным, смена *языка*, называемого в ходе переписи родным): часть тех, кто в раннем возрасте считал себя мордвой, позже относит себя к русским. Некоторые данные свидетельствуют, что мужчины в этом отношении консервативнее, т. е. они чаще хранят "верность" этносу и этническому языку. Слово "верность" взято в кавычки не случайно: фактически женщины в большей мере являются хранителями национальных обычаев и этнического языка, но мужчины чаще провозглашают соответствующую приверженность.

3.2.3.2. ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Половозрастные данные, получаемые в ходе переписей, показывают структуру существующего населения, но демографов интересует, как эта структура складывалась, поскольку на основании динамики населения в прошлом можно делать прогнозы на будущее. Прогнозы эти постоянно совершенствуются, но в целом их достоверность невелика. Наиболее достоверными признаются прогнозы ООН, предлагаемые в трех вариантах (низшем, среднем и высшем). Так, по среднему прогнозу 1968 г. население СССР должно было составить на середину 1980 г. 270,6 млн человек, на середину 1990 г. - 302,0 млн, а к 2000 г. - 329,5 млн человек (по низшему варианту – 316,5 млн). Первая из этих цифр, по данным текущей статистики, была достигнута на два с лишним года позже прогноза; на начало 1989 г. население СССР составило 285,7 млн человек, к моменту распада СССР превысило 290 млн, но 300-миллионного рубежа суммарное население бывших республик СССР так и не достигло, начав с 1992 г. убывать. Более современные и достаточно краткосрочные прогнозы также оп-

⁶³ Миграционное сальдо России с республиками Средней Азии, Казахстана, Закавказья в позднесоветский период было положительным, естественно, мужчины, сильнее подверженные миграциям, среди представителей соответствующих народов в РСФСР преобладали

⁶⁴ Мордва довольно равномерно расселена в Среднем Поволжье и соседних регионах В Мордовской Республике живет лишь 29% мордвы, в Пензенской, Самарской, Ульяновской и Оренбургской областях от 6 до 11% ее общей численности, в Башкирии – 4%, в Нижегородской и Челябинской областях и Татарии – по 3%, в Чувашии – 2% и т д

равдываются далеко не всегда.

Для демографа важнейшими элементами прогноза представляются будущая общая численность и возрастной состав населения (возрастной состав – точнее, доля лиц трудоспособных возрастов – важен для прогнозирования экономического положения). Прогнозирование этнического, а тем более языкового состава дается очень редко, да оно и невозможно для большинства стран, поскольку соответствующая статистика не собирается. Тем сложнее оказывается задача социолингвиста, для которого этноязыковая структура населения – всего лишь исходный фундамент, на котором надстраивается прогноз о функционировании языков в обществе. А подобная прогностическая деятельность совершенно необходима, поскольку без нее государство не может правильно формировать языковую и – шире – национальную политику. Серьезные упущения в этой области в прошлом нашей страны очевидны. Поскольку изменения в этническом, а за ним и в языковом составе населения отдельных территорий неизбежны, социолингвисту приходится ориентироваться на пока далекие от идеала демографические прогнозы. Не вдаваясь в методику их проведения, остановимся кратко на тех параметрах, которые лежат в их основе. Заметим, что некоторые такие параметры через публицистику проникли в массовое сознание и интерпретируются совершенно ошибочно⁶⁵.

Существует два компонента, за счет которых меняется численность и состав населения: естественное движение населения (соотношение рождений и смертей) и механическое движение (миграции и изменения границ). В норме рождаемость превышает смертность, и тогда говорят о естественном приросте. Эти показатели можно исчислять не только в абсолютных цифрах, но и в виде коэффициентов. Самые распространенные коэффициенты такого рода – это *общие коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста* (или *убыли*) населения; они вычисляются на тысячу всех жителей. Довольно очевидно, что такие показатели в значительной степени зависят от возрастной структуры населения. Рождаемость во многом определяется тем, сколь велика доля женщин детородного возраста в общей численности населения. Чем больше доля представителей старших возрастов, тем ниже рождаемость и выше смертность. При высокой рождаемости коэффициент смертности неминуемо должен снижаться, поскольку доля более подверженных смертности старших возрастов будет уменьшаться. То есть сам по себе общий коэффициент смертности лишь косвенно зависит от степени развития медицинской помощи; в этом смысле гораздо более показателен коэффициент младенческой смертности (число умерших в течение первого года жизни из 1000 родившихся). Коэффициент рождаемости рассчитывается с учетом всего населения и недостаточно явно характеризует репродуктивное поведение общества.

⁶⁵ В средствах массовой информации нередко можно встретить высказывания типа "Смертность в России в два раза выше, чем в Туркмении", "Население России уменьшилось, потому что упала продолжительность жизни"; "Средняя продолжительность жизни воинов-афганцев составляет 36 лет" Первое утверждение близко к истине, но не позволяет соотносить степень демографического благополучия двух стран, во втором перепутаны причина и следствие, третье с точки зрения демографии не имеет никакого смысла

Для уточнения уровня смертности населения также применяются *возрастные коэффициенты смертности* (число умерших за год на 1000 представителей соответствующей возрастной когорты); особенно важен коэффициент смертности в течение первого года жизни, поскольку смертность в младенчестве сильно превышает смертность во всех остальных возрастах, исключая самые старшие. На основании этих коэффициентов вычисляется средняя продолжительность жизни – число лет, которое предстоит прожить родившемуся в данном году, если уровни смертности во всех возрастах будут соответствовать текущим возрастным уровням смертности. Сам способ подсчета этого показателя свидетельствует, что это всего лишь удобная форма представления текущего уровня смертности в разных возрастах, никакой предсказательной силой он не обладает. Представление о том, как соотносятся между собой только что рассмотренные показатели, можно получить из табл. 2, где приведены данные по СССР и отдельным республикам на 1989 г. Для общего представления о возрастной структуре населения указаны доли лиц моложе и старше трудоспособного возраста во всем населении. Республики упорядочены по естественному приросту, курсивом даны показатели ниже российского.

Таблица 2

Некоторые демографические показатели по республикам СССР, 1989 г.

	1	2	3	4	5	6	7	8
СССР	17,6	10,0	22,7	7,6	74,0	64,6	27	15
Украина	13,3	11,6	13,0	1,7	75,2	66,1	23	19
Латвия	14,5	12,1	11,1	2,4	75,2	65,3	22	20
Эстония	15,4	11,7	14,7	3,7	75,0	65,8	23	19
РСФСР	14,6	10,7	17,8	3,9	74,6	64,2	23	16
Литва	15,1	10,3	10,7	4,8	76,3	66,9	25	17
Белоруссия	15,0	10,1	11,8	4,9	76,4	66,8	25	17
Грузия	16,7	8,6	19,6	8,1	75,7	68,1	28	15
Молдавия	18,9	9,2	20,4	9,7	72,3	65,5	29	14
Казахстан	23,0	7,6	25,9	15,4	73,1	63,9	35	10
Армения	21,6	6,0	20,4	15,6	74,7	69,0	34	9
Азербайджан	26,4	6,4	26,2	20,0	74,2	66,6	38	9
Киргизия	30,4	7,2	32,2	23,2	72,4	64,3	40	10
Узбекистан	33,3	6,3	37,7	27,0	72,1	66,0	44	9
Туркмения	35,0	7,7	54,7	27,3	68,4	61,8	44	8
Таджикистан	38,7	6,5	43,2	32,2	71,7	66,8	46	8

Обозначения: 1- общий коэффициент рождаемости (число рождений в год на 1000 жителей), 2 - общий коэффициент смертности (число смертей в год на 1000 жителей), 3 – коэффициент младенческой смертности (число умерших в течение первого года жизни на 1000 родившихся живыми), 4 – естественный прирост, 5 - средняя продолжительность жизни женщин, 6 – средняя продолжительность жизни мужчин, 7 – доля лиц моложе трудоспособного возраста (%), 8 – доля лиц старше трудоспособного возраста (%)

Таблица отчетливо подтверждает ряд закономерностей. Низкий прирост населения тесным образом связан с долей населения старших возрастов. Низкая

смертность (6,0-7,7) отмечается в республиках со значительной долей населения (34% и более) моложе трудоспособного возраста, а там, где доля этих лиц мала (22-25%), общие коэффициенты смертности самые высокие (10,1-12,1), хотя именно здесь уровень младенческой смертности для СССР невысок. Связи между средней продолжительностью жизни и общим коэффициентом смертности нет, продолжительность жизни коррелирует с младенческой смертностью, хотя напрямую с ней не связана: Грузия с довольно высоким уровнем младенческой смертности (7-е место) по продолжительности жизни у мужчин на 2-м месте, а у женщин - на 3-м. Различия в средней продолжительности жизни мужчин и женщин (а это - результат различий в уровне их смертности во всех возрастах на 1989 г.) по республикам довольно значительны: от 4,9 в Туркменинии до 10,4 года в России.

Для предсказания уровня рождаемости демографы обычно располагают массой показателей, достоверно характеризующих традиционные психологические установки разных групп населения в сфере заключения брака⁶⁶ и репродуктивных намерений; смена таких традиций идет постепенно и тенденции выявляются без особого труда. Другое дело смертность. Наряду с объективными показателями типа состояния окружающей среды, уровня развития медицины, традиций питания и т. п. на уровне смертности отражаются труднопредсказуемые социальные явления, которые, с одной стороны, могут вести к увеличению насильственных смертей (в первую очередь речь идет о войнах), с другой стороны - к развитию неподконтрольных самим индивидам психологических процессов, действие которых пока еще плохо известно. В результате смертность оказывается гораздо менее предсказуемой, чем рождаемость.

В конце 1992 г., когда население России составляло 148,7 млн. человек, Госкомстатом был составлен десятилетний прогноз, предполагавший к 2002 г. как минимум - стабилизацию населения, как максимум - рост до 151 млн человек. Между тем население продолжает ежегодно сокращаться. При этом у детей и подростков тенденция к снижению смертности наметилась уже в 1992 г.; среди молодежи 20-24 лет незначительный рост смертности наблюдался до 1995-1996 гг. Наибольший вклад в увеличение смертности вносили лица 45-59 лет. В чем причина общего роста смертности? Почему смертность в одних возрастах снижается медленнее, чем в других? Почему демографам не удалось спрогнозировать это явление, даже когда оно уже начиналось?

На последний вопрос ответить проще всего: регистрируемых статистикой

⁶⁶ Мы не будем специально останавливаться на демографии брачности, но для характеристики информации, получаемой со слов опрашиваемых, по лезно обратить внимание на тот факт, что данные переписей о состоящих в браке всегда и по всем регионам дают некоторое превышение женщин над мужчинами в 1989 г на 100 замужних женщин по СССР в целом приходилось 99,56 женатых мужчин (в России - 99,92) Если бы эта статистика действительно отражала численность состоящих в браке, она бы недвусмысленно указывала на наличие определенного процента полигамных браков. В районах распространения ислама небольшая часть браков действительно была полигамна, но переписная статистика отражает не их. Наиболее низким это соотношение было в закавказских республиках, достигая минимума (95,36) в христианской Армении (в Азербайджане - 97,68, в Грузии - 98,41) Эти данные характеризуют не реальный, а психологический уровень брачности и в ситуации Закавказья являются косвенным подтверждением значительного количества долговременных миграций мужчин за пределы традиционного расселения (характерно, что Армения - единственная из союзных республик, где и в 1979, и в 1989 г постоянное население превышало наличное)

объективных причин к повышению смертности не было, а при формулировании прогнозов иные данные привлечь не удастся. Общая социально-экономическая ситуация не выглядела катастрофической. Если бы повышение смертности объяснялось экономическими причинами, то его наиболее вероятными жертвами стали самые молодые и самые старые возраста, чего не было. Если бы дело было в резком падении уровня здравоохранения, тогда среди причин смертности поднялась бы доля инфекционных заболеваний, но рост смертности на 4/5 шел за счет болезней кровообращения и так называемых внешних причин (несчастные случаи, отравления, травмы, насильственная смерть) с преобладанием внешних причин у мужчин. Состояние окружающей среды в силу спада промышленного производства в целом даже улучшалось. Остаются причины психологического свойства. Этнографам известен эффект необъяснимого вымирания аборигенного населения при вступлении в тесный контакт с европейской цивилизацией, происходивший во многих районах земного шара; причины и детали этого процесса до конца не изучены, однако считается, что немалую роль сыграл долговременный стресс от "культурного шока". Очень вероятно, что главная причина высокой российской смертности в 1990-х годах лежит в той же плоскости.

Детальной привязки сведений о естественном движении населения к этническому составу не существует, но для грубого социолингвистического прогнозирования определенную ценность могут иметь региональные данные. В современной России национально неоднородные регионы выделяются или низкой убылью населения, или даже приростом (в сравнении с национально однородными регионами, где смертность выше). Например, за 1994 г. естественная убыль по Центральному району составила 10,4‰, по Центрально-Черноземному - 8,1‰, Северо-Западному - 11,2‰ (при смертности 17,1–18,5‰), в то же время в Удмуртии, Татарии, Башкирии, Чувашии, Марийской Республике она колебалась от 4,4 до 1,7‰. В северокавказских республиках почти повсеместно наблюдался прирост населения, при этом уровень смертности здесь хорошо коррелировал с долей коренного населения: в Адыгее, где аборигенов не более четверти, смертность составляла 14,5‰, в Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, где они составляют незначительное большинство, – от 10,2 до 12,7‰, в Дагестане, где некоренного населения сейчас порядка 10%, смертность - 7,6‰. То же и в Забайкалье: в Бурятии (где бурят 13%) смертность составила 13,0‰, а в Агинском автономном округе (55% бурят) – 10,9‰.

Анализ такого рода данных в корреляции с уровнем владения языками, распространенными в том или ином регионе, может привести к социолингвистически важным выводам, которые необходимо учитывать при языковом планировании и языковой политике.

3.2.3.3. ГОРОДСКОЕ И СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Издавна принятое в социологии и демографии разграничение городского и сельского населения в лингвистике коррелирует с разграничением разных

подсистем национального языка: разновидностей преимущественно "городских" кодов (литературного языка, городского просторечия, профессиональных и социальных жаргонов) и территориальных диалектов, которые локализованы на селе.

Между тем за интуитивно понятным противопоставлением городского и сельского населения в разных странах могут скрываться совершенно разные сущности. Дело в том, что городским считается население тех населенных пунктов, которые имеют статус города (или приравненный к нему), а в разных странах критерии получения этого статуса различны. Довольно обычным является отнесение населенного пункта к числу городов при достижении определенной *людности* (численности населения), но в Исландии для этого достаточно иметь 200 человек, а в Нидерландах необходимо 20 тыс. жителей, и в обоих государствах род занятий жителей не имеет значения.

В дореволюционной России не было общего положения, по которому населенный пункт получал статус города; таковой давался индивидуально. Неопределенность понятия *город* долго сохранялась и при советской власти. Начиная с 1950-х годов в большинстве республик СССР шло законодательное уточнение понятий *город* и *поселок городского типа*; минимальная людность городов колебалась от 5 тыс. в Грузии и Азербайджане до 12 тыс. в РСФСР, а для поселков городского типа в большинстве республик не была установлена⁶⁷. При этом число городов, не удовлетворяющих официальным требованиям людности, в России достаточно велико⁶⁸.

К сожалению, наиболее интересные для социолингвиста данные о национальном и языковом составе городов широко публиковались лишь в отношении Москвы, Ленинграда и столиц союзных республик. В других странах аналогичные сведения обычно еще менее доступны (в частности потому, что этнический и/или языковой состав часто вообще не выявляется в ходе переписей). В ряде государств итоги переписи в отношении населения крупных городов (включая и этноязыковую принадлежность) подводятся не только по городу в целом, но и по отдельным муниципальным районам (а этническая и языковая структура разных частей города может сильно различаться).

Следует иметь в виду, что урбанизация у разных народов России шла и идет неравномерно; в целом по России в 1970 г. городские жители составляли 62,3%, в 1989 г. – 73,4%. Почти везде в качестве основного языка общения в городской среде выступает русский. Следствия урбанизации для нерусских народов России многообразны: у новых мигрантов в города структура по полу и возрасту заметно отличается от таковой в местах их предыдущего жительства. Города, в которые мигрируют разные народы (скажем, лезгины, марийцы и манси), существенно отличаются этноязыковой ситуацией. Как следствие, шансы на использование родного языка (у тех, кто в качестве родного языка сохра-

⁶⁷ Кроме поселков городского типа, к числу городских поселений отнесены также населенные пункты со статусом курортных и дачных поселков, которые могут быть очень малы. Например, постоянное население дачного поселка Абрамцево Московской области составляет 200 человек.

⁶⁸ На 1989 г. 24 города и 1119 поселков городского типа имели менее 5 тыс. жителей, сельских поселений большей людности насчитывалось 4762.

нял язык своего этноса) существенно различаются, различна и вероятность передачи своего языка детям, родившимся в городе. Не вдаваясь в детали этих процессов, подчеркнем, что в городской и сельской местности они всегда идут различными путями, и при этом специфика социолингвистических результатов урбанизации для каждого народа оказывается своей.

Разграничение городского и сельского населения важно и для изучения функциональных особенностей собственно русского языка. Так, если относительно крупных городских центров более или менее ясно, какого рода разновидности национального языка там используются, то такой ясности меньше при исследовании речи жителей средних и малых городов⁶⁹: их речь в значительной степени подвержена влиянию окружающих эти города местных диалектов. Имея в виду такой промежуточный характер этой русской речи, петербургский исследователь А. С. Герд предложил называть этого рода городскую речь *региолектом* [Герд 1998]. Основные носители региолекта – местная городская интеллигенция, служащие административных учреждений. От местного, территориального диалекта региолект отличается тем, что он распространен на сравнительно большой территории и характерен для населения своего рода "пучка" территориально близких друг другу городов, а от литературной формы языка – тем, что в нем явно проступают следы диалектных влияний, смешанные с городским просторечием и жаргонами.

3.2.3.4. СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

Достоверные сведения о социальном составе населения были бы чрезвычайно полезны при изучении функционирования различных языковых регистров и решении многих других социолингвистических задач. Однако социологи не имеют единого взгляда на социальную стратификацию общества, с чем связано и отсутствие единообразного подхода к этой проблеме в демографии. Текущая статистика такого рода, распределяющая население по уровню дохода и роду занятий, собираемая и изучаемая экономистами, с функционированием языков связана очень опосредованно.

Основная задача демографов в этой сфере – исследование экономического потенциала населения, определяющегося долей экономически активного населения, в частности трудоспособного населения в рабочем возрасте. Эти данные в сопоставлении с уровнем занятости представляют определенный интерес для социолингвиста, поскольку наличие избыточного с экономической точки зрения населения – один из важнейших стимулов эмиграции.

Почему среди выходцев с Кавказа в городах Средней России много дагестанцев, а осетин практически нет? Обе северокавказские республики отличаются достаточно большими семьями, но в Дагестане они все-таки значительно крупнее; Дагестан – один из немногих российских регионов, где большая часть населения живет на селе, причем значительная территория этой сельской мест-

⁶⁹ В малых городских поселениях (до 100 тыс. жителей) проживают около горожан, в средних (от 100 до 500 тыс.) – 27%.

ности – малопродуктивные горные районы. Если в Осетии в течение 1990-х годов естественное движение населения практически отсутствовало (рождаемость и смертность были примерно равны), то в Дагестане отмечался высокий, по современным российским меркам, прирост. Уровень безработицы в Осетии очень невелик (в отдельные годы она занимала по этому показателю последнее место в России), а в Дагестане один из самых высоких в стране. Среднедушевой доход здесь часто оказывается ниже официального прожиточного минимума, что для подавляющего большинства субъектов Российской Федерации нехарактерно. Более половины безработных дагестанцев – молодежь 16–29 лет; естественно, что она отправляется на заработки в другие регионы.

3.2.3.5. МИГРАЦИИ

Демографы различают маятниковую, сезонную и постоянную миграцию.

Маятниковая миграция – это регулярное передвижение жителей различных населенных пунктов на работу и учебу и возврат к месту жительства. В большинстве развитых государств маятниковой миграции подвержена значительная часть населения, и ее важным лингвистическим следствием является стирание региональных языковых различий и нивелирование территориальных диалектов.

Сезонная (временная) миграция предполагает временное перемещение населения, вызванное экономическими и рекреационными причинами. В последние десятилетия большое значение приобретает межгосударственная сезонная миграция. Идет обмен трудовыми мигрантами между странами Европы, однонаправленный поток сезонных мигрантов из Мексики в США, из ряда североафриканских стран и Турции в европейские государства; в ряде случаев сезонные мигранты превращаются в постоянных. Еще один вид международной сезонной миграции – многочисленные и разнонаправленные туристические потоки. Сезонные миграции ведут к расширению языкового репертуара как мигрантов, так и граждан принимающего государства. В ряде случаев последствием таких контактов является возникновение специфических смешанных языковых образований типа пиджинов.

СССР в сезонных миграциях был принимающей стороной, но ни трудовые мигранты (вьетнамцы на промышленных предприятиях, болгары, северные корейцы, кубинцы на лесоразработках), ни зарубежные туристы не оказывали влияния на языковую ситуацию в стране: коммуникация с иностранцами была сильно ограничена. За последние годы положение в России изменилось. Сезонные рабочие (китайские огородники на Дальнем Востоке, турецкие строители и т. п.) слабо включаются во внутрироссийские коммуникативные процессы, но китайские и вьетнамские торговцы, а также гостиничные работники и обслуживающие российских "челноков" коммерсанты в Турции, Египте, ОАЭ, на Кипре и в других странах дают начало новым, пока совершенно неисследованным разновидностям упрощенного русского языка.

Постоянные миграции бывают внешними (межгосударственными) и внутренними; и те и другие могут приводить к серьезным изменениям этниче-

ской и языковой ситуации. В СССР внешние миграции с конца 1940-х до конца 1980-х годов были незначительны; заметным исключением был лишь выезд евреев. Внутренние миграции, как межреспубликанские, так и в пределах одной республики, всегда имели важное значение и во многих регионах привели к принципиальным изменениям в масштабах использования местных языков и русского. На протяжении большей части советской истории шел отток русских и ряда других народов России в другие республики. Положение принципиально изменилось с середины 1970-х годов, когда миграционное сальдо (соотношение въезда и выезда) стало приносить РСФСР механический прирост населения в 100–200 тыс. человек ежегодно. Этот процесс усилился с распадом СССР, причем внутренняя миграция превратилась во внешнюю. В 1990–1996 гг. за счет миграции население России выросло на 3,3 млн человек, позднее количество въехавших из бывших республик Союза стало снижаться.

В год распада СССР положительное сальдо в межреспубликанских миграциях титульных народов Россия имела только в отношении русских и армян, затем усилился приток и ряда других народов. В результате число армян и таджиков в России удвоилось, заметно возросло число грузин и азербайджанцев. Официальные данные об иммиграции приуменьшены, кроме того, они не учитывают тех трудовых мигрантов из ряда республик, которые из сезонных превращаются в постоянных

Специфическую категорию мигрантов составляют беженцы и вынужденные переселенцы. Если среди добровольных мигрантов преобладают лица трудоспособных возрастов, то среди беженцев много детей и стариков. На начало 1997 г. в России официально числились 999 тыс. беженцев из ближнего зарубежья. Около 70% из них русские, 7% – татары, 4,8% – армяне, 3,9% – украинцы, 3,8% – осетины. Расселены они крайне неравномерно, но почти нигде не повлияли на языковую ситуацию; важным исключением является Северная Осетия, а с 1999 г. и Ингушетия, где нагрузка беженцев – самая высокая в России. В Северной Осетии на 1 тыс. местного населения приходится 74 беженца, почти все они – осетины из Грузии, намного хуже владеющие русским языком, чем российские осетины⁷⁰.

Гораздо существеннее оказались социолингвистические последствия в странах эмиграции. Произошли принципиальные изменения в этническом и языковом составе многих республик: русское население Таджикистана, Азербайджана, Армении, Грузии уменьшилось вдвое, на четверть сократилось русское население Узбекистана и Киргизии, на 10–12% снизилась численность русских в Казахстане и республиках Прибалтики. Из Грузии выехали около 40 тыс. осетин, значительная часть греков (как правило, в Грецию), численность грузин на основной территории республики возросла и за счет мигрантов из Абхазии; азербайджанцы покинули Армению, а армяне – Азербайджан. В результате повсеместно укрепились титульные этносы, а Армения стала фактически однопациональным государством, где национальные меньшинства состав-

⁷⁰ Среди осетин Северной Осетии русский назвали родным языком 1,8%, указали на свободное владение им 86,9%, у осетин Южной Осетии эти показатели были 0,3 и 59,7%

ляют менее 3% всего населения республики.

3.3. СВЕДЕНИЯ О ЯЗЫКАХ В СОВЕТСКИХ ПЕРЕПИСЯХ НАСЕЛЕНИЯ

Пока мы специально не касались этнической и языковой статистики переписей. Ее важность для социолингвистики совершенно очевидна, но она существует далеко не для всех стран. Советские переписи давали достаточно много информации, интересной для социолингвистов. К сожалению, в центральном вопросе – о владении языками – имелись три существенных недочета.

Проиллюстрируем каждый из них на конкретных примерах.

В программах переписей кроме родного языка можно указать лишь один, которым человек свободно владеет. Между тем некоторые народы отличаются массовым трехязычием. Наиболее многочисленный из них – башкиры: значительная их часть свободно владеет помимо своего родного, башкирского, еще русским и татарским.

В Башкирии самую большую этническую группу составляют русские (39,3%), на втором месте – татары (28,4%), на третьем – башкиры (24,5%). Башкиры и вне своей республики традиционно живут вперемешку с татарами и повсеместно составляют меньшинство: в Челябинской области татар 6,2%, а башкир 4,5%, в Оренбургской – 7,3 и 2,5%, в Свердловской - 3,9 и 0,9%, в Курганской - 2,0 и 1,6%. Башкиры издавна наряду со своим языком знали татарский; до революции татарский был письменным языком немногих грамотных башкир, шел интенсивный процесс их языковой ассимиляции татарами, приостановившийся в последние десятилетия (подробнее об этом см. в Приложении). Но большая часть башкир по-прежнему хорошо говорит по-татарски. 97% городских башкир Башкирии читали русскую периодику, и только 27% - башкирскую (при этом 66% читали периодику только по-русски); 7% городских башкир читали периодику, а 18% – художественную литературу на трех языках [Насырова 1992: 124]. Данные о предпочтении языка периодики и беллетристики нельзя воспринимать как показатели владения языками – те, кто читает книги и газеты, выбирают их не по языку, а по содержанию. Но эти цифры бесспорно указывают на массовое трехязычие башкир, которое совершенно невозможно выявить по данным переписей.

Другое важное упущение переписей также касается вопроса о владении вторым языком: этот вопрос относился только к "языкам народов СССР". Тем самым немец, поляк, болгарин мог отметить свой этнический язык как родной, но если родным языком он называл русский, то свободное владение немецким, польским, болгарским уже не отмечалось, поскольку эти языки не считались языками народов СССР. Перечень "советских" языков менялся, эскимосский и алеутский в 1970 г. в него не входили, а в последующих переписях вошли.

Третий недостаток отечественных переписей заключается в том, что в инструкции переписчику давалось несколько туманное разъяснение понятия *родной язык*: это язык, который опрашиваемый считает своим родным. Основания

для ответа на такой вопрос у разных лиц были различны.

Очевидно, что сохранность языка должна быть выше там, где доля соответствующего народа в населении наиболее высока, а именно в сельской местности традиционной территории расселения народа. Одновременно по мере удаления должно расти владение языком межэтнической коммуникации; в России в этом качестве почти повсеместно выступает русский язык.

Между тем у сильно ассимилированных в языковом отношении этносов данные переписи 1989 г. выявляют странную картину: чем дальше от традиционной территории, тем выше доля тех, кто назвал свой этнический язык родным, а знание русского языка снижается. Так, среди орочей Хабаровского края, живущих в "районах преимущественного проживания народов Севера", этнический язык объявили родным 10,4%, в других районах Хабаровского края – 14,3%, среди орочей РСФСР вне Хабаровского края - 25,8%, в других республиках СССР - 46,9%. Показатель невладения русским языком (в качестве родного или второго) соответственно повышается с 0,9 до 21,9%. Еще рельефнее это явление выглядит на примере чуванцев - народа, генетически близкого к юкагирам, который был частично истреблен, частично ассимилирован в языковом отношении чукчами уже к началу нашего века. Они фиксировались переписью 1926 г. и вновь появились лишь в материалах переписи 1989 г. Некоторая часть из них назвала родным "язык своей национальности"⁷¹. В Анадырском районе, где сосредоточено 60% чуванцев, таковых оказалось лишь 3,7%, в других районах Чукотки - 17,8%, а за пределами РСФСР- 53,5%.

Сходная аномалия наблюдается и при сопоставлении городского и сельского населения. По материалам переписи 1989 г. у в с е х тех народов Севера, у которых в сельской местности менее 30% признали свой этнический язык родным, в городе отмечен более высокий показатель (табл. 3).

Таблица 3

Национальность	Доля считающих этнический язык родным, %		Национальность	Доля считающих этнический язык родным, %	
	городское население	сельское население		городское население	сельское население
Нивхи	23,5	23,1	Орочи	19,1	16,6
Ительмены	20,8	17,5	Алеуты	33,8	20,5
Удэгейцы	33,9	18,5	Негидальцы	27,1	26,2
Чуванцы	19,0	17,9	Ороки	49,3	18,5

По существу здесь за признанием этнического языка родным не стоит ничего, кроме символической идентификации себя со своим этносом; вне окружения своих единоплеменников это происходит чаще. В результате языковые данные переписей по таким народам становятся совершенно недостоверными.

⁷¹ Специалисты единодушно отмечают, что чуванский язык давно мертв, вот что говорится о нем в "Лингвистическом энциклопедическом словаре" "был распространен в базе р Анадырь Сохранились переводы 22 фраз, записанные в 1781 И Бенцигом, и 210 слов, записанных Ф Ф Матюшкиным [опубликованы в 1841 г.] [Крейнович 1990 585]

У народов с относительно хорошей сохранностью языка картина более естественная: ненецкий язык назвали родным 82,0% сельских ненцев и 56,5% городских, чукотский – 74,2% сельских чукчей и 47,1% городских.

Указанные недостатки требуют внимательного и критического отношения к статистическим данным при их использовании в социолингвистических исследованиях.

"Не надо, однако, считать, что переписи в других странах дают лучший материал. Советские переписи хотя бы давали немало информации по национально-языковым вопросам, пусть не без неточностей, а, например, в Бельгии после 1947 г. во избежание языковых конфликтов любые вопросы о языках исключили из переписей, и надежной статистики о количестве носителей французского или фламандского [нидерландского] языков, о двуязычии и пр. нет вообще; в Японии после уравнивания айнов в правах с японцами этот народ перестали учитывать в переписях, и в 80-е гг. в печати можно было встретить весьма разноречивые данные о количестве айнов от 15 до 50 тысяч" [Алпатов 1997: 101].

ГЛАВА 4

НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Со времен Ф. де Соссюра в лингвистике принято разграничивать синхронический и диахронический аспекты исследования языка. Соответственно выделяют синхроническую лингвистику и лингвистику диахроническую. Ученые справедливо указывают на определенную условность такого разделения, поскольку при изучении тех или иных состояний языка (чем занимается синхроническая лингвистика) важен учет исторического фактора (предмет изучения диахронической лингвистики). И наоборот, эффективное изучение истории языка часто осуществляется путем сравнения *синхронных срезов*, характеризующих состояние языка в тот или иной момент его развития.

Такое разделение синхронического и диахронического аспектов в изучении языка существует и в социолингвистике: различают *синхроническую социолингвистику* и *социолингвистику диахроническую*.

4.1. СИНХРОНИЧЕСКАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Если следовать буквальному смыслу определения "синхроническая", то это направление должно изучать лишь отношения, существующие между языком и обществом, не обращаясь к процессам, характеризующим социально обусловленное функционирование языка (поскольку всякий процесс протекает во времени и, стало быть, несинхронен).

В действительности же синхроническая социолингвистика изучает и отношения, и процессы, касающиеся связей языка и общества. Отношения характеризуют *статику* этих связей, а процессы – их *динамику*.

Проиллюстрируем сказанное на примерах.

Каждый носитель того или иного языка имеет набор социальных характеристик: определенный уровень образования, профессию, систему ценностных ориентации и т. п. Соотношение статусов "носитель языка" и "носитель социальных характеристик" не связано с какими-либо процессами, протекающими во времени, - это некая данность. Но исследовать особенности использования языка людьми, которые обладают разными социальными характеристиками, можно, только выйдя за пределы этой данности и наблюдая процесс речевого общения. Статика сменяется динамикой.

В многоязычном обществе языки распределены между носителями – соответственно их этнической принадлежности: ср., например, современную Россию, где помимо русских живут татары, якуты, осетины и другие народы, каждый из которых является носителем своего родного языка. При этом надо учитывать, что соотношение языков и этносов – не взаимно-однозначное: с одной стороны, помимо своего родного языка представители многих национальностей

пользуются еще и другими языками, распространенными в данном социуме; с другой стороны, есть языки, например суахили, которые "не имеют коррелята на этническом уровне, поскольку в Африке не существует автохтонного этноса, родным языком которого был бы суахили" [Рябова 1985: 107].

Констатация этого положения – вещь достаточно тривиальная. Но каково взаимоотношение и взаимодействие родных и вторых языков? В каких сферах и ситуациях общения они используются? Для ответа на подобные вопросы социолингвистика обращается к функционированию языков, т. е. к процессам речевого общения и к факторам, обуславливающим характер этих процессов.

Еще один пример. Описывая какой-либо национальный язык с точки зрения его социальной дифференциации, обычно констатируют наличие в нем (на том или ином синхронном срезе) определенных подсистем – литературной формы, территориальных диалектов, профессиональных и социальных жаргонов, городских койне и т. п. Эти подсистемы существуют не изолированно друг от друга – они находятся в некоторых взаимоотношениях (в каких – вопрос, на который можно ответить лишь в результате исследования). Как пользуются этими подсистемами говорящие? Каково их функциональное соотношение (хотя бы на том же самом синхронном срезе, который имеется в виду при разграничении подсистем)? Давая ответы на эти вопросы, мы переходим от статичности, характеризующей социальную дифференциацию языка, к динамике функционирования составляющих этот язык подсистем.

В компетенцию синхронической социолингвистики входит и изучение языковой социализации, освоения языка в связи с освоением системы социальных ролей, овладения основами "ситуативной грамматики" и ряда других процессов, относящихся к общей проблеме социальной обусловленности языковой компетенции.

Примерами синхронических социолингвистических исследований могут служить работы У. Лабова и его последователей, посвященные изучению фонетического варьирования современного американского варианта английского языка в зависимости от социальной характеристики говорящего и от стилистических условий речи, а также труд "Русский язык по данным массового обследования" (1974), в котором представлен результат изучения определенного синхронного среза, характеризующего вариативность литературной нормы; исследования отечественных африканистов по типологии языковых ситуаций в полиэтнических государствах современной Африки (см., например [Виноградов и др. 1984]); социолингвистическое "портретирование" языков России, с подробным анализом национального и социального состава их носителей, функций каждого языка, взаимодействия его с другими языками данного ареала (см. об этом: [Михальченко 1995], а также [Письменные языки... 2000]).

Характерно, что ни в одной из названных работ авторы не стремятся сохранить "чистоту" синхронического подхода – почти всегда для объяснения современного состояния языка или каких-либо его подсистем привлекаются исторические данные, позволяющие видеть движение языковой системы от одной стадии к другой. Однако явное преобладание целей, задач и методики исследования, присущих синхроническому подходу, позволяет относить эти работы

именно к синхроническому направлению социолингвистических исследований⁷².

4.2. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКА

В самом общем виде диахроническая социолингвистика может быть определена как направление социолингвистических исследований, которое изучает историю языка в связи с историей народа. Такое определение, однако, нуждается в уточнении. Ведь традиционно многие работы, посвященные эволюции конкретных языков, описывали исторический контекст, в котором происходят языковые изменения. Можно ли квалифицировать такие работы как социолингвистические?

Существенной особенностью социолингвистического исследования является *систематическое, последовательное* соотнесение языковых фактов и социальных процессов. Если, изучая историю какого-либо языка, ученый лишь от случая к случаю упоминает события, относящиеся к истории народа, то такую работу трудно квалифицировать как социолингвистическую. Если же исследование основывается на четком разграничении внутренних, присущих самому языку законов его развития и внешних, социальных факторов, обуславливающих это развитие, и анализирует языковые изменения, показывая действие как тех, так и других, то такое исследование скорее всего должно быть отнесено к диахронической социолингвистике.

Примерами подобных работ могут служить многие историко-лингвистические исследования отечественных и зарубежных авторов, в особенности те, в которых изучается становление национальных языков, формирование их литературной нормы, развитие у литературных языков социальных функций и т. п. Таковы, например, работы В. В. Виноградова по истории русского литературного языка [Виноградов 1938; 1956], В. М. Жирмунского – по истории немецкого языка и по немецкой диалектологии [Жирмунский 1956; 1965], Б. А. Успенского – о церковнославянско-русской диглоссии в Московской Руси [Успенский 1987; 1994], М. В. Панова [Панов 1990], цикл работ по истории литературных языков, выполненный в Институте языкознания РАН [Норма... 1969, Социальная... 1977, Функциональная... 1985, Литературный... 1994, Языковая... 1996] и другие, а также исследования зарубежных лингвистов

⁷² Поскольку большая часть нашего учебника посвящена проблемам синхронической социолингвистики, здесь мы ограничимся кратким изложением статуса, целей и задач этого направления науки. Обзор проблематики, которой занимается или должна заниматься синхроническая социолингвистика, дается в книге Л. Б. Никольского [Никольский 1976]. См. также двухтомник "Advances in the sociology of language" под редакцией Дж. Фишмана [Fishman 1971-1972], содержащий работы, которые дают представление главным образом о синхроническом аспекте социолингвистических исследований. Вышедший в 1972 г под редакцией Дж. Гамперца и Д. Хаймса сборник "Directions in sociolinguistics" [Gumperz, Hymes 1972], судя по его названию, должен был бы представлять весь спектр направлений, характерных для социолингвистики середины XX в Тем не менее и в нем помещены в основном работы, ориентированные на синхронный анализ языковых явлений в их связи с явлениями социальными См также обзор [Гулида 1999], дающий представление главным образом о синхронном аспекте новейших англоязычных социолингвистических исследований

по истории формирования национальных языков в связи с историей народов: элементы диахронно-социолингвистического подхода характерны, например, для классических работ А. Мейе по исторической лингвистике, Ф. Брюно – по истории французского языка, Х. Эггерса – по истории немецкого языка, Менендеса Пидалья – по истории испанского языка и др.

Регулярные связи между развитием языка и развитием общества могут быть прослежены на сравнительно коротких отрезках языковой эволюции. Например, П. Лафарг исследовал новшества, появившиеся во французском языке во времена Великой французской революции [Лафарг 1930]. А. М. Селищев в знаменитой книге "Язык революционной эпохи" [Селищев 1928] проанализировал изменения, произошедшие в русском языке в течение 10 послереволюционных лет, и связал эти изменения с теми преобразованиями, которые были совершены в России в результате октябрьского переворота 1917 г. Более близким к нашим дням примером может служить книга немецкого исследователя Л. Цыбатова [Zybatow 1995], в которой изменения, характерные для русского языка конца 80 – начала 90-х годов XX в., изучены в связи с политическими, экономическими и культурными процессами постперестроечного периода.

Целью социолингвистического изучения языка в диахроническом аспекте является установление связей между историей языка, изменениями, происходящими в нем в ходе исторического развития, – и историей общества, которое "обслуживается" данным языком, теми социальными, экономическими и культурными изменениями, которые характеризуют эволюцию данного общества и его институтов. На пути к достижению этой цели исследователь решает ряд задач, среди которых наиболее существенно изучение характера связей между языковыми и социальными явлениями, что предполагает ответы на такие, например, вопросы:

вызывает ли социальное изменение непосредственное изменение в языке или же такое влияние осуществляется более сложно, опосредованно?

какие из факторов социальной эволюции наиболее существенны для развития языка?

какие "участки" языковой системы наиболее податливы к социальному воздействию; иначе говоря, что в первую очередь меняется в языке под влиянием социальных преобразований, а что остается относительно стабильным на протяжении длительного времени?

В задачи диахронической социолингвистики входит также изучение изменений в языковой ситуации под воздействием изменений в обществе, анализ изменений в наборе и характере функций языка (языков), в социальном и коммуникативном статусе литературной формы национального языка и социолектов, фиксация и исследование изменений в отношении общества в целом или отдельных социальных групп к своему языку или каким-либо его подсистемам, к языковым новшествам и т. п.

Приведем примеры решения этих задач на конкретном языковом материале.

Языковая ситуация в Португалии начала XVI в. характеризовалась многоязычием, в основе которого лежали португальский и испанский языки, а так-

же латынь (на латыни составлялись географические описания, ставились пьесы в университетских театрах). К концу века усилилась тенденция к большей самостоятельности и функциональной самодостаточности португальского языка, вовлечению в литературный обиход разговорных, просторечных и диалектных элементов, что отражало процессы, происходившие в Португалии того периода: разрушение феодальных институтов, укрепление абсолютизма, рост городов, миграция сельских жителей в города, культурную интеграцию высших слоев общества вокруг королевского двора и др. (см. [Вольф 1985]).

Изучение истории многих европейских языков вскрывает движение литературной формы этих языков от более или менее аморфного состояния к нормированной языковой системе с единой диалектной основой. Так, во французском языке XV в. "совокупность старофранцузских наддиалектных литературных образований <...> стала заменяться единым литературным языком, в основе которого лежал диалект столицы – Парижа <...> изменялся и статус диалектов – от территориального диалекта феодального общества к территориально-социальному диалекту периода формирования и развития национальных языков" [Челышева 1985: 216]. Литературный французский язык начал функционально преобладать над латынью, которая постепенно вытеснялась из социально наиболее важных сфер общения [Там же: 217].

Характеризуя языковую ситуацию в Японии XIX– XX вв., исследователи особо выделяют период после 1945 г., когда усилилась роль английского языка и, следовательно, произошло некоторое распределение функций между японским и английским языками: "...в Японии существуют влиятельные газеты на английском языке, англоязычные телепередачи и пр. Возможны и случаи общения на английском языке между японцами: в рекламе для придания ей большей элитности и иногда в научной литературе" [Алпатов 1993: 107].

Иллюстрацией изменения в отношении к собственной речи могут служить наблюдения русских диалектологов. Согласно этим наблюдениям, проводившаяся в годы советской власти политика вытеснения местных диалектов из коммуникативных сфер, такое направление школьного обучения и воспитания, которое внедряло в сознание учащихся пренебрежительное отношение к собственному говору как к неправильной, искаженной речи, сформировали устойчивую негативную оценку диалектных способов говорения самими носителями диалекта (см. об этом [Булатова и др. 1975; Касаткин 1999]).

С этим можно сравнить совсем иное отношение к диалектам в современной Японии, где «люди среднего и младшего поколений относятся к собственному использованию диалекта как к чему-то само собой разумеющемуся. По-видимому, низкая престижность диалектов была свойственна периоду массового овладения литературным языком, когда речь на диалекте ассоциировалась с низким уровнем образования и культуры. Теперь же, когда владение диалектом вовсе не означает неумения переключаться с него на литературный язык, диалект считается вполне законным средством неофициального общения со "своими" <...> В этой обстановке изменилось и официальное отношение к диалектам. Перед школой и средствами массовой информации ставится уже не задача искоренения диалектов, а задача их правильного употребления. Сейчас в школах

введен курс местного диалекта, особый для разных районов Японии, в котором учат пользованию диалектом и осознанию его отличий от литературного языка» [Алпатов 1996: 242–243].

Для диахронической социолингвистики характерен явно декларируемый и последовательно проводимый в конкретных исследованиях принцип: история языка должна изучаться в тесной связи с историей его носителей, с их повседневной жизнью. "Слово путешествует из диалекта в диалект, из языка в язык вместе с людьми, идущими на базар или ярмарку, в храм или к святым местам, на олимпийские игры, в театр или цирк, на корриду или футбол. Слово путешествует вместе с товарной этикеткой, с любым товаром материального или духовного производства" [Журавлев 1993: 7].

4.3. МАКРОСОЦИОЛИНГВИСТИКА

Разграничение макро- и микросоциолингвистики в известной мере является аналогией соответствующего деления социологии на макро- и микросоциологию. Макросоциология занимается глобальными процессами, характеризующими развитие и функционирование общества в целом, а микросоциология проявляет интерес к человеку как члену тех или иных социальных групп.

Некоторые авторы называют макро- и микроподход к социальному изучению языковых явлений не направлениями, а уровнями социолингвистического анализа: см., например [Berruto 1974, гл. 4]. Однако по мере развития социолингвистики эти уровни анализа становятся самостоятельными и образуют два мало пересекающихся направления социолингвистических исследований.

Макросоциолингвистика изучает крупномасштабные процессы и отношения, которые имеют место в языке и которые в той или иной степени обусловлены социальными факторами. Эти процессы и отношения могут характеризовать общество в целом или достаточно большие совокупности людей: социальный слой, этнос, этническую группу и т. д. Например, изучение социальной дифференциации языка включает в себя макроуровень, на котором выясняется, как распределены данный национальный язык и его подсистемы в разных социальных слоях носителей этого языка.

Макроподход преобладает во многих работах, посвященных *двуязычию*: такие вопросы, как соотношение численностей говорящих на разных языках, обращающихся в данном сообществе, разграничение функций этих языков, языковая интерференция и ее типы и другие, часто рассматриваются в общем виде, без обращения к индивидуальным или групповым речевым особенностям (см., например [Де-шериев 1966; 1976; Джунусов 1969; Дьячков 1996], обзоры [Алпатов 2000; Социальная лингвистика 1997]).

Проблемы нормализации и кодификации языка, а также языковой политики и языкового планирования изучаются прежде всего в рамках макросоциолингвистического подхода, поскольку обычно они затрагивают интересы всего населения, пользующегося данным языком (или языками), или значительной его части. Например, говоря о политике государства в отношении малочислен-

ных народов, населяющих это государство, исследователь неизбежно касается вопроса о сохранении языка того или иного малого этноса, и, как правило, обсуждение этого вопроса ориентировано на интересы всего этноса, а не каких-либо отдельных его представителей. Исследование статуса тех или иных языков в полиэтническом обществе, функциональных свойств и возможностей подсистем, входящих в качестве компонентов в какой-либо национальный язык, также требует макроподхода, поскольку речь идет о коммуникативном "обслуживании" больших совокупностей людей или даже всего населения страны в целом.

К макросоциолингвистике относятся очень важные в социальном плане проблемы, связанные с анализом языковых ситуаций, которые характеризуют общество в тот или иной период его существования. Подобный анализ может касаться компонентов, составляющих данную социально-коммуникативную систему (кодов и субкодов), их распределения по сферам общения, коммуникативного "веса" каждого из компонентов с точки зрения его функций в различных сферах социальной деятельности, потенциальных и реальных изменений в соотношении компонентов социально-коммуникативной системы, научно обоснованных прогнозов, касающихся характера языковой ситуации, и т. п.

В последние десятилетия социолингвисты обратили свое внимание к еще одной области взаимоотношений языков, которая, как это ни печально, стала весьма актуальной в современном мире, – к языковым конфликтам. Возникла и формируется новая область социолингвистических исследований – лингвистическая конфликтология (конфликтами, возникающими в человеческом обществе, занимаются также политологи, психологи, социологи, этнографы, поэтому определение "лингвистическая" необходимо).

В основе языковых конфликтов лежат социальные и экономические причины, поэтому свойства того или иного конфликта естественно рассматривать на макроуровне, а не на уровне индивидуальном или частно-групповом, хотя зарождаются языковые конфликты могут и в территориально или этнически ограниченных группах.

Нередко в условиях полиэтнического государства язык становится символом национальной солидарности, объединяющим ту или иную этническую группу в ее борьбе за собственные интересы, в противостоянии другим группам или центральной власти. Особенно характерна эта тенденция для малочисленных народностей в составе какого-либо государства. "Каждый экономический класс, принадлежащий к языковым меньшинствам, использует язык как объединяющий символ в борьбе с центральным правительством, даже несмотря на то что интересы некоторых из этих классов (например, крестьян и дворянского сословия) бывают противоположны друг другу", - пишут исследователи языковых конфликтов Р. Ингельхарт и М. Вудворд [Inglehart, Woodward 1977: 370], приводя многочисленные примеры языковых конфликтов и из истории стран Западной Европы и Канады, и из современных их отношений.

Существуют и другие проблемы языковой жизни общества, при изучении которых применяется преимущественно макроподход. Некоторое представление о разнообразии и характере этих проблем можно составить, обратившись к

весьма объемистому сборнику "Социолингвистические проблемы в разных регионах мира" [Социолингвистические... 1996]: большая часть помещенных здесь работ отражает именно макросоциолингвистический взгляд на социально-языковые отношения и процессы.

4.4. МИКРОСОЦИОЛИНГВИСТИКА

Микросоциолингвистика – направление социолингвистических исследований, занимающееся изучением того, как язык используется в малых социальных общностях⁷³. Большие и малые социальные общности различаются не только количественно, но и качественно: закономерности, наблюдаемые при использовании языка в малом социальном коллективе (например, в семье, игровой, производственной группе), часто "не действуют" или действуют не так в больших человеческих совокупностях, и наоборот.

Долгое время в социолингвистике преобладали работы, объектом которых были процессы и отношения крупного масштаба, присущие либо обществу в целом, либо значительным социальным и этническим совокупностям людей. Языковые процессы и отношения, характеризующие взаимодействие людей в малых общностях, привлекали к себе меньшее внимание. Правда, мнение относительно важности изучения малых групп с позиций социолингвистики высказывалось неоднократно. Например, Р. Белл писал, что поскольку «членство в группе почти наверняка имеет языковые индикаторы – внутригрупповые признаки фонологического и лексического характера, которые сразу определяют данную группу и исключают "чужаков", - постольку лингвистика должна расширить свою сферу, включив в себя описание употребления языка в малых группах», и при этом она не может "игнорировать тот факт, что уже существует экспериментальная методика, принесшая результаты, которые можно переосмыслить в социолингвистических терминах" [Белл 1980: 145-146].

Однако конкретные работы, исследующие особенности общения людей в тех или иных группах, весьма немногочисленны как в отечественном языкознании, так и за рубежом. Между тем несомненно, что исследование поведения людей как членов малых групп дает многое для характеристики вообще социального поведения человека. Без такого исследования невозможно правильно судить о многих сторонах речевого поведения человека как существа социального; кроме того, свойства индивида как говорящего, как "производителя" определенных высказываний обнаруживаются прежде всего в пределах подобных групп (а не в обществе в целом).

Таким образом, микросоциолингвистика ставит в центр внимания исследователей человека и его непосредственное окружение, в то время как макро-

⁷³ В специальной литературе встречается и несколько иное понимание областей применения и задач макро- и микросоциолингвистики: макросоциолингвистика ориентирована на изучение того, что в системе Ф. де Соссюра называется *langage* (т. е. язык в его коммуникативной функции), а микросоциолингвистика - на изучение *parole* (т. е. речи, того, как реализуется язык в различных ситуациях общения). На долю же собственно лингвистики остается *langue* – язык как определенным образом организованная система отношений между составляющими его единицами, обусловленных внутренними закономерностями (см. [Виноградов и др. 1984: 4]).

социолингвистика обращена к проблемам, характеризующим целое общество или крупные социальные объединения людей. Те же группы, о которых нередко идет речь и в макросоциолингвистических работах, – например, лица определенного возраста, пола, уровня образования (см. раздел "Массовые обследования" главы 5), – это группы условные: члены таких групп не находятся в контакте друг с другом, не общаются.

Микросоциолингвистика – дисциплина, безусловно, языковедческая (как и вообще социолингвистика), поскольку объектом ее является язык, хотя и в специфическом вну-тригрупповом использовании. Однако она тесно связана с другими науками о человеке, прежде всего с психологией и социальной психологией, у которых она заимствует некоторые ключевые понятия. Таковы, например, понятия *социальной роли*, *малой группы* и всех разновидностей малых групп: *формальной / неформальной*, *референтной (эталонной)*, *первичной / вторичной* и другие, понятия *лидера* и *аутсайдера*, *конформного – неконформного поведения* и некоторые другие. Часть этих понятий была рассмотрена нами выше (см. также [Крысин 1989а]), другие будут проиллюстрированы в данном разделе на конкретных примерах.

Проблемы, которыми занимается микросоциолингвистика, можно сгруппировать в два концентра, как бы отвечая на вопросы: 1) каков язык, используемый (или каковы языки, используемые) в данной малой социальной общности? 2) как используется этот язык (эти языки) в данной малой общности ее членами?

Ответы на эти вопросы лишь на первый взгляд кажутся тривиальными и заранее известными: если данная группа существует в пределах некоего объемлющего ее социума (нации, страны, этноса и т. д.), то члены группы должны использовать во внутригрупповом общении те же языковые образования, которые функционируют во всем социуме.

Однако наблюдения показывают, что социально-групповое обособление людей с необходимостью включает и момент лингвистический: язык, которым пользуются члены группы, оказывается не совсем тем же, что общенациональный язык (или какие-либо его подсистемы). Одно из свидетельств этого – существование так называемых семейных языков: общеупотребительные языковые средства претерпевают здесь иногда значительные трансформации. С этим можно сравнить также выработку особых "языков" в группах, члены которых объединяются по производственным, игровым, спортивным или каким-либо еще интересам (подчеркнем, что имеются в виду не социальные и профессиональные жаргоны вообще, а вырабатываемые в пределах достаточно узких групп специфические средства общения).

В связи с этим можно вспомнить наблюдение Л. Н. Толстого, описанное им в повести "Юность" и касающееся особенностей поведения, в частности речевого, членов узкого кружка или одной семьи. Характеризуя способность к взаимному пониманию между такими людьми, он писал: "Сущность этой способности состоит в условленном чувстве меры и в условленном одностороннем взгляде на предметы. Два человека одного кружка или одного семейства, имеющие эту способность, всегда до одной и той же точки допускают выраже-

ние чувства, далее которой они оба вместе уже видят фразу; в одну и ту же минуту они видят, где кончается похвала и начинается ирония, где кончается увлечение и начинается притворство, – что для людей с другим пониманием может казаться совершенно иначе. Для людей с одним пониманием каждый предмет одинаково для обоих бросается в глаза преимущественно своей смешной, или красивой, или грязной стороной. Для облегчения этого одинакового понимания между людьми одного кружка или семейства устанавливается свой язык, свои обороты речи, даже слова, определяющие те оттенки понятий, которые для Других не существуют <...>. Ни с кем, как с Володей, с которым мы развивались в одинаковых условиях, не довели мы эту способность до такой тонкости. Например, у нас с Володей установились, Бог знает как, следующие слова с соответствующими понятиями: *изюм* означало тщеславное желание показать, что у меня есть деньги, *шишка* (причем надо было соединить пальцы и сделать особое ударение на оба ш) обозначало что-то свежее, здоровое, изящное, но не щегольское; существительное, употребленное во множественном числе, означало несправедливое пристрастие к этому предмету и т. д., и т. д. Но, впрочем, значение зависело больше от выражения лица, от общего смысла разговора, так что, какое бы новое выражение для нового оттенка ни придумал один из нас, другой по одному намеку уже понимал его точно так же".

Использование подобных специфических средств общения может отличаться рядом особенностей. Иначе говоря, на один вид специфичности – в наборе средств – как бы накладывается второй ее вид – в комбинировании этих средств и в их функциях. Например, для внутригруппового общения характерна символная функция языкового знака (наряду с номинативной и оценочной): определенные слова, обороты, типы произношения приобретают свойство символа принадлежности говорящего к данной группе. Это связано с одним из мотивов, которыми руководствуется говорящий в своем внутригрупповом поведении: показывать своей речью, что он принадлежит к данной группе, что он "свой".

Не овладев такого рода символами принадлежности к группе и, шире, принятой в данной группе манерой общения, человек не может с полным правом претендовать на место в этой группе и нередко оказывается на ее периферии. У. Лабов пишет, что положение аутсайдера, в терминологии У. Лабова – изгоя (*lame*), имеет языковое следствие: аутсайдер плохо усваивает культурные и языковые нормы группы [Labov 1972]. Однако часто причина и следствие меняются местами: именно манера речи, если она отличается от принятых в группе речевых стереотипов, мешает человеку влиться в группу, чувствовать себя в ней "своим".

Другим примером специфики использования языковых средств во внутригрупповом общении может служить формирование групповых шаблонов речи. Подобно тому как в процессе совместной деятельности у людей вырабатываются определенные стереотипы поведения, регулярность коммуникативных контактов между членами группы ведет к выработке речевых шаблонов. В качестве последних могут выступать отдельные языковые единицы, различные фрагменты высказываний и диалогов, имевших место в прошлом группы (или

кого-либо из ее членов), своеобразные формы начал и концовок тех или иных речевых актов, также отражающие общий коммуникативный опыт данной группы, цитаты – как из литературных произведений, так и из устных высказываний какого-либо члена группы, в частности лидера, и т. п. При этом шаблон (вопреки своему названию!), как правило, используется в эмоциональном контексте, специально – шутливо, ёрнически, с пародийными целями и т. д. – обыгрывается, и тем самым к нему привлекается внимание окружающих.

В качестве иллюстрации приведем небольшой отрывок из повести Д. Гранина "Зубр":

« – На меня давила его [Н. В. Тимофеева-Ресовского] речь, интонация, словечки. Мы все повторяли за ним: "трёп", "душеспасительно", "душеласкательно", "это вам не жук накакал", "досихпорешние опыты" – прелесть, как он умел играть голосом, словами. "Кончай пря!" – в смысле пререкания. "Что касается в рассуждении..." - Сплошной бонжур! - добавил я. – Заметили? И это тоже... Сила влияния или обаяния его личности были таковы, что люди, сами того не замечая, перенимали его выражения, его манеры».

Если характеризовать внутригрупповое устное речевое общение в целом, то необходимо отметить две тенденции: к свертыванию, элиминации таких средств, которые называют объект речи, и, напротив, к детализации таких средств, которые характеризуют, оценивают его. Это происходит вследствие того, что общий опыт членов группы, приобретенный в процессе совместной деятельности и взаимного общения, служит надежной опорой для полного взаимопонимания и без эксплицитного называния предмета речи. Однако обмен характеристиками этого предмета речи, его оценками со стороны разных членов группы часто составляет самую суть внутригрупповой коммуникации.

Иначе говоря, для речи человека как члена определенной малой группы характерны *предикативность* и *оценочность* при слабой выраженности чисто номинативного аспекта. В этом отношении устное общение членов малой группы в большей степени, чем какой-либо другой жанр разговорной речи, обнаруживает сходство с внутренней речью: постоянство состава общающихся и их опора на общий совместный опыт делают малую группу как бы единой "коллективной личностью", для которой многое в предмете речи является само собой разумеющимся и поэтому не нуждается в назывании.

Весьма популярными в микросоциолингвистике являются исследования речевого общения в человеческих диадах и триадах – например, общения врача и пациента, мужа и жены, учителя и ученика, судьи, подсудимого и адвоката и т. п. Детальное исследование особенностей речевого поведения членов таких "микрогрупп" вскрывает механизмы, управляющие подобным поведением при различном соотношении статусов и ролей коммуникантов. Примером такого скрупулезного микроанализа речевого взаимодействия является книга У. Лабова и Д. Фэншела "Терапевтический дискурс. Психотерапия как общение" [Labov, Fanshel 1977], в которой на основании изучения конкретного материала бесед психотерапевта с пациентами формулируются общие правила, характеризующие речевую тактику коммуникантов и различные ее проявления как в вербальном, так и невербальном поведении (жестах, мимике, смене поз и т. п.).

4.5. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Для начального этапа изучения языка под социальным углом зрения во многом был характерен умозрительный подход к анализу социально-языковых связей – еще не был накоплен значительный фактический материал, относящийся к этой области исследования. Кроме того, многие вопросы, касавшиеся корреляции "язык–общество", только ставились, и обсуждение их велось в самом общем виде, с опорой на немногие иллюстративные примеры. Таким было, например, обсуждение Е. Д. Поливановым тезиса о необходимости социологической лингвистики, его идеи, касающиеся опосредованного воздействия социальных изменений на языковую эволюцию, о лексике и фразеологии как сферах языка, которые наиболее чутко реагируют на внешнее влияние, и т. п.

Столь же общим было рассмотрение Антуаном Мейе и другими представителями французской социологической школы начала века проблем социальной обусловленности развития языка, его дифференциации под влиянием расслоения общества (см. об этом [Слюсарева 1981: 63 и след.], внимание чешских и словацких лингвистов к функциональной стороне языка, к проблемам нормы и кодификации литературного языка (см. [Краус 1976]).

Следует подчеркнуть, что умозрительный характер многих ранних социолингвистических штудий – отнюдь не порок развития этой науки, а естественный и необходимый этап. Как известно, успех любого дела, а научного исследования в особенности, во многом зависит от правильной постановки вопросов, и ключевой задачей социолингвистики на первых порах было выяснение круга проблем, относящихся к ее компетенции, их правильное формулирование.

Первые социолингвистические работы образовали необходимый фундамент, на котором начало строиться здание теоретической социолингвистики. Это направление социолингвистических исследований занимается изучением наиболее общих, основополагающих проблем, характеризующих отношение "язык и общество". Какого рода эти проблемы?

Многих из них мы уже касались в разных частях нашей книги, поэтому здесь их можно просто перечислить, не претендуя на то, что этот перечень будет полным:

формулирование системы аксиом, группирующихся вокруг общего тезиса о том, что язык есть явление социальное;

выявление наиболее существенных закономерностей языкового развития и доказательство их социальной природы (наряду с такими закономерностями, которые обусловлены саморазвитием языка);

исследование социальной обусловленности функционирования языка, зависимости его использования в разных сферах общения от социальных и ситуативных переменных;

анализ процессов речевого общения, в которых определяющее значение имеют такие факторы, как система социальных ролей, исполняемых участни-

ками коммуникации, социально-психологические условия реализации тех или иных речевых актов, их иллокутивная сила, умение говорящего переключаться с одного кода на другие и т. п.;

изучение взаимодействия и взаимовлияния языков в УСЛОВИЯХ их существования в одном социуме; проблемы интерференции и заимствования элементов контактного языка; теоретическое обоснование процессов формирования промежуточных языковых образований – интердиалектов, койне, пиджинов, – а также другие проблемы.

Теоретики социолингвистики достаточно рано осознали необходимость подкрепить общие положения о зависимости ; языка от социальных факторов массовым эмпирическим материалом (то, что этот материал должен был быть массовым, вполне естественно, поскольку требовалось доказать с о ц и -і альные, групповые, а не индивидуальные связи носи-і телей языка с характером использования ими языковых і средств). М. В. Панов в России и У. Лабов в США были, по-видимому, первыми социолингвистами, которые в начале 60-х годов XX в. независимо друг от друга обратились к эксперименту как необходимому этапу в социолингвистических исследованиях и способу доказательства определенных теоретических построений. Так был дан толчок развитию экспериментальной социолингвистики.

Современный социолингвистический эксперимент - дело весьма трудоемкое, требующее больших организационных усилий и немалых финансовых затрат. Ведь обычно экспериментатор ставит перед собой задачу получить достаточно представительные и по возможности объективные данные о речевом поведении людей или об иных сторонах жизни языкового сообщества, и такими данными должны характеризоваться разные социальные группы, образующие языковое сообщество. Следовательно, нужны надежные инструменты экспериментального исследования, опробованная методика его проведения, обученные интервьюеры, способные неукоснительно следовать намеченной программе эксперимента, и, наконец, правильно выбранная совокупность обследуемых информантов, от которых и надо получить искомые сведения.

Правда, история науки знает случаи и не столь громоздкой организации социолингвистических экспериментов. Как полушутя-полусерьезно рассказывает в своей книге Р. Белл [Белл 1980: 299], одним из первых социолингвистов-экспериментаторов можно считать древнего военачальника Иефтая, принадлежавшего к племени галаадитян. Для того чтобы предотвратить проникновение в его вооруженные силы вражеской "пятой колонны" – представителей племени ефремлян, Иефтай приказывал каждому воину, приходившему к переправе через реку Иордан:

– Скажи "шибболет". *Шибболет* на иврите означает 'поток'. Такой приказ на берегу реки был вполне уместным и даже естественным: галаадитяне легко произносили звук [ʃ] в начале слова *шибболет*, а ефремляне не умели этого делать. Результат эксперимента был кровавым: «каждого, кто не умел произнести "шибболет" на галаадитский манер, "они взяли и заклали < > и пало в то время ефремлян сорок две тысячи" (Книга Судей, 12.6.» [Белл 1980: 300].

В конце 50-х годов XX в. ленинградский исследователь Н. Д. Андреев провел несложный, но весьма эффективный эксперимент. Он спрашивал людей на улицах Москвы и Ленинграда, как называется тот или иной городской объект – вокзал, мост, проспект, – с целью выяснить, как люди произносят финали прилагательных типа *Казанский*, *Ленинградский*, *Ярославский* (вокзалы), *Ботанический* (сад), *Невский* (проспект), *Кировский* (мост) и т. п. (возможны два варианта: [-кыj] и [-к'иj]). Правда, на эксперимент ушло два года (его проводил один человек), зато исследователь получил массовые данные: он опросил 2280 информантов, в том числе 1378 москвичей и 902 ленинградца, которые были разделены на группы в зависимости от возраста, пола и – весьма ориентировочно – от социального положения, и их ответы нашли отражение в суммирующих таблицах (подробнее об этом эксперименте см. [Андреев 1963]).

С началом широкомасштабных социалингвистических исследований потребовались более сложно организованные эксперименты, результаты которых характеризовали бы не тот или иной случайно выбранный языковой факт, а определенные структурные особенности языка – например, его произносительной системы, системы словоизменения тех или иных классов существительных и глаголов и т. п.

Для проведения подобных экспериментов разрабатываются методики массовых обследований. Некоторые из таких методик успешно применяли У. Лабов и его последователи при изучении современного американского варианта английского языка, а также коллектив московских лингвистов под руководством М. В. Панова.

В зависимости от задач, которые ставит перед собой социалингвист-экспериментатор, применяются и такие методики, которые не связаны с обследованием больших групп говорящих. Таковы, например, некоторые эксперименты по изучению кодового переключения. Американский ученый Дж. Гамперц записал на магнитофон разговор между американцами мексиканского происхождения. Английский язык в этом разговоре чередовался с испанским. Затем запись была расчленена на тематически однородные эпизоды, а эпизоды разделены на реплики. «После этого исследователь совместно с автором каждой реплики, содержащей переключение кода, пытался выяснить место данной реплики в структуре текста и определить "социальное значение" переключения кода. В частности, использовался метод субституции: фраза с переключением кода заменялась фразой на другом языке с тем, чтобы выявить функциональную и смысловую роль переключения» (цит. по [Швейцер 1976: 165]).

В пилотажных исследованиях, когда основной целью является опробование тех или иных инструментов сбора материала (анкет, вопросников, тестов и т. п.), а также различных методик получения социалингвистических данных, экспериментатор вправе дать полную свободу своей изобретательности в проведении экспериментов, чтобы найти наиболее эффективные и надежные способы их осуществления, отбросить методы, не дающие искомого результата, или существенно скорректировать их.

Например, на ранних этапах социофонетических исследований, когда ставилась задача изучить зависимость произношения людей от их социальных

характеристик, наиболее простым путем получения материала было предложение информантам прочитать перед микрофоном заготовленный исследователем список слов (включающий слова с нужными фонетическими явлениями). Однако вскоре выяснилось, что чтение разрозненных, синтаксически не связанных друг с другом слов не отражает тех произносительных особенностей, которые проявляются в связной речи. Кроме того, на произношение информанта влиял орфографический облик слова (что могло сказываться, например, в том, что информант читал *було[чн]ая, ти[хи]й, бою[с']*, тогда как в спонтанной речи того же человека эти словоформы звучали иначе: *було[чн]ая, ти[хы]й, бою[с]*). Поэтому чтение списков слов было дополнено чтением более или менее значительных отрывков из специально сконструированного "фонетического" текста (см. о нем в главе 5), пересказом определенных текстов, а также записями свободной беседы с интервьюируемым на избранную интервьюером тему (ограничение темы бесед необходимо, так как это увеличивает вероятность появления в речевой цепи слов и словоформ, содержащих изучаемые звуки и звукосочетания).

4 6. СОЦИОЛИНГВИСТИКА И СОЦИОЛОГИЯ ЯЗЫКА

Наряду с термином "социолингвистика" многие исследователи употребляют термин "социология языка". Одни считают их синонимами, другие настаивают на необходимости разграничивать стоящие за ними понятия, считая социолингвистику одним из направлений социологии языка. При этом иногда тот или иной автор пытается теоретически разграничить эти направления исследований, но, используя их названия в конкретных описаниях языка под социальным углом зрения, взаимозаменяет термины "социолингвистика" и "социология языка" как полные синонимы. Например, американский ученый Дж. Фишман считает, что социолингвистика исследует прежде всего "социально обусловленную вариативность языкового употребления" [Fishman 1971: 8], социология языка рассматривает социально обусловленные языковые варианты (то, что уже установлено социолингвистикой) "как цели, как препятствия и как стимуляторы" социального взаимодействия, а самих "использователей языка и способы употребления ими языковых вариантов – как аспекты более общих социальных систем и процессов" [Там же: 9]. Однако в большой работе, помещенной в том же томе, что и процитированное предисловие [Fishman 1971a], Дж. Фишман не различает терминов *социолингвистика* и *социология языка*, используя их как синонимы.

Согласно мнению, которое разделяется многими современными исследователями, основное различие между обсуждаемыми понятиями заключается в том, что *социолингвистика* – это область языкознания, и она изучает языковые явления с привлечением социальных факторов (обуславливающих развитие и функционирование этих явлений), а *социология языка* – *междисциплинарная, промежуточная* область исследования, сочетающая социологические цели и методы исследования с лингвистическим материалом (см. [Kjolseth 1972; Белл

1980]. Развивая этот взгляд, можно сказать, что социолингвистика изучает языковые отношения и процессы, привлекая для их интерпретации социальные факторы, а социология языка изучает социальные отношения и процессы, обращая внимание на языковые явления, которые находят отражение в этих отношениях и процессах.

В отличие от социолингвистики, которая изучает вариативность языка, зависящую от социальных условий его существования, социология языка интересуется тем, как распределен язык, в частности языковые варианты в различных социальных группах, и как эти группы с помощью языка достигают своих целей. Например, социолингвиста интересует, как манипулирует языком власть (см. об этом в работах [Блакар 1987; Купина 1995]), как она использует его в качестве средства социальной демагогии [Николаева 1988] или средства скрыть истину [Вайнрих 1987], как можно найти путь к согласию с политическим оппонентом без ущерба для собственного реноме [Фишер, Юри 1987] и т. п. Социолингвист идет "от языка", от языкового факта, социолог языка – "от общества", от общественных отношений и институтов.

Поясним сказанное на примере. Изучая вариативность языка, социолингвист устанавливает, что использование языковых вариантов $V(1)$ и $V(2)$ зависит от возраста, пола, социального статуса информантов, от уровня их образования и общей культуры и от других характеристик. Основываясь на том, что вариант $V(1)$ больше распространен в культурной среде и в группах более молодых носителей языка, исследователь может интерпретировать этот вариант как социально более престижный и более перспективный – с точки зрения нормы, – чем $V(2)$, который представлен в менее культурной среде и главным образом в речи старшего поколения.

Те же самые варианты $V(1)$ и $V(2)$ могут быть и объектом внимания социолога языка. В этом случае они фигурируют как одни из признаков того или иного социального слоя, той или иной социальной группы – в ряду прочих признаков – например, психологических, поведенческих и т. п. (которые изучаются представителями других гуманитарных наук).

Однако социология языка не ограничивается использованием результатов, полученных социолингвистами, для лингвистической характеристики тех или иных групп. Задачи ее значительно шире. Идя "от общества", т. е. от лингвистической характеристики общества и составляющих его социальных групп, социолог языка определяет, какими языками и языковыми подсистемами пользуется та или иная группа, в каких сферах общения и с какой регулярностью, каковы численные соотношения лиц, владеющих разными коммуникативными кодами и субкодами, устанавливает количественные показатели, характеризующие использование языка (языков, языковых подсистем) в средствах массовой информации, в науке, в сфере образования, художественного творчества и т. п. Особенно актуальны такие исследования в многоязычных обществах, где важными параметрами языковых ситуаций являются распределение языков в разных общественных и этнических группах, характеристика групп с точки зрения использования ими этих языков в тех или иных коммуникативных целях, общественные оценки "своего" и "чужого" языков и т. п.

Социология языка может ставить перед собой и задачу изучения определенных социальных групп в качестве таких совокупностей людей, которые используют специфические языковые средства в роли символов принадлежности индивида к данной группе.

Таким образом, социолингвистика и социология языка, имея много общего в целях и задачах исследования, достигают этих целей и решают эти задачи, идя разными путями: первая – от языка к обществу, вторая – от общества к его языковым характеристикам.

В некоторых работах помимо социолингвистики и социологии языка выделяется еще лингвистическая социология, или лингвосоциология. Как следует из определений, которые дает Л. Б. Никольский этому понятию, оно весьма близко к тому содержанию, которое вкладывается в термин "социология языка": это "направление или область исследования, в которой изучаются социальные явления и процессы через их языковые отражения, а язык рассматривается в ряду факторов, оказывающих воздействие на функционирование и эволюцию общества" [Никольский 1976: 131]. В сходном понимании термин *лингвистическая социология* употребляют и некоторые зарубежные лингвисты (см., например [Ellis 1965]).

4.7. ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Многие науки, помимо теоретической разработки стоящих перед ними задач, решают задачи, связанные с практикой; обычно направления, занимающиеся этим, называются прикладными. Существует, например, прикладная лингвистика, которая разрабатывает широкий круг практических проблем – от создания письменностей и алфавитов для бесписьменных и младописьменных народностей (эта задача была чрезвычайно актуальна в нашей стране в 1920–1930-е годы) до разработки систем машинного перевода, информационного поиска и других систем автоматической переработки текста. Обширно поле применения прикладной математики, прикладной психологии и других прикладных наук.

Какие же проблемы составляют объект прикладной социолингвистики?

Это, например, проблемы обучения родному и иностранным языкам. Традиционная методика преподавания языков базируется на словарях и грамматиках, которые фиксируют главным образом внутривидовые свойства языка и обусловленные самой его системой правила использования слов и синтаксических конструкций. Между тем реальное употребление языка, как мы выяснили в предыдущих главах, регулируется еще, по крайней мере, двумя классами переменных – социальными характеристиками говорящих и обстоятельствами, в которых происходит речевое общение. Следовательно, обучение языку наиболее эффективно тогда, когда в методике его преподавания, в учебной литературе учитываются не только собственно лингвистические правила и рекомендации, но и различные "внешние" факторы.

Наиболее очевидна роль этих факторов при обучении второму языку. Те

знания и навыки, которые ребенок приобретает в процессе освоения родного языка, взрослый человек, постигая неродной для себя язык, должен усваивать "с нуля", в значительно более короткие сроки и в известной мере искусственно – в учебной ситуации, а не в ходе постепенной социализации. Ошибки в чужом языке, и особенно в речевом поведении, чаще всего происходят от незнания ситуативных и социальных условий уместности тех или иных языковых единиц и конструкций, от невладения механизмами кодового переключения при изменении параметров речевого общения (смене темы, адресата, цели и т. п.). В отечественной системе образования еще нет должного осознания целесообразности применения социолингвистики для целей обучения языкам, хотя социолингвисты пытаются внедрить в сознание педагогов важность этой проблемы (см. работы [Дзекиревская, Тарасов 1970; Дьячков 1992; 1993; Фирсова 1992]). В лучшем случае используются страноведческие знания (ср., например, серию учебников русского языка для иностранцев, созданную в Институте русского языка им. А. С. Пушкина), но они составляют лишь часть социолингвистической информации. В США и некоторых других странах важность подобной информации при обучении языку осознана достаточно давно. К этому выводу можно прийти на основании как общих заявлений типа "...социолингвистическая информация может способствовать разработке новых основ подготовки учителей, созданию учебных материалов, методов обучения и различного рода учебных программ" [Shuy 1974: 157], так и конкретных программ, созданных с участием социолингвистов и применяемых в школьном обучении языкам. Уже к середине 70-х годов было разработано несколько таких программ, и интенсивная работа в этом направлении продолжается как в США, так и в странах Западной Европы.⁷⁴

Социолингвистическая информация важна при разработке проблем и практических мер, составляющих языковую политику государства. Языковая политика требует особой гибкости и учета множества факторов в условиях полиэтнических и многоязычных стран, где соотношение языков по их коммуникативным функциям, по использованию в различных сферах социальной жизни тесно связано с механизмами политического управления, национального согласия и социальной стабильности. Одним из инструментов языковой политики являются *законы о языках*. Их разработка в целом – компетенция юристов: именно они должны четко и непротиворечиво формулировать положения, касающиеся, например, статуса государственного языка, его функций, защиты монопольного использования государственного языка в наиболее важных социальных сферах, регламентации применения "местных" языков и т. п. Но совершенно очевидно, что создать лингвистически грамотные законы о языке можно лишь на основе всестороннего знания функциональных свойств языка, степени разработанности в нем тех или иных систем (например, системы специальных терминологий, научного языка, языка дипломатических документов, официально-делового общения и т. п.), более или менее детального представления о том,

⁷⁴ Некоторое представление о характере и масштабах этой работы дают обзорная статья] и специальный том международного ежегодника «Социолингвистика», посвященный многоязычию в школах Европы [Sociolinguistica 1993]

что может и чего не может данный язык в разнообразных социальных и ситуативных условиях его применения (широкий круг вопросов, связанных с разработкой законов о языке, обсуждается в статьях сборника [Языковые... 1994]). Сферы приложения социолингвистической теории и результатов социолингвистических исследований к решению задач общественной практики нередко зависят от характера языковой ситуации в той или иной стране. В многоязычных странах возникают одни проблемы, в моноязычных – совсем иные. В условиях многоязычия остро стоят вопросы выбора одного языка-макропосредника, который служил бы средством общения всем нациям, населяющим страну, и, возможно, обладал бы статусом государственного языка. В условиях языковой однородности актуальны проблемы нормирования и кодификации литературного языка, его отношений с другими подсистемами национального языка. Отсюда – разные акценты в разработке социолингвистических проблем, в ориентации прикладных направлений социолингвистики.

Например, в некоторых полиэтнических странах особое политическое значение приобретает сохранение языков малочисленных народностей (так называемых миноритарных языков – от фр. *minoritaire* 'относящийся к меньшинству, представляющий собой меньшинство'), в связи с чем возрождается литература на этих языках, они вовлекаются в сферу общественной коммуникации. Нередко эти процессы приходят в противоречие с функциональными возможностями миноритарных языков, с неразвитостью в них стилей, неразработанностью специальных терминологий, общественно-политической лексики и т. п. Многие из этих проблем – объект интереса прикладной социолингвистики.

В ряде стран современной Европы остра ситуация с иностранными рабочими и иммигрантами из азиатских и африканских государств, с их социальной, культурной и языковой адаптацией. Поэтому вполне объяснимо внимание немецких и французских исследователей к речевому поведению иммигрантов, смешанным формам речи (в частности, к полуязычию – например, турецко-немецкому, арабо-французскому и т. п.), к обучению детей иммигрантов в европейских школах и др. (освещение этой проблематики можно найти в сборнике [Living... 1982], сжатое ее изложение – в статье [Liidi 1990]).

Для американской социолингвистики некоторое время тому назад был характерен всплеск интереса к блэк-инг-лиш – языку американских негров, который по ряду черт отличается от стандартного американского варианта английского языка. В связи с этим весьма актуальной оказалась проблема обучения негритянских детей в школе, поскольку речевые навыки, полученные ими в семье, приходят в противоречие с правилами того английского языка, которому их обучают в школьном классе (см. [Dillard 1973; Labov 1972; Швейцер 1981]).

В условиях современной России актуально изучение и многоязычия, характерного для полиэтнических стран (в частности, сохранения "витальности", т. е. жизнеспособности, миноритарных языков), и вопросов, связанных с нормализацией и кодификацией отдельных национальных языков, например русского литературного, взаимоотношений и взаимовлияния разных подсистем национального языка, что получает отражение в языковой практике и вызывает определенную общественную реакцию. Такова, например, реакция на жаргониз-

зацию литературной речи, весьма интенсивную в конце XX в., на неумеренное заимствование иноязычной лексики, на другие процессы, характерные для развития и функционирования современного русского литературного языка, которые, по мнению многих представителей интеллигенции, требуют регулирующего вмешательства со стороны лингвистов.

Подробный очерк истории языковой политики в нашей стране представлен в приложении к учебнику.

ГЛАВА 5

МЕТОДЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Социолингвистика – молодая наука. Она еще не успела в должной мере выработать собственные, присущие только ей методы исследования языка. Но ввиду того, что она возникла на стыке двух наук – социологии и лингвистики, представители новой области знания попытались воспринять все лучшее, что характерно для методологии и техники исследований в обеих "питающих" ее науках.

В. А. Звегинцев даже писал о "методической всеядности" социолингвистики и в связи с этим находил, что методический аппарат представляет собой "самое слабое ее место" [Звегинцев 1982: 255]. Однако такая всеядность (как кажется, в значительной степени преувеличенная Звегинцевым) имеет и свои объяснения: во-первых, как всякая молодая отрасль знания, социолингвистика совершенно закономерно идет по пути отбора методических приемов из того, что уже есть в других науках; во-вторых, широкий спектр методов соответствует достаточно большому кругу разнообразных проблем, которые относятся к компетенции социолингвистики. В связи с этим необходимо отметить, что в последнее время в социолингвистике наблюдаются два взаимосвязанных процесса: выработка собственного понятийного и методического аппарата и конкретизация предметной области, отказ от слишком широкой трактовки задач социолингвистики (последнее характерно, например, для концепции американского социолингвиста Д. Хаймса). Пожалуй, рано говорить об особых методах, используемых при создании социолингвистических теорий, – здесь социолингвистика ограничивается общенаучными методами. Методические особенности социолингвистики заключены в ее эмпирических исследованиях. При сборе конкретной информации социолингвистика в значительной своей части опирается на методический опыт социологии и социальной психологии, но методы этих наук получают здесь те или иные модификации применительно к задачам, которые решаются этой лингвистической дисциплиной. Так, поскольку многие виды социолингвистических работ связаны со сбором и анализом массового материала (только на основании значительного числа фактов можно судить, как используется язык социальными группами, а не отдельными индивидами), в социолингвистике применяются методические приемы, издавна используемые социологами: устный опрос, анкетирование, интервью и другие, которые претерпевают изменения в соответствии со спецификой социолингвистического анализа.

В настоящее время можно говорить об определенной совокупности методов исследования, которыми пользуется социолингвистика. В целом методы, специфические для социолингвистики как языковедческой дисциплины, можно разделить на три группы: *методы сбора материала, методы его обработки и методы оценки достоверности* полученных данных.

В первой группе преобладают методы, заимствованные из социологии, социальной психологии и отчасти из диалектологии, во второй и третьей значи-

тельное место занимают методы математической статистики. Есть своя специфика и в представлении социолингвистических материалов. Кроме того, полученный, обработанный и оцененный с помощью статистических критериев материал нуждается в социолингвистической интерпретации, которая позволяет выявить закономерные связи между языком и социальными институтами.

Важной особенностью социолингвистики является необходимость уточнять методические детали применительно к каждой конкретной задаче. Поскольку социолингвисту часто приходится иметь дело с большим числом информантов, предварительное абстрактное моделирование ситуации опроса не может предсказать всех трудностей, которые часто возникают при непосредственном контакте с информантами. Для того чтобы выявить все осложняющие факторы и минимизировать их воздействие на результаты исследования, обычно проводятся пилотажные исследования, в ходе которых проверяется действенность известных методических приемов в отношении конкретной ситуации.

При сборе информации социолингвисты чаще всего прибегают к наблюдению и опросам; достаточно широко используется и общенаучный метод анализа письменных источников. Разумеется, часто эти методы комбинируются: после предварительного анализа письменных источников исследователь формулирует некую гипотезу, которую проверяет в процессе наблюдения; для проверки собранных данных он может прибегнуть к опросу определенной части интересующей его социальной общности. В самом начале социолингвистического исследования перед исследователем встает проблема выбора тех конкретных индивидов, на языковом поведении которых предполагается строить гипотезы и проверять их.

5.1. ОТБОР ИНФОРМАНТОВ

Проблему отбора информантов обычно рассматривают в связи с анкетированием, но она важна при любом социолингвистическом исследовании. Задачи, которыми занимается социолингвист, всегда привязаны к определенному социуму; вслед за социологами социолингвисты называют членов этого социума генеральной совокупностью. **Генеральная совокупность** (применительно к задачам социолингвистики) – это множество всех индивидов, чьи языковые особенности являются объектом конкретного социолингвистического анализа. В зависимости от поставленной задачи размеры этой совокупности могут сильно различаться. Если изучаются особенности коммуникативного поведения в малой группе, то детальное исследование всей генеральной совокупности не представляет серьезной проблемы, но в большинстве случаев социолингвист имеет дело с такими генеральными совокупностями, которые полностью обозримы лишь чисто теоретически.

Если мы собираемся изучать билингвизм в Татарстане, то генеральной совокупностью является все население этой республики. Если объектом исследования выбрано варьирование редукции гласных у носителей русского литературного языка в зависимости от возраста, то в генеральную совокупность

должны войти все носители русского литературного языка. Если предполагается исследовать речевые особенности русскоязычных хиппи, то в генеральную совокупность попадает всякий, кто относит себя к хиппи.

В подобных случаях, когда вся генеральная совокупность труднообозрима, исследователи прибегают к отбору некоторых типичных представителей генеральной совокупности, формируют выборочную совокупность, или выборку. Естественно, чем меньше выборка, тем меньше временных и материальных ресурсов требуется для ее обследования, но в отношении изучаемых явлений выборка должна быть репрезентативной для всей генеральной совокупности: те, кто попадает в выборку, должны представлять собой миниатюрную модель всей генеральной совокупности.

Перед исследователем встает очень сложная задача: заранее установить, какие именно свойства членов генеральной совокупности могут отразиться на изучаемых аспектах языкового поведения. Например, при исследовании билингвизма заведомо важны следующие параметры индивида: этническая принадлежность, район проживания (сельская местность, небольшой город, крупный город), возраст, пол, уровень образования. Это означает, что распределение носителей этих характеристик в выборке должно максимально приближаться к тому, как обстоит дело в генеральной совокупности. Поскольку каждый индивид обладает специфическим набором таких характеристик, в выборке должны быть соответствующим образом представлены именно эти наборы. Например, среди отобранных в выборку городских татар распределение по полу, возрасту и образованию должно соответствовать этим показателям среди всех городских татар генеральной совокупности. В том случае, если носители отдельных характеристик будут отбираться независимо, теоретически может появиться такая выборка, где квота по высшему образованию будет заполнена одними женщинами, квота по лицам старших возрастов – только горожанами и т. п. В результате по каждому параметру в отдельности выборка будет повторять генеральную совокупность, однако не будет репрезентативной. Если при выборке соблюдаются характерные для генеральной совокупности соотношения лиц с определенными наборами тех социальных параметров, что признаны значимыми для исследования, то такая выборка называется квотной пропорциональной выборкой, а соответствующие параметры – связанными.

Вторая из сформулированных выше гипотетических задач (варьирование редукции гласных) демонстрирует наличие одной очень серьезной проблемы, без решения которой невозможно произвести выборку. За внешней легкостью обозначения генеральной совокупности ("носители русского литературного языка") может скрываться чрезвычайная трудность точного определения ее границ: необходимо сформулировать, каковы основания для включения или невключения индивида в число носителей литературного языка, и лишь после этого приступать к формированию репрезентативной выборки.

С проблемой выборки сталкиваются не только социолингвисты, но и лингвисты "чистые": например, при подборе информантов с целью описания ранее не исследованного языка, в диалектологической экспедиции, при подборе дикторов для инструментального фонетического анализа и т. п. Но для такого рода

задач первый попавшийся или даже "среднестатистический" носитель языка не очень годится; подходящих информантов помогают найти квалификация, исследовательский и жизненный опыт специалиста. Одни носители языка могут оказаться более пригодными для продуцирования связных текстов, другие – обладающие идеальной дикцией – для изучения фонетики, третьи – для сбора словарных материалов и фразеологии. Каждый, кому приходилось заниматься полевым описанием языка, знает, как непросто найти хорошего информанта- "грамматиста", который легко справляется с синтаксическими и морфологическими трансформациями, а подчас и включается в научный поиск. Немаловажными являются и легкость достижения контакта исследователя с информантом, его утомляемость и другие психологические особенности. В конце концов "чистый" лингвист может остановить свой выбор на двух-трех основных информантах, иногда прибегая к контрольным проверкам языковых фактов у других носителей языка. Подобный отбор социологи называют целевой выборкой. Для описательной лингвистики целевая выборка является ведущим и, бесспорно, очень продуктивным способом подбора информантов, но она имеет лишь вспомогательный характер для многих социолингвистических задач, а именно таких, которые направлены на выявление языковых характеристик некоторого социума в целом.

Безусловные преимущества этого типа выборки – простота и экономичность, недостаток – невысокая достоверность полученных социолингвистических данных. Увеличение размеров целевой выборки мало помогает: когда информанты отбираются с опорой лишь на исследовательское чутье, невозможно обосновать представительность полученных данных для всей генеральной совокупности. При этом чем многочисленнее и разнороднее генеральная совокупность, тем менее надежными становятся результаты.

Многие социолингвистические задачи не предполагают статистической обработки материала, для их решения целевая выборка оказывается оптимальной. Приведем такой пример. Собирая материал для словаря сленга хиппи, автор целевым образом отбирал интервьюируемых среди представителей различных "системных" группировок Москвы, Санкт-Петербурга, Таллина, Уфы. При обработке материала "слово считалось используемым носителями сленга, если хотя бы несколько опрошенных информантов, идентифицирующих себя как хиппи, знали и употребляли это слово (при этом подразумевалось, что опрошенные информанты не относятся к одной и той же компании, и, таким образом, рассматриваемое слово не является окказионализмом)" [Рожанский 1992: 5]. Для обоснования включения слова в словарь проводился опрос контрольных информантов, не относящих себя к хиппи.

Целевой выборке противостоят различные виды вероятностных выборок. Наиболее точной, но и наиболее трудоемкой является так называемая случайная выборка. Определение *случайный* следует в данном случае понимать не в обиходном его значении ('бессистемный'), а как теоретико-вероятностный термин: при случайном выборе любой элемент (и любой набор элементов) генеральной совокупности имеет равную вероятность попасть в выборочную совокупность. Чтобы идеально соблюсти требования простой случайной выборки,

необходимо иметь полный список всех элементов генеральной совокупности и далее выбирать из него необходимое число элементов при помощи *таблиц случайных чисел*. На практике случайную выборку часто заменяют *систематической*, когда при необходимости выбрать i единиц из генеральной совокупности, содержащей n единиц, отбирают каждую n/i -ю единицу из общего списка.

Размеры выборки зависят от степени разнообразия единиц, образующих генеральную совокупность. Если все элементы абсолютно одинаковы, то и выборка может быть сколь угодно мала; напротив, чем выше неоднородность генеральной совокупности, тем больше должно быть выборочное отношение (численное соотношение выборки и генеральной совокупности). Иными словами, при неизменной генеральной совокупности увеличение выборки позволяет уменьшить количество возможных ошибок в собранном материале, при неизменных размерах генеральной и выборочной совокупностей количество ошибок зависит от структуры генеральной совокупности: чем она сложнее (т. е. чем большим числом разнородных признаков – например, полом, возрастом, уровнем образования, профессией и т. п. – она характеризуется), тем выше вероятность ошибок.

Облегчить процесс выборки помогает кластерная выборка, которая предполагает разбиение генеральной совокупности на территориальные *кластеры* (от англ. *cluster*, букв. 'пучок, куст', а также 'группа') с последующей выборкой индивидов в пределах кластеров.

Еще один вид выборки – стратифицированная случайная выборка. Исследователь обычно имеет представление о структуре генеральной совокупности и может подразделить ее на определенные страты. Так, среди множества носителей русского литературного языка выделяются такие страты, как промышленные рабочие со средним образованием, служащие, журналисты и писатели, студенты-филологи и пр. Чтобы быть уверенным, что в выборку попадет должное количество представителей каждой страты, достаточно провести случайную выборку в каждой из них, а затем объединить полученные выборки. В этом случае уменьшение размеров выборки не приводит к увеличению ошибки. При стратифицированной выборке гораздо проще соблюсти принцип пропорционального представления в ней квот с необходимыми наборами социальных параметров.

Может показаться, что выделение самих страт и определение их численного соотношения представляет собой дополнительную сложность, однако стратификация множества носителей литературного языка существует независимо от исследователя и применение стратифицированной выборки позволяет лишь более отчетливо осознать проблему определения границ множества носителей литературного языка.

Для упрощения процесса подбора индивидов, подлежащих изучению, различные типы выборок могут совмещаться в многоступенчатую выборку. Многоступенчатые выборки особенно эффективны, если необходимо создать представительную выборку, элементы которой различаются по многим значимым параметрам.

Например, для исследования билингвизма молодежи в многоязычном го-

роде структура выборки должна повторять структуру генеральной совокупности по всем параметрам, которые могут влиять на коммуникативное поведение билингвов. Сведения о социальной и этнической структуре молодежи можно почерпнуть из официальных источников (при этом надо иметь в виду, что соотношение различных этносов среди молодежи может значительно отличаться от их соотношения во всем населении города – как за счет отличий в возрастной структуре отдельных народов, так и за счет разницы в интенсивности миграционных процессов). Выборку незанятой молодежи целесообразно проводить по месту жительства, работающей молодежи – по предприятиям и учреждениям, старшеклассников – по школам, студентов – по вузам. Для выборки из каждой страты территорию города можно разбить на кластеры, но в общем случае "жилые", "производственные" и тому подобные кластеры не будут совпадать. В идеале кластеры каждой страты следует подвергнуть процедуре случайной выборки (которая может быть и многоступенчатой: при "жилой" выборке сначала случайным образом отбираются административные районы, внутри отобранных районов – кварталы и далее отдельные дома), а затем уже в отобранных кластерах произвести выборку индивидов. Конечно, нельзя забывать, что этносы в городе могут быть расселены неравномерно.

Изложенные способы получения выборочной совокупности – это тот идеал, к которому надо стремиться. Для социолингвиста, изучающего большие генеральные совокупности, он редко достижим, и не только из-за сложностей, связанных со случайной выборкой⁷⁵: само обследование и последующая обработка собранного материала требуют больших материальных вложений.

У нас в стране самым впечатляющим мероприятием такого рода стало изучение под руководством В. А. Аврорина языковой ситуации в Сибири: в 1967–1969 гг. был обследован 31 народ (всего охвачено 58 тыс. человек, более 7% коренного сельского населения Сибири)⁷⁶. Однако национальная и языковая политика того времени не предполагала реальных мероприятий по поддержке местных языков, и в результате собранные материалы оказались невостребованы, обработаны они были неполностью и опубликованы лишь частично.

Методически аккуратные массовые социолингвистические исследования возможны лишь при поддержке заинтересованных в них государственных институтов, а это мало где в мире имеет место. Приятное исключение составляет Япония, где государство на протяжении многих лет финансирует многоаспектные социолингвистические исследования. Информанты подбираются не только по социальным характеристикам, но и по психологическим (например, на определенном этапе отбора "испытуемым предлагалось просмотреть мультфильм, в котором постепенно собака превращалась в кошку; выяснялось, в какой момент

⁷⁵ При изучении языковой ситуации данные о релевантной стратификации населения можно получить из материалов переписей, сложнее готовить выборку при исследовании языкового варьирования или каких-либо форм существования языка (литературного языка, просторечия, жаргонов и т. п.): и общее число носителей соответствующей разновидности, и стратификация их по значимым параметрам известны лишь весьма приблизительно.

⁷⁶ Даже при пилотажном обследовании, в ходе которого отрабатывались методические детали, было проанкетировано более 4 тыс. человек

это отметил тот или иной информант <...> в результате к анкетированию допускались лишь лица с наиболее усредненной реакцией, которые имели больше шансов считаться типичными носителями языка") [Алпатов 1988: 98]. Тщательный отбор информантов делает вполне репрезентативными для всех говорящих по-японски выборки в несколько сотен, а для некоторых задач даже и десятков человек.

Для сравнительно небольших генеральных совокупностей вполне реально получить выборку, приближающуюся ко всему изучаемому социуму по многим параметрам. Например, при исследовании этно-языковых процессов у сельских шорцев Кемеровской области в 1976 г. (изучалось владение шорским и русским языками, использование их в быту и на производстве) выборка производилась с учетом половозрастной и социально-профессиональной структуры населения. При этом в выборке доля неквалифицированных работников составила 56,9% (всего среди работающего населения, по данным нехозяйственных книг сельсоветов, эта категория составляла 58,0%; далее показатели по генеральной совокупности приведены в скобках), квалифицированных работников физического труда – 29,6% (29,8%), механизаторов – 5,6% (6,0%), служащих – 4,3% (4,8%) и т. д.; почти идентична и половозрастная структура: например, среди женщин лица старше 60 лет составили в выборке 18,6% (среди всех взрослых женщин – 17,6%), в возрасте 50-59 лет – 16,5% (16,0%), 35-49 лет – 25,0% (27,9%) и т. д.

Примерно такое же соотношение соблюдалось в выборке повторного обследования через 10 лет, в 1986 г. [Патрушева^Г₁₉₉₆: 123-124].

Определение выборочного отношения – наиболее сложный и ответственный этап подготовки обследования, но при аккуратном и тщательном подходе репрезентативными могут оказаться достаточно небольшие выборки.

Социологи накопили значительный опыт в выделении выборочной совокупности. Институт Гэллапа и другие авторитетные организации, занимающиеся изучением общественного мнения всего населения США, пользуются выборками в 1,5–2 тыс. человек [Смелзер 1994: 641]. Популярными в России конца 1990-х годов еженедельные опросы "за кого бы вы голосовали, если бы выборы президента происходили в ближайшее воскресенье", результаты которых регулярно комментировались на телеканале НТВ, также проводились на выборке в 1,5-2 тыс. человек (были представлены разные слои населения 29 регионов).

Однако буквальное перенесение чисто социологических приемов на подготовку значимой в языковом отношении выборки может закончиться провалом даже при гораздо больших значениях выборочного отношения.

В ходе проводившегося в 1994 г. Госкомстатом России "выборочного социально-демографического обследования (микрореперисы) населения с охватом 5% постоянного населения" [Ежегодник 1995: 13] в отличие от предыдущих реперисей задавались социолингвистически значимые вопросы. Детали отбора выборочной совокупности не публиковались, но можно думать, что ее формировали грамотные социологи, работавшие по общепринятой у нас в стране, хорошо обкатанной методике многоступенчатой выборки: территория страны делится на зоны, "в каждой зоне производится стратификация административных

районов и городов <...> на страты⁷⁷ равного объема. Из каждой страты с вероятностью, пропорциональной размеру района/города, отбирается в выборку один район или город. В каждом из районов отбираются случайно конкретные поселения" и так далее, вплоть до случайного выбора респондента [Социология 1996: 426].

Вероятно, полученные в ходе микропереписи чисто демографические сведения (типы и размеры домохозяйств, распределение женщин по числу рожденных детей в зависимости от возраста и т. п.) достаточно надежны, но то, что интересует социолингвиста (таблица "Население по национальности и владению языками" [Ежегодник 1995: 25–27]), явно не соответствует реальности.

Рассмотрим фрагмент указанной таблицы, касающийся некоторых народов Севера (табл. 1). В нашу таблицу мы отобрали данные об использовании соответствующих этнических языков *дома* ("на 1000 человек данной национальности") – колонка 1, *в учебном заведении, дошкольном учреждении* ("на 1000 человек данной национальности, посещающих учебные заведения или дошкольные учреждения") – колонка 2 и *на работе* ("на 1000 человек данной национальности, имеющих занятия") – колонка 3. Данные об абсолютном числе опрошенных отсутствуют (надо полагать, для каждого народа они не должны сильно отличаться от 5%), но в публикации народы упорядочены по убыванию. Для сопоставления и верификации результатов воспользуемся материалами переписи 1989 г. по численности в пределах РСФСР (тыс. человек) – колонка 4, и доле тех, кто назвал этнический язык родным (%), – колонка 5.

В этой таблице стоит обратить внимание на данные по ненцам, чукчам и нганасанам; согласно переписи, они довольно хорошо сохранили знание этнических языков, то же подтверждают и исследователи (ср.: "положение чукотского языка, наряду с ненецким <...> наиболее благоприятно из всех языков народностей Севера" [Булатова и др. 1997: 20]). Между тем микроперепись показала невысокое использование соответствующих языков во всех сферах. Судя по тому, что на производстве эти народы практически не пользуются родными языками, они, вероятно, трудятся в интернациональных коллективах. Между тем известно, что большая их часть занята преимущественно *физическим трудом в сельской местности* (в основном это выпас оленей в тундре, причем трудовые коллективы этнически довольно однородны), среди ненцев на 1989 г. таковых было 69,1% от общего числа занятых, среди чукчей – 76,8%, среди нганасан – 86,6%. При более внимательном взгляде на табл.1 выясняется, что в упорядоченном по численности списке народов ненцы пропустили вперед вдвое уступавших им в 1989 г. шорцев, чукчи - долган, а нганасаны даже энцев, которых они численно превосходят в шесть с лишним раз!

Ясно, что расселение народов по административным районам и отдельным населенным пунктам далеко от равномерности. Если этническая стратификация не учитывается, в число респондентов могут попасть нетипичные представители малочисленных народов, а какие-то этносы вообще выпадут из выборочной совокупности.

⁷⁷ Здесь стратами называется то, что мы выше называли кластерами.

Таблица 1

	1994			1989	
	Используют этнический язык			Численность этноса, тыс. чел.	% назвавших этнич. язык родным
	дома	в учеб, за-вед.	на работе		
Эвенки	61	6	7	29,9	30,4
Ханты	269	7	102	22,3	60,8
Эвены	201	71	188	17,1	43,8
Шорцы	222	17	31	15,7	57,5
<i>Ненцы</i>	263	–	62	34,2	77,7
Нанайцы	106	22	33	11,9	44,1
Долганы	487	29	189	6,6	84,0
<i>Чукчи</i>	54	–	16	15,1	70,4
Манси	40	–	–	8,3	36,7
Селькупы	304	–	24	3,6	47,7
Нивхи	7	–	–	4,6	23,3
Ительмены	15	–	16	2,4	18,8
Саами	–	–	–	1,8	42,0
Эскимосы	11	–	–	1,7	51,6
Ульчи	28	–	–	3,2	30,7
Юкагиры	–	–	–	1Д	32,0
Орочи	–	–	–	0,9	17,8
Удэгейцы	54	–	–	1,9	24,3
Кеты	42	–	–	1Д	48,8
Энцы	45	–	100	0,2	46,5
Алеуты	71	–	200	0,6	25,3
Негидальцы	–	–	–	0,6	26,6
<i>Нганасаны</i>	286	–	–	1,3	83,4
Тофалары	200	–	–	0,7	42,8
Ульта (сроки)	–	–	–	0,2	44,7

Даже если бы 5-процентная выборка равномерно охватывала каждый народ, она не могла бы дать достоверных социолингвистических результатов для тех этносов, которые насчитывают несколько сотен или тысяч человек, поскольку выборочная совокупность должна охватывать определенное число носителей различных комбинаций нескольких социальных параметров, часто многозначных. Не случайно организаторы упоминавшегося наиболее фундаментального массового обследования языков Сибири пришли к выводу о необходимости неравной выборки для отдельных народов: от 2,5% для якутов и бурят до 100% для самых малочисленных. В противном случае "полученная информация носила бы случайный и малоубедительный характер" [Аврорин 1975: 254].

5.2. МЕТОДЫ СБОРА МАТЕРИАЛА

5.2.1. НАБЛЮДЕНИЕ

Давно замечено, что в молодых науках наблюдение является одним из основных способов получения материала. Более того, наблюдение часто дает толчок к возникновению новых направлений в тех или иных сферах научного

знания. Например, установленное в результате многократных наблюдений индивидуальное своеобразие человеческого почерка способствовало рождению прикладной криминалистической науки – почерковедения; систематические наблюдения за животным миром, осуществлявшиеся под практическим углом зрения (нельзя ли некоторые способности животных использовать в технике?), дали начало бионике и т. п.

Как очевидно из самого смысла слова "наблюдение", этот метод эффективен при изучении процессов, которые происходят на наших глазах. Можно, конечно, изучать следы, результаты, оставшиеся после того, как тот или иной процесс закончился, но в этом случае метод наблюдения недостаточен. Чтобы понять механизмы, управлявшие этим процессом, необходимо его моделировать (поскольку исследователи лишены возможности его наблюдать), сравнить его с другими, аналогичными процессами, экстраполировать имеющиеся результаты на похожие ситуации или совокупности фактов и т. п., – иначе говоря, применить какие-то иные методы изучения объектов. И чем более зрелой и самостоятельной является данная наука, тем большую роль играют в ней другие, помимо наблюдения, приемы и способы получения материала и его научной интерпретации. Однако и сформировавшись, выработав определенный набор исследовательских приемов, та или иная научная дисциплина не отказывается от наблюдения как методического приема. При всей простоте и доступности каждому исследователю этот испытанный метод, как правило, дает материал, стимулирующий научное познание действительности.

Бесспорна и общепризнанна колоссальная роль наблюдения в таких науках, как физика, химия, биология, медицина, астрономия. Начиная с простых наблюдений, представители этих наук со временем усовершенствовали собственное зрение: изобрели микроскоп, телескоп, придумали инструменты, с помощью которых можно проникать внутрь объекта (эндоскопы, томографы, катетеры и т. п.).

В науках о человеке наблюдение играет очень важную роль. Если при изучении природных объектов исследователь может применять разного рода инструментальные методы (химик воздействует на анализируемое вещество кислотами, щелочами, высокой температурой, металлург испытывает металлы на прочность, коррозионную устойчивость, тепло- и электропроводность, подвергает их деформации и т. д.), то к человеку подобные методические приемы применимы лишь в случаях, когда он изучается как физическая субстанция с определенными функциями: у него берут кровь, его "просвечивают" рентгеном, снимают кардиограмму... Но когда надо подвергнуть анализу его поведение, то многие инструментальные методики не пригодны по той простой причине, что они оказывают возмущающее воздействие на объект анализа: под влиянием тех или иных приборов, предназначенных для фиксации реакций индивида, эти реакции получаются не совсем такими (или совсем не такими), какие имеют место при спонтанном поведении того же индивида. Более того, и простое внешнее наблюдение, не связанное с применением инструментальной техники, может оказывать на изучаемого человека или группу людей воздействие, искажающее истинную картину, мешающее нормальным поведенческим процессам.

Каждый из нас мог убедиться в этом и на собственном опыте. Если человек ест, а его при этом пристально разглядывают, он может поперхнуться или подавиться; многие интимные физиологические процессы и реакции невозможны в присутствии постороннего лица и даже знакомого, близкого человека. Что же говорить о несомненном "чужаке" – ученом-исследователе, который ставит перед собой задачу наблюдать за поведением людей!

Воздействие наблюдателя не прекращается и в тех случаях, когда наблюдаемые благожелательно относятся к самому исследованию. В 1927–1932 гг. группа американских социологов под руководством Э. Мэйо выясняла, какие факторы влияют на производительность труда на заводе Хоторна в Чикаго. Экспериментаторы меняли продолжительность и количество перерывов, обеденное время, освещенность, способы организации отдельных рабочих в бригады и другие параметры. При каждом изменении, даже тогда, когда ученые возвращались к условиям, существовавшим на одной из предшествующих стадий, производительность труда возрастала. Оказалось, что испытуемые, гордясь тем, что им уделяют столько внимания, выработали на этой основе своеобразную групповую идентичность и всячески старались оправдать интерес к себе. Такой тип реакции получил в социологии наименование хоторнского эффекта.

Хоторнский эффект действует и при изучении речевого поведения: испытуемый хочет показать себя "с лучшей стороны", "угодить" исследователю: либо говорить "культурнее", либо, наоборот, утрировать в своей речи то, что сам считает неправильным, – всё зависит от того, как он интерпретирует ожидания исследователя. У. Лабов даже сформулировал положение, касающееся методики наблюдения как способа получения языкового материала. Это положение он назвал парадоксом наблюдателя: "целью лингвистических исследований речевого коллектива является выяснение того, как говорят люди, когда за ними не ведется систематического наблюдения; а получить такие данные можно лишь путем систематических наблюдений" [Лабов 1975: 121]. "Разумеется, – добавляет Лабов, – эта проблема не является неразрешимой: мы должны изыскать способы дополнить официальные интервью другими данными или как-либо изменить структуру самой ситуации интервью".

Существуют разные способы уменьшить воздействие наблюдателя на изучаемые им процессы, происходящие при речевом общении в человеческих коллективах. Например, можно попытаться сделать наблюдение скрытым от наблюдаемого: в этом случае исследователь, подобно скрытой видеокамере, фиксирует особенности речевого поведения изучаемых им людей без их ведома и, естественно, получает более объективные данные, чем когда он объявляет о своих исследовательских намерениях.

Бывают ситуации, когда иначе, как скрытно, исследователь и не может вести свои наблюдения. Выдающийся фонетист-экспериментатор, знаток русской речи во многих ее разновидностях С. С. Высотский однажды присутствовал в старообрядческой общине, где вообще никаких записей делать было нельзя. И все-таки наиболее интересные факты речи старообрядцев он зафиксировал: он делал записи, не вынимая правую руку из кармана, вслепую! Две московские лингвистки, М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова, занимались систе-

матическими наблюдениями над речевым поведением людей на московских митингах 1991–1993 гг. Обстановка, поведение толпы, эмоции выступающих в митинговой ситуации таковы, что не дай Бог, если окружающие обнаружат, что кто-то ведет какие-то записи! Это попросту опасно для здоровья и жизни наблюдателей. Естественно, большая часть записей в условиях митинга была получена путем скрытого наблюдения.

Если исследователю не удастся скрыть собственное присутствие и свою позицию наблюдателя, то он может сообщить изучаемым ложную цель своих действий; например, имея в виду изучение именно речи и речевых особенностей той или иной группы, заявить ее представителям, что он интересуется мнением членов этой группы по какому-либо актуальному политическому или социальному вопросу.

В ситуации открыто работающей звукозаписывающей аппаратуры можно попытаться натолкнуть испытуемых на рассказ о таких событиях их собственной жизни, которые им особенно памятливы, или интересны, или связаны с риском, опасностью и т. п. Как правило, при этом условии человек через некоторое время забывает о микрофоне и речь его делается непринужденной.

Подобные приемы, используемые при наблюдении, способствуют большей естественности в поведении членов изучаемых социальных общностей, и тем самым исследователь получает материал, более или менее адекватно отражающий "истинное положение дел", т. е. спонтанное, не скованное присутствием наблюдателя речевое поведение индивидов.

5.2.2. ВКЛЮЧЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ

Один из наиболее эффективных способов преодоления "парадокса наблюдателя" – включенное наблюдение. Этот способ изучения поведения людей заключается в том, что исследователь становится членом наблюдаемой им группы. Например, социологи часто становятся членами производственных бригад, геологических партий, сотрудниками отделов в научно-исследовательских институтах и т. п. Это, во-первых, дает им возможность изучать групповое поведение изнутри и во всех или во многих ситуациях внутри-группового общения и, во-вторых, избавляет от необходимости объявлять изучаемым индивидам о целях своих наблюдений и даже (если это возможно) о том, что такие наблюдения вообще ведутся.

Естественно, что включенным наблюдением может быть тогда, когда ничто не мешает исследователю отождествить себя с членами наблюдаемой социальной группы – по расовым, национальным, языковым, поведенческим и иным признакам. Европейцу, например, трудно осуществлять включенное наблюдение в группах китайцев или негров; взрослый исследователь никак не может быть полностью ассимилированным в группе изучаемых им подростков; горожанин-диалектолог всегда воспринимается жителями деревни как человек не из их среды и т. д.

Если же подобных препятствий нет и наблюдатель способен внедриться в группу, сделавшись "таким же, как все", он может успешно скрывать свои ис-

следовательские намерения, а затем и действия. "Разоблачение" же приводит к неудаче, а в некоторых ситуациях и опасно для жизни наблюдателя. Так, два этнографа-европейца изучали образ жизни, особенности поведения и язык дервишей – бродячих монахов-мусульман – и настолько умело мимикрировали, что монахи принимали их за своих; разоблачены же они были по привычке машинально отбивать музыкальный ритм ногой, что совершенно чуждо дервишам. Известен случай с заключенным филологом, который в лагере пытался скрытно от других заключенных вести записи воровского жаргона. Однако его положение интеллигента-чужака среди уголовного люда довольно быстро привело к тому, что соседи по бараку разоблачили его и сочли стукачом. С большим трудом ему удалось доказать научный характер своих занятий, после чего ему даже стали помогать в сборе материала.

Социолингвистика активно осваивает заимствованный у социологов метод включенного наблюдения. Для изучения речевого поведения людей этот метод в каком-то смысле даже более необходим, чем в социологических исследованиях: речь человека чувствительнее, чем многие другие стороны его поведения, к внешним воздействиям, которые искажают истинную языковую жизнь отдельного человека и целого коллектива; поэтому задача устранить эти внешние воздействия здесь еще более настоятельна.

Как при внешнем, так и при включенном наблюдении исследователь должен фиксировать наблюдаемый речевой материал. Фиксация может осуществляться двумя основными способами: вручную и инструментально.

Записи от руки удобны тем, что к ним не надо специально готовиться: если у вас есть карандаш и бумага, а ваше ухо "настроено" на восприятие определенных фактов речи, то при условии, что наблюдаемый объект (человек или группа людей) не знает о ваших намерениях или, зная, не протестует против них, записи могут быть осуществлены относительно легко и успешно. Особенно эффективны записи от руки при наблюдении за случайными, редко появляющимися в речевом потоке единицами языка – словами, словоформами, синтаксическими конструкциями. Если же стоит задача исследовать не отдельные факты, а, например, связную речь, характер диалогического взаимодействия людей в процессе общения, особенности произношения, интонации и речевого поведения в целом, то записи от руки малопродуктивны: наблюдатель способен зафиксировать лишь отдельные звенья речевой цепи и выбор этих звеньев всегда субъективен.

Поэтому для большей части задач, решаемых современной социолингвистикой при исследовании устной речи, характерно применение инструментальной техники – главным образом магнитофонов и диктофонов (для фиксации жестового и мимического поведения используются также видеокамеры). Их применение может быть открытым и скрытым. При открытом использовании записывающего прибора исследователь объявляет информантам о цели (истинной или ложной) своих записей и старается в процессе наблюдений за их речью уменьшить эффект микрофона, в той или иной степени сковывающий естественное поведение изучаемых индивидов.

Исследователи современной русской разговорной речи, осуществлявшие

в 70-е годы XX в. массовые записи спонтанной речи, пришли к выводу, что при длительном общении с информантами эффект микрофона в значительной мере удается снять и большая часть записей бесед с информантами, их рассказов о тех или иных ситуациях их жизни свидетельствует о достаточно свободном речевом поведении людей при включенном магнитофоне (см. цикл работ о русской разговорной речи: [Земская 1968; РРР 1973; РРР 1978; Земская и др. 1981; РРР 1983]).

Однако это поведение еще более свободно и естественно, если говорящий не знает, что его речь записывают (а такой материал, разумеется, наиболее ценен). Поэтому когда возможно, социолингвисты широко применяют скрытую инструментальную запись. Когда же таких возможностей нет, некоторые исследователи совмещают открытую и скрытую запись. Так, У. Лабов при работе со своими информантами делал магнитофонные и видеозаписи открытым способом, а затем объявлял перерыв в работе и, когда испытуемые расслаблялись во время отдыха, ведя друг с другом неторопливые беседы, получал данные о спонтанной речи говорящих уже с помощью скрыто работавших магнитофонов и видеокамер [Labov 1966].

Скрытая магнитофонная запись часто применяется в "полевых" условиях: в магазине, вагоне поезда, у железнодорожной кассы, на приеме у врача и т. п. В этих случаях удается получить массовый материал, характеризующий стереотипное поведение людей в стандартной ситуации, зафиксировать различия подобных стереотипов (вопросов, ответов, реплик) в зависимости от социальных характеристик коммуникантов.

При включенном наблюдении, особенно при инструментальной фиксации речи наблюдаемых, важное значение приобретает этический фактор. Если наблюдение велось хоть сколько-нибудь систематично и чужие речевые произведения – это не случайно услышанные на улице фразы, то для их использования (особенно если иметь в виду публикацию) желательно заручиться согласием наблюдаемого индивида. В любом случае должна быть соблюдена анонимность исследуемых – конечно, если это не противоречит их собственному желанию.

Во всех описанных разновидностях внешнего и включенного наблюдения речь идет о таких путях сбора социолингвистической информации, когда исследователь наблюдает за речевым поведением индивидов или групп людей, не пытаясь влиять на это поведение и даже стараясь внешне не обнаруживать свою позицию наблюдателя.

Однако часто ученые сталкиваются с необходимостью решать задачи на определенном, заранее избранном языковом материале. Иначе говоря, исследованию должен быть подвергнут не речевой поток в целом, а те или иные его фрагменты, включающие определенные слова, словоформы, какие-либо (например, фонетические или морфологические) варианты и т. п. Объективная фиксация спонтанного речевого поведения людей в этом случае потребовала бы очень большого времени и затраты сил, поскольку нельзя "заказать" говорящему продуцирование только тех речевых фактов, которые интересуют исследователя, и эти факты пришлось бы "выуживать" из больших массивов записей.

Чтобы избежать этого, методы сбора социолингвистического материала делают направленными. К направленным методам сбора социолингвистического материала (опросам) относятся устное интервью и анкетирование.

5.2.3. УСТНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Метод интервью также заимствован социолингвистикой из социологии и социальной психологии. Однако он претерпел существенные изменения в связи со спецификой исследовательских задач, отличающей эти задачи от того, что приходится решать социологам и социопсихологам. Если последние используют устное интервью для того, чтобы выяснить мнение информантов по тем или иным социальным, политическим, культурным вопросам (например, о том, за кого они предпочитают голосовать на ближайших выборах, какой фильм прошедшего года считают лучшим и т. п.), то социолингвиста часто интересует скорее форма ответов, чем их содержание.

Конечно, можно использовать методику интервью и для "любых" вопросов о правильности / неправильности тех или иных языковых выражений, об отношении к неологизмам, заимствованиям, ненормативной лексике и т. п., но данные, полученные с помощью таких вопросов, характеризуют не использование языка разными группами говорящих, а их отношение к языку, оценку отдельных языковых фактов. Разумеется, мнения людей об их собственном языке важны, и социолингвистика эти мнения изучает. Но все же несомненно, что это вторичный материал, поскольку главная задача синхронной социолингвистики – исследование механизмов спонтанного использования языка различными социальными группами говорящих в разных коммуникативных ситуациях.

Поэтому основная функция метода интервью – получить материал, характеризующий спонтанное речевое поведение людей. В зависимости от того, какие задачи ставит себе исследователь, интервью может иметь форму относительно свободной беседы интервьюера с информантом на заданную тему (сохранение одной и той же темы в беседах с разными информантами важно, поскольку это позволяет сравнивать речь разных людей) – или же состоять из заранее подготовленных и, как правило, логически связанных друг с другом вопросов, провоцирующих отвечающего на употребление тех или иных языковых единиц. Интервью называют формальным (если оно имеет строго спланированный сценарий) и неформальным (когда такого сценария нет и общение интервьюера и интервьюируемого следует естественной логике развития беседы).

Свободная, неформальная разновидность интервью может использоваться, например, при фонетических исследованиях: даже на сравнительно коротких отрезках звучащей речи проявляются основные черты произносительной нормы и отклонения от нее (характер ударных и безударных гласных, смягчение / несмягчение согласных перед мягкими согласными, вариативность традиционной и новой норм и т. п.).

Интервью по заранее составленной программе также годится для изучения произносительных особенностей, однако получить таким путем данные, ка-

сающиеся, например, словоупотребления или грамматических характеристик речи трудно, поскольку определенные слова и грамматические формы встречаются в речевой цепи значительно реже, чем те или иные звуки и их сочетания. Поэтому интервью с предварительно подготовленными вопросами используется главным образом тогда, когда надо стимулировать информанта к употреблению тех языковых фактов, которые интересуют исследователя. Естественно, истинная цель такого интервью должна быть скрыта от информантов: им предлагается ответить на вопросы, касающиеся их быта, работы, отдыха, любимых занятий и т. п.

Например, при массовом обследовании носителей русского литературного языка, осуществлявшемся московскими лингвистами в 60-е годы XX в., информантам задавались вопросы такого типа:

– *Какие деревья растут во дворе вашего дома ?* (Ожидаемый ответ, в ряду других: *тополи / тополя*); – *Вы перед работой успеваете позавтракать? Чай любите или кофе? А если кофе, то с молоком или?..* (Ожидаемый ответ *чёрный / чёрное*) и т. п. (см. [Крысин 1968: 104-107]).

Исследователи нередко используют метод интервью, даже не всякий раз отдавая себе в этом отчет. Рассмотренный выше метод наблюдения, в том числе и включенного, в значительной степени сводится к многочисленным беседам с представителями изучаемого социума. Каждый социолингвист так или иначе узнаёт, как носители языка оценивают коммуникативное поведение отдельных лиц, что они думают о статусе языка, языковой политике, языковой ситуации, роли тех или иных форм существования языка в жизни общества и многих других подобных материях. Если к сбору таких сведений подходить более осознанно, заранее разрабатывать программу беседы, формулировать для себя в явном виде те вопросы, на которые следует получить ответы, целенаправленно подбирать собеседников, репрезентативных для различных социальных страт и общества в целом, то эффективность непринужденной беседы может оказаться не ниже формального интервьюирования.

5.2.4. АНКЕТИРОВАНИЕ

Анкетирование – один из самых распространенных, "едва ли не самый надежный" [Аврорин 1975: 248] метод получения социолингвистической информации. Он применяется главным образом при обследовании больших совокупностей говорящих, т. е. в макросоциолингвистических исследованиях.

Анкета представляет собой перечень вопросов, которыми могут быть приписаны заранее заготовленные варианты возможных ответов (в этом случае важно, чтобы альтернативные ответы не пересекались и в сумме покрывали все 1 возможности). Такие вопросы называются закрытыми; им противопоставлены открытые вопросы, когда респондент сам выбирает и форму, и содержание ответов.

Во многих случаях формально открытые вопросы по существу предполагают вполне определенный и ограниченный список возможных ответов; подобные вопросы можно назвать закрываемыми. Таков, например, вопрос о возрасте

респондента, где все варианты легко укладываются в незначительное по объему подмножество натуральных чисел. Если набор альтернатив не столь очевиден, исследователь может заготовить список стандартных рубрик, по которым распределяются все варианты ответов. Этот рубрикатор может готовиться при предварительной обработке заполненных анкет, но часто он известен и до анкетирования.

Так обстоит дело с вопросами переписей о национальности и родном языке у нас в стране: респондент может указывать любую национальность (родной язык), но еще на стадии подготовки к переписи готовятся *словари языков* и *словари национальностей*, в соответствии с которыми, скажем, национальности *камчадал*, *помор* или *казак* при обработке анкет автоматически переводятся в *русский*, а языки *эрзя* и *мокша* – в *мордовский*.

Обычно анкетирование проводится с целью получить статистические результаты, поэтому подавляющее большинство содержащихся в анкетах вопросов либо закрытые, либо могут быть закрыты при их обработке.

Социолингвистические анкеты можно разделить на два типа: одни нацелены на объективное исследование функционирования языка в обществе, другие – на изучение речевого узуса, на оценку носителями языка конкурирующих языковых вариантов.

Более распространены анкеты первого типа. С их помощью в многоязычных сообществах выясняется, какой из языков, используемых в данном сообществе, по мнению представителей разных национальных и социальных групп, должен обладать статусом государственного; какой из двух (или более) языков выбирает билингв при общении на производстве, в городских ситуациях, в семейном общении и т. п.

Рассмотрим в качестве примера анкету, с помощью которой Институтом языковедения АН УССР в середине 1980-х годов изучался социолингвистический аспект украинско-русского двуязычия [Украинско-русское... 1988: 18-19].

1. Фамилия, имя, отчество (заполняется по желанию информанта)
2. Год рождения _____
3. Место рождения _____
4. Пол (муж., жен.) Подчеркните.
5. Национальность _____
6. Образование (подчеркните):
 - а) незаконченное среднее;
 - б) среднее;
 - в) среднее специальное;
 - г) незаконченное высшее;
 - д) высшее (гуманитарное, естественно-научное, техническое).
7. Профессия _____
8. Социальное происхождение (подчеркните): из рабочих, колхозников, служащих.
9. Социальное положение (подчеркните): учащийся, рабочий, колхозник, служащий (укажите должность).
10. Место проживания в настоящее время (город, село, район, область). Назовите полностью. _____
11. Укажите город, село, район, область, где Вы проживали наиболее длительное вре-

- мя _____
12. Ваш родной язык (русский, украинский, другие языки народов СССР)
13. Обучались Вы русскому языку только целенаправленно (в школе и т. д.) или же в общении с лицами, говорящими по-русски (в семье, на работе, в армии и т. д.)? Укажите
14. Как Вы оцениваете степень владения русским языком (подчеркните один из пунктов):
- понимаю говорящего по-русски;
 - читаю, но говорю и пишу с затруднениями;
 - читаю, пишу и свободно говорю.
15. На каком языке (русском, украинском или каком-либо другом) говорили до поступления в школу? _____
16. В школе с каким языком обучения (русским, украинским или каким-либо другим) учитесь (учились)? _____
17. На каком языке (русском или украинском) общаетесь (если общаетесь на двух языках, также укажите):
- с украинцами?
 - с русскими?
 - с людьми другой национальности, говорящими по-русски?
18. На каком языке (русском или украинском) Вы общаетесь (если общаетесь на двух языках, также укажите):
- в семье:
 - в школе?
 - с родителями?
 - на работе?
 - с детьми?
 - с друзьями?
 - с мужем?
 - с соседями?
 - с женой?
 - со знакомыми?
 - с другими родственниками? ж) в быту (магазин, транспорт, мастерские и т. п.)?
19. На каком языке (русском, украинском) Вы предпочитаете:
- читать книги? ^
 - смотреть спектакли? ЖВ
 - смотреть телепрограммы?
 - слушать радиопередачи?
20. На каком языке (русском или украинском) Вы выступаете на собрании? Подчеркните.
21. На каком языке (русском, украинском или каком-либо другом) проводятся (или проводились) занятия с Вашими детьми, внуками:
- в детских яслях?
 - в детском саду?
22. _____ В школе с каким языком обучения (русским, украинским или каким-либо другим) учатся (или учились) Ваши дети? Внуки? _____

Эта анкета отражает как достоинства, так и недостатки наиболее часто используемых в социолингвистических исследованиях способов письменного опроса носителей языка. Поэтому полезно прокомментировать ее более подробно.

Уже сама форма анкеты таит в себе подводные камни, которые так или иначе должны были сказаться на результатах исследования.

Первый пункт, несмотря на факультативность его заполнения, может вызвать у респондента негативную реакцию и повлиять на результаты анкетиро-

вания; но главное – он не несет никакой социолингвистической информации.

Не ясно, как заполняются п. 5 (по документам или "по ощущению") и п. 12 (о неоднозначности понятия *родной язык* мы говорили).

Неоднозначно интерпретируется и вопрос об образовании (б), где низшая ступень именуется "*незаконченное среднее*"; внешне эта категория напоминает официально принятый в СССР (и в современной России) термин *неполное среднее образование*⁷⁸, и именно так могут его понять многие респонденты. Те из них, кто не имеет свидетельства о неполном среднем образовании, строго говоря, должны оставить графу б незаполненной. Можно думать, что составители имели здесь в виду всякий образовательный уровень ниже среднего. Но это странно, особенно если на информантов не накладываются возрастные ограничения: в старших возрастных группах по-прежнему существуют неграмотные и малограмотные, а лица с начальным образованием довольно многочисленны во всех поколениях. Нет нужды останавливаться на самоочевидных различиях в коммуникативном поведении малограмотных и тех, кто имеет начальное образование, – последнее может быть "почти" неполным средним (например, человек всего лишь не закончил восьмой класс).

Вопросы о социальном происхождении и положении (8 и 9), напротив, оперируют общепринятыми в СССР, но мало информативными для социолингвистики категориями. В частности, совершенно неясен род занятий (и реальное социальное положение) проживающих в сельской местности рабочих: это могут быть шахтеры (в Донбассе) или рабочие крупных промышленных предприятий (в пригородных зонах) – они трудятся в заведомо многонациональных коллективах, или же рабочие мелких предприятий типа ремонтных мастерских, зернохранилищ, магазинов, или рабочие совхозов, в социальном отношении не отличимые от колхозников. Уточнение *укажите должность* помогает мало: скажем, должность *бригадир* бывает на самых разных производствах.

Вопросы 3, 10 и 11 предназначены, вероятно, для выяснения языкового "анамнеза" респондента, но не вполне достигают этой цели. Языковой репертуар индивида во многом определяется средой первых 10–12 лет жизни (а соответствующий вопрос в анкете как раз отсутствует), но при этом не зависит от места рождения и жительства в младенчестве; место проживания в момент опроса и даже место наиболее длительного проживания могут сказаться на употреблении различных языковых вариантов гораздо слабее⁷⁹.

Как известно, в условиях Украины билингвизм с детства – достаточно рядовое явление (другое дело, что языки могут быть нечетко разграничены). Между тем в приведенной выше анкете респондент обязан указать лишь один язык не только в качестве родного (п. 12), но и в качестве языка раннего детства (п.

⁷⁸ Официальный смысл этого термина зависит от года завершения образования: с 1921 г. (когда в стране была унифицирована образовательная система) это 7 классов, с 1958 г. - начала 1960-х годов - 8 классов (переход на новую систему происходил одновременно); в 1990-х годах в России осуществлен переход на 9-летнее неполное среднее образование.

⁷⁹ Для Украины не будет редкостью человек, родившийся в Киеве, скажем, в 1919 г. и в младенчестве попавший в Польшу; там он мог провести первые 20 лет поровну в Стрые, Дрогобыче и Львове, говоря с детства на двух языках и получив образование на польском; в этом случае он с большой вероятностью на период 1939-1956 гг. (17 лет!) мог стать постоянным жителем – заключенным или ссыльным – Сибири или Дальнего Востока.

15). При этом в семье можно говорить и на обоих языках (п. 16а), а на производственное общение накладывается неожиданное ограничение: вообще можно использовать любой язык или оба попеременно (п. 16в), но на собраниях надлежит придерживаться лишь одного из них (п. 20). Читать книги, смотреть спектакли и т. п., вероятно, допустимо на обоих языках, но предпочитать все же следует в каждом случае только один (п. 19).

Есть в рассматриваемой анкете и более мелкие недочеты в формулировках. Места проживания (п. 10, 11) следует указывать точно (*город, село, район, область*), а для места рождения вроде бы достаточно написать СССР или *село Троицкое*. Например, при буквальном понимании альтернатив, предлагаемых в пункте бд, человек с математическим образованием (а такое образование нередко сопровождается достаточно формализованным мышлением) не сможет его заполнить, поскольку математика не является ни гуманитарной, ни естественной, ни технической наукой. Тот, у кого родной язык, скажем, белорусский, формально говоря, не сможет заполнить п. 12 (это *другой* язык, а не *другие* языки). Еще сложнее заполнять этот пункт при родном венгерском или еще каком-нибудь, не входящем в число "языков *народов СССР*" (на 1989 г. венгры составляли 13% населения Закарпатской обл., румыны – 11% населения Черновицкой обл., болгары – 6% населения Одесской обл., в некоторых районах Украины жило много поляков и греков).

К формулировке вопросов, предполагающих субъективную оценку собственной языковой компетенции (п. 14), надо подходить максимально аккуратно. Опыт показывает, что заданные "в лоб" вопросы такого типа дают информацию релевантную разве что для этнопсихологии. По Кировоградской области, например, составители анкеты получили парадоксальные результаты: 100% русских признали родным этнический язык и только на нем говорили в раннем детстве, а к моменту опроса более трех четвертей из них испытывали затруднения не только при письме, но и при устном общении, чего не скажешь об украинцах ([Украинско-русское... 1988: 26]; абсолютные цифры пересчитаны в проценты) (табл. 2):

Таблица 2

Степень владения русским языком:	Украинцы	Русские
свободно говорю, читаю, пишу, %	60,4	22,2
читаю, но говорю и пишу с затруднениями, %	22,0	77,8
понимаю говорящего по-русски, %	17,6	0,0

Подытожим основные требования к составлению анкеты.

Все вопросы, включенные в нее, должны пониматься однозначно. Если какие-то вопросы или предлагаемые варианты ответов могут вызвать неполное понимание или различные толкования, необходимы ясные комментарии. Наличие в анкете открытых вопросов возможно лишь в двух случаях: во-первых, когда исследователь заранее представляет, к каким категориям они будут сведены, а формулирование всех возможных вариантов в самой анкете было бы слишком громоздким (например, вопрос о национальности при действительно

многонациональной генеральной совокупности), во-вторых, когда статистическая обработка данного пункта анкеты не предполагается. Последний вариант часто встречается при предварительном анкетировании в ходе пилотажного исследования. Однако даже в этих случаях целесообразно делать вопросы лишь наполовину открытыми: наиболее вероятные закрытые рубрики дополнить рубрикой типа "Прочее (указать подробно)".

Вопросы паспортной группы (пол, возраст, национальность, место жительства, социальное положение и т. п.) задаются исключительно в целях последующей разработки по соответствующим рубрикам, и именно этим задачам Должна быть подчинена их формулировка. Например, если в отношении возраста предполагается разрабатывать материалы не по каждому году отдельно, а по определенным когортам, то соответствующий вопрос целесообразно сразу сделать закрытым. Например, результаты рассмотренного анкетирования на Украине разрабатывались по категориям "до 25 лет" (нижний возраст анкетирруемых остается неясным), "от 25 до 45 лет", "45-60 лет и старше" [Украинско-русское... 1988: 24]. Поэтому вместо вопроса о годе рождения технологически проще было бы поставить закрытый вопрос о возрасте с альтернативами ответов "?–25 полных лет", "26–45 полных лет", "46 и более полных лет".

Ключевая лексика должна использоваться терминологично. В тех случаях, когда некоторая понятийная подсистема имеет общепринятые (особенно официально закрепленные) способы выражения, следует пользоваться именно ими. Если общепринятая рубрикация действительности входит в противоречие с задачами исследования, ее следует менять, но в этом случае надлежит особенно тщательно подходить к формулировкам.

Очевидно, что респондент должен иметь объективные основания для ответа на вопросы. Иногда в анкете требуется оценка некоей гипотетической ситуации; в этих случаях необходимо детально разъяснить, что именно означает такая ситуация. Например, в двуязычном обществе один язык – А – во всех сферах, кроме семейного общения, может доминировать над языком Б, являющимся родным для значительной части населения. Если поднимается вопрос о введении языка Б в систему образования, может быть проведено массовое анкетирование населения с целью выявить общественное мнение по этому вопросу.

Реальная практика таких опросов дает иногда парадоксальные результаты: за переход на язык Б в качестве средства обучения в средней школе высказываются больше респондентов, чем за использование его в той же функции в начальной школе. Реализация подобной образовательной политики привела бы к недопустимо низкому уровню знания выпускниками средней школы доминирующего в обществе языка А, чего респонденты не имели в виду. Значительная их часть попросту не смогли разобраться в сути предлагавшихся им вопросов (например, не осознавали отличие языка обучения от языка как изучаемого предмета). Точнее, составители анкеты не помогли респондентам ясно представить, что означает гипотетическая ситуация, по поводу которой предложено высказать свое мнение.

Иногда недостаточно опытные составители анкет из-за небрежности поразному формулируют однотипные вопросы включая, например, вопрос *Гово-*

рите ли Вы на языке А наряду Знаете ли Вы язык Б? Это подталкивает респондента к противопоставлению глаголов *говорить* и *знать*, хотя сами составители могли не вкладывать в это различие никакого особого смысла (а если вкладывали, должны были разъяснить его более отчетливо). Такое "стилистическое разнообразие" ведет лишь к дополнительным сложностям и снижает достоверность ответов. Не менее важно, чтобы полностью совпадала и рубрикация ответов на однотипные вопросы.

Следует избегать вопросов сложной структуры, ответы на которые располагаются в двух плоскостях. Так, иногда вопросу о степени владения языком предлагается набор альтернатив следующего типа: *Владею в совершенстве; Свободно говорю, но не пишу и не читаю; Говорю с затруднениями; Понимаю общий смысл сказанного; Понимаю и воспроизвожу этикетные фразы; Не владею языком*. Здесь смешиваются языковая компетенция и владение письменной формой языка, что недопустимо не только для языков по существу бесписьменных (типа эвенкийского или венского), письменных, но почти не имеющих литературы (типа алтайского или ненецкого), но и для развитых языков типа татарского или (в пределах России) армянского, поскольку во многих районах расселения соответствующих народов эти языки не используются в школьном обучении.

Еще один вполне обычный пример подобного смешения двух вопросов в одном дают вопросы о предпочтении языка массовой коммуникации.

Так, вопросу *На каком языке вы предпочитаете читать газеты ?* могут быть приписаны альтернативы ответов: *Только на языке А; Чаще на языке А, В одинаковой мере на языках А и Б; Чаще на языке Б; Только на языке Б; Зависит от содержания*⁸⁰. Вообще говоря, вполне естественным кажется одновременный выбор последнего варианта и одного из пяти предыдущих.

На двуязычной территории, скажем в Татарии, может оказаться, что значительная часть респондентов, свободно владеющих русским и татарским языками, предпочитает знакомиться с международными и общероссийскими новостями из публикаций в центральной прессе (т. е. по-русски), а с новостями Татарстана – в местных газетах (и предпочитает татароязычную прессу). Однако среди этой группы окажутся не только те, кто в равной мере интересуется новостями двух типов, но также и такие, кто распределяет свое внимание между этими областями в соотношении 1 : 3 и, напротив, 3:1. Для "равномерно интересующихся" проблема выбора между вариантами ответов: *В одинаковой мере на русском и татарском* и *Зависит от содержания* – не стоит: они покажутся им равнозначными. Тем же, кто предпочитает получать из газеты один тип сведений и достаточно добросовестно отнесется к заполнению этого пункта, может захотеться выбрать два ответа одновременно. Остается только гадать, чем они будут руководствоваться при необходимости выбора одного варианта из предложенной исследователем альтернативы, но ясно, что интерпретация этого

⁸⁰ В аккуратно составленной анкете непременно должна присутствовать и альтернатива *Газет не читаю*, или же сам пункт анкеты должен быть переформулирован на *Если вы читаете газеты, то, , и его заполнение не должно быть обязательным*.

пункта анкеты натолкнется на определенные сложности.

Параллельно с разработкой анкеты решается вопрос выборки, о котором выше говорилось достаточно подробно. Несмотря на очевидную важность этой проблемы, в реальных социолингвистических исследованиях к ней часто подходят очень небрежно. Так, в ходе упомянутого выше изучения украинско-русского билингвизма выборка заметно отличается от генеральной совокупности даже по таким не составляющим особых проблем параметрам, как возраст и пол. По Украине возрасты 16-24, 25-44 и 45 и старше в 1989 г. соотносились как 16 : 36 : 48, в выборке (данные приведены лишь по Кировоградской обл.) средний возраст преобладал над старшим, и соотношение было 17 : 43 : 40. Еще заметнее диспропорция полов: по Украине численности мужчин и женщин в возрасте 16 лет и старше в 1989 г. соотносились как 44 : 56, в выборке (по Кировоградской обл.) – как 31 : 69.

Перейдем теперь к методике самого опроса.

Первое, на что следует обратить внимание, – это отношение респондента к опросу и опрашивающему. Потенциальному респонденту могут быть неясны реальные цели анкетирования и причины, по которым он сам попал в выборочную совокупность. Он может опасаться, что его участие в опросе или даваемые им конкретные ответы могут иметь нежелательные последствия лично для него. Это ведет к намеренному искажению ответов или даже к отказу от анкетирования. Такая реакция достаточно распространена при обследованиях языковой ситуации. Кроме того, индивидуальные характеристики интервьюера (пол, возраст, этническая принадлежность и т. п.) могут осложнить межличностное взаимодействие между ним и респондентом.

Влияние сходных факторов может сказаться и при других методах сбора информации (при наблюдении, устном интервьюировании), но при массовом анкетировании, задача которого – собрать представительную информацию по какому-либо социуму, их учет особенно важен. Если те, кто отказывается сотрудничать с исследователем, и те, кто осознанно идет на искажение информации, отличаются от "правдивых" респондентов какими-либо важными социальными характеристиками, то репрезентативность результатов исследования понижается. Общих рецептов, помогающих уменьшить воздействие этих "возмущающих факторов" на результаты исследования, предложить невозможно. Тут успех во многом определяется тактом интервьюера, его исследовательским и житейским опытом.

Заполнение анкет может проходить двумя способами: анкетиремый либо сам заполняет бланк⁸¹, либо это делает с его слов интервьюер⁸². Надо иметь в виду, что при достаточно массовом анкетировании исследователь и интервьюер могут быть разными лицами. В этом случае очень важно, чтобы интервьюер

⁸¹ Социологи используют даже рассылку анкет по почте, в социолингвистике достоверность этого метода сомнительна, поскольку процент возврата анкет не высок, социально-психологические характеристики тех, кому разосланы анкеты, и тех, кто ответил на них, могут сильно расходиться.

⁸² В социологии и социальной психологии такой опрос, когда анкета заполняется интервьюером, а значительная часть вопросов – открытые, иногда вообще не относят к анкетированию, а называют расписанным интервью.

имел специальную подготовку и его взгляд на изучаемую проблему не отличался от взгляда исследователя. Полезно иметь специальную инструкцию для интервьюера.

При несложно организованных анкетах часто используется один бланк на несколько респондентов, а полученные от них данные вносятся в отдельные колонки. В таких обстоятельствах интервьюер должен быть уверен, что респондент не может видеть ранее собранной информации, поскольку она почти наверняка повлияет на содержание его собственных ответов. В любом случае необходимо следить, чтобы в анкете отражалась точка зрения самого респондента, чтобы он не имел возможности консультироваться с другими лицами. Если избежать этого не удастся, интервьюер должен каким-то образом отмечать неполную достоверность полученной информации.

Иногда к получению информации из вторых рук подталкивает сама анкета в сочетании с выборкой. Для упоминавшейся выше микропереписи 1994 г. респонденты выбирались без учета возраста (что, разумеется, верно, если иметь в виду получение чисто демографической информации), но в результате один из социолингвистически релевантных вопросов (сведения о языках, используемых теми, кто посещает "учебные заведения, дошкольные учреждения") задавался впустую. В 1994 г. в составе этой категории доля посещавших ясли и детские сады составляла 22%; от этого "контингента" (да и от значительной части учащихся начальной школы) трудно ожидать адекватного понимания смысла вопроса об используемых языках, за них неизбежно отвечают родственники, которые в лучшем случае могут иметь по этому поводу лишь субъективное мнение, поскольку обычно не работают в соответствующих учреждениях и не могут достоверно знать, на каком языке там происходит общение. Этот же вопрос иллюстрирует и другое методическое упущение: без дополнительных комментариев неясно, что значит "пользоваться языком" в школе: это может быть язык неформального общения школьников друг с другом и/или педагогами, язык обучения и изучаемый язык. Опубликованные результаты показывают, что для разных народов этот вопрос понимался по-разному (подробнее см. в работе [Беликов 1999]).

Анкетированием рассмотренного выше типа выясняются мнения о языке и языках, но не сама языковая реальность. А может ли анкета помочь в деле объективного исследования этой самой реальности? Многие специалисты отвечают на поставленный вопрос отрицательно, поскольку, по их мнению, сама форма анкеты исключает возможность получения объективного материала: ведь мы обращаемся непосредственно к языковому сознанию говорящего и получаем самооценку его речи (или оценку речи других).

И все же некоторые социолингвисты придумывают такие хитроумные анкеты, которые позволяют получать более или менее надежный языковой материал, свидетельствующий о том, как люди используют язык (а не только о том, что они об этом языке думают). Естественно, такие анкеты существенно отличаются от тех, что мы рассматривали выше.

Первое отличие чисто внешнее. Анкеты, нацеленные на выяснение деталей языковой ситуации, похожи на традиционные анкеты социологов; число

содержащихся в них вопросов относительно невелико (анкета, посвященная украинско-русскому двуязычию, содержит 22 пункта, причем первые 11, составляя паспортный блок, предназначены для выявления социальных характеристик информантов). В тех анкетах, что предназначены для выявления языкового варьирования, вслед за вопросами паспортного блока идут десятки вопросов, часто однотипно устроенных. В русистике такие анкеты обычно называют вопросниками.

Их значительный объем объясняется несколькими причинами. Во-первых, организация распространения и сбора заполненных вопросников – дело трудоемкое, и целесообразно сразу спросить о многом, например, не об одном-двух фонетических вариантах, а об их рядах, сериях, реализующихся в разных контекстных условиях. Во-вторых, данные о случайно выбранных языковых единицах не дают правильного представления о месте этих единиц в системе им подобных. В-третьих, об одном и том же факте надо спросить в разной форме, используя разнообразные приемы (это повышает надежность получаемых ответов): прямой вопрос, предложение выбрать один вариант ответа из многих, заполнить специально сделанные пропуски букв в предложениях, словоформ в парадигмах и т. п.

Покажем это на примере "Вопросника по произношению", составленного М. В. Пановым [Вопросник... 1960].

"Вопросник" построен по такой схеме: I – социологическая анкета, включающая перечень "лингвистически значимых" социальных признаков (т. е. таких, которые могут влиять на выбор того или иного произносительного варианта): возраст, пол, уровень образования, знание иностранных языков, род занятий (профессия), место рождения и место наиболее длительного жительства и некоторые другие;

II – лингвистическая часть, или собственно вопросник, содержащий несколько десятков вопросов о произносительных вариантах, характерных для современного русского литературного языка.

Для того чтобы проверить устойчивость ответов заполняющего вопросник, об одних и тех же явлениях спрашивается по-разному, например:

(а) "Как Вы произносите: з(ь)верь или з(ъ)верь (*зверь*)?" _____

(б) "Сравните: зверь - звать.

В каком слове Вы произносите "з" мягче? (Подчеркните это слово; если же различия в произношении "з" нет, то подчеркните оба слова)".

Вопросы (а) и (б) расположены в "Вопроснике" достаточно далеко друг от друга (под номерами 25 и 39 соответственно), так что их влияние друг на друга минимально.

В социолингвистических вопросниках могут использоваться отвлекающие задания. Так, в вопроснике по русской морфологии [Вопросник... 1963а], авторы которого в методике его составления следовали за "Вопросником по произношению", отвечающего просили заполнять не только те пропуски в тексте, которые интересуют исследователя, но и пропуски, не предполагающие

никакой морфологической вариативности:

Мы выпили три стакан... молока и две чашки ча... (варианты возможны только в последней словоформе: *чая / чаю*, но не в словоформе *стакана*),

В этом собрани... участвовали представители разных профессий: врачи, фармацевт..., бухгалтер..., учитель..., инженер..., кондуктор..., железнодорожник...

(Очевидно, что вариативность флексии возможна лишь в некоторых из перечисленных здесь форм множественного числа существительных, включая и такую вариативность, которая запрещается литературной нормой: *бухгалтеры / бухгал-терд, инженеры / инженерей, кондукторы / кондуктора*.)

В вопросах об акцентных вариантах (типа *звонишь / звенишь, два шага / два iudea* и др.) отвечающий должен был расставить ударения не в отдельных словах, допускающих вариантную акцентовку, а во всех словоформах предложений, так что подлинная цель задания оставалась для него не вполне ясной.

Эти и другие отвлекающие приемы служат большей объективности материала вопросников, уменьшая влияние субъективных намерений информанта.

Как бы тщательно ни подходили исследователи к формулировкам вопросов, часть заполненных анкет может оказаться дефектной. При сплошном обследовании генеральной совокупности в обработку идут все анкеты; так в итоговых материалах переписей появляются данные о не указавших пол, возраст и т. п. При выборочных опросах респондентов немного, и внимательность интервьюера помогает свести число дефектных анкет к минимуму. При заочном анкетировании (когда респондент заполняет анкету самостоятельно) среди возвращенных анкет всегда находятся такие, где не освещены важные для исследования вопросы или содержатся явные противоречия. В практике социолингвистических опросов нередки случаи, когда в одном пункте анкеты респондент отмечает, что не владеет языком А, а в другом – что предпочитает читать на нем книги, или сообщает, что получил среднее образование на языке А, хотя известно, что этот язык перестал использоваться как язык обучения в год рождения респондента. Если анкетирование производится интервьюером, то такие недостатки находятся на его совести⁸³, но при массовых опросах они неизбежны. При хорошо организованном анкетировании это принимается во внимание заранее: в упомянутом выше обследовании сибирских народов специально опрашивали такое количество респондентов, которое "несколько превышало нужное для выборки число, чем обеспечивалась возможность выбраковки дефектного анкетного материала" [Аврорин 1975: 254].

Если доля выявленных в ходе первичной обработки дефектных анкет достаточно высока, уже нельзя ограничиваться выбраковкой отдельных анкет, под вопросом оказывается достоверность всего обследования в целом, и следует

⁸³ В социологической практике применяется даже повторное контрольное анкетирование части респондентов с целью выявить неквалифицированных интервьюеров.

искать серьезный методический порок либо в формулировках вопросов, либо в порядке анкетирования.

В некоторых случаях дефектность определенного процента анкет неизбежна; так обстоит дело, если респондент по каким-либо пунктам не может дать объективной информации. Это особенно характерно для опросов, выявляющих языковую вариативность, поскольку не каждый человек обращает внимание на собственную речь, "слышит" свое произношение. Чтобы сразу выявить таких "неподходящих" информантов, в анкеты включаются специальные контрольные вопросы.

Так, бблыпая часть пунктов "Вопросника по произношению" предполагала реальную возможность выбора того или иного фонетического варианта, но начинался вопросник несколькими контрольными вопросами, на которые возможен только один правильный ответ, подтверждающий соответствие произносительных навыков респондента современной литературной норме; например:

-Мягко или твердо Вы произносите звук "с" в слове *трость!*
Мягко. Твердо. (Нужное подчеркните);

-Какой гласный в Вашем произношении больше похож на "а": в первом слове слова *ходить* или в первом слове слова *ходуном!* (подчеркните то слово, где первый гласный больше похож на "а");

-Что Вы произносите на месте предлога "с" в сочетаниях *с Женей, с жаром!*

-Как Вы произносите (подчеркните): *пОшел* или *пАшел!* *тОпор* или *тАпор!* *пОром* (на реке) или *пАром!* *рОсказ* или *рАсказ!*

Цель контрольных вопросов – проверить, правильно ли оценивает собственную речь говорящий и не является ли он носителем диалектных речевых черт. Если человек, заполняющий вопросник, давал такие ответы: мягко произношу "с" в слове *трость*, в произношении слова *ходить* первый гласный больше похож на "а", чем в слове *ходуном*, в сочетаниях *с Женей* и *с жаром* произношу "ж" или "з", и, наконец, в последнем перечне отвечающий подчеркивал слова в правой колонке, – то его ответы на остальные пункты вопросника использовались для дальнейшего анализа. Иные ответы свидетельствуют о том, что человек "не слышит" своей речи или же для него характерны такие речевые особенности, которые не являются литературными (например, оканье: *пОшел, тОпор* и т. п.). Ответы таких информантов к анализу не привлекались, браковывались из общей массы заполненных вопросников.

Как инструмент получения социолингвистического материала вопросники описанного типа таят в себе "психологическую опасность": ответы на содержащиеся в них вопросы могут отражать не социальные различия носителей языка, а разницу в их психологии. Одни легко контролируют свою речь и поэтому отвечают в близком соответствии с тем, как они действительно используют язык; других, напротив, сама форма вопросника повергает в недоумение, и смещение ответов в этом случае неизбежно; третьи стараются отвечать не так, как они говорят, а как "правильно", "лучше" и т. д.

Психологическая опасность в значительной мере устраняется гибкой ме-

тодикой составления вопросников (формулирование вопросов, их порядок, система "перекрестных", контрольных, отвлекающих вопросов и т. д.) и при условии большого числа опрошенных: массовый характер ответов как бы усредняет расхождения, обусловленные психологическими различиями информантов.

Однако надо признать, что при всей изощренности методики, с помощью которой составляются социолингвистические анкеты и вопросники, вероятность того, что ученые получают данные лишь о мнениях информантов по поводу их собственных речевых привычек (а не о реальном соотношении тех или иных языковых вариантов), сохраняется.

Уменьшить эту вероятность помогают тесты.

5.2.5. ТЕСТЫ

Тесты представляют собой разнообразные по форме задания, которые исследователь предлагает информантам. Это могут быть списки слов, которые надо прочитать перед микрофоном, или связный текст, также читаемый информантом вслух; письменные задания на восстановление пропущенных фрагментов текста; ответы на устные вопросы исследователя, задаваемые в определенном временном режиме, и т. п.

Как правило, цель подобных тестов сообщается информанту в самом общем виде; детали того, что собирается узнать с помощью этих тестов исследователь, остаются ему неизвестны. И это понятно: исследователь заинтересован в том, чтобы получить объективные данные о речевых навыках информанта, а сделать это можно, если условия тестирования будут такими, при которых, выполняя тест, информант сможет мобилизовать свое владение языком, в значительной мере автоматизированное, бессознательное, а не оценки собственной речи (как это имеет место при ответе, по крайней мере, на некоторые пункты социолингвистических вопросников).

Например, данные, полученные путем распространения описанного выше "Вопросника по произношению", проверялись с помощью специального "фонетического" текста, составленного М. В. Пановым. При создании этого текста его автор стремился к максимальной непринужденности стиля, предполагая, что в этом случае и от чтеца потребуются непринужденность в его воспроизведении. Кроме того, было важно, чтобы текст состоял не из разобщенных фраз, а представлял собой "слитный, последовательный рассказ: рассыпанные фразы заставляют информанта разгадывать, зачем дана каждая фраза, что именно проверяется. Такие разгадки, правильные и неправильные, могут приводить к искусственному чтению отдельных слов" [Панов 1966: 174]. В результате многократных переработок и дополнений появился сюжетно организованный текст (рассказ о геологической экспедиции), в котором две трети слов "несут орфоэпическую нагрузку" [Там же], т. е. содержат вариативные фонетические явления.

Приведем отрывок из обсуждаемого текста.

Было уже поздно, когда мы въехали в село Архангельское.

Здесь нас ожидал проводник экспедиции – Петр Антонович, бывший лесник и лесной объездчик. Ему известна вся окружающая местность чуть не на тысячу верст, а уж на 600-700 - это наверняка! Теперь он на пенсии; скучно ему без дела, а силы-то еще есть: вот он и взялся вести нашу экспедицию. Невестка его, словоохотливая и приветливая женщина, явно гордится своим деверем⁸⁴. Она так и заявила: он-де может быть у вас даже главным вожаком, то есть, очевидно, руководителем экспедиции. Антонович и на самом деле мастер на все руки, все сделает, что его ни попросят. А с виду неказист: тщедушный, костлявый, в изодранной шапчонке. Помощник проводника – Матвей, рыжий веснушчатый верзила, и прихвастнуть любитель, и лентяй, каких поискать. А в нашу группу он принят, потому что отличный наездник: день-деньской готов он гарцевать на своем лихом скакуне. А уж спорщик завзятый: вечно они с Антоновичем спорят и ссорятся. Иногда ясней ясного, что Матвей неправ, а он все-таки стоит на своем.

Все гласные русского литературного языка даны в этом тексте во всех возможных позициях и по отношению к ударению, и по отношению к соседним согласным (твердым и мягким). Представлены слова, содержащие фонему <a> после [ж], [ш] в первом предударном слоге (*вожаком*, *шапчонке* и др.), слова, в которых есть сочетание твердого согласного перед мягким (*здесь*, *лесник*, *пенсии* и др. - первый согласный может произноситься как мягко, приобретая ассимилятивное смягчение от соседнего мягкого, так и твердо, "не заражаясь" мягкостью соседа), слова с непроизносимыми согласными (*объездчик*, *поздно*, *известна* и др.) и многие другие, реализующие те или иные вариативные фонетические явления (подробный комментарий этого текста и сам текст полностью см. в статье [Панов 1966]).

В социофонетических исследованиях используются также и иные тесты: чтение вслух списков слов, содержащих фонетические явления, которые изучает исследователь, разрозненных фраз, включающих изучаемые слова, чтение "про себя" и последующий пересказ (в этом случае стараются избавиться от влияния на произношение орфографического облика слова) небольших сюжетно организованных текстов и многое другое.

Метод тестирования широко применяется при исследовании двуязычия и, в частности, уровня владения вторым (неродным для данного информанта) языком. Часто исследователь предлагает информантам анкету, содержащую вопросы о сферах, в которых информант использует второй язык, о видах речевой деятельности – чтение, письмо, устное общение, для которых актуально применение второго языка, и т. п. Чтобы проверить, насколько объективно отражен в анкете характер владения вторым языком, информанту предлагаются тесты: чтение некоего текста на этом языке, прослушивание и пересказ магнитофонной записи на нем же, сочинение на определенную тему, задание найти ошибки в тексте на втором языке и т. п.

⁸⁴ В текст намеренно - чтобы вызвать реакцию информантов – включено неправильное употребление слова *деверь* (*деверь* – это брат мужа, здесь же это слово употреблено в значении 'свёкор').

5.3. ОБРАБОТКА И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Обработка статистических данных ведется с целью выявления объективно существующих закономерностей. Прежде чем перейти к анализу какой-либо социолингвистической переменной, следует очертить круг лиц, для которых ее значение релевантно. Так, вопрос о предпочтении того или иного языка, на котором издается пресса, целесообразно разрабатывать только в отношении тех лиц, кто читает газеты. Доля последних в выборочной совокупности определяется не только индивидуальными психологическими особенностями, но и доступностью прессы (а по отдельным регионам она сильно различается), а также общегосударственной или региональной социально-политической и культурной обстановкой в момент опроса⁸⁵. Мнения школьников по поводу преподавания языка или использования его как средства обучения могут представлять определенный интерес, но очевидные привходящие субъективные факторы требуют отдельного анализа ответов этой группы респондентов. Нередко круг лиц, относительно которых следует разрабатывать определенную социолингвистическую переменную, выявляется только в результате анализа анкеты.

Вот один пример. Опрос всех жителей практически полностью двуязычной литовско-русской деревни Дегучяй (245 человек, из них 62% литовцы, 34% русские), проведенный в начале 1970-х годов, показал, что 96% из них смотрели фильмы на обоих языках, в то же время книги на втором языке читали лишь 22% из тех, кто пользовался библиотекой [Михальченко 1975: 286-299]. При поверхностном анализе из этого могли бы быть сделаны какие-то выводы относительно предпочтений языка художественной литературы, однако выясняется, что письменной формой второго языка владели 93% лиц в возрасте 19-30 лет и лишь 4% лиц старше 51 года (возрастное распределение читателей местной библиотеки в публикации не указано). Вывод ясен: читающих на обоих языках мало в первую очередь потому, что представители старших когорт грамотны лишь на родном языке.

По каждому разрабатываемому вопросу важно четко различать *отсутствие явления, неприменимость вопроса к какой-либо категории респондентов, отсутствие данных* (например, ввиду неполного заполнения вопросника) и, конечно, не смешивать эти данные с ответами тех, кто в явном виде затруднился ответить. Учитывая эти факторы, исследователь приступает к обработке результатов по каждому вопросу анкеты.

В статистике способ упорядочения информации называется измерением. В процессе измерения ряду социолингвистических фактов ставится в соответствие некоторое множество чисел. Данные могут измеряться с различным уровнем точности.

⁸⁵ Напомним, что в конце 1980-х годов интерес российского общества к средствам массовой информации временами поднимался до такой степени, что в общественном транспорте нередко можно было встретить лиц, слушающих радиотрансляции с заседаний Верховного Совета, Съезда народных депутатов и тому подобных мероприятий (естественно, на русском языке).

Номинальная шкала лишь классифицирует данные, указывает, к какой группе они принадлежат: значения "мужской пол"-"женский пол" или ответам типа "да"-"нет" могут быть присвоены как значения 0-1, так и значения 1-0 или 2-1, за числами не скрывается ничего, кроме разнесения данных по определенным категориям. Номинальная шкала может быть и многозначной - таковы, например, данные о языке, на котором получено образование.

При *порядковой шкале* данные получают числовую оценку, которая указывает лишь на их иерархию, порядок следования, но о количественном значении признака говорит лишь очень условно. Например, шкале ответов типа *Только А - Чаще А - А и Б - Чаще Б - Только Б* может быть сопоставлен числовой ряд 1 – 2 – 3 – 4 – 5, но это не означает, что различие в оценках 1 и 2 (*Только А* и *Чаще А*) в точности таково же, как и между оценками 3 и 4 (*А и Б* и *Чаще Б*). Неравномерность порядковой шкалы не мешает ее использованию в социолингвистике. Вот, например, как выглядит шестибальная шкала степени владения языком: 1 – свободно говорит на языке и предпочитает этот язык всем остальным; 2 – свободно говорит на языке, но предпочитает какой-либо другой язык; 3 – говорит на языке, однако старшие замечают в его речи ошибки; 4 – хорошо понимает речь, но сам способен произнести лишь десяток обиходных фраз; 5 – понимает общий смысл сказанного, говорить не может совершенно; 6 – не знает языка [Бахтин 1984: 70–71]. Несмотря на свою "импрессионистичность", эта шкала служит хорошим инструментом при описании языковой ситуации. Вот какие результаты по степени владения эскимосским и русским языками получил Н. Б. Бахтин при обследовании эскимосов, живших в 1984 г. в нос. Си-реники (по итогам интервью, опросов, наблюдений баллы были выставлены всем жителям поселка, а затем усреднены для каждой возрастной группы) – табл. 3:

Таблица 3

Владение языком	Возраст говорящих					
	старше 60	51-60	41-50	31-40	21-30	11-20
Эскимосским	1,0	1,2	1,8	2,9	4,2	5,1
Русским	4,5	2,4	1,7	1,0	1,0	1,0

Эти данные очень наглядно и вполне объективно иллюстрируют темпы вымирания эскимосского языка.

На шкале, которая называется *интервальной*, величины отражают равные единицы измерения и могут сопоставляться не только по упорядоченности, но и по расстоянию. В действительности в применении к большинству социолингвистических (и социологических) измерений точнее будет говорить о примерном равенстве расстояний между единицами шкалы. Примером использования интервальной шкалы в социолингвистике является известная работа У. Лабова о централизации дифтонга /aw/ у носителей американского варианта английского языка, живущих на о. Мартас-Винь-ярд [Лабов 1975а: 206-213]: "архаичной" реализации [аи] был присвоен балл 0, наиболее централизованной [эй] – 3;

баллы 1 и 2 получили промежуточные варианты произнесения центрального гласного дифтонга. Информантам предлагались списки слов, где дифтонг находился в разных позициях: перед глухим шумным (как в *out*), перед звонким (как в *found*), в абсолютном исходе (как в *now*). Для каждого из 69 информантов в результате усреднения числовых значений, приписанных каждому произнесению слова из списка, был подсчитан показатель централизации. У отдельных индивидов он колеблется от 0,10 до 2,11, при этом наблюдается отчетливая связь с возрастом информанта. Средние показатели в пределах 15-летних когорт таковы (табл. 4):

Таблица 4

	Возраст говорящих			
	31-45	46-60	61-75	Более 75
Показатель централизации дифтонга /aw/	0,88	0,44	0,37	0,22

Интервальные шкалы разделены на равные расстояния, но сама единица измерения имеет довольно условный характер, она не существует вне процесса измерения. Так, в описанном исследовании Лабова степени централизации дифтонга можно было бы измерять не от 0 до 3, а от 1 до 3, или достаточно произвольным образом менять масштаб измерения, введя не четыре позиции, а пять или шесть⁸⁶. В том случае, если единица измерения получает четкую наглядную интерпретацию, говорят о *количественной* шкале. Такими шкалами измеряется, например, возраст (нет нужды пояснять, что единицы в таком случае вполне реальны) или число испытуемых. Социолингвистика широко пользуется этим типом измерения при описании подходящих характеристик населения, хотя выявляемые в ходе описания переменные пока не удавалось привязать к количественным шкалам.

Приведенные примеры иллюстрируют такое важное понятие, как зависимость двух переменных: одна из них (и у Бахтина, и у Лабова – возраст) *независимая* и обуславливает степень выраженности второй, *зависимой* переменной (владение языками, степень централизации дифтонга). Фактически часто наблюдается взаимодействие переменных – когда две или более независимых переменных воздействуют на зависимую. В цитированной работе У. Лабов специально стремился к социальной однородности информантов: "Всё это янки, принадлежащие к числу исконных поселенцев острова; все они связаны различными родственными отношениями, многие принадлежат к одной семье; все одинаково относятся к своему острову. Все они получили деревенское воспитание и все, за одним исключением, были плотниками или рыбаками" [Лабов 1975: 210].

Зависимость переменных иначе называют корреляцией. Корреляция мо-

⁸⁶ Как указывает У. Лабов, "в первоначальном прикидочном наброске шкалы различалось шесть уровней. Измерения с помощью акустической аппаратуры показали, что достаточно хорошее соответствие с форматным анализом достигается при сведении числа уровней к четырем" [Лабов 1975: 207].

жет быть *положительной* (переменные возрастают или убывают одновременно) или *отрицательной*, когда они изменяются в разных направлениях. Так, у эскимосов наблюдается положительная корреляция возраста с уровнем владения этническим языком (т. е. чем старше человек, тем выше его уровень владения этническим языком) и отрицательная – по владению русским: чем старше человек, тем ниже его уровень владения русским языком. (Тут мы еще раз убеждаемся в условности единиц при неколичественном измерении: степень владения языком тем выше, чем ниже ее числовое выражение.) О корреляции говорят и при номинальных измерениях: так, уровень двуязычия часто коррелирует с полом (билингвов больше среди мужчин) или с родом занятий (билингвов больше среди торговцев, чем среди крестьян).

Наличие корреляции не обязательно говорит о причинно-следственной связи: оба сопоставляемых показателя могут зависеть от третьего или быть связаны с ним не вполне тривиальным образом. Только что упомянутые половые различия в знании языков связаны, разумеется, не с физиологическими различиями полов, а с половыми стереотипами поведения, которые, по этнографическим данным, не обладают универсальностью. Показатель пола в данном случае является всего лишь удобным ярлыком для обозначения трудноформализуемых сложных поведенческих комплексов. Другой пример – связь языка, которым пользуются в быту и в рабочем коллективе, с национальностью коммуникантов. Выбор языка общения определяется языковым репертуаром контактирующих индивидов, в частности их родными языками (и массой других факторов, о которых в соответствующем месте говорилось достаточно подробно). Взаимосвязь этнической идентификации и родного языка очевидна, но их корреляция может быть устроена сложно. При обработке результатов обследования использование языков надо связывать не с национальностью, а с родными языками респондентов. На практике это делается далеко не всегда.

Вернемся к результатам микропереписи населения России 1994 г., показывающим, какой язык (этнический или русский) используется представителями разных народов в различных ситуациях в пересчете на 1000 человек. Для большинства народов русский и этнический языки в сумме дают цифру, близкую к 1000; "третьим" языком среди 1000 татар дома пользуются 4 человека, на работе – 2, среди украинцев – 1 и 1, среди немцев – 1 и 0, среди аварцев – 13 и 2, среди даргинцев – 6 и 4, среди ингушей – 8 и 1, среди тувинцев и калмыков – 0 и 0, среди карачаевцев – 1 и 0 и т. д. Однако для некоторых народов число использующих "третий" язык довольно велико. Вот каковы данные микропереписи (табл. 5):

Таблица 5

	Язык, используемый дома			Язык, используемый на работе		
	этнический	русский	другой	этнический	русский	другой
Башкиры	558	289	153	255	663	82
Эвенки	61	288	651	7	374	619
Эвены	201	473	326	188	567	245
Юкагиры	0	655	345	0	727	273

Вполне очевидно, что причины использования "третьего" языка во всех этих случаях связаны с хорошо известными процессами языковой ассимиляции, и у башкир этот другой язык – татарский, а у трех остальных народов – якутский. Картина была бы более объективной, если бы разработка велась по двум направлениям: родной язык в зависимости от национальности и языка коммуникации в зависимости от родного языка (понятие *родной язык*, конечно, надо было пояснить).

Взаимозависимость переменных представляется в табличном или графическом виде. Графическим представлением служит либо собственно график зависимости, когда по осям координат располагаются числовые значения сопряженных переменных, либо диаграмма. Почти всегда исходной является табличная форма. Она может быть использована и при представлении данных, но важнейшее ее назначение – быть инструментом анализа, помочь структурировать полученные данные, яснее понять выявляемые закономерности. Графическое представление табличной информации может быть решено по-разному, чаще всего – в виде столбчатых диаграмм, отражающих соотносимые величины линейно, или в виде круговых диаграмм (гистограмм), разделенных на пропорциональные соответствующим величинам сектора.

Конечной задачей социолингвистического исследования является обнаружение полученных выводов. Форма их подачи во многом зависит от того, кому адресована публикация. Если публикация рассчитана на массового читателя, предпочтение отдается наглядным диаграммам. Профессионала же интересуют более точные и детализированные сведения, которые легче получить при табличном представлении результатов. Читатель-специалист оценивает не только выводы, но и надежность тех исходных данных, на которых они базируются. Задача публикатора – убедить в достоверности и показательности собранного материала и аргументировать выводы. А для этого полезно эксплицировать обоснованность выборки, методiku сбора и обработки той первичной информации, на анализе которой строятся выводы; перестараться здесь невозможно⁸⁷. Важно иметь в виду, что существенная часть социолингвистических исследований строится на сопоставлении ранее опубликованных результатов, а сама возможность сопоставления результатов, полученных разными авторами, зависит от степени сходства использовавшихся методик.

5.4. АНАЛИЗ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

При решении большинства социолингвистических задач важное значение

⁸⁷ Показательно, что в японской социолингвистической монографии, посвященной функционированию форм вежливости, "описание методов опроса информантов и критериев их отбора занимает больше половины объема" [Алпатов 1988: 98]. Отечественные социологи, изучавшие в 1992-1995 гг. межнациональные отношения, также детально описывают задачу исследования и методический инструментарий [Россия 1996: 21–32], а в отношении организации выборки находят целесообразным указать все изменения, происходящие при ежегодных обследованиях: если в 1992 г. применялась квотная пропорциональная выборка со связанными параметрами *род занятий и национальность*, то в 1994 г. в число связанных параметров был включен *пол*, а в 1995 г. – *возраст*.

имеет метод анализа письменных источников. Письменные источники можно условно разделить на первичные и вторичные. В первую категорию попадают документы, фиксирующие речевые произведения, авторам которых могут быть приписаны какие-либо социальные характеристики, во вторую – исследовательские работы, материалом для которых служили первичные источники. Сюда попадают не только собственно социолингвистические работы предшественников – первичный материал мог анализироваться при решении задач, далеких от лингвистики. Данные, полученные от респондентов, обычно одновременны с исследованием (хотя запрета на вопросы о языковых фактах в прошлом не существует), письменные же источники дают возможность получить документальные свидетельства о предшествующих состояниях языка.

Остановимся сначала на первичных источниках. Социолингвистически значимые данные можно почерпнуть из письменных текстов различной стилистической и жанровой принадлежности. Например, изучение служебных документов, межведомственной переписки, разного рода инструкций, постановлений, актов и т. п. дает материал, позволяющий составить представление об официально-деловой стилистической разновидности языка на данном этапе его развития, о своеобразии реализации этой разновидности в многообразных жанрах (от заявления об отпуске до президентского указа).

В этом многообразии особое место занимает так называемый чиновничий жаргон, который, как считал К. Чуковский, создан "специально затем, чтобы прикрывать наплевательское отношение к судьбам людей и вещей" [Чуковский 1982: 172]. Иногда общество и даже власть протестуют против этих свойств чиновничьего языка, побуждая государственных служащих выражаться ясно и просто, о чем свидетельствует, например, следующее сообщение. «Администрация США всерьез взялась за вопросы языкознания. Белый дом направил во все правительственные учреждения строгое распоряжение, требуя, чтобы все исходящие документы, прежде всего предназначенные для публикации, были написаны простым и ясным языком, в коротких предложениях и без привычных чиновникам бюрократических терминов и оборотов. Распоряжение вступает в силу с октября. Надо же дать бюрократам, привыкшим общаться между собой на им одним понятном жаргоне, время на то, чтобы вспомнить, как говорят между собой простые граждане. В верхних эшелонах Вашингтонской власти справедливо считают, что бюрократический "волапюк" официальных документов воздвигает трудноодолимый барьер между правительством и населением» ["Известия", 1998. 9 июня]. Характерна концовка этого сообщения: "Однако даже две странички упомянутого распоряжения Белого дома грешат туманными и невнятными формулировками, которые могут правильно истолковать разве что опытные юристы".

Интересные результаты может дать исследование с социолингвистической точки зрения дипломатических документов – договоров, нот, меморандумов, коммюнике и т. п., которые отражают в себе не только лингвистическое своеобразие способов языкового выражения, но и определенные политические и идеологические установки, также облакаемые в специфические обороты, формулы, синтаксические конструкции. При этом каждая эпоха оставляет

свои следы в языке дипломатии. Если, например, сравнить русские дипломатические документы советского времени и самого конца XX в., то в первых бросается в глаза их открытая идеологизированность (ср., например, речи А. Я. Вышинского и А. А. Громыко на заседаниях ООН, ноты протеста, в изобилии направлявшиеся советским правительством правительствам других государств), тогда как в дипломатических текстах последнего времени преобладают нормы использования языковых средств, в большей степени соответствующие международным стандартам.

Язык средств массовой информации также дает пищу для размышлений о социальных различиях в позиции авторов, принадлежащих к кругам общества, разным по своей политической ориентации и ценностным установкам. Например, в демократически настроенной российской прессе 90-х годов XX в. отчетливо проявляется тенденция к увеличению спектра языковых средств, в частности к широкому включению в газетный текст разговорных, просторечных, жаргонных слов и выражений; в молодежных газетах поощряется сознательное обыгрывание слова, языковое ёрничанье, намеренные переделки слов и окказиональные неологизмы (*слухмейкеры, ресторанмен, музей войсковых фигур, переселение в души* и т. п.). "Левая" пресса активно использует архаическую лексику (*вече, соборность* и т. п.) как средство политической демагогии.

Богатый материал для социолингвистического анализа языка предоставляет "неформальная" литература: в недавнем прошлом – "самиздат", не подвергавшийся редакторской правке, "Хроника текущих событий", сборники публицистических текстов, направленных против существующего строя, и менее политизированная, а то и просто бытовая литература – вроде сборников самодельных песен, анекдотов, частушек, присловий (иногда имеющих авторство – ср. одностишия В. Вишневского, "гарики" И. Губермана и др.).

Существование в течение нескольких десятилетий тоталитарного режима и соответствующей идеологии не только на территории России и бывших советских республик, но и в странах Восточной Европы способствовало формированию особого "тоталитарного языка" – со своей лексикой, специфическими оборотами, особым синтаксисом. В недрах тоталитарного строя рождалось и сопротивление этому языку или, по крайней мере, неприятие его в виде "языковой самообороны", пародирующей, намеренно искажающей расхожие штампы коммунистической пропаганды: "Ответим на красный террор белой горячкой!", "Товарищи ракетчики! Наша цель – коммунизм!", "Пролетарии всех стран, извините!" и т. п. (см. об этом [Вежбицка 1993; Купина 1995]). Характерно, что приемы переделок слов и расхожих штампов, языкового ёрничанья использует и "левая" пресса, оппозиционная правительству: *дерьмократы, чубаучер* (из сложения фамилии *Чубайс* и слова *ваучер*), *прихватизация* и пр. (см. [Какорина 1996]).

Малоисследованным в современной социолингвистике остается язык частной переписки, дневниковых записей "среднестатистических" носителей языка (не писателей, не политиков, не общественных деятелей и др.). Между тем он представляет особый интерес как с точки зрения социального своеобразия речевых форм в определенной человеческой среде, так и с точки зрения новых

тенденций, "точек роста", которые обнаруживаются раньше всего в речи, не скованной нормативными рекомендациями и запретами. В этом отношении примечателен жанр "наивного письма", воплощенный, например, в публикации писем и повседневных записок малограмотной женщины Е. Г. Киселевой, которая «пишет, как слышит, с массой "ошибок", не подозревая, как надо» [Козлова, Сандомирская 1996]. Лингвистическая и культурная ценность этого издания в том, что публикаторы сохранили все особенности текстов Е. Г. Киселевой, не подвергая их правке и "переводу" на литературный язык.

Социолингвисту интересен именно оригинальный, не тронутый литературной правкой текст, принадлежащий обычному, "не отягощенному" филологическим образованием человеку. Такой текст дает представление о подлинном функционировании языка в той или иной социальной среде. Однако частные письма, бытовые записки и заметки ("для себя" или для членов семьи) и другие тексты личной сферы человека труднодоступны для анализа: эти тексты мало кто сохраняет, а сохранив, неохотно раскрывает перед посторонним человеком (а именно таким посторонним и является исследователь) перипетии личных отношений и мелочи семейной жизни.

Первичные источники не обязательно бывают письменными. Важные сведения об эволюции фонетической нормы можно получить из документальной фиксации звучащей речи. Сейчас с экрана телевизора довольно часто звучат хроникальные записи 1930-х годов. На слух современного носителя русского литературного произношения многое в них выглядит странно – например, сохранение неударного [о] в тех заимствованиях, которые сейчас кажутся давно освоенными (типа *м[о]дэль*). Такой материал еще мало освоен историками литературной нормы. Из фоноархивов можно получить данные и об относительно непринужденной речи – как современной, так и недавнего прошлого (интервью и другого рода документальные записи).

Полезная для социолингвистических исследований информация содержится не только в первичных документах, но и в материалах переписей, различных справочниках, научных работах предшественников. Среди неопубликованных архивных материалов можно найти фактические данные, полученные в ходе различного рода опросов – как прошлых, так и современных; в последние годы стал возможен доступ к их электронным версиям. Повторное вовлечение подобных сведений в научный оборот может быть полезным при решении многих социолингвистических задач. Основной проблемой при таком вторичном анализе документов является их достоверность.

Говоря о достоверности данных, социологи противопоставляют их *надежность* (reliability) и *валидность* (validity). Надежность определяется соответствием повторных измерений исходным. Валидность же – это степень соответствия измеренного тому, что предполагалось измерить. Выше много говорилось о том, что респондент может неправильно понимать вопрос и даже намеренно искажать информацию; повторный опрос может дать результаты, идентичные полученным ранее, – следовательно, данные надежны, но их валидность может оказаться сомнительной. Оценка валидности собственных результатов лежит на совести исследователя, но при методической безграмотности он мо-

жет добросовестно заблуждаться, как, вероятно, обстоит дело с организаторами последней советской переписи, обнаружившими 324 человека, для которых родным является давно мертвый чуванский язык (см. разд. 3.3).

К решению вопроса о достоверности при вторичном документальном анализе следует подходить со всей тщательностью. При использовании чужих материалов исследователю легко ошибиться в определении того, что реально измерялось предшественниками. Классическим примером неверной интерпретации является использование социолингвистами данных переписей СССР при определении уровня двуязычия. Начиная с 1970 г. в переписном листе опрашиваемый наряду с *родным языком* должен был указать *другой язык народов СССР, которым свободно владеет*. Разработка этого вопроса ведется по русскому языку, этническому языку опрашиваемого (если он указал родным не этнический язык), а в национальных автономиях также по титульному языку. Полученные данные вполне валидны в отношении заданного вопроса, но, как много раз указывалось выше, они заметно занижают степень двуязычия, поскольку предлагается указать лишь один язык, при этом собственный этнический язык часто указать нельзя (например, немцам, полякам, болгарам, поскольку их языки не входят в число "языков народов СССР").

Любые статистические материалы предшественников следует специально анализировать на предмет их валидности для данного исследования: ведь собирались они для других целей и не всегда так, как этого хотел бы исследователь; поэтому методика предшественников интересует его не менее, чем фактический материал.

К официальной статистике следует подходить с осторожностью не только по причине ее возможной невалидности. Она может отличаться неполнотой и тенденциозностью (например, в ходе межвоенных переписей в Польше этническая принадлежность определялась вероисповеданием и всякий католик считался поляком). О "подводных камнях" отечественной этнодемографической статистики подробнее см. [Беликов 1997].

5.5. МАССОВЫЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ ГОВОРЯЩИХ

Некоторые из описанных выше методов и приемов сбора конкретного языкового материала применяются в массовых обследованиях говорящих. Такие обследования предпринимаются для того, чтобы выяснить, каково реальное функционирование данного языка (или каких-либо его подсистем) в данном обществе. Естественно, это нельзя сделать, опираясь на единичные или случайные наблюдения, – необходим массовый материал, обладающий некоторой статистической надежностью. Однако массовые обследования, как это давно и хорошо известно социологам, сопряжены со многими организационными, финансовыми и методическими трудностями: для работы с сотнями информантов нужен немалый штат сотрудников (которым надо платить деньги), отбор информантов должен осуществляться по определенным критериям, а их обследование с помощью достаточно сложных анкет и объемистых вопросников (по-

добных тем, примеры которых приводились выше) и других методических приемов желательно проводить в присутствии и при разъяснительной помощи специально обученных интервьюеров. Собранный материал нуждается в фильтрации, в частности в выбраковке и отсеивании тех ответов, которые не удовлетворяют заранее сформулированным критериям (ср. ответы на контрольные вопросы в "Вопроснике по произношению", которые рассматривались нами в разд. 5.2.4.), и т. д.

Имея в виду такого рода трудности, исследователи обычно изучают путем массового обследования язык (или языковую подсистему) не во всем объеме, а лишь в некоторых аспектах. Это позволяет в реальные сроки получить достаточно надежный и, главное, представительный материал о функционировании определенной части языкового механизма.

К проведению массовых обследований предъявляется набор требований, касающихся определения лингвистического и социального объектов такого обследования, выбора генеральной совокупности, относительно которой оно осуществляется, формулирования рабочих гипотез, определения объема выборки из генеральной совокупности (а также таких свойств этой выборки, как репрезентативность и достаточность), формы представления полученных данных и критериев оценки их достоверности.

Ниже мы рассмотрим процедуру и технику проведения массовых социолингвистических обследований на одном конкретном примере – массовом обследовании носителей современного русского литературного языка, которое было осуществлено группой московских языковедов под руководством М. В. Панова в 60–70-х годах XX в.

В качестве лингвистического объекта обследования была избрана совокупность вариативных единиц, допускаемых современной русской литературной нормой в области фонетики, акцентологии, морфологии и словообразования, – типа [шы]гí/ [ша]ги, *було[шн]ая / було[чк]ая, до[ш̄'] / до[шт']*, е[ж']у / [ж̄]у; *в реках / в реках, ведомостей / ведомостей, крейсера / крейсера, директора / директора; каплет / каплет, сохнул / сох, (кусочек) сахара / сахара, в меду / в мёде; заморозка / замораживание, горьковец / горьковчанин, (Она) билетёр / билетёрша, парикмахер / парикмахерша* и т. п.⁸⁸

Социальным объектом обследования явились носители современного русского языка, удовлетворяющие следующим трем критериям:

- 1) русский язык является для них родным;
- 2) они имеют высшее или среднее образование, полученное в учебных заведениях с преподаванием всех предметов на русском языке;
- 3) они являются жителями городов. Организаторы данного массового обследования сочли, что совокупность людей, обладающих одновременно всеми тремя признаками, близка к понятию "носители русского литературного языка" (в отличие от носителей просторечия или носителей диалектов); обосновано

⁸⁸ Достаточно представительный список подобных вариантов можно извлечь из уже неоднократно упоминавшегося "Вопросника по произношению" и других сходных [Вопросник... 1963а; Вопросник... 1963б].

вание этого приближения мы опускаем и отсылаем читателя к книге [Русский... 1974: 17 и след.], материалы которой используются в данном разделе.

Указанная совокупность носителей русского литературного языка неоднородна в социальном, возрастном, территориальном и некоторых других отношениях: в ней есть представители интеллигенции и рабочих, старики и молодежь, жители Севера и Подмосковья, Костромы и Калуги и т. д. Все эти и другие неязыковые различия между говорящими для удобства будем называть социальными признаками, при этом отдавая себе отчет в том, что такое понимание социального весьма широко, включая культурные, территориальные и биологические (возраст) характеристики членов общества.

Какие социальные признаки существенны в языковом отношении? Иначе: какие социальные характеристики говорящего накладывают отпечаток на его речь и тем самым отличают ее от речи других лиц, которые являются носителями иных социальных признаков?

Ответ на этот вопрос можно получить, лишь проведя социолингвистическое исследование данной совокупности говорящих. Однако, приступая к нему, следует сделать предположение относительно того, какие социальные признаки могут влиять на количественное соотношение языковых вариантов. Необходимо дать перечень этих (гипотетически существенных) признаков.

Роль теоретически обоснованной гипотезы важна в каждом экспериментальном исследовании: цель последнего состоит лишь в проверке того, что заранее представляется ученому интуитивно верным и не противоречит теоретическим установкам (или, напротив, противоречит им и потому нуждается в экспериментальных доказательствах).

В социологических, и в частности социально-лингвистических, работах значение гипотезы особенно велико, так как социальные объекты принадлежат к наиболее сложным, вследствие чего комплекс причин, обуславливающих то или иное явление, может не во всех своих частях поддаваться полному учету.

"Если рассматривать процесс социологического исследования в целом, – пишет один из ведущих отечественных социологов В. А. Ядов, – то главным методологическим инструментом, организующим и подчиняющим его внутренней логике, является гипотеза. Социологическая гипотеза определяется как логически обоснованное предположение о характере и сущности связей между изучаемыми социальными явлениями и факторами, их детерминирующими" [Ядов 1967: 15].

Иногда, особенно в комплексных социологических исследованиях, выдвигается несколько самостоятельных или взаимно дополняющих друг друга гипотез, которые в результате эксперимента либо подтверждаются, либо отвергаются. Но нередко экспериментальная работа бывает направлена на проверку какой-либо одной общей гипотезы, которая может подразделяться на ряд частных. В том массовом социолингвистическом обследовании, материалы которого мы используем в качестве иллюстративных примеров, дело обстояло именно таким образом. Общей была гипотеза, которая может быть сформулирована так: использование языковых вариантов зависит от социальных характеристик носителей языка.

Эта общая гипотеза распадается на ряд частных, из которых одни предполагают наличие зависимости между социальным признаком и распределением языковых вариантов, а другие определяют характер этой зависимости. Более конкретно: выбор того или иного языкового варианта зависит от следующих социальных признаков говорящих: возраста, уровня образования, социального положения, места, где прошло детство, места наиболее длительного жительства и др.

Впервые этот перечень "лингвистически значимых" (по предположению) социальных признаков был предложен М. В. Пановым. Экспериментальный материал полностью подтвердил сформулированную в качестве гипотезы зависимость и, кроме того, позволил судить о разной степени, в которой те или иные социальные признаки влияют на выбор языковых вариантов.

Перечень методов, применяемых в синхронической социалингвистике, их набор, разумеется, не исчерпывается теми, о которых речь шла в данном разделе. В каждом конкретном случае, приступая к решению той или иной задачи, связанной с массовыми обследованиями носителей языка, социалингвист должен определить, какими из имеющихся методик сбора, систематизации и интерпретации материала он воспользуется. При этом решающее значение имеет правильная постановка задачи и аккуратность в проведении экспериментов.

5.6. СООТНОШЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЙ И МЕТОДОВ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рассмотренные выше методы сбора информации находят неодинаковое применение в различных направлениях социалингвистических исследований, о которых мы говорили в главе 4. Метод включенного наблюдения незаменим при решении многих задач микросоциалингвистики и, напротив, малоэффективен для достижения достоверных макросоциалингвистических результатов — здесь нельзя обойтись без массовых опросов. Наблюдение и анкетирование тяготеют к синхронической социалингвистике, анализ письменных источников — к диахронической. Однако в каком бы направлении ни работал социалингвист, он стремится по возможности совмещать различные методические приемы для достижения оптимального результата.

Исследователи, занимающиеся диахроническими проблемами, находятся в сложном положении: в идеале они могли бы опираться на комплекс разновременных социалингвистических работ, но диахронические исследования в социалингвистике начались относительно недавно и не всегда сопоставимы между собой. В связи с этим в социалингвистике продолжают преобладать синхронические исследования, т. е. изучение связей и зависимостей между актуальными, происходящими на наших глазах языковыми и социальными процессами. Поскольку именно на синхронном материале в основном развиваются и уточняются методические приемы исследования, главным образом о них и шла речь в предыдущих разделах этой главы.

Остановимся теперь на методических особенностях диахронической со-

циолингвистики. К собственно диахроническим методам относятся сравнительные временные исследования. Социологи подразделяют их на панельные и трендовые.

При панельных (иначе: лонгитюдных) исследованиях с определенным временным интервалом изучаются одни и те же объекты; они дают наиболее точные данные о динамике процессов. Этот метод более приемлем для микро-социолингвистических работ, поскольку при временном разрыве гораздо проще работать с ограниченной генеральной совокупностью, чем повторно возвращаться к использовавшейся ранее выборке. Но в любом случае потенциальные испытуемые могут сменить местожительство, отказаться от повторных обследований или, при выборочном обследовании, утратить репрезентативность, поскольку на них воздействует само исследование.

Несколько большее применение в социолингвистике находят трендовые исследования, когда в двух разнесенных по времени обследованиях изучаются различные, но обладающие идентичными наборами социальных характеристик индивиды. Разделенные этапы панельных и трендовых исследований особой специфики не имеют.

Итак, методический арсенал диахронической социолингвистики ограничен по сравнению с таковым социолингвистики синхронической. Диахронисту не удастся реально наблюдать за речевым поведением людей. Мы не можем слышать, что и как говорили наши предки, жившие в прошлом веке или еще раньше, а, скажем, метод устного интервью нельзя применить даже к информантам и более близкого к нынешнему дню времени⁸⁹.

Правда, с изобретением магнитофона, с развитием звукозаписывающей техники вообще появилась возможность одновременных наблюдений за речью одних и тех же носителей языка. Трудность таких наблюдений очевидна. Поскольку язык изменяется медленно, заметить те или иные перемены в нем можно лишь на достаточно значительных временных отрезках – не менее чем в два-три десятилетия (а для некоторых языковых изменений – например, в грамматике – и на гораздо больших). В условиях высокой социальной мобильности, которая характерна в XX в. для населения большинства стран, стабильное положение какой-либо группы говорящих на той или иной территории и в той или иной социальной иерархии на протяжении десятилетий – явление чрезвычайно редкое. И всё же (по крайней мере теоретически) диахроническая социолингвистика в состоянии получить путем наблюдения данные, характеризующие речь одних и тех же групп говорящих на разных этапах существования этих групп в структуре данного общества.

Более доступной непосредственному наблюдению является речь разных поколений людей, образующих то или иное языковое сообщество. Сравнение речи стариков и молодежи дает некоторое представление о движении системы

⁸⁹ Конечно, для определенных диахронических задач, не связанных с анализом вариативности речевых произведений, можно получить данные из современных опросов: опора на мнение информантов позволила в ходе подготовки упоминавшегося "Словаря сленга хиппи" условно соотнести время появления каждой из словарных единиц с пятилетними периодами (1970–1974, 1975–1979, 1980–1984, 1985–1989) [Рожанский 1992: 6]. Но не при каждой задаче можно рассчитывать на получение аналогичной информации.

языка во времени.

Метод сравнения данных, характеризующих использование одних и тех же языковых единиц разными поколениями того или иного языкового сообщества, издавна применяется в диалектологии. И опытом диалектологов не преминули воспользоваться социолингвисты. Например, в упомянутой выше работе У. Лабова централизация дифтонга /aw/ служит иллюстрацией при описании механизма языковых изменений. Наиболее пожилые его информанты 1961 г. относились к той же социальной группе, что и те, кто обследовался в ходе подготовки лингвистического атласа Новой Англии в 1933 г., но тогда средний показатель централизации дифтонга /aw/ составил 0,06, а в 1961 г. у самого "архаичного" 92-летнего информанта он был 0,1 [Лабов 1975а: 209]. В результате Лабов выявил не только межпоколенный фонетический сдвиг, но дал убедительное подтверждение фонетического изменения у отдельных индивидов за 30 лет. Это один из немногих примеров трендового исследования в социолингвистике. В Нью-Йорке ему пришлось довольствоваться синхронным межпоколенным исследованием, поскольку там, как он указывает, "информанты Атласа не подбирались достаточно систематически, чтобы эти данные можно было сопоставлять с нашими данными 1963 г." [Там же: 213].

В работах, посвященных вытеснению старомосковской произносительной нормы новыми фонетическими образцами, также сопоставляются данные, относящиеся к старшему поколению москвичей и к представителям более молодых поколений, на основании чего делаются выводы об изменениях в речевой реализации ряда фонем и фонемных сочетаний.

В обоих приведенных примерах речь идет о сравнительно небольших периодах времени – нескольких десятилетиях. Если же изучаются социально обусловленные изменения в языке на более протяженных по времени отрезках его эволюции, основным доступным методом становится анализ письменных источников. Этот испытанный путь, которым лингвистика следует от самых своих истоков до настоящего времени, привел к значительным результатам в области исторической грамматики и лексикологии. Но можно ли по письменным источникам установить, как говорили наши предки, как они произносили те или иные звуки и звукосочетания? Ведь давно и хорошо известно, что в таких языках, как русский, английский, французский, письмо далеко не всегда точно передает произносительную форму слова. Поэтому если и анализировать тексты прошлого с целью выяснить особенности отраженной в них устной речи, делать это надо с большой осторожностью, соблюдая определенные правила такого анализа.

Это и сделал в книге "История русского литературного произношения XVIII-XX вв." М. В. Панов (см. [Панов 1990]). Привлекаемые им для исследования тексты – стихи (а в стихах рифма и ритм – важные показатели произношения), драматические произведения, свидетельства современников о той или иной манере говорить, деловые и личные письма, бытовые записки и т. п. – изучены им на широком культурно-историческом и социальном фоне. Это позволило автору не только в деталях восстановить конкретную историю русского литературного произношения, вскрыв при этом и внутренние, собственно

языковые, и внешние, социальные по своей природе причины эволюции фонетической системы, но и дать галерею *фонетических портретов*⁹⁰ наиболее ярких по языковым их качествам деятелей культуры, политиков, писателей, артистов, ученых. В этой галерее портреты деятелей XVIII в. – например, Петра I или Ломоносова – так же выпуклы и осязаемы (по совокупности составляющих их фонетических черт), как и портреты наших современников, например А. А. Вознесенского или А. А. Реформатского. М. В. Панов доказал: и письменные источники могут быть надежным свидетельством изменений в устной, звучащей речи.

Изучая тексты прошлого с учетом тех социальных условий, в которых эти тексты создавались, исследователи пытаются восстановить картину ушедшей языковой жизни общества, реконструировать ее.

Метод реконструкции давно известен в сравнительно-историческом языкознании, в исследованиях по этимологии. В диахронической социолингвистике объектом его применения чаще всего становится функциональная парадигма языка, т. е. совокупность разных форм его существования на том или ином этапе эволюции. Изучая функциональную парадигму конкретного языка, исследователь принимает во внимание "1) информацию об исторической и культурно-исторической ситуации отдельного периода (внеязыковые данные); 2) суждения современников о языке своей эпохи (косвенные лингвистические данные); 3) совокупность имеющихся для данного периода письменных памятников, включая сведения о создании, назначении и реальном использовании разных типов текстов (прямые лингвистические данные в сочетании с косвенными)" [Семенов 1985: 158].

Одновременно высказываются резонные соображения об ограниченных возможностях метода реконструкции: "Реконструкция функциональной парадигмы языка всегда является центральным звеном в характеристике языковой ситуации, которая в целом воссоздается в широком культурно-историческом контексте. При этом реконструировать, видимо, возможно лишь основные типы функциональных парадигм, представленных в разных исторических и социальных ситуациях: отдельные детали в соотношении разных функциональных страт и их развернутые структурные характеристики чаще всего остаются недоступными исследователю" [Там же: 168].

По отношению к такому состоянию языка и общества, которое не очень значительно отдалено от современного их состояния, эффективен метод сравнительного анализа разных синхронных срезов. Такой анализ позволяет выявить новшества, появившиеся в языке в ходе его развития, и тенденции языковых изменений, причинами которых могут быть как внутренние, так и внешние, социальные стимулы языковой эволюции. Условием наиболее успешного применения метода сопоставления синхронных срезов является наличие текстов на

⁹⁰ Идея фонетического портрета носителя языка получила дальнейшее развитие в ряде лингвистических и социолингвистических работ. Понятие портрета стало рассматриваться более широко: он основывается не только на фонетических чертах человека, но и на других особенностях его речи – словоупотреблении, синтаксисе, особенностях речевого поведения и т. п. (см. об этом – [Ерофеева 1990; Земская 1990; Крысин 1994; Николаева 1991] и др).

данном языке, относящихся к каждому из срезов, и соответствующих лингвистических описаний как самих текстов, так и языковых ситуаций, в которых они создавались.

Примером последовательного описания разных синхронных срезов, характеризующих состояние японского языка на разных этапах его эволюции в XX столетии, может служить проведенное японскими лингвистами массовое обследование говорящих по-японски в 1950 и 1971-1972 гг. При сопоставлении двух синхронных срезов в японских диалектах были обнаружены изменения в их фонологических и отчасти лексических системах (при относительной стабильности морфологии и акцентуации), а также сделан вывод об эволюции чистого диалекта к полудиалекту, в котором совмещены черты диалектной морфологии и акцентуации с литературной фонетикой и диалектно-литературной лексикой [Алпатов 1985: 87-88].

Итак, в методике и методологии исследования языка с позиций диахронической социолингвистики многое заимствуется из других направлений языкознания. Это, во-первых, означает органическую связь диахронической социолингвистики с прочими языковедческими дисциплинами, в первую очередь историческими, а во-вторых, свидетельствует о молодости этого направления науки: собственные методы и приемы исследования еще предстоит разработать.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКА СРЕДИ ДРУГИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

В начале нашей книги мы уже касались взаимоотношений социолингвистики и "чистой" лингвистики, изучающей внутрискруктурные отношения и процессы в языке. Очевидно, что социолингвистику нельзя рассматривать лишь в качестве такого направления исследований, которое только добавляет социальный компонент в собственно лингвистическую интерпретацию языковых явлений. В нашем учебнике мы пытались показать, как взаимодействуют социальные и структурные факторы при реальном функционировании языка. С одной стороны, взаимодействие внутренних закономерностей языкового развития и функционирования с социальными факторами может приводить к изменениям в механизмах действия этих закономерностей. С другой стороны, на некоторых участках (например, в грамматике) система языка настолько самодостаточна и внутренне устойчива, что оказывается почти непроницаемой для социальных воздействий. И как бы ни старались мы "добавить" социальный компонент в характеристику внутрискруктурных свойств, скажем, русского глагола или эргативных конструкций кавказских языков, социолингвистического описания из этого не получится. Внутренняя структура языка – объект собственно лингвистического исследования. А социолингвистика ориентирована на функциональную сторону языка, на его использование в разной социальной среде и многообразных коммуникативных ситуациях.

Социолингвистика находится в определенных отношениях с другими направлениями лингвистики – как традиционными (например, с диалектологией, фонетикой), так и новыми (например, с психолингвистикой, теорией речевых актов).

У диалектологов социолингвисты заимствовали многие методы и приемы наблюдения за спонтанной речью информантов, способы "разговорить" собеседника, спровоцировать его на употребление нужных исследователю языковых фактов. Сам термин *информант* – человек, речь и языковое самосознание которого как представителя определенной социальной среды изучает исследователь, – пришел в социолингвистику, а также в другие эмпирические отрасли языкознания из диалектологии (в социологии информантов называют *респондентами*, и в нашем тексте мы также использовали этот термин).

Имея в виду исследование "городских" языковых образований – койне, просторечия, жаргонов, Е. Д. Поливанов писал о необходимости создания социальной диалектологии (наряду с традиционной диалектологией, которая занимается сельскими говорами). В пионерских работах Б. А. Ларина, давших толчок изучению языка города [Ларин 1928, 1931], многие идеи шли из диалектологии, поскольку и в том и в другом случае изучается устная ненормированная речь методами, предполагающими систематическое наблюдение за этой речью и непосредственный контакт между исследователем и информантом.

Влияние диалектологии испытала на себе социалингвистика и в других национальных условиях – например, в США, Германии, Франции, Венгрии, Чехословакии, в странах Африки и Юго-Восточной Азии и в других регионах мира.

На современном этапе своего развития социалингвистика не только заимствует идеи и методы у диалектологии, но и сама влияет на эту языковедческую дисциплину. Это касается, например, более детальной, чем было раньше, социальной паспортизации информантов (т. е. фиксации не только их возраста и пола, но и других долговременных ролевых характеристик), учета ситуативных условий, в которых получены те или иные наблюдения за диалектной речью, методов применения звукозаписывающей техники.

Особые отношения складываются у социалингвистики с фонетикой. Как известно, первые социалингвистические исследования были выполнены на фонетическом материале (см. работы У. Лабова, М. В. Панова и др.). Многие теоретические положения современной социалингвистики, касающиеся социальной обусловленности языковых изменений, влияния социальных факторов на вариативность языка и т. п., были сформулированы на основе тщательного анализа именно социально-фонетических связей и зависимостей. Результатом тесного сотрудничества социалингвистов и фонетистов стало формирование особой отрасли в изучении фонетических явлений – социофонетики (раздел под таким названием появился уже в некоторых учебниках - см., например [Панов 1979]).

Несомненны связи социалингвистики с лексикологией и семантикой, поскольку лексическая система языка наиболее чутко реагирует на изменения в социальной жизни и отражает в себе дифференциацию общества на группы (например, в виде лексических и лексико-семантических жаргонизмов и других социально маркированных разрядов слов). Социальное может влиять на семантику слова столь глубоко, что, как мы выяснили в разд. 2.7, социальные компоненты и ограничения можно обнаружить в структуре лексического значения и в правилах семантической сочетаемости слов. Изучением таких явлений занимается социосемантика – направление, возникшее на стыке социалингвистики и семантики (раздел под таким названием также уже включается в некоторые учебники: см. [Крысин 1997]).

Психолингвистика - еще одна отрасль языкознания, с которой у социалингвистики есть точки соприкосновения. Эти научные дисциплины – почти ровесницы: специалисты считают 1954 г. годом появления самого термина *психолингвистика*, хотя идеи, относящиеся к проблеме "язык и мышление", высказывались значительно раньше (см. об этом [Леонтьев 1990]).

Основное различие между психолингвистикой и социалингвистикой заключается в том, что первая изучает речевую деятельность человека в ее обусловленности психическими процессами, а вторую интересуют социальные различия в функционировании и развитии языка. Но эти науки сходны по методам сбора данных (наблюдение, эксперимент, анкетирование и др.), по приемам работы с информантами, а также и по некоторым исследовательским интересам. Психолингвисты, например, изучают механизмы кодового переключения,

в которых их интересуют прежде всего психологические причины, побуждающие говорящего переходить с одной коммуникативной системы на другую. К магистральным направлениям психолингвистических исследований относятся языковая социализация и процессы усвоения ребенком родного языка. Для социолингвистики это тоже объект анализа – с акцентом на его социальные стороны.

В решении некоторых своих задач социолингвистика пересекается с этнолингвистикой, которая "изучает язык в его отношении к культуре, взаимодействие языковых этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и развитии языка" [Кузнецов 1990: 597]. Например, проблемы двуязычия и многоязычия, которые традиционно считаются объектом социолингвистических исследований, нередко требуют комплексного подхода, учитывающего не только языковые и социальные факторы, но и особенности культуры данного народа, национальную специфику языковой картины мира, этнически обусловленные стереотипы речевого поведения и т. п.

При изучении культуры того или иного народа, получающей отражение в обычаях и традициях, в разнообразных жанрах фольклора, этнолингвистика анализирует языковую сторону этих культурных феноменов, стремясь через язык дойти до их истоков. Таковы, например, исследования академика Н. И. Толстого и его учеников в области славянских языков и народной славянской культуры. При этом используются как собственно лингвистические, так и социолингвистические методы, поскольку здесь необходима работа не только с текстами, но и с информантами - носителями этнокультурных традиций, представляющими разные социальные слои изучаемого народа.

1.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ И СССР

1. СТАНОВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

1.1. НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП

Достоверных сведений о языковой ситуации в начальный период русской истории немного. Летопись сообщает о славянских племенах, живших "на пути из варяг в греки" в непосредственном соседстве с финнами и балтами. При этом если финны размещались на севере и востоке от восточных славян, то балты (голядь) в это время, по топонимическим данным, занимали территорию вплоть до р. Протвы на границе современных Московской и Калужской областей – т. е. территория обитания славян перекрывала территорию балтов. Характерно, что, по легенде, инициаторами призвания варяжских князей были ильменские словене вместе с финнами, и брат Рюрика Синеус поселился на Бело-озере среди финских племен, чуди и веси. Вскоре на исторической сцене появляются и другие финны – мещера и мурома. На средней и нижней Волге локализуются в это время тюрки – булгары и хазары; последним южная часть восточнославянских племен (северяне, поляне, радимичи) платила дань. По причерноморским степям тогда и позже постоянно проходят печенеги, торки, берендеи, половцы, частично оседая на южной периферии восточнославянской территории. В крупных городских поселениях среди купцов, пленников, добровольно переселившихся из других стран ремесленников бывали представители самых разных этнических групп.

Какими языками обслуживались многочисленные межэтнические контакты? Если говорить о княжеском дворе, то в первое время он неминуемо должен был быть двуязычным: среди законных жен князя Владимира была норвежка по происхождению – Рогнеда-Рагнхильд (в замужестве она была переименована в Гориславу). Сам он перед вокняжением три года провел в Норвегии, откуда вернулся с варяжской дружиной, благодаря которой и захватил власть. Его сын Ярослав Мудрый был женат на Ингегерде Олафсдоттир, дочери шведского короля. Своего брата Святополка Окаянного Владимир сверг при помощи шведско-новгородской дружины. Для военных походов он регулярно набирал дружину то в Швеции, то в Норвегии.

С 60-х годов XI в. постоянное присутствие варяжских дружин прекращается, тесные династические связи с западом (теперь в основном с Польшей, Чехией, Венгрией) продолжают, несмотря на предубеждение высших церковных иерархов против связей с "латинянами".

Впрочем, исполнять супружеские обязанности могут и монолингвы; также нет необходимости знать языки тех, с кем воюешь. Но всегда ли правители владели языком своих подданных? Вопрос не праздный, поскольку в Новгород-

ских землях, в Ростовско-Суздальском, Муромском, Ярославском и других северо-восточных княжествах финское население в XI–XII вв., безусловно, преобладало. Процесс русификации рядовых граждан шел достаточно медленно и без особых конфликтов, если не считать сопротивления христианизации, но язычество было сильно еще и в славянском населении.

Очевидно, было достаточно распространено и знание языка тюрков, поскольку степняки постоянно оказывались союзниками русских князей в постоянных междоусобицах, брачные связи с ними у княжеской верхушки также носили регулярный характер.

Для большинства всё возрастающего (за счет славянизации финнов и отчасти балтов) населения восточнославянских княжеств родным языком служили древнерусские диалекты. В качестве письменных языков использовались два: древнерусский (с небольшими региональными различиями) и церковнославянский (местная редакция старославянского языка, на которой региональные различия начинают сказываться позже и поначалу не очень значительно). Как показал Б. А. Успенский [Успенский 1987], эти языки с самого начала находились в диглоссном распределении.

1.2. Языковая ситуация в XIII–XVII вв.

XIII в. заложил основы языковой ситуации в Восточной Европе на последующие столетия. Владимиро-Суздальская и Рязанская земли попадают в зависимость от Золотой Орды⁹¹. Киев и другие южные княжества после разгрома их монгольскими войсками надолго утратили свое значение. Галицко-Волынские земли попадают в орбиту западного влияния, для Полоцка и Смоленска наиболее актуальными становятся взаимоотношения с Литвой, которой они позже и уступают. Новгородская республика надолго сосредоточивается на противостоянии Ливонскому ордену и шведам, а также на упрочении своего контроля среди финских народов на севере и северо-востоке; в конце XV в. Новгород подчиняется уже сильной тогда Москве.

Параллельно Москве усиливалось еще одно восточнославянское по языку государство – Великое княжество Литовское. Оно зародилось на территории современной Литвы в XII в. и первоначально охватывало балтийские племена литву, жмудь и, частично, ятвягов. Территория Литовского княжества расширялась за счет соседних восточнославянских княжеств, сильны были и династические связи с Рюриковичами. Языком княжеского двора стал древнерусский, на нем создавались все официальные документы; происходила и частичная языковая ассимиляция рядового сельского населения в районе столицы княжества – Вильны. Христианство Литва приняла в XIV в. в католическом варианте, после чего особенно интенсивными стали ее контакты с Польшей. Когда в 1386 г. литовский князь Ягайло был избран польским королем, земли княжества занимали весь запад восточнославянской территории от Полоцка и верховьев

⁹¹ Большая часть населения земель, непосредственно входивших в Золотую Орду, с самого ее возникновения говорили на тюркских языках, но официальным языком примерно до 1380 г был монгольский.

Волги на севере до Волыни и Северского Донца на юге.

К этому времени языковая ситуация в Великом княжестве Литовском была довольно сложна. Основная масса населения говорила на восточнославянских диалектах (складывавшихся в украинский и белорусский языки), в значительно меньшей степени на балтийских⁹²; пленные, а частично добровольно переселившиеся крымцы – караимы и татары – говорили на тюркских языках⁹³. В качестве литературного использовался регионально окрашенный древнерусский (часто он называется старобелорусским), но в дальнейшем этот язык уступил официальные функции польскому.

Языками религии были церковно-славянский у православных (позднее также у униатов), латынь у католиков, древнееврейский у караимов, арабский у татар. Эти языки (в первую очередь латынь) были и языками светской образованности. Западнорусский (старобелорусский) язык продолжает сохранять свое значение и в XVII в.; с 1583 г. он даже стал предметом изучения в Виленской иезуитской коллегии.

"В Слуцком списке Статута Великого княжества Литовского сохранились стихи ошмянского шляхтича Яна Казимира Пашкевича (1621), где есть такие строки:

Полска квітнет лациною,
Литва квітнет русчиною"
[Мечковская 1996: 107]

Сейм запрещает использование старобелорусского языка вне обиходной сферы лишь в 1696 г.

Не случайно восточнославянские первопечатники происходят из западных земель: Франциск Скорина родился в Полоцке, работал в Праге (здесь в 1517 г. была выпущена первая печатная церковно-славянская книга, "Псалтырь", затем "Библия руска") и Вильне (где вышла "Малая подорожная книжца"). Ивану Федорову, родившемуся в Польше (во Львове) и здесь же получившему образование, не удалось прижиться в Московском государстве и пришлось продолжать типографскую деятельность на Западе. К XVII в. типографское дело особенно широко распространяется на территории Украины. Крупнейшая типография существовала в Киево-Печерской лавре, где выпускалась не только духовная литература; здесь, например, в 1627 г. был выпущен "Лексіконъ славеноросскш и именъ тълковаше".

Белорусские земли всегда оставались в литовской части объединенного литовско-польского государства, а украинские территории позднее отошли к

⁹² Не случайно первая литовская книга (катехизис) была напечатана в 1547 г в Кенигсберге в Литве того времени литовский язык был (и надолго остался) непрестижным языком плебса (От предшествующего периода имеются лишь отдельные глоссы в русских, польских и латинских текстах)

⁹³ В языковом отношении татары позднее ассимилировались, но для своего нового родного языка (белорусского) продолжали использовать арабскую графику

Польше (1569). Польское дворянство стало получать во владение местные земли, и ранее свободные украинские крестьяне попали в крепостную зависимость. В дальнейшем происходила полонизация высшего сословия не только на Украине, но и на белорусских и собственно литовских территориях, частично она затронула и другие сословия, включая крестьянство. Языковая близость между "московитами" и литвинами допускала свободное взаимопонимание; свободно владела восточнославянским языком полонизовавшаяся шляхта Литвы и, вероятно, значительная часть тех польских магнатов, что получали земли на востоке Речи Посполитой.

После не вполне удачных попыток польско-литовских правителей вывести своих православных подданных из-под юрисдикции Московского митрополита в 1596 г. вводится религиозная уния (официальное подчинение местного православного духовенства папе римскому)⁹⁴. Центром борьбы с польской экспансией и насаждавшимся поляками католицизмом стало Запорожье, где жили казаки. Покорение украинцев в новых "польских" землях идет с переменным успехом; в результате постоянных военных стычек часть населения была вынуждена переселяться в пределы России, сначала в почти не заселенные прежде земли Слободской Украины (современные Харьковская, Сумская, Белгородская обл.), позднее на левый берег Днепра. Когда (уже в Петровские времена, в 1714 г.) Польша в очередной раз устанавливает контроль на Правобережной Украине, сельское население было здесь очень редким, и получившее земли польское дворянство приглашает колонистов с Запада. В это время на Украине впервые появляются польские и немецкие поселения.

В Московском государстве до покорения Казани мно-гонациональность остается незаметной, хотя в повседневном обиходе используется, естественно, не только русский язык. Несистематическую письменную фиксацию получает карельский язык (от XIII в. сохранилась новгородская берестяная грамота на карельском, есть и немногочисленные позднейшие записи); в ХГУ–ХVТІ вв. очень ограниченно создавалась богослужебная литература для коми на древнепермском языке (оригинальная графика была изобретена миссионером св. Стефаном Пермским). С присоединением Казанского ханства языковая картина в России существенно изменяется: среди подданных Казани были не только татары, но и мордва, чуваша, черемисы (марийцы), вотяки (удмурты), башкиры. Все они находились под существенным языковым влиянием татар, а сами татары располагали вполне значительной по тем временам письменной традицией.

Казанские татары и их бывшие подданные медленно инкорпорируются в общегосударственную жизнь. Общение русских властей с местными жителями обычно идет через толмачей. Крестятся немногие и обычно лишь формально;

⁹⁴ Первоначально украинское и белорусское население активно сопротивлялось унии. Однако униатское вероисповедание отличалось как от польского католицизма, так и от русского православия, поэтому позднее под властью Польши и России (а затем СССР) многие стали воспринимать унию как важный элемент этнической идентичности. На территориях, вошедших в состав России в XVIII в., уния была упразднена еще в 1839 г., а на Западной Украине лишь в 1946 г. Последний акт был воспринят как антиукраинское мероприятие, и униатская церковь на Западной Украине продолжала существовать в полуподпольных условиях вплоть до демократических преобразований перестройки.

достаточно упомянуть, что в отсутствие толмача при проведении предсмертной исповеди священникам предписывалось объясняться "через приличные к тому знаки" [Розенберг 1989: 37]. Хотя в Среднем Поволжье и Приуралье постоянно увеличивается русское население, для аборигенов региона татарский остается основным языком межэтнического общения вплоть до XX в.

Посольский приказ и в XVII в. имел переводчиков (письменных) и толмачей (устных) с татарского языка⁹⁵, но они использовались в первую очередь для общения с еще враждовавшими с Россией крымцами. (Отдельные переводчики имелись также для "турского" (турецкого), а толмачи также для ногайского и хивинского языков.)

После покорения Сибирского ханства восточными соседями России вплоть до Тихого океана оказались многочисленные небольшие этнические группы, не имевшие государственного устройства. В результате сразу же началась быстрая русская экспансия на восток. Первоначальной целью проникновения русских в Сибирь был сбор ясака, более серьезное хозяйственное освоение началось позднее. Однако для закрепления территорий за собой русские строили укрепленные остроги, позднее ставшие городами. Эти остроги отмечали два направления русской экспансии. На юге возникли Тюмень (1585), Тобольск (1587), Томск (1604), Кузнецк (1618), Красноярск (1628), Чита и Нерчинск (1653); на севере – Березово (1592), Обдорск (Салехард) (1595), Туруханск (1607), Якутск (1632), Охотск (1647).

Параллельно идет строительство крепостей по южной границе новых владений на Урале и в Сибири. В начале XVII в. здесь появляются калмыки – последний народ, в массовом количестве прокочевавший по евразийской степи. Калмыки впервые вступили в контакт с русскими, пройдя из восточной Монголии через земли современного Казахстана. В 1608 г. они направили посольство в Москву и, получив разрешение продвигаться на запад вдоль южных русских рубежей Сибири, к середине XVII в. оказались в междуречье Нижней Волги и Дона. В 1664 г. здесь было образовано кочевое Калмыцкое ханство под покровительством России. (Значительная часть калмыков позднее мигрировала обратно в Сынцзян и Монголию.) Калмыки были ламаистами и пользовались старописьменным монгольским языком.

Таким образом, менее чем через столетие после покорения Поволжья и Приуралья и задолго до "прорубания окна в Европу" не имевшая выхода ни к Балтике, ни к Черному морю Россия оказалась на Тихом океане.

Русские вступили в тесный контакт с народами Северной Азии, в той или иной степени осваивая их языки. Из "инородцев"⁹⁶ лишь немногие и в незначи-

⁹⁵ Эта традиция сохранялась долго в Училище для обучения восточным языкам при Коллегии иностранных дел (основано в 1798 г) наряду с китайским, маньчжурским, арабским, персидским и турецким учили и татарскому

⁹⁶ Слово *инородец* не имело четкого терминологического значения. Поначалу оно использовалось для обозначения любых национально-языковых меньшинств, а также иностранцев, но в XIX в. "культурные" западные народы в число инородцев обычно не включались. Устав об управлении инородцев (1822) касался только нерусского населения Сибири, но все нехристианские народы России продолжали именоваться инородцами. Однако, поскольку религиозная принадлежность в России была несравненно важнее этнической, нехристианские народы чаще собирательно назывались иноверцами (а неправославные – инославными христианами). В категорию инородцев никогда не включались лишь восточные славяне.

тельной степени овладевают русским, в первую очередь "князьцы", которым приходится контактировать со сборщиками ясака. В качестве толмачей чаще всего используются тунгусы, вероятно, в силу их максимального распространения на просторах Сибири – от Енисея до Охотского моря. Немногочисленные русские, навсегда осевшие в Сибири (семейские Забайкалья, рускоустыинцы в низовьях Индигирки, камчадалы и др.), в антропологическом отношении смешиваются с аборигенами, но языком результирующей популяции почти всегда остается русский, испытавший лишь лексическое и фонетическое влияние местных языков. Единственным исключением стало возникновение долган – народности, в формировании которой (в XVIII – начале XIX в.) наряду с отдельными родами тунгусов, якутов, ненцев, энцев принимали участие русские "затундренные крестьяне". Основой долганского языка стал якутский. Впрочем, умение *сахала-рингь* ('говорить по-якутски', от якутского мн. числа *сахалар* 'якуты') было широко распространено среди русских Восточной Сибири.

По более поздним косвенным свидетельствам можно заключить, что русский язык среди аборигенного населения Сибири повсеместно был распространен в пиджинизированной форме. В отдельных районах разновидности такого пиджина дожили до наших дней.

Любопытный контактный язык сложился во времена освоения Русской Америки – так называемый медновский диалект алеутского языка, целиком заимствовавший русское глагольное словоизменение, сохранив именную систему, словарь и фонетику.

1.3. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.

При Петре I в начале XVIII в. к России присоединяются Ижорская земля (Ингерманландия), на территории которой основывается новая столица Российской империи, а также часть Карелии с Выборгом, Эстляндия, Лифляндия.

На Левобережной Украине, имевшей значительную автономию после ее "воссоединения" с Россией в 1654 г., при Екатерине Великой начинает действовать общеимперское законодательство. Была ликвидирована самостоятельность запорожского казачества, сами казаки переселялись на новые земли, в частности в Приазовье, а позднее на Кубань, где в 1860 г. было образовано Кубанское* казачье войско. Таким образом, в Предкавказье оказался большой массив населения, говорящего по-украински.

Во время трех разделов Польши (1772, 1793, 1795) в состав России постепенно включаются все белорусские и большая часть украинских и литовских земель (Галиция по первому разделу оказывается в Австро-Венгрии), Латгалия и Курляндия.

По итогам нескольких войн с Турцией к России отходят северное побережье Черного моря и Крымское ханство, за ней окончательно закрепляется значительная часть Предкавказья. Исключая южный берег Крыма, эти земли, как и давно оказавшиеся в составе России Среднее Поволжье и юг Западной Сибири, почти не имели оседлого населения и осваивались во многом за счет

иммигрантов⁹⁷.

В самом начале XIX в., с присоединением Финляндии (1809), Бессарабии (1812), собственно Польши (1815), надолго стабилизируется западная граница. На юге в российское подданство вступает Восточная Грузия; в результате серии войн с Ираном и Турцией в состав России входят значительные районы Закавказья; идет медленное покорение Северного Кавказа (завершившееся лишь в 1862 г.).

Продолжается российская экспансия в Азии. В российское подданство вступают казахи и киргизы, присоединяется Кокандское ханство (1865), русский протекторат признают Бухара (1868) и Хива (1873); к 1885 г. завершается завоевание Туркмении. Южная граница российских владений в Средней Азии окончательно устанавливается по договору с Великобританией в 1895.

В ходе Опиумной войны западных держав с Китаем Россия получает от него "в знак вечной дружбы" редконаселенные земли по левому берегу Амура (1858) и Приморье (1860). В 1875 г. к России присоединяется Сахалин, до этого находившийся некоторое время в совместном владении с Японией. Наконец, в 1914 г. устанавливается протекторат над Урянхайским краем⁹⁸.

* * *

В доимперский период в русском государстве меняется этническая ситуация, но на характере языковой ситуации это почти не отражается: на окраинах государства в качестве средства повседневного обиходного общения используются местные языки, в значительной мере их выучивают и русские поселенцы. Языковая ассимиляция идет очень медленно. Государство в языковые проблемы не вмешивается. Русское население пользуется диалектами, в центре складывается общеразговорное койне, которое служит основой начинающейся появляться светской литературы. На той же базе функционирует стилистически развивающийся деловой язык. Духовная литература создается на церковно-славянском, на этом же языке ведется богослужение (в том числе и среди крещеных инородцев). В отношении церковно-славянского можно говорить о довольно жестком соблюдении нормы.

Впрочем, местные агиографические памятники нередко создавались с использованием разговорного (или чрезвычайно близкого ему) языка. При последующем редактировании текст эволюционировал в сторону церковно-славянского, что производит на современного читателя впечатление "удревнения" языка. Это прекрасно показал Б. А. Ларин на примере "Жития Михаила Клопского", первая редакция которого, написанная в конце XV в., выглядит куда как более современной последующих; ср. такую трансформацию [Ларин 1977: 167]:

⁹⁷ Иммиграция в Россию начинается после выпуска Екатериной Великой в 1762–1763 гг. серии манифестов, даровавших переселявшимся многочисленные льготы. Первыми поселенцами были обосновавшиеся в Среднем Поволжье немцы. С 1779 г. появляется значительная колония Таврических греков в районе Мариуполя (назван в честь супруги цесаревича, будущего Павла I). С начала XIX в. в Новороссию приглашаются болгары, гагаузы и другие переселенцы-христиане с Балкан, а также немецкие колонисты. Кочевники-ногайцы оказались вынужденными переселиться в малопригодную для земледельческой колонизации восточное Предкавказье и эмигрировать в Добруджу, тогда турецкую.

⁹⁸ После революции – независимая Танну-Туvinская Народная Республика, вошедшая в 1944 г. в СССР на правах автономной области (с 1961 г. – АССР).

1 ред.: *Чему, сынько, имени своего нам не скажешь?*

2 ред.: *Сынок, о чем нам имени своего не кажешь, колика с нами во обители живуще?*

Зред.: *По что, чадо, имени своего не повеси?*

Начиная с Петровских времен в Российской империи появляется все больше подданных, говорящих на языках, имеющих значительную литературную традицию и высокий престиж. Социальная верхушка общества становится многоязычной. Поначалу основным иностранным языком был немецкий в разных его вариантах, а также голландский; но постепенно наряду с немецким выделяется французский, становясь с конца XVIII в. для значительной части образованного общества по существу родным. Роль немецкого также сохраняется. В XVIII в. это основной язык естественно-научных и, отчасти, гуманитарных исследований в России, что не удивительно, поскольку Академия наук поначалу формировалась из немцев (по западноевропейской традиции в качестве языка науки использовалась и латынь). К началу XIX в. знание европейских языков проникает и в средние дворянские слои.

2. ЭТНИЧЕСКАЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

2.1. ЯЗЫК И РЕЛИГИЯ. ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

О целенаправленной языковой политике в отношении национальных меньшинств можно говорить лишь с Петровских времен. В Эстляндии и Лифляндии Петр сохранил существовавшее ранее законодательство, привилегии городов и дворянства. Социолингвистическим следствием было сохранение использования немецкого языка во всех административных сферах, в судопроизводстве, образовании; с присоединением герцогства Курляндского (бывшего ранее польским протекторатом) там распространилась аналогичная практика.

Немецкий язык фактически оставался официальным языком Прибалтики и в первой половине XIX в. Практические нужды привели к появлению с конца XVIII в. учебных пособий по русскому языку для немцев, но обязательным предметом школьного обучения русский язык становится лишь в 1820 г., причем основное внимание уделяется обучению понимания русского письменного текста: согласно требованиям инструкции 1834 г., выпускник гимназии должен был проявлять лишь "отчасти умение говорить" по-русски [Судакова 1972: И]. Местные языки не получали никакого развития, их употребление в школах категорически запрещалось, на провинившихся детей накладывали денежный штраф (по копейке за слово), на шею вешали дощечку с "позорящей" надписью *lettish gesprochen* 'говорил по-латышски' [Там же: 10]⁹⁹. Немецким остается и

99

Первые латышские издания относятся к 1585 и 1586 гг. (лютеранский и католический катехизисы). Несколько ранее появились религиозные публикации на двух эстонских диалектах - тартусском в Лифляндии и ревель-

высшее образование, требование сдачи письменного экзамена по русскому языку для желающих поступить в Дерптский университет появляется лишь в 1845 г. Русский чиновник, служивший в Риге, был поражен атмосферой "ненависти и презрения под оболочкою преданности и льстивых заявлений", существовавшей по отношению ко всему русскому; Николай I реагировал на это положение вполне спокойно, заявив, что следует "любовью и кротостью привлечь к себе немцев" [Национальная... 1997: 54].

Меньше повезло аборигенам Ингерманландии, где среди местных жителей не было дворян, и редкое сельское население в дальнейшем часто оказывалось в окружении русских переселенцев. Собственно финны хотя и стали позже двуязычными, но благодаря развитию в Финляндии литературного языка имели несравненно больше возможностей для поддержания своей языковой идентичности, чем аборигены южного побережья Финского залива - водь и ижора; вплоть до 1930-х годов никаких попыток письменного развития их языков не предпринималось¹⁰⁰.

По отношению к "неразвитым" народам остальных территорий империи Петр и его наследники поначалу проявляют лишь любопытство в духе кунсткамеры, устраивая, например, карнавалы из одетых в национальные костюмы представителей каждого инородческого "племени" или умиляясь языку "малороссов". Первым, кто выказал подлинный интерес к языкам своих подданных, была Екатерина Великая, повелевшая П. С. Палласу собрать материал по всем языкам и наречиям.

Политика признания официального статуса за престижными европейскими языками продолжается и в XIX в. В ходе присоединения Великого княжества Финляндского Александр I "признал за благо" "утвердить и удостоверить религию, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояние сего княжества в особенности и все подданные <...> доселе пользовались" [Национальная... 1997: 72]; он даже увеличил территорию княжества за счет земель, отошедших к России в XVIII в. В автономной Финляндии сохранились шведские законы; имелись собственный законодательный орган (Сейм) и правительство (Сенат). Позднее была введена даже особая денежная единица (1860) и образованы местные войска (1878), подчинявшиеся не военному министру, а генерал-губернатору. Правом на государственную службу в Финляндии до 1912 г. пользовались только выпускники местных учебных заведений. Все официальные функции долго выполнял лишь шведский язык. Интерес к русскому языку здесь был невелик, но пособия по его изучению начинают издаваться и для шведов (с 1814г.), и для финнов (с 1833 г.).

Польша в составе России получила почти столь же широкие права авто-

ском (таллинском) в Эстляндии. Однако письменность на этих языках почти не получает развития до второй половины XIX в.

¹⁰⁰ В середине прошлого века они были довольно многочисленны: на 1848 г. водь насчитывалось 5148 человек, ижорцев – 15 600; ижорцы продолжали наращивать численность до 1897 г. (21,7 тыс. человек), но в XX в. и те и другие быстро ассимилировались. В 1989 г. ижорцев было 820 человек, водь не фиксировалась. Оба языка практически мертвы.

номии. Польский язык сохранил практически все свои функции. Он широко использовался в сфере образования, это был единственный язык не только школы, но и Варшавского университета (в богословии, естественно, нимало не ограничивалось использование латыни). По-польски велось преподавание и в Виленском университете¹⁰¹ до закрытия его после восстания 1830–1831 гг. (Вильна была основным центром польской культуры в России до присоединения собственно Польши; литовский язык как язык образования тогда не использовался.) После восстания в Польше местные учебные заведения перешли в подчинение Министерству народного просвещения и вводилось обязательное обучение русскому языку. Вне Царства Польского преподавание польского языка и издание литературы на нем запрещается¹⁰²; в противовес ему с 1833 г. было разрешено преподавание литовского. В белорусских землях со времени их присоединения функционировали русские школы, как государственные, так и церковные, но до ликвидации церковной унии и запрета на деятельность иезуитского и других монашеских орденов (1839) преобладали католические (орденские) и униатские школы, где обучение шло по-польски.

К середине XIX в. появляется определенное число перешедших в православие латышей и эстонцев. Для них с 1850 г. в каждом приходе учреждались школы, где наряду с родными языками учат русскому и церковно-славянскому, но официальное требование свободного владения русским языком появляется только в 1870 г.

В отношении народов Кавказа языковая политика имела иной характер. Еще до вхождения в состав Российской империи появлялись первые учебники русского языка для грузин (СПб., 1737; Моздок, 1797) и армян (СПб., 1788; Астрахань, 1815), создававшиеся самими кавказцами. Вскоре после присоединения Грузии было организовано Тифлисское благородное училище (1802). Обучение здесь шло на русском языке, армянский, грузинский и азербайджанский (называвшийся тогда татарским) преподавались как предметы; изучение языков Кавказа было обязательным и для русских учащихся. В 1830 г. Тифлисское благородное училище было преобразовано в гимназию с русским языком обучения, где в первом–втором классах допускалось использование местных языков при работе с неуспевающими. Начала создаваться сеть уездных и приходских училищ (к 1848 г. в Закавказье уездных училищ было 21, приходских – 10). По положениям 1835 и 1848 гг. в двух начальных классах уездных училищ обучение велось на местных языках (армянском, грузинском, азербайджанском), русский же преподавался как предмет, а с третьего класса становился языком обучения, но местные языки продолжали изучаться [Судакова 1972: 74].

С появлением учебных пособий на северокавказских языках (адыгейский – 1853 г., кабардинский – 1865 г.) они стали применяться в Ставропольской, Екатеринодарской, Новочеркасской, Ейской гимназиях. Для воспитанников,

¹⁰¹ Так называемая Виленская академия была преобразована в университет в 1803 г

¹⁰² В повседневном обиходе польский язык продолжал широко использоваться в городах Украины и Белоруссии. Прожив там несколько лет, его усваивали даже приезжие русские, как это случилось с Н. С. Лесковым, который служил чиновником в Киеве

содержавшихся за счет казны и Кавказского линейного казачьего войска (включая русских), изучение местных языков было обязательным [Зекох 1979: 160].

Русская администрация не препятствовала официальному использованию языков Кавказа на местном уровне; канцелярия кавказского наместника была укомплектована штатом переводчиков. Наряду с государственными школами, находившимися в ведении Министерства народного просвещения, существовали школы при православных грузинских церквях и монастырях. Армяно-григорианская церковь также сохраняла руководство армянскими школами; во многих церковных школах русский язык преподавался как предмет. В мусульманских районах также функционировали религиозные школы, но здесь основная направленность была на изучение арабского языка и Корана.

В остальных регионах России в XVIII – первой половине XIX в. складывалась достаточно однотипная ситуация: государство мало и лишь от случая к случаю интересуется функционированием языков инородцев и их просвещением. Официальное общение везде ведется на русском языке, при необходимости прибегают к услугам переводчиков. В тех случаях, когда количество потенциальных переводчиков считалось недостаточным, открывались специальные школы: в Иркутске в 1725 г. – Мунгальская школа, где готовили переводчиков с монгольского из числа бурят и русских, в Астрахани в 1802 г. – Калмыцкое начальное училище, куда принимали только русских мальчиков.

Мусульманское и ламаистское духовенство поддерживало минимальный уровень грамотности среди своих приверженцев, а православная церковь не очень успешно пыталась заниматься их христианизацией, в том числе и через школу. В Поволжье и Приуралье функционирует все больше "новокрещенских" школ для мордвы, марийцев, чувашей, удмуртов, башкир, татар. К 1741–1764 гг. относятся первые малоуспешные попытки введения миссионерских школ для калмыков. В отношении инородческого населения Синод в 1804 г. предписывал "в школах и церквях наставление производить на их природном языке дотоле, доколе все их прихожане от мала до велика разуметь будут совершенно российский язык" [цит. по: Судакова 1972: 90]. В 1830 г. повторяется предписание учреждать школы, обучать грамоте, молитвам и начаткам вероучения на родном языке, но недостаток в кадрах и убогая методика обучения не позволяли достичь желаемого.

В Казани организуется инородческая семинария. В государственных начальных школах и открывшейся в 1758 г. Казанской гимназии преподавание ведется исключительно по-русски; ее посещают и немногочисленные иноверцы (татары, башкиры, калмыки, буряты и др.). Правительство проявляет заинтересованность в привлечении их на государственную службу, и в открывшемся в 1824 г. Оренбургском кадетском корпусе организуется Азиатское отделение.

В Сибири и у государства, и у церкви дела идут менее успешно. В Бурятии, например, в противовес ламаистскому образованию в первой половине XIX в. были организованы государственные и миссионерские школы, но из 11 открытых ранее школ к началу 1860-х сохраняются лишь 4.

Попытки просвещения сибирских язычников оказываются совсем пла-

чевными. Миссионерские школы для народов Севера открывались в Тобольске (1702), Мезени (1788), Туруханске (1803) и многих других местах; детей в них отбирали насильно, они бежали в родные места, болели и умирали. На Камчатке, например, в середине XVIII в. было открыто 14 школ, к 1783 г. не осталось ни одной. До конца XIX в. картина принципиально не изменяется.

Вполне успешным, но очень небольшим по объему православное просвещение оказывалось лишь в среде давно принявших христианство карел и вепсов, в меньшей степени – среди зырян и пермяков. Дело в том, что обучение велось на русском языке, а знание его у пермских народов было еще недостаточно распространено.

2.2. РУСИФИКАЦИЯ КАК ОСНОВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

При Александре II национальная и языковая политика в Европейской России все более меняется в сторону русификации.

После польского восстания 1863 г. все официальные функции в Царстве Польском принадлежат русскому языку. В местных средних учебных заведениях с 1866 г. обязательным становится изучение на русском языке истории, географии и русской словесности; еще через шесть лет всё светское образование переводится на русские программы. С 1871 г. обязательное изучение русского вводится во всех начальных школах Польши и Прибалтики, в том числе и церковных – католических и лютеранских. В 1873 г. издается распоряжение о запрете говорить по-польски в гимназиях [Судакова 1972: 156]. В Польше идет переход на русский как единственный язык обучения сразу после усвоения двуязычного польско-русского букваря.

В административном отношении Царства Польского более не существует, польские территории объединяются в Варшавское генерал-губернаторство, а сам регион все чаще именуется Привислинским краем. В 1912 г. Польша несет и "материальные" потери: из восточной части Люблинской губернии выделяется Холмская губерния, которая выводится из-под юрисдикции Варшавского генерал-губернатора. Не исключено, что косвенными "виновниками" последнего преобразования оказались лингвисты; по крайней мере, западная граница новой губернии практически повторяет границу распространения "малорусского наречия русского языка", как она была определена работавшей в начале века Московской диалектологической комиссией [Опыт... 1915].

Жестокому преследованию подвергается украинофильство, распространявшееся в среде демократической интеллигенции с 1840-х годов. Перенос центров украинского движения в Галицию, где в Лембергском (Львовском) университете была открыта кафедра украинского языка и литературы, привел к ужесточению запретов. В 1863 г. министр внутренних дел П. А. Валуев выпустил циркуляр, разрешавший печатать на украинском языке только беллетристику, публикация книг учебного и научно-популярного содержания была приос-

тановлена. Запрет мотивировался тем, что "большинство малороссиян весьма основательно доказывают, что малороссийского языка не было, нет и быть не может" и что "украинское движение вызывают в своих интересах поляки" [БСЭ. 1-е изд. Т. 55: 904]. Запрету подверглись и религиозные издания, поскольку правительство опасалось униатской пропаганды (уния была упразднена относительно недавно, в 1839 г.)¹⁰³.

По сходным причинам в 1860-е годы прекращается использование литовского литературного языка, но запрет вводится не на сам язык, а на латиницу. Государство даже субсидирует литовские издания русской графикой¹⁰⁴, но католики-литовцы видят в этом попытку навязать православие, и выпущенные книги не расходятся: как признавал в 1896 г. ковенский губернатор, "масса отпечатанных на казенные средства литовских книг лежит на складе" [Левин 1930: 5]. Издания на латинице, естественно, продолжают выходить в Малой Литве (Восточной Пруссии), а к концу XIX в. и в иммигрантской среде в США; таможене и местным властям в России вменяется в обязанность уничтожать их. Запрет на ввоз сохранялся до 1904 г., когда литовские книги и периодика на латинице начинают легально издаваться в самой России.

Запреты распространяются и на белорусскую печать, естественно, на печать латиницей – иной белорусской печати в то время не было. Западнорусский (старобелорусский) литературный язык после запрета его в Речи Посполитой в конце XVII в. прекратил свое существование. Народные массы Белоруссии зачастую не имели выраженного этнического самосознания даже и в начале XX в., а многочисленные крестьянские диалекты образованной частью населения России воспринимались как диалекты русского.

Тем не менее в первой половине XIX в. в зачаточном состоянии белорусская литература существовала. Тут необходимо небольшое отступление, чтобы читатель имел ясное понятие, что представляла из себя белорусская литература к 1863 г. С одной стороны, к этому времени были созданы два анонимных сатирических поэтических текста: "Энеида наыворот" и "Тарас на Парнасе". В первом из них в древнегреческом антураже предстает политическая история России конца XVIII – начала XIX в., а во второй – литературная борьба 1820–1830-х годов. Обе поэмы безусловно утратили свою актуальность и, возможно, уже тогда функционировали как фольклор¹⁰⁵. С другой стороны, вышли семь номе-

¹⁰³ В то же время идея общерусского (восточнославянского) единства была нечужда и интеллигенции Западной Украины. Униатский священник И. Г. Наумович (1828–1891), будучи депутатом Галицийского сейма и Австрийского парламента, требовал для русского языка в Галиции равных прав с польским (который в 1860-х годах был разрешен как язык преподавания и местного самоуправления). Наумович выпускал в Коломые газету "Русская рада" и журнал "Наука: Письмо месячное для читающих мещани селян". В 1882 г. он был обвинен в государственной измене и лишен сана, после чего перешел в православие и эмигрировал в Россию, где издававшиеся им "Народные календари" с литературными приложениями распространялись государством в западных губерниях и Царстве Польском.

¹⁰⁴ Еще к 1852 г. относится так и не осуществленный проект русификации польской грамоты [Левин 1930: 5–7].

¹⁰⁵ Трудно судить об их распространенности в Белоруссии XIX в. В начале XX в. и позже они, безусловно, стали элементами фольклора, и не столько сатирическими, сколько юмористическими, поскольку содержащиеся в них многочисленные аллюзии не были понятны простому народу. Возможно, первоначально эти поэмы сохранялись в списках, но в дальнейшем они передавались в основном изустно. Одному из авторов данной книги неоднократно приходилось слышать "Тараса на Парнасе" от уроженца Витебской губернии (1906 г. рожд.; в 1926 г. он покинул Белоруссию навсегда), считавшего себя русским, но не отрицавшего и того, что он белорус (белорусом по документам был также один из его братьев). Знание текста передалось и его родившейся в 1953

ров агитационной газеты "Muzyskaja prauda" (1862–1863), пытавшейся возбудить накануне польского восстания антирусские настроения в крестьянских массах (газета готовилась активными деятелями восстания – К. Калиновским, Ф. Ро-жанским, В. Врублевским). Впрочем, "Muzyskaja prauda", как и антирусские песни Рожанского на белорусском языке, были малоуспешны, поскольку крестьяне Белоруссии того времени ощущали не столько абстрактный гнет российского государя, сколько вполне реальный гнет помещиков-поляков.

Валуевым, а позднее и лично Александром II, запрещалась литература второго рода, поскольку попыток печатать неполитизированные тексты типа "Тараса на Парнасе" к тому времени никто не предпринимал¹⁰⁶.

В 1876 г. Александр II, находясь на отдыхе в Эмсе, подписывает "Эмский указ" – негласное постановление, подтверждавшее запрет на белорусский язык и литовскую латиницу. Вводился запрет на публичное употребление со сцены украинского языка; по особому разрешению печатать по-украински можно было только исторические памятники и художественную литературу. Возникший вскоре журнал "Киевская старина", многие статьи которого, по свидетельству советских библиографов, "были проникнуты националистическими тенденциями" [Русская... 1959: 641], издавал украинскую прозу, драматургию, поэзию, в том числе и га-лицийских эмигрантов.

В 1867 г. на Кавказе местные языки перестали быть обязательным предметом для русских, изучение же русского языка, напротив, вводится во все учебные заведения в обязательном порядке с первого года обучения. С 1876 г. это правило распространяется и на школы, не подведомственные Кавказскому учебному округу (а их было три четверти). Историю и географию, если они входили в программу, следовало преподавать только на русском языке. В связи с административной реформой на Кавказе в 1883 г. в задачи новой власти включалось "обрусение туземцев", а школа была признана "лучшим тому орудием" [Национальная... 1997: 97]. В 1885 г. временно были запрещены армян-

г. в Москве дочери; по нашей просьбе она записала текст по памяти.

Герой поэмы Тарас, живший *ля лазни* (около бани), случайно попадает на тот свет, где лицезрит, как на Парнас следуют "четыре добрых молодца" - Пушкин, Лермонтов, Жуковский и Гоголь. Туда же стараются попасть и менее достойные неназванные лица. Один из них кричит (слева – текст по изд. "Энеща навыварат. Тарас на Парнасе. Паэмы". Мшск: Юнац-тва, 1983. С. 43; справа – записанный в 1998 г. в Москве от не владеющей белорусским языком информантки):

Памалу, братцы, не душыце Мой фельетон вы і "Пчалу", Мяне ж самога прапусціце І не дзяржыце за палу! А не, дык дадушы у газеце Я вас аблаю на увесь свет, Як Гоголя у прошлым лесе, – Я сам рэдактар усіх газет!	Помалу, братцы, не давите Мой хвельетон вы і "Пчелу", Меня ж самбго пропустите И не держите за полу. А то, дак да души в газете Я вас облаю на весь свет, Як Гоголя у прошлом лесе – Я сам редактором газет!
---	---

Правый текст, исключая орфографию, кое в чем более белорусский, чем левый: здесь отсутствует фонема /ф/ (ср. *хвельетон*), имеется чуждое русскому языку оформление именного сказуемого творительным падежом (в последнем стихе).

¹⁰⁶ Не надо забывать, что белорусские земли всегда были "под подозрением": это родина Костюшко, Огиньского и многих других руководителей первого польского восстания 1794 г., закончившегося Третьим разделом Польши. В 1812 г. местная шляхта приняла активное участие в войне на стороне Наполеона и даже провозгласила здесь новое Княжество Литовское под его патронатом.

ские церковно-приходские школы вне церквей и монастырей (всего в 350 армянских церковно-приходских школах было тогда около 20 тыс. учащихся); изучение истории и географии Армении было предложено заменить в них на преподаваемые по-русски российскую историю и географию. Аналогичные запреты повторялись и позже, в 1895 и 1903 гг.

В Бессарабии с 1873 г. запрещается преподавание молдавского языка. Прежде государственные школы работали здесь по общероссийской программе, но в начальной школе факультативно преподавалась и молдавская грамота. Среди церковно-приходских школ были и такие, где преподавание шло только по-молдавски. С 1840-х годов молдавский язык как предмет разрешалось изучать в кишиневской гимназии и уездных училищах.

Александр III распространяет политику русификации на Прибалтику. При его предшественнике здесь можно было говорить лишь о стремлении потеснить немецкий за счет усиления роли латышского и эстонского: в волостных лютеранских школах по уставу 1874 г. преподавание первые два года велось только на них; лишь на третьем году обучения добавлялись русский и немецкий, но на их изучение отводилось по два часа в неделю. "Русский и немецкий языки <...> суть предметы необязательные для волостной школы. Названные языки могут в ней преподаваться, но однако в том случае, если в изучении их явится потребность" – говорилось в новом уставе [Судакова 1972: 102]. Реально в минимальном объеме преподавался немецкий, но вскоре была осознана и потребность в русском языке. С 1885 г. делопроизводство в присутственных местах ведется здесь на русском языке, в 1887–1893 гг. осуществляется переход к преподаванию на нем всех школьных дисциплин не только в государственных, но и в частных учебных заведениях. Дерпту возвращается его старинное русское имя – Юрьев, и в местном университете идет довольно быстрая русификация; с 1893 г. "Ученые записки Юрьевского университета" выпускаются только по-русски¹⁰⁷.

Еще раньше, с 1870-х годов, начинается поэтапная отмена автономного управления немецких колонистов в Поволжье и Новороссии; в 1871 г. была упразднена Контора опекунов иностранных поселенцев в Саратове, учрежденная еще Екатериной в 1766 г., с 1874 г. колонистов привлекают к воинской повинности. Русский язык вводится как обязательный предмет изучения в немецкоязычных лютеранских школах колонистов.

В Финляндии генерал-губернатор Ф. Л. Гейден в 1883г. предпринял попытку приравнять правовое положение финского языка к шведскому, но натолкнулся на сопротивление местного Сената, сославшегося на шведский закон 1734 г., запрещавший в Швеции применение "чужих языков". На это Александр III, великий князь финляндский, своим указом уравнивал в правах финский и шведский в судах первой инстанции, но на большее не пошел. Кратковременный (до 1904 г.) перевод делопроизводства в финляндском Сенате на русский язык произошел уже при Николае II, в 1899 г.

Между тем ситуация с обучением поволжских и сибирских "инородцев"

¹⁰⁷ Доля немецких профессоров упала здесь с 87% в 1889 г. до 9,8% в 1917 г. [Национальная... 1997: 183].

на родном языке во второй половине XIX в. даже несколько улучшается, и связано это с трудами Н. И. Ильминского¹⁰⁸, основавшего Казанскую крещено-татарскую школу (1863), выпустившую за 50 лет более 6 тыс. человек, в том числе около 900 учителей. Первоначальное обучение велось на родных языках, позже переходили на русский. Хотя школа ставила своей задачей христианизацию, содержание учебников, составленных самим Ильминским, было достаточно светским: на продвинутой стадии обучения давались параллельные тексты "географического характера: о разных странах и народах, о животных, о великих путешественниках <...> о паровозе <...> об оспопрививании и его пользе" [Судакова 1972: 216].

Первые успехи Ильминского в сопоставлении с плачевным положением в других школах Казанского учебного округа вызвали оживленную полемику. В результате в 1870 г. Министерство народного просвещения приняло "Правила и меры к образованию инородцев", согласно которым для инородцев "весьма мало обруселых" вводятся школы с первоначальным обучением на родном языке; все учителя должны были свободно владеть им. Учреждалась Казанская инородческая учительская семинария с трехлетним курсом обучения на 240 студентов (120 русских и 120 инородцев), она готовила педагогические кадры для татарских, мордовских, марийских, чувашских и удмуртских школ. По тому же постановлению при всех школах открывались в обязательном порядке смены для девочек; в мектебах и медресе изучение русского языка становилось обязательным [Там же: 208-211].

Реально это постановление выполняется далеко не везде: с одной стороны, часть мусульманских учебных заведений так и не вводит преподавание русского языка, с другой стороны, для многих инородцев продолжают существовать малоэффективные русские школы. Калмыки, например, получают возможность изучать в государственных школах родной язык (на русской графической основе) лишь с 1892 г.¹⁰⁹

За пределами Поволжья с деятельностью Н. И. Ильминского связано коренное улучшение педагогической работы Алтайской духовной миссии¹¹⁰ (он был соавтором первой грамматики алтайского языка), под его влиянием сформировались взгляды казахского просветителя И. Алтынсарина, открывшего первые национальные школы; система Ильминского послужила основой педагогической концепции русско-туземных школ для мусульманских народов в целом, на ней же основывались первые шаги в просвещении многих малых на-

¹⁰⁸ Николай Иванович Ильминский (1822-1891) в 1846 г. окончил Казанскую духовную академию по физико-математическому отделению, но параллельно изучал татарский и арабский языки; он жил среди татар, посещал медресе. В 1851-1854 гг. находился в командировке на Ближнем Востоке с целью изучения ислама. Позднее служил переводчиком в Оренбургской пограничной комиссии, где усовершенствовал свое знание казахского языка (называвшегося тогда киргизским), преподавал в Казанском университете и Духовной академии. С основания Казанской учительской семинарии (1872) до конца жизни работал ее директором.

¹⁰⁹ В начале XX в. открываются и ламаистские школы повышенного типа, где наряду с калмыцким изучаются русский, тибетский, монгольский языки, математика, география, астрономия, тибетская медицина.

¹¹⁰ Миссия была основана в 1828 г. и в 1830 г. открыла первую школу в Ула-ле (ныне Горно-Алтайск), но реальные успехи в области просвещения начались с 60-х годов XIX в., когда стала внедряться система Ильминского; в конце 1880-х при миссии открылась учительская школа, позднее (1914) светские двухгодичные женские учительские курсы. На 1913 г. работало около 70 миссионерских школ.

родов¹¹¹.

В мусульманской среде с 1880-х годов распространяются так называемые новометодные школы, где давалось светское образование на родном языке, преподавался русский язык и ряд предметов на нем. Инициатором их создания как у себя на родине в Крыму, так и в Средней Азии был И. Гаспринский¹¹². К концу века работают сотни русско-азербайджанских, русско-татарских, русско-башкирских, русско-казахских и других школ, но большинство мусульман осваивают грамоту на родном языке, а русский язык изучают в религиозных школах.

В 1870-х годах обучение русскому языку начинается в среднеазиатских владениях. Генерал-губернатор Туркестанского края генерал К. П. Кауфман признавал "необходимым в политических интересах нашего господства в Средней Азии вызвать кочевое население оной к самостоятельной жизни и к возможному ассимилированию с Россией, чему немало способствовало бы введение между ними русской письменности" [Левин 1930: 9]. Впрочем, действовал он достаточно осторожно: учебные издания печатались на местных языках параллельно с их транскрипцией русскими буквами. Вводилось и обучение русскому языку, но первые пособия оказались очень невысокого качества и цели своей не достигали. Неким ротмистром М. А. Терентьевым по-военному быстро были выпущены пособие для обучения русскому языку в Средней Азии и руководства для учителей, признанные крайне неудачными. Сразу за обучением буквам на анекдотичных текстах ("Ужи и ежи реже у ржи. Жуй, рыжая рожа, и реж [sic!] жир") давались не всегда понятные и русским детям басни Крылова [Судакова 1972: 241]. Положение с обучением русскому языку выправлялось медленно, и в начале XX в. охват местного населения русско-туземными школами был крайне низок: так, в Сыр-Дарьинской области в 1912 г. их посещало 3033 местных ребенка из 150 110 (при том, что среди 10 769 русских детей обучались 10 230) [Левин 1930: 13].

Разумеется, уровень просвещения "инородцев" как в общеобразовательном смысле, так (в одноязычных местностях) и по части обучения русскому языку был крайне убогим. Представление о том, что скрывалось за грамотностью по-русски, можно получить из пьесы "Шонді петігӧн дзо-ридз косьмис" ("Цветок завял на восходе солнца", 1919) коми-зырянского писателя В. Савина, один из героев которой пишет письмо брату:

Ещё уведомляю вам, лошадь Воронко умер и мы купили другой лошадь – Рыжко, очень ярой. Осип чож монастырӧ жыл да тоже ло-

¹¹¹ С конца XIX – начала XX в. стали вводить обучение по системе Ильминского и готовить учебные пособия на ненецком, хантыйском, мансийском, саамском, селькупском, нанайском языках; впрочем, реальных плодов это не принесло.

¹¹² Измаил Гаспринский (1851-1914) - видный деятель крымско-татарской и тюркоязычной культуры в целом, писатель. Образование получил в Симферопольском медресе, Воронежском и Московском кадетских корпусах, позднее учился в Стамбульском университете и в Сорбонне. С 1883 г. и до конца жизни выпускал двуязычную еженедельную газету "Терджиман" ("Переводчик"); как приложение к ней выходили детский и женский журналы.

шадь затоптал сарство небеснѡй <...> Ещѡ уведомяю вам што меня ущитель Митрѡпан Никандрѡвич за што я писал сквернѡй слово на его толстой бруко, выключал из школа да ладнѡ мать понес ему масло и клюква да принимал обратно.

Пока ничего не говорилось о таком важном этническом компоненте Российского государства, как евреи. В небольшом количестве они всегда жили в Киевской и Московской Руси (еще в древнем Киеве один из кварталов назывался Жидове), но значимость для языковой ситуации их присутствие представляет лишь с XVIII в. Разговорным языком российских евреев был идиш¹¹³, языком религии – древнееврейский; позднее он стал применяться и как язык светской литературы. Евреи жили дисперсно (в основном в городах и местечках, хотя были и земледельческие поселения) в Польше, на Украине, в Белоруссии, Литве, в меньшей степени в Курляндии и Лифляндии. Практически сразу после присоединения к Российской империи земель со значительной долей еврейского населения, с 1791 г., вводятся ограничения на территорию их проживания, позднее получившие наименование черты оседлости.

В России евреи сохранили внутреннее самоуправление в пределах общин, включая и организацию религиозных школ, где обязательным было, естественно, изучение древнееврейского. Формального обучения языкам окружающего населения не проводилось, но фактически всё мужское население и значительная часть женского в той или иной степени владели славянскими языками, включая польский. Находясь под юрисдикцией государства, евреи в определенных случаях вынуждены были пользоваться и официальным языком.

«Присяга, которую принимали евреи при даче показаний и в других случаях, отличалась от той, которую принимали христиане. В Киевском архиве был найден текст присяги, которую произносили перед кагалом: "Я <...> присягаю пану Богу живому, который сотворил небо и землю <...> и наш закон жидовский, на том <...>. На чом, яко справедливе прысягаю, так ми пан Боже допомози. А если бым несправедливо присегал, теде нехай мене Адонай заби-ет до души, теле, жоне, детьках и местности моей и нехай не прихожу на лоно Абрамово, алы нехай мене вси злые ды-хове на веки вечные возьмут"» [Хонигс-

¹¹³ В течение XIX в. в Россию попадало, в основном через Балканы, очень незначительное число сефардов; об их языке повседневного общения ничего не известно. С присоединением Крыма в России оказались татароязычные крымчаки и караимы; язык литовских караимов, живших в Троках, Виль-не и Поневеже, исключая лексические заимствования из древнееврейского и славянских языков, фактически не отличается от крымско-татарского. Поскольку язык караимов имел письменную фиксацию (на еврейском алфавите), он обычно называется языком, а не диалектом. Караимский язык использовался в религиозной сфере (есть перевод Библии, богослужебная литература), но существуют и светские памятники. В религиозном отношении караимы представляют собой иудейскую секту, считающую священным лишь Ветхий Завет (Талмуд и другие тексты не признавались). Караимы обычно противопоставляли себя другим иудаистам, и в 1863 г они были уравнены в правах с христианами

В составе Грузии в России оказались грузинские евреи, говорившие по-грузински, в составе Дагестана и ханств северного Азербайджана – горские евреи, пользовавшиеся татским языком, наконец, с присоединением Средней Азии – бухарские евреи, говорившие на диалекте персидско-таджикского языка Среди названных языков лингвистически самостоятелен лишь татский В остальных случаях еврейские этнолекты отличаются от соответствующих языков незначительно, в первую очередь за счет заимствований из древнееврейского

ман, Найман 1992: 106]. Трудно сказать, кому принадлежит авторство такой редакции присяги, однако очевидно, что она произносилась в этом виде не для кагала (руководство еврейской общины скорее устроил бы текст на древнееврейском), а для присутствовавшего официального представителя властей. Факт письменной фиксации этой присяги демонстрирует, что в начале XIX в. такой уровень владения русским языком¹¹⁴ официальными лицами признавался достаточным.

По положению 1804 г. гарантировалась неприкосновенность всех иудейских учреждений, евреям был открыт доступ во все учебные заведения, но ввиду низкого уровня знания ими русского языка этим правом пользовались единицы. Традиционалисты не видели необходимости перемен и противились им. Еврейский просветитель-модернист И. Б. Левинзон подготовил русскую грамматику для евреев, но не смог найти средств на ее издание. Для выпуска следующей его книги, пропагандировавшей светское образование и изучение иностранных языков, по повелению Александра I было выделено 1000 рублей [Хонигсман, Найман 1992: 138]. Но государство пока не вмешивалось ни в традиционное, ни в частное образование; русификация проводилась через рекрутский набор, который был введен для евреев по повышенной норме.

В 1840-х годах правительство стало более настойчиво вводить в систему еврейского образования русский язык. Этот предмет был объявлен обязательным в хедерах (начальных еврейских школах); учителя с 1849 г. были обязаны сдавать экзамен на знание русского языка. С 1844 г. открываются двух- и четырехклассные казенные еврейские училища, где общеобразовательные дисциплины преподавались христианами. Частным школам вменяется в обязанность готовить мальчиков к поступлению в государственные учебные заведения. Тогда же при министре народного просвещения, попечителях учебных округов, генерал-губернаторах была введена должность "ученых евреев", которые, в частности, должны были давать разъяснения "по еврейским материям" и контролировать учебные заведения.

Во второй половине XIX в. появляется должность "казенного раввина", служившего посредником между общиной и администрацией; в его обязанности входило вести метрические книги на русском языке. На эту должность назначались только те, кто получил среднее или высшее еврейское образование. С 1851 г. правительство пыталось ввести преподавание русского языка и в иешиботах (высших еврейских школах), но раввинам этому категорически воспротивился; некоторая модернизация иешиботов произошла лишь в 1870-х годах, когда правительство, напротив, ввело процентную норму для евреев в средних и высших учебных заведениях.

¹¹⁴ С чисто лингвистической точки зрения это, конечно, не русский язык, и даже не русско-украинский, как может показаться на первый взгляд (имеется явный грамматический полонизм: сослагательное наклонение со спрягаемым вспомогательным глаголом – *бым присегал*). Однако с социолингвистической точки зрения этот текст должен быть признан именно русским. Если стороны признают правомочность некоего текста, а официальность ситуации предполагает, что он должен быть отнесен к некоему языку, то текст неизбежно является текстом именно на искомом языке. При объявлении языка официальным обычно не делается оговорка, что он должен быть литературным. В противном случае педант требовал бы переводчика для выступлений многих официальных ораторов.

Итак, в конце XIX в. получение светского среднего и высшего образования повсюду, исключая Финляндию, было возможно лишь на государственном русском языке. Русский язык становится непременной частью и любого начального образования (в ряде мусульманских регионов в религиозных школах это требование, впрочем, не соблюдалось). Многие начальные школы остаются двуязычными. На 1896 г., по данным Министерства народного просвещения, среди подведомственных ему начальных училищ¹¹⁵ двуязычные имелись во всех учебных округах, исключая Ви-ленский и сибирские. В Варшавском округе двуязычные школы составляли 81,2%, а в Рижском (три прибалтийские губернии) – даже 99,4%. В остальных округах они составляли меньшинство: в Кавказском и Оренбургском – по 17,6%, в Одесском – 16,8% (вероятно, в основном за счет Крыма), в Казанском – 12,0%, в Харьковском – 3,1% (главным образом, за счет мордовских школ Пензенской губ.). В Московском округе таких школ было всего 4 (скорее всего, для инородцев Нижегородской губ.), в Санкт-Петербургском – 14 (для зырян Архангельской и Вологодской губерний, возможно, и для ингерманландских финнов) [подсчитано по: Россия 1991: 402].

Для православных – как русских, так и инородцев – непременным предметом изучения являлся также церковнославянский язык. Исключая духовенство, знание этого языка сводилось к умению воспринимать и воспроизводить определенное число богослужебных текстов; язык же духовенства отличался заметной славянизацией, что в отношении русских хорошо известно из классической литературы. Среди православных национальных окраин большинство клира было местным, и речь их находилась под несравненно большим воздействием русского и церковно-славянского, чем речь паствы, обычно просто не понимавшей церковнославянских текстов (о функционировании церковнославянского языка в XIX в. см. [Кравецкий 1999]).

Духовенство в пьесах уже цитированного В. Савина (а большинство его пьес антиклерикальны) нередко пользуется смесью коми, русского и церковнославянского. Вот пример монолога, произносимого в одиночестве дьяконом Фадеем в свой собственный адрес (пьеса "Вабергач", "Водоворот", 1920 г.):

Эхма, Падей, Падей! Омöлик жб тэ рыболоветс... Кык рыба толькө, кык малых сих... Ак, кутшöма ме кöсийи Екатеринаöс гоститöдны, уготовити ей свежей черинянь, да не дал Господь... А што? Спаситель тай нö накормил жö пятью хлебами и двумя рыбами пять тысяч человек и всё насытишася... Гортын подумаем, аще не отринула мя еси возлюбленная.

Эхма, Фадей, Фадей! Неважный же ты рыболов... Две рыбы только, две малых сих... Ах, как же я обещал Екатерину угостить, уготовить ей свежий рыбный пирог, да не дал Господь... А что? Спаситель-то вон накормил же пятью хлебами и двумя рыбами пять тысяч человек и всё насытишася... Дома подумаем, аще не отринула мя еси возлюбленная.

¹¹⁵ Не следует думать, что государственные школы финансировались государством, а церковные – церковью; финансовая политика сильно менялась с годами, но всегда были велики расходы общественного характера. По крайней мере, в конце XIX в. около двух третей расходов на начальное образование приходилось на долю земства.

Впрочем, очевидно и то, что такие пьесы были рассчитаны на зрителя, вполне воспринимавшего русский язык.

2.3. ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА XIX – НАЧАЛА XX В. В ИЗДАТЕЛЬСКОМ ДЕЛЕ

Выше речь шла в основном об использовании языков в сфере образования. Эта сфера была важнейшей областью проявления языковой политики. На протяжении XVIII–XIX вв. основную задачу власти видели в распространении русского языка, при этом к развитию языков меньшинств государство в целом оставалось равнодушным: поощрение такого развития допускалось только там и только в такой степени, где и в какой степени это содействовало распространению государственного языка. Проводя такую политику повышения роли русского языка, правительство иногда вмешивалось в процесс обучения в неправославных конфессиональных школах. По политическим мотивам функционированию тех или иных языков могли чиниться и существенные препятствия.

Важной характеристикой языковой политики в России служит выпуск печатной продукции, но, рассуждая о нем, следует помнить, что до 1905 г. в Российской империи существовала предварительная цензура, как светская, так и духовная. Вполне очевидно, что светская цензура не позволяла выпускать (а таможенные власти имели инструкцию не допускать к ввозу в пределы империи) русский перевод "Манифеста коммунистической партии", но те же ограничения касались и немецкого оригинала – и отнюдь не по соображениям языковой политики. Понятно, почему белорусская поэтесса Алоиза Тётка в бесцензурном 1906 г. издает сборник "Скрыпка беларуская" в Галиции – под мелодию белорусской скрипки "прозвучал открытый призыв к революционному восстанию" [БСЭ. 3-е изд. Т. 3: 151]. Понятно, почему написанная в 1905 г. и выпущенная в Галиции пьеса Леси Украинки "Осшня казка" не могла быть поставлена на сценах украинских театров России¹¹⁶ – она является аллегорией, "изобличающей предательскую роль буржуазной интеллигенции, выдвигающей значение революционного пролетариата в 1905 г." [БСЭ. 1-е изд. Т. 55: 753].

Духовная цензура касалась вопросов веры и распространялась в первую очередь на богослужебную, богословскую и тому подобную литературу, но отнюдь не ограничивалась ею. Православные авторитеты пристально следили за формальными аспектами и светского литературного языка¹¹⁷. Православная

¹¹⁶ В литературе по национальной политике часто говорится, что украинский театр, как и литература, не существовал в России после указа Александр II 1876 г. вплоть до революции 1905 г. Это не совсем так. "В 1881 г. Министерство внутренних дел разрешило организацию Украинского] т[еатра] <...> гастроли Украинского] т[еатра] в обеих столицах России становятся обычным явлением. Передовая демократическая] интеллигенция Москвы и Петербурга радушно встречала украинские спектакли, демонстрируя свое отрицательное отношение к шовинистич[еским] указам правительства" [БСЭ. 1-е изд. Т. 55: 952].

¹¹⁷ Так, в 1855 г. митрополит Филарет выразил неудовольствие тем фактом, что Александр II, обращаясь к войскам, сказал *горжусь вами*. Филарет пишет: "Слово Божие не одобряет гордости, а говорит: Бог гордым противится. Нет ли средства редактору царских мыслей подать мысль, чтобы он, составляя выражения, испытывал их вопросом: будут ли оне в гармонии с благочестивым царским духом?" (цитируется по книге В. М. Живова – см. [Живов 1996: 506–507]), которая в значительной степени посвящена важному направлению языковой политики, на котором мы не останавливаемся: формированию и борьбе различных норм в русском языке XVIII – начала

церковь, будучи официальной религией в государстве, гораздо более толерантно относилась к иноверческим конфессиям, чем к тем направлениям, которые считала прямой изменой православию, от скопцов и хлыстов до униатов и толстовцев.

Выше отчасти мы говорили о выпуске печатной продукции на различных языках, но это касалось частной издательской деятельности. А как обстояло дело с официальными публикациями?

С 1838 г. в 42 губерниях и областях России начинает выходить официальная периодика, предназначенная в первую очередь для информирования обывателей о постановлениях и предписаниях властей, "о чрезвычайных происшествиях в губернии", "состоянии как казенных, так и частных фабрик и заводов" и т. п. [Русская... 1959: 255-256]; позднее аналогичные издания появляются и в остальных губерниях, все они имеют однотипные названия: "Санкт-Петербургские губернские ведомости", "Белостокские областные ведомости" и т. п. В Польше официальные издания первоначально печатались на польском, но после восстания 1863 г. официозом становится русскоязычный "Варшавский дневник", который в 1866-1872 гг. дополняется "Ведомостями" в каждой губернии.

В Прибалтике немецкоязычные "Губернские ведомости" выпускаются с 1852–1853 гг.; постепенно они становятся двуязычными, а затем целиком переходят на русский – в Эстляндии с 1885 г., в Курляндии – с 1887 г. "Лифляндские губернские ведомости" (Рига) претерпевают более сложную метаморфозу. В 1853–1864 гг. они выходили только на немецком языке, с 1866 г. печатались на русском и немецком, при этом и заголовок в течение 20 лет держится на двух языках; потом остается только русский заголовок, но немецкий текст, хотя и постоянно уменьшающийся, присутствует до 1900 г. В XX в. эта газета наконец становится исключительно русскоязычной. (На латышском и эстонском языках государственных публикаций не было; первые опыты издания на них частной периодики относятся к XVIII в., но регулярно латышские газеты выпускаются с 1822 г., эстонские - с 1857 г.) Периодика на обоих языках Финляндии также появляется еще в XVIII в.; с вхождением в состав России официальные издания печатаются по-шведски, и лишь к концу XIX столетия финский язык уравнивается с ним в правах.

Как обстояло дело на "новых" национальных окраинах? Там, где грамотных по-русски подданных практически не было, государство учреждает газеты на местном языке, даже если и на нем доля грамотных незначительна. В Тбилиси, например, параллельно с возникшим в 1828 г. русскоязычным официозом "Тбилисские ведомости" сразу же выпускается его грузинский вариант "Тпилисис уцкебани", а с 1832 г. начинает выходить и аналогичное издание на азербайджанском языке - "Тифлис эхбары". С присоединением Средней Азии здесь с 1870 г. выпускаются "Туркестанские ведомости", а в качестве нерегулярных приложений к ним - газеты на узбекском (точнее, чагатайском) и казахском языках. Частная периодика в одних случаях появляется раньше официальной

(на грузинском - с 1819 г.), в других – значительно позже (на азербайджанском – с 1875 г.). Государство не испытывает ответственности за неофициальную литературу, не поощряет ее, но и не преследует – конечно, пока та не затрагивает устоев общества.

2.4. ЗНАНИЕ ЯЗЫКА И СЛУЖЕБНАЯ КАРЬЕРА

Исключая отношение к евреям (точнее, к иудаистам), которое временами перерастало в открытое поощрение антисемитизма государством, политика в национально-языковой сфере редко отражалась на судьбах лояльных представителей соответствующих меньшинств. Для прохождения по служебной лестнице, впрочем, необходимо было владение русским языком (прибалтийских немцев до Александра II это условие касалось в меньшей степени), национальность же не имела значения.

По законам Российской империи при поступлении в гражданскую службу ограничения носили в первую очередь сословный характер, "различия вероисповедания и племени" (по крайней мере, для христиан) не препятствовали достижению высоких должностей. При переходе к политике подавления польского и вытеснения немецкого языков произошли заметные сдвиги в национальном составе высшего чиновничества, но они недостаточны для того, чтобы считать эту тенденцию связанной с этноязыковой принадлежностью.

Таблица 1

	1853 г.		1903 г.	
	Центр	Губернии	Центр	Губернии
Всего, человек	230*	208**	298	261
Из них, %: православные	76,5	83,2	89,9	89,7
лютеране	13,4	13,9	7,0	6,9
католики	10,0	2,4	3,0	3,4
*Среди лютеран по крайней мере один швед – граф А. Ф. Адлерберг, член Комитета министров				
** Включая одного армяно-григорианина (в должности губернского прокурора).				

В табл. 1 приведены данные по вероисповеданию центрального и губернского (без Финляндии и Царства Польского) правительственного аппарата за 1853 и 1903 гг. [рассчитано по: Зайончковский 1978]). К числу высших чиновников центрального аппарата отнесены члены Государственного Совета, Комитета министров, Сената, товарищи министров и директора департаментов; к высшему аппарату губернского уровня – губернаторы, вице-губернаторы, председатели губернских казенных палат (высший губернский чиновник Министерства финансов, имевший право замещать губернатора), управляющие губернскими палатами государственных имуществ (только за 1853 г.), управляющие акцизными сборами (только за 1903 г.), губернские прокуроры (только за 1853 г.), председатели окружных судов (только за 1903 г.). В целом по обеим катего-

риям доля православных (среди которых были украинцы и некоторое количество грузин) повысилась с 79,7 до 89,8%, лютеран (почти исключительно немцев) снизилась практически вдвое - с 13,7 до 7,0%, как и католиков (в основном поляков) – с 6,4 до 3,2%. Особенно заметно уменьшилось число католиков в центральном аппарате¹¹⁸.

Мусульман среди высшего чиновничества не было, но в армии во второй половине XIX в. они могли занимать достаточно высокие должности. В отношении мусульман Российская империя была наиболее толерантной державой, ср. оценки положения в этой области, сделанные тюркским просветителем И. Гаспринским:

"Русский человек из простого и интеллигентного класса смотрит на всех живущих с ним под одним законом, как на своих, не высказывая, не имея узкого племенного себялюбия" [Национальная... 1997: 129],

а также неназванным мусульманином-индийцем:

"Мы читаем и слышим со всех сторон, что в России такой-то генерал мусульманин, другой - армянин <...> между тем как у нас каждый английский солдат лучше дезертирует, нежели согласится повиноваться и признать начальником туземца" [Там же: 119]

и лордом Керзоном, вице-королем Индии и министром иностранных дел Великобритании:

"Русский братается в полном смысле слова. <...> Он не уклоняется от социального и семейного общения с чуждыми и низшими расами" [Там же: 176].

2.5. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 Г.

Положение национальных меньшинств кардинально изменилось после революции 1905 г. Общая демократизация дала толчок развитию самых разных аспектов их культур. Все формальные ограничения на функционирование языков в России были сняты. Революция вызвала к жизни широкий спектр партий, каждая из которых высказывалась по национальному и языковому вопросам. Монархисты в своих программных документах настаивали на "едином Русском Государственном ЯЗЫКЕ, едином Русском ЗАКОНЕ и единой Русской Государственной ШКОЛЕ" [Несостоявшийся... 1992: 38]. Октябристы признавали "безусловное равенство в правах всех русских граждан" "без различия национальности и вероисповедания", "широкие права на удовлетворение культурных

¹¹⁸ Доля лиц этих вероисповеданий известна на 1897 г.: на рассматриваемой территории православных было 75%, католиков 4%, лютеран 3%; на 1853 г. доля каждого из этих вероисповеданий больше (среди населения России не было еще среднеазиатских мусульман), но примерное соотношение вероисповедных групп оставалось схожим.

нужд", но полностью исключали федерализм [Там же: 41]. Кадеты отстаивали "полную свободу употребления различных языков и наречий в публичной жизни" и выдвигали идею создания нетерриториальных национальных культурных союзов, которые должны получать финансовую поддержку государства [Там же: 43]. Эсеры стремились к построению демократической федеративной республики с территориально-национальной автономией; так же были склонны трактовать программный пункт РСДРП о самоопределении меньшевики. Большевики признавали за народами право отделения, а необходимость официально провозглашенного государственного языка отрицали.

В И. Ленин пишет: "Что означает обязательный государственный язык? Это значит практически, что язык великороссов, составляющих *меньшинство* населения России, навязывается всему остальному населению России <...> мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку. Мы не хотим только одного: принудительности <...>. Русские марксисты говорят, что необходимо *отсутствие* обязательного государственного языка при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках" (*Ленин В. И.* Поли, собр. соч. Т. 24. С. 293-295).

Языковые проблемы начинают всерьез интересовать либеральную интеллигенцию. Если прежде в этом контексте обычно обсуждались лишь права Польши и Украины (в последнем случае точка зрения либералов была далека от однозначности), то в период между двумя революциями возникает интерес к национально-языковым проблемам всех народов. Выразителем крайне левых для либерала взглядов по этим вопросам был И. А. Бодуэн де Куртенэ, писавший в 1905 г.: "Ни один язык не считается государственным и обязательным для всех образованных граждан, но, по соображениям наименьшей траты времени, языком центральных государственных учреждений, языком общегосударственной думы должен быть язык преобладающей численно национальности, язык обоих государственных центров, Петербурга и Москвы, *язык великорусский*. Тем не менее в общегосударственной думе не может быть воспрещено употребление других языков, хотя оно и явится вполне бесцельным с практической точки зрения. Каждому гражданину предоставляется право сношения с центральными учреждениями государства на своем родном языке. Дело этих центральных учреждений – обзавестись переводчиками со всех языков и на все языки, входящие в состав государства¹¹⁹. Чиновники являются слугами населения, и потому все чиновники данной местности или области должны владеть всеми свойственными ей языками" [цит. по: Алпатов 1997: 33]¹²⁰.

Эта программа в области языковой политики не отличается от большевистской. Ленин, так же как и Бодуэн, не сомневался, что де-факто официальным языком государства неизбежно окажется русский. Он, правда, указывал, что

¹¹⁹ Если власть обязана содержать переводчиков, неясно, почему употребление национальных языков в Думе "явится бесцельным", депутаты ничем не хуже других граждан, и дело Думы – предоставить им переводчиков.

¹²⁰ Бодуэн довольно много выступал по проблемам национально-языковой политики, но его работы в этой области остаются почти неизвестными; они не переиздавались и даже не вошли в список важнейших сочинений, приложенный к его двухтомнику. Сжатое изложение его брошюры "Национальный и территориальный признак в автономии" (1913) см. в книге [Мечковская 1996: 128-132]

"потребности экономического оборота сами собой определяют тот язык данной страны, знать который большинству выгодно в интересах торговых сношений" (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 424).

Пока до реализации подобной языковой революции было еще далеко, но небольшая прослойка национальной буржуазии и интеллигенции на общедемократическом подъеме стремилась к просвещению своих народов. Национальные языки шире внедряются в школу, резко возрастает книгопечатание, на ряде языков книги издаются впервые. Появляются первые пьесы на лакском, кумыкском¹, казахском и других языках, возникают самодеятельные труппы. Таким образом нарождающаяся местная интеллигенция пытается донести свои идеи до народных масс, которые в большинстве случаев по-прежнему остаются неграмотными.

В этот период закладывались основы временного расцвета малых языков, наступившего в первые годы советской власти. В 1910-х годах книги в России выпускались более чем на 20 языках, хотя заметными успехи в области книгоиздания были лишь на польском, языках Прибалтики, идише, татарском, армянском, украинском, грузинском. Данные о выпуске книг на национальных языках в 1913 г. представлены в табл. 2 [Левин 1930: 18–19, перегруппировано по количеству выпущенных книг]¹²¹; на русском языке в тот же год вышло 26 629 изданий общим тиражом 98,8 млн экземпляров. На ряде не включенных в таблицу языков в этот период бывали неежегодные публикации: на даргинском за 1910–1912 гг. выпущено три названия (3200 экз.), на коми и туркменском за 1910–1915 гг. – по одному.

Таблица 2

	Число изда- ний	Тираж		Число изда- ний	Тираж
Идиш*	574	1 541 015	Марийский	17	27200
Татарский**	267	1 052 100	Белорусский	12	33 000
Армянский	263	404 407	Персидский	5	15 000
Украинский	228	725 585	Аварский	3	2 850
Грузинский	236	478 338	Осетинский	3	1 270
Тюркский***	95	115 540	Карельский	1	10000
Чувашский	57	106 900	Якутский	1	1 614
Казахский	37	156 300	Молдавский	1	500
Узбекский	36	85 300	Болгарский	1	300

* В другом месте той же статьи указывается иная цифра: 1 765 290 [Левин 1930: 17].
 ** Вероятно, с крымско-татарским.
 *** Азербайджанский

Значительных размеров достигал и выпуск литературы для меньшинств на языках богослужения (в 1913 г. было выпущено более 1 млн экземпляров книг на древнееврейском, около 800 тыс. – на арабском). Вообще в национальных публикациях доля религиозной литературы была велика. Тематическое

¹²¹ На польском тогда выпускалось свыше 6 млн экземпляров в год, на латышском – 2,5 млн, на эстонском – 2 млн. В таблицу эти сведения не включены, поскольку они не были актуальны во время написания статьи И. Левина.

распределение книг на русском и других языках, вышедших в 1913 г., выглядело следующим образом [Левин 1930: 17]:

Таблица 3

	На русском	На других языках
Всего книг	98 819 08	20 017 605
Религия	1,9%	19,3%
Наука	19,2%	10,6%
Учебные пособия	20,8%	10,0%
Поэзия и театр	7,8%	15,3%

3. НАЦИОНАЛЬНАЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

3.1. ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ ПОСЛЕ КРАХА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Сразу после Февральской революции оформляются многочисленные национальные движения и партии, требующие, как минимум, автономии, но зачастую и независимости. Начинается то, что сегодня назвали бы "парадом суверенитетов". Временное правительство уже в марте 1917 г. признало независимость Польши, затем многие национальные окраины добились разнообразных уровней автономности. Повсеместно создавались параллельные властные структуры, которые центр контролировал всё хуже. Приход к власти большевиков катализировал эти движения. Одним из первых документов советской власти стала "Декларация прав народов России", провозглашавшая "свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп", "право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства"; все национальные и религиозные привилегии и ограничения отменялись. Собравшийся в январе 1918 г. III Всероссийский съезд Советов объявил о создании нового социалистического государства, Федеративной республики советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Принятая съездом "Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа" по существу признавала субъектами национальных взаимоотношений пролетариат и крестьянство, а не национальные группы в целом.

Несмотря на ясные программные заявления по национальному вопросу, партия большевиков не имела единого мнения относительно способов их реализации, что еще раз подтверждается недавней публикацией документов, относящихся ко времени образования и становления СССР [Несостоявшийся... 1992: 87-229].

Провозглашение федеративной республики подразумевало появление членов этой федерации; но к реальному возникновению национальных автономий многие практики большевизма относились настороженно. М. Лацис в марте 1918 г. пишет в "Известиях ВЦИК": «Мы имеем в проекте и в стадии практического осуществления два татарских "царства" – Казанское и Крымское. За

ними потянутся и остальные татары. Пример заразителен. Заговорили о своей республике и киргизы, а чем же хуже их башкиры, сарты, ряты [буряты?], якуты и многие, многие другие? <...> Предоставление этого права неразвитым народам, без сильного или при совершенном отсутствии пролетарского элемента более чем опасно» [Несостоявшийся... 1992: 74–75]. Это не случайное высказывание, оно отражало идеологию значительной части коммунистического руководства страны: демократические формы подразумевали жесткое идеологическое наполнение.

Как известно, в дальнейшем в стране формировались культуры, "национальные по форме, социалистические по содержанию".

Последующая судьба народов и их языков во многом зависела от наличия и уровня автономии, ее границ. Союзные республики были в более выигрышном положении, чем автономные; народы, оказавшиеся вне РСФСР, часто были в худшем положении, чем меньшинства России, и т. д.

Самые первые шаги, предпринятые новой властью в области национального строительства, *выглядят* вынужденными. Республики, образовавшие в 1922 г. СССР, имели своих предшественников в виде независимых государств, и советская власть не могла проявить меньше демократизма, чем "буржуазные" правительства. Вероятно поэтому первая конституция Белорусской ССР объявила государственными четыре языка: русский, белорусский, польский и идиш¹²².

Советская Россия не спешила стать федеративной.

Первой признанной центром автономией стала Автономная Область Немцев Поволжья. Поволжские немцы после Февральской революции образовали в Саратове Временный комитет самоуправления; в июне 1918 г. 1-й Съезд советов немцев Поволжья провозгласил автономию, классовая сущность которой поначалу была не вполне ясна, поэтому ленинский декрет об образовании АО Немцев Поволжья "в целях укрепления борьбы за социальное освобождение немецких рабочих и немецкой бедноты" появился только 19 октября 1918 г. Классовое содержание автономии было подчеркнуто переименованием ее в том же году в Трудовую Коммуну Немцев Поволжья.

Первой советской республикой, провозгласившей себя автономией в рамках Советской России в апреле 1918 г., стала Туркестанская АССР. Однако на той же территории еще в ноябре 1917 г. на 4-м Чрезвычайном краевом мусульманском съезде в Коканде уже была провозглашена автономия, не признавшая

¹²² Ранее они были объявлены языками Белорусской Народной Республики, провозгласившей в 1918 г. независимость от Советской России на всей территории расселения белорусов, как она понималась в дореволюционный период, вскоре республика была оккупирована Германией. Как только части Красной Армии, занимавшие территорию при эвакуации немецких войск, оказались в Смоленске, здесь, на белорусской территории, была провозглашена БССР (1 января 1919 г), и ВЦИК Советской России признал ее независимость. Позже территория Белоруссии была оккупирована Польшей, а вслед за ее окончательным освобождением в ходе советско-польской войны под юрисдикцией Белорусской ССР оказалось лишь неполных шесть уездов бывшей Минской губернии. Именно это карликовое государство участвовало в подписании договора о создании СССР. В новой, более спокойной политической ситуации единого СССР Белоруссии были переданы сначала Витебск и Могилев (1924), а позднее Гомель (1926).

советскую власть. В крае шла гражданская война. Центр не был уверен, во что выльется признание автономности всяких "сартов и многих, многих других" при отсутствии "сильного пролетарского элемента", поэтому ЦК РКП(б) принял "Положение об автономии Туркестана" только в 1920 г., а постановление ВЦИК об образовании Туркестанской республики вышло лишь в апреле 1921 г.

Датой образования Башкирской АССР в составе России (второй АССР после Туркестана) почему-то считается 23 марта 1919 г. – дата публикации подписанного тремя днями ранее "Соглашения Российского рабоче-крестьянского правительства с Башкирским правительством о советской автономии Башкирии"¹²³. Провозглашенная через год с лишним (27 мая 1920 г.) Татарская АССР никак не могла иметь статус ниже Башкирии, но появившиеся позже в том же году национальные образования чувашей, марийцев и удмуртов получили лишь статус автономных областей.

В октябре 1920 г. Политбюро ЦК РКП (б) приняло подготовленное Лениным постановление, где говорилось о необходимости создания автономий, "в соответствующих конкретным условиям формах для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений, в первую голову для калмыков и бурят-монголов" (*Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 41. С. 342). По свежим следам декрет об образовании Калмыцкой АО выходит 4 ноября¹²⁴, а образование бурятской автономии в РСФСР откладывается до января 1922 г. и происходит заметно позже провозглашения правительством Дальневосточной Республики аналогичной автономии для восточной Бурятии (апрель 1921 г.).

3.2. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СССР

К 1922 г. были заложены основы национальной политики на весь советский период. Государство формировалось как система иерархически упорядоченных национальных образований, в пределах которых официальные функции должен был выполнять язык соответствующего народа. Чем ниже был ранг национального образования, тем меньшей автономией оно пользовалось, но число общественных функций местных языков теоретически не уменьшалось, пред-

¹²³ Еще в ноябре 1917 г. в Оренбурге произошел всебашкирский курултай (съезд), образовавший Башкирское правительство; часть его членов была арестована при временном занятии Оренбурга советскими войсками в январе 1918 г. Но правительство продолжало действовать, его признавали оренбургский войсковой атаман А. И. Дутов, образованный в Самаре в июле 1918 г. Комуч (Комитет членов Учредительного собрания), Уфимская директория. С переходом власти к А. В. Колчаку башкирская автономия ликвидируется; тогда Башкирия подписывает с Москвой упомянутое соглашение, и башкирские войска активно участвуют в освобождении летом 1919 г. Южного Приуралья от войск Колчака. Руководитель Башкирии, коммунист А.-З. Валидов, обвиняется в национализме и выводится из состава Ревкома; с целью создания компартии Востока он уезжает в Туркестан, но позже вынужден был эмигрировать.

¹²⁴ Первое признание центром своей автономии калмыки получили вместе с Украинской Радой, но случилось это еще при князе Львове (1 июля 1917г.). В дальнейшем калмыцкий народ стойко встал на защиту "феодално-кулацкой" Степной области калмыцкого народа, и утверждение на ее территории советской власти пришлось вести методами, близкими к геноциду. Численность калмыков за годы революции и Гражданской войны сократилась почти вдвое; частично это последствия эмиграции и голода, но в первую очередь результат физического уничтожения. Калмыки - один из немногих народов России, численность которого сократилась за последние 100 лет, и, в отличие от мордвы или карел, с физической ассимиляцией это связано мало: в 1897 г. калмыков было 190,6 тыс человек, в 1926 г. – 132,0, в 1959 г. - 106,1, в 1989 г. - 173,8.

полагалось, что в рамках, скажем, автономной республики ее титульный язык¹²⁵ совершенно равноправен с языком соответствующей союзной республики, а язык союзной республики – с фактически общегосударственным русским языком¹²⁶.

На момент образования Советского Союза РСФСР включала в себя 8 АССР (включая Туркестанскую и Киргизскую), 12 автономных областей, 2 трудовые коммуны; Хорезмская и Хивинская Народные Советские Республики находились с РСФСР в договорных отношениях. Украина и Белоруссия не имели в своем составе автономий. ЗСФСР являлась конфедерацией трех закавказских союзных республик, среди которых к Азербайджану на правах автономии относилась Нахичеванская ССР; в состав Грузии входили Аджарская АССР и Юго-Осетинская АО, а также, на договорных началах, Абхазская ССР. Национальный принцип организации республик не был выдержан в Средней Азии, и здесь в 1924–1925 гг. было проведено национальное размежевание: возникли Узбекская и Туркменская ССР и автономии, три из которых (Таджикистан, Казахстан, Киргизия) позднее получили республиканский статус.

Теоретически границы союзных республик и автономий разного уровня должны были совпадать с компактными этническими территориями. Для создания подобных административных единиц существовали объективные препятствия: часто народы жили чересполосно, а этнический состав городов нередко сильно отличался от этнического состава окружающей их сельской местности. Выход из этого был найден. Во-первых, если в пределах этнического ареала не находилось достаточно крупного населенного пункта, то столица автономии могла располагаться вне ее самой – центром Адыгейской АО первоначально был Краснодар, отделенный от территории автономии р. Кубань; с разделением Горской АССР на Осетинскую АО и Ингушскую АО столицей обеих остался Владикавказ, выделенный в особую административную единицу Северокавказского края и не входивший в состав автономий; до 1929 г. не входил в состав Чечни Грозный, располагаясь внутри ее территории, и т. п. Второй путь – создание автономий внутри автономий. В связи с этим понятие *национальное меньшинство (нацмен)* получает важное уточнение: к числу национальных меньшинств относится всякая национальная популяция, живущая вне своего национального образования или в инонациональном окружении. Любое национальное меньшинство имеет право на национальное административное образование, где его язык будет функционировать как официальный. Скажем, греки или русские, компактно проживавшие на Украине, получили право на создание национальных районов, при этом русское село в греческом национальном районе могло образовать национальный сельсовет. На нижних административных уровнях эта система работала относительно хорошо, однако конституционно не закрепленные национальные сельсоветы, районы и (первоначально) округа ликвидировались с такой же легкостью, как и создавались.

¹²⁵ Сам термин *титульный язык* стал использоваться лишь к концу советского периода

¹²⁶ Официального статуса русский язык не имел, вошедший в обиход в 1970-х годах термин *язык межнационального общения* в советский период законодательно закреплён не был.

Что же касается союзных и автономных республик, то их границы могли оставаться неизменными, могли меняться, но, как правило, не по мотивам этнического состава.

В одном случае, как на Кавказе, где границы "сложились исторически" в ходе Гражданской войны, они не подлежали пересмотру. В результате лезгины и осетины образовывали единые массивы, но жили в разных республиках; населенный армянами и примыкающий к Армении Ахалка-лакский район оставался в Грузии; талыши, которые составляли абсолютное большинство в районе Ленкорани (на 1926 г. их было 77 тыс. человек), не получив официального признания в начале 1920-х годов, подверглись позднее жесткой дискриминации и т. п.

Часто границы проводились с учетом очевидных политических соображений: земли Уральского казачьего войска отошли к Казахстану, а Оренбургского и Сибирского войск были поделены между РСФСР и Казахстаном; Татарская АССР была сформирована "по минимуму" территории, при том что в соседних с ней республиках приходилось организовывать национальные районы и сельсоветы. Из более поздних событий отметим невосстановление автономий крымских татар и немцев Поволжья, хотя автономии остальных репрессированных народов были восстановлены. Бывали и чисто экономические причины: передача части Ненецкого округа в Коми АССР с началом разработки Воркутинского угольного бассейна, передача Каракалпакской автономии из Казахстана в Узбекистан; или экономико-политические: ликвидация эвенского Охотского национального округа, когда вся его территория фактически попала под юрисдикцию Дальстроя (дальневосточного подразделения ГУЛАГа).

В других случаях причины не столь очевидны и, скорее всего, связаны с наличием или отсутствием своевременного "этнического лоббирования" в ту или другую сторону (создание Чукотского, Охотского, Витимо-Олекминского, Эвенкийского национальных округов никак не затронуло территорию соседней Якутии, хотя этнические территории чукчей, эвенов, эвенков пересекали ее границы и для этих народов там параллельно создавались национальные районы).

После 1930 г. список автономий по существу уже не пересматривался. Лишь в 1934 г. возникла Еврейская АО, части Бурят-Монгольской АССР в сентябре 1937 г. были преобразованы в Агинский и Усть-Ордынский национальные округа, и статус автономной области получила при вхождении в СССР в 1944 г. Тувинская Народная Республика. В этой связи не удивляет, например, что с присоединением в 1940 г. Бессарабии граница между Молдавией и Украиной в Буджаке проводилась без всякого внимания к расселению живших здесь компактно и составлявших большинство болгар и гагаузов: две трети болгар оказались на Украине, а большая часть гагаузов – в Молдавии.

Языковая судьба народов, не получивших собственных автономий, зависела от того, на чьей территории им суждено было оказаться, поскольку национально-языковая политика разных республик сильно различалась. Например, компактно проживавшим в Азербайджане курдам, получившим поначалу национальный район (между Карабахом и собственно Арменией), с конца 1930-х

годов было "положено" считаться азербайджанцами, национальные школы были закрыты, книги не выпускались. В соседней Армении, где курдов было значительно меньше и жили они более дисперсно, выходила курдская пресса и функционировала школа.

Подобные "мелочи" в административном делении существенно сказались на сохранности языка у различных народов. Вот несколько примеров. Число талышей уменьшилось в Азербайджане за 1926-1989 гг. в три с половиной раза¹²⁷, курдов – в два с лишним. При этом свой этнический язык считают здесь родным 65% курдов, а среди курдов Армении – 80%. Ногайцы, не получившие своей автономии и поровну разделенные между Дагестаном и Ставропольским краем, ассимилируются заметно быстрее своих соседей. В 1926 г. их насчитывалось 36 тыс., к 1989 г. их численность возросла на 108%; в то же время численность лакцев и табасаранцев (в 1926 г. - 40 и 32 тыс. человек), имеющих сходные показатели естественного прироста, увеличилась на 195% и 206%. Те, кто продолжают считать себя ногайцами, в Дагестане в языковом отношении подвергаются языковой ассимиляции кумыками (для 15% дагестанских ногайцев кумыкский язык родной). Численность греков, имеющих несколько районов компактного проживания, но не получивших автономии, возросла за тот же период всего на 67%. Вепсов, оказавшихся на стыке разных административных единиц (последние десятилетия – Карельской АССР, Ленинградской и Вологодской обл.) за 1926–1989 гг. стало почти в три раза меньше.

Башкиры в силу исторических обстоятельств численно уступали в собственной республике татарам, и значительная их часть перешла на более престижный татарский язык. Письменность для карелов Карелии, отличающихся сильными диалектными различиями, подготовили лишь к концу 1930-х годов, но она не была введена, поскольку Карельскую АССР укрупнили до Карело-Финской ССР, где языком школы был объявлен финский. При последующем понижении статуса республики до АССР и повороте языковой политики к фактической русификации школа перешла на русский язык. У тверских карел, имевших в 1930-х годах свой национальный округ, где функционировала школа на родном языке, сохранность этнического языка как родного к 1970 г. была все еще относительно высокой (72% против 58% среди карел Карелии).

Сохранность родного языка у болгар и гагаузов зависит от их численности в соседствующих республиках: гагаузский язык лучше сохранился в Молдавии, а болгарский – в Одесской области Украины. Нет сомнения, что, если бы каждый из этих народов не был разделен республиканской границей, оба языка сохранились бы лучше.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что чисто административные решения заметно влияют на судьбу языков, но, конечно, дело не в них одних. Вернемся к начальному этапу языковой политики советской власти.

¹²⁷ Начиная с 1950-х годов статистика по национальности и языку в Азербайджане абсолютно недостоверна. Число талышей, которых в 1926 г. было 77 тыс., к 1959 г. сократилось до 0,2 тыс., а в 1989 г. они насчитывали 22 тыс. человек. Не ясно, насколько последняя цифра отражает реальную ассимиляцию, а насколько – технические особенности переписи населения.

3.3. ЯЗЫКОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ДО СЕРЕДИНЫ 1930-Х ГОДОВ

При всех издержках национального строительства, в 1920-е годы были заложены основы государственного строя, уникального по степени учета интересов отдельных народов и этнических групп. Другое дело, что фактическая реализация конституционных прав не всегда соответствовала декларациям, но до середины 1930-х годов факты, свидетельствующие об этом расхождении, можно считать случайными; и в теории, и на практике государство на всех уровнях всемерно поддерживало развитие национальных культур и языков. Коммунистическая идеология, впрочем, предопределила отказ от "неправильных" аспектов культуры (религиозных, "буржуазных", "отсталых") и активную борьбу с ними.

В начале 1920-х годов повсеместно вводился курс на "коренизацию" всех партийно-государственных структур, т. е. на максимально широкое вовлечение в административную деятельность местного населения. Во многих районах предпринимались попытки перевести делопроизводство на республиканском и местном уровнях исключительно на национальные языки [см. Алпатов 1997: 37 (последующее изложение во многом опирается на эту книгу)]. Предполагалось, что русское население национальных республик постепенно освоит местные языки, а партийно-государственные функционеры просто обязаны были сделать это в кратчайший срок. Постановления такого рода принимались неоднократно, но до их реализации, за редкими индивидуальными исключениями, дело не доходило.

В подъеме культурного уровня населения и переориентации его на построение коммунистического общества первоочередное внимание уделялось просвещению. Поначалу организация национальной школы шла самостоятельным путем и многое зависело от образовательного уровня самих этнических общин. В Сибири, например, где было много переселенцев из Прибалтики, первыми открывались латышские и эстонские школы: в Енисейской губернии уже в 1922 г. их было, соответственно, 11 и 10 при двух татарских [Болтенкова 1988: 157]. Но вскоре просвещение национальностей было объявлено одной из важнейших задач коммунистической партии. Выступая на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г., Сталин объяснил важность решения национально-языковых проблем следующим образом: "Необходимо, чтобы власть пролетариата была столь же родной для инонационального крестьянства, как и для русского <...> чтобы она была понятна для него, чтобы функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт. Только тогда, и только постольку Советская власть, являвшаяся до последнего времени властью русской, станет властью не только русской, но и интернациональной, когда учреждения и органы власти в республиках этих стран заговорят и заработают на родном языке" (*Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 240–241*). Съезд принял решение об издании специальных законов, которые бы обеспечивали употребление родных языков во всех учреждениях, обслуживающих нерусское население. Национальная принадлежность населения стала основой административного деления государства, но оставался обшир-

ный регион, где административно-государственное устройство не было пока связано с этническими характеристиками местных жителей, – Средняя Азия.

Исторически оседлое население Средней Азии говорило на иранских языках, но со времен Средневековья здесь постепенно возрастала численность оседлых тюрков (частично это были тюркизированные иранцы). В центре региона на пригодных для земледелия территориях тюрки и иранцы жили чересполосно, в старых городских центрах – Бухаре и Самарканде – преобладали иранцы, хотя окружающие их сельские районы были в основном тюркоязычны. Менее пригодные к обработке земли в тех же районах были заняты кочевниками и полукочевниками. В предгорьях и горных долинах на западе Памиро-Алая жили оседлые иранцы (часто сильно различавшиеся по языку, до полной невозможности взаимопонимания), восток этой горной системы, а также горы и предгорья Алатау населяли кочевники-тюрки¹²⁸.

Среднеазиатскую периферию на западе занимали начавшие переходить к оседлости туркмены, на севере – кочевники-казахи и незадолго до того освоившие земледелие каракалпаки. Этнотерминологический состав и кочевников, и оседлых был достаточно сложен, но ведущая идентичность различных групп населения была с ним мало связана. По авторитетному мнению академика В. В. Бартольда, "оседлый житель Средней Азии чувствует себя в первую очередь мусульманином, а затем уже жителем определенного города или местности; мысль о принадлежности к определенному народу не имеет для него никакого значения" [Бартольд 1964: 525]¹²⁹.

Для кочевых и недавно перешедших к земледелию народов идентичность была в первую очередь связана с родо-племенной принадлежностью, хотя часто осознавалась соотносительность и с большими этническими объединениями. Однако ставить знак равенства между такими объединениями и понятием *народ* в европейском смысле было бы не вполне верно. Не случайно будущие *казахи* назывались по-русски *киргизами* вплоть до 1925 г. Показательно также существование одноименных родов у разных этносов: скажем, род *канглы* известен и у казахов, и у узбеков, и у каракалпаков. Тем не менее определенная этнонимическая номенклатура существовала; с позиции современности наиболее загадочным должен показаться тюркский народ *сарты*, известный, по крайней мере, с XV в. Это были земледельцы, не имевшие и следов племенной организации. По переписи 1897 г., в русском Туркестане (т. е. без Бухары и Хивы, где перепись не проводилась) их насчитывалось 967 тыс. – заметно больше, чем узбеков (726 тыс.). Свой разговорный язык (*сарт тили*) сарты вполне отчетливо противопоставляли языкам узбеков и других тюрков. Традиционных литературных языков в Средней Азии было два – персидский и чагатайский (сейчас часто называемый староузбекским, но он был более близок к сартовскому), грамотные го-

¹²⁸ В Семиречье (юго-восток современного Казахстана и прилегающие районы Киргизии) с конца 1860-х годов обосновались переселенцы из Европейской России.

¹²⁹ За годы советской власти этническая идентичность заняла важное место в сознании таджиков и узбеков, но это в первую очередь касается жителей однородных в языковом отношении регионов и интеллигенции. Современный исследователь отмечает: «Узбечка из кишлака под Самаркандом, вышедшая замуж за таджика г. Самарканда, заявляет: "Я узбечка была, теперь вышла замуж, стала таджичка"» [Бронникова 1993: 157].

рожане часто владели обоими.

В этой ситуации в 1924–1925 гг. было проведено национальное размежевание территории Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской народных республик, когда сложилась современная номенклатура республик и автономий (статус автономий позднее повышался¹³⁰, а границы многократно пересматривались). Лингвистический компонент в ходе размежевания был очень существен, поскольку предстояло заново создать литературные языки для каждой из конституированных народностей. Таджикский литературный язык строился на базе классического персидского, но под сильным влиянием живых местных диалектов. В отношении узбекского языка в 1920-х годах шла острая дискуссия по выбору опорного диалекта. В число узбеков были включены сарты и некоторые более мелкие тюркоязычные группы, как оседлые (например, жившие в районе Ташкента курама, кипчаки Ферганской долины), так и кочевые, часто этнически определявшиеся просто как тюрки.

В развитие решений партийных органов был принят ряд постановлений, в частности постановление СНК СССР от 29 августа 1924 г., значительно снижавшее нормативную численность населения, необходимую для образования низших национальных административных единиц: если для создания обычного административного района требовалось, чтобы на соответствующей территории жило не менее 25 тыс. человек, а для сельсовета – 1000 человек, то для национальных единиц достаточно было, соответственно, 10 тыс. и 500 человек.

Рассмотрим ход национального строительства на Украине [Клячин 1989]. Первые 4 немецких района были организованы в сентябре 1924 г.; в октябре на левобережье Днестра образовалась Молдавская АССР (правый берег принадлежал в это время Румынии). К 1930 г. существовало 9 русских, 8 немецких, 4 болгарских, 3 греческих, 3 еврейских и 1 польский национальные районы. Поскольку многие меньшинства жили дисперсно, для них были организованы сельские советы; русских, немецких и польских сельсоветов было более чем по 100; еврейских, молдавских, болгарских и греческих – по несколько десятков, имелось также 13 чешских, 2 белорусских и 1 шведский сельсовет. Возникали и национальные поселковые советы. В национальных районах организовывались сельсоветы для меньшинств; так, в Мархлевском польском районе, где из 41 тыс. жителей поляки составляли 73%, украинцы – 17% и немцы – 8%, было 3 украинских и 2 немецких сельсовета. Во всех этих образованиях административный аппарат функционировал на национальных языках, в каждом сельсовете школа должна была работать на местном языке. Но последнее требование не для всех языков могло быть быстро выполнено: не хватало педагогических кадров и идеологически выдержанных учебных пособий. К концу 1920-х годов 75% немецких детей Украины учились по-немецки, а молдавские и греческие школы только создавались. Национальные школы появились и в городах; для

¹³⁰ Первоначально статус союзных республик получили Узбекистан (с Таджикской АССР и Горно-Бадахшанской АО) и Туркмения. В составе РСФСР остались существовавшая с 1920 г. Казахская АССР (к ней были присоединены северо-восток Туркестана и новая Каракалпакская АО) и вновь образованная Киргизская АО. Таджикистан стал союзной республикой в 1929 г., Казахстан и Киргизия – в 1936 г.

упрощения их создания норма класса в них была снижена вдвое против обыкновенной (20 человек вместо 40). Уже в 1925/26 учебном году на Украине работали 2764 национальные школы, в том числе:

русские	1214	чешские	17
польские	337	татарские	31
немецкие	625	ассирийские	3
еврейские	457	армянские	5
болгарские	74	шведская	1

Конечно, на ряде языков могли функционировать лишь элементарные начальные школы, но они давали возможность овладеть грамотой на родном языке. Книги на Украине в 1920-х годах издавались на 11 языках, периодика – на 8 (украинский, русский, еврейский, польский, немецкий, греческий, болгарский, татарский). К трем русским театрам прибавилось несколько украинских, в 1925 г. открылся еврейский театр в Харькове, в 1926 г. – польский в Киеве.

Сходная картина наблюдалась повсеместно. В Казахстане, например, на 1928 г. существовали русские, украинские, немецкие, казачьи (!), татарские, мордовские, чувашские, болгарские, эстонские и польский сельсоветы, уйгурские, узбекские, таджикские, дунганские кишпачные советы; позднее в местах компактного расположения национальных сельсоветов были организованы 18 русских, 2 узбекских, 2 уйгурских и 1 немецкий районы [Болтенкова 1988: 63]. В 1933 г. при открытии сессии ЦИК М. И. Калинин сообщал, что в СССР функционирует 250 национальных районов и 5300 национальных сельсоветов [цит. по: Болтенкова 1988: 63].

Наряду со школами для детей во всех национальных автономиях активно работали пункты ликвидации неграмотности, избы-читальни, клубы, красные уголки и т. п. Имелись они в большом количестве и вне национальных административных единиц. Так, в Ленинграде было 11 национальных домов просвещения (польский, латышский, немецкий, литовский, еврейский, венгерский, татарский, украинский, белорусский, эстонский, финский), в Ленинградской области в 1929/30 учебном году было 274 финских, 89 эстонских, 55 вепсских школ и 21 латышская. Только для финского меньшинства было открыто 32 избы-читальни, 118 красных уголков, 14 школ для малограмотных. До середины 1930-х годов число культурных учреждений росло. На 1934 г. среди избычитален Ленобласти (она включала тогда и Мурманский округ) числилось 24 вепсских, 10 ижорских, 4 карельских, 2 лопарских и 1 норвежская [Болтенкова 1988: 156].

Показательным примером роли языков вне территорий их официального использования может служить изданный в 1932 г. в Краснодаре "Плян украшазаци Швшчно-кавказьского педагопчного штитуту". Согласно ему в начале 1931/32 учебного года было принято решение о полной украинизации этого вуза. Кроме пединститута, в этот период на Кубани работало 12 украинских педтехникумов и 950 школ 1-й ступени. В 1931 г. в крае вышло 149 названий украинских книг тиражом 968 тыс. экземпляров, по плану на 1932 г. предполагалось

выпустить книги 600 названий тиражом 4,8 млн экземпляров.

Национально-языковое строительство требовало огромных материальных вложений. Но самое главное, нужны были авторы учебников, кадры педагогов, причем не только для языков, обладавших литературной традицией, пусть и непродолжительной, но и для тех, которые еще вчера оставались бесписьменными. Успехи советской лингвистики 1920 – начала 1930-х годов беспрецедентны. За десятилетие были разработаны десятки письменностей, многие языки стали впервые использоваться в научных сферах, еще больше – в общественно-политической области и делопроизводстве, что требовало кропотливой работы по созданию те] минологии, разработке стилистики.

Как говорилось выше, в предреволюционные годы! книги выпускались более чем на 20 языках, но в большинстве случаев это были лишь sporadicheskie издания. Вопрос о диалектной основе письменных языков решен не был, даже графическая основа, не говоря об орфографии, не устоялась. Среди языков будущих союзных республик, а тем более автономий, оказались и такие, для которых попыток письменной фиксации по существу еще не предпринималось (киргизский, каракалпакский, хакасский и др.). Первоочередными задачами были ликвидация неграмотности среди тех народов, языки которых имели письменность, и ал-фабетизация бесписьменных языков. Каждая из этих задач предполагала решение нескольких проблем.

Лишь незначительная часть языков СССР имела устоявшуюся письменную традицию, и в этих случаях литературный язык часто достаточно далеко отстоял от идиомов, использовавшихся соответствующими народами в быту. В таком случае проблема овладения грамотой не сводилась к изучению письма – требовалось осваивать также литературную норму. Был и другой путь – отказ от старого литературного языка и создание новой нормы; в этом случае наличие предшествовавшей литературной традиции почти не давало соответствующим языкам преимуществ. Для языков с небольшой письменной традицией проблема создания нормы также вставала часто, но всегда существовала проблема престижности избранной нормы. Наконец, во многих районах этническая идентичность фактически не была выражена, и в связи с этим предстояло структурирование идентичностей населения, определение границ этноса, который должен обслуживаться создаваемым литературным языком. Последняя проблема была особенно остра для малых народов Севера, у которых преобладала родовая идентичность, а также в Средней Азии.

Но главным на первом этапе языкового строительства оказался вопрос графики. Мусульманские народы пользовались арабским письмом, но его применение в классическом виде для многих языков создает большие сложности, в первую очередь при передаче вокализма. В то же время, будучи письмом Корана, оно обладает в глазах мусульман определенной сакральностью. При применении к конкретным тюркским, кавказским, иранским языкам оно обычно подвергалось некоторым модификациям еще в дореволюционной России. В ходе борьбы с неграмотностью реформирование арабицы велось в основном по трем направлениям: устранение излишних графем, упорядочивание обозначения фонем, отсутствующих в арабском, в первую очередь гласных, а также унифика-

ция написания букв независимо от позиции в слове¹³¹. Оригинальную реформу казахской арабицы разработал А. Байтурсунов: учитывая сингармонизм, он предложил одинаково обозначать парные передне- и задне-рядные гласные, но перед каждым словом ставить особый знак, указывающий на сингармонический ряд.

В ходе реформирования арабского письма возникла идея замены его латинским. Мотивировка этому давалась чрезвычайно разнообразная: от сложности усвоения арабицы, даже реформированной, до неудобства совмещения с нотной записью (ввиду разного направления письма), но по существу основной причиной отказа от нее было желание порвать с "отсталой" культурой прошлого (в первую очередь с исламом), вестернизировать Восток. Русская графика ассоциировалась с ассимиляторской политикой царизма, поэтому речи о ее использовании не было.

От идеи реформы арабской графики сразу же отказались в Азербайджане, где латинизированный алфавит был утвержден в 1922 г.¹³² Для реализации перехода на новую письменность был образован Комитет по проведению нового тюркского алфавита (КНТА) во главе с председателем ЦИК Азербайджана С. А. Агамали-оглы. В первые годы арабский и латинский алфавиты были равноправны, в начальной школе новая письменность стала обязательной лишь с 1925 г. На I Всесоюзном тюркологическом съезде в Баку (1926) была принята резолюция, рекомендовавшая всем народам изучить опыт Азербайджана "для возможного проведения у себя этой реформы" [цит. по: Исаев 1979: 71]. Идея латинизации получила поддержку союзного правительства, под руководством С. Агамали-оглы был создан Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита, который начал работать в Баку в июне 1927 г.¹³³

Реформированием старых и созданием новых письменностей реально руководил кавказовед Н. Ф. Яковлев, в работу активно включились лучшие языковеды страны. "Каждый из них был видным специалистом по какой-либо группе языков: Н. Ф. Яковлев и Л. И. Жирков – по языкам Кавказа, Д. В. Бубрих – по финно-угорским, Н. Н. Поппе – по монгольским, Н. К. Дмитриев и К. К. Юдахин – по тюркским языкам и др. Выдающийся полиглот Е. Д. Поливанов мог одновременно заниматься самыми различными языками, больше всего он работал по языкам Средней Азии от узбекского до дунганского" [Алпатов 1997: 49]. Практические работы по алфabetизации стали экспериментальной проверкой и одновременно стимулом для дальнейшего развития фонологической теории.

Важным преимуществом латинского алфавита считался его интернациональный характер; предполагалось, что его усвоение поможет делу близкой "мировой революции". Между тем один из старописьменных языков, персид-

¹³¹ Классическая арабская графика предусматривает для большинства букв четыре начертания: одиночное, начальное, срединное и конечное.

¹³² Проект латинизации азербайджанской письменности впервые был предложен М.Ф. Ахундовым в 1857 г.

¹³³ Латинская графика к этому времени была уже разработана для ряда северокавказских языков ингушского, чеченского, осетинского, кабардино-черкесского, карачаево-балкарского; правда, использовалась она везде наряду с арабицей.

ско-таджикский, в своей оригинальной арабской графике был вполне понятен грамотным мусульманам Ирана, Афганистана, Индии и, казалось бы, мог рассчитывать на статус проводника идей мировой революции. В периодике 1920-х годов отмечалось, что "реформа помешает таджикскому печатному слову стать пропагандистом социалистической идеологии на Востоке" [Исаев 1979: 135], однако антирелигиозная идеология оказалась важнее. Латинизации графики противились не только клерикальные круги, поскольку у многих народов успехи в ликвидации неграмотности были уже довольно значительны, а отказ от старого алфавита сводил на нет проделанную в этой области работу. Наиболее серьезную оппозицию составляла Татария¹³⁴, однако реформа письма началась и здесь.

Идеология латинизации развивалась на базе алфавита, разработанного в Азербайджане. Малый объем латинского алфавита ставил определенные проблемы для однозначной передачи фонологической системы. Диграфы, как и надстрочная диакритика, были отвергнуты, в результате новый алфавит использовал модифицированные буквы. "Стандартный" унифицированный тюркский алфавит содержал 33 символа: А, В, С (мягкая глухая аффриката, *ч*), З (мягкая звонкая аффриката, *дж*), D, E, Э (передняя гласная нижнего подъема, *ae*), F, G, oј (увулярный звонкий взрывной), H, I, J, K, L, M, N, Iv[(заднеязычный носовой), O, 0 (передний огубленный гласный нижнего подъема, *б*), P, Q (увулярный глухой взрывной), R, S, \$ (глухой шипящий, *ш*), T, U, V, X (заднеязычный глухой фрикативный, *х*), Y (передний огубленный гласный верхнего подъема; вариант 7 использовался реже), Z, Z (звонкий шипящий, *ж*), Ъ (= ы). Как видим, латинский в своей основе алфавит использовал не вполне обычные для западных языков конвенции¹³⁵. Тюркские алфавиты, разработанные к концу 1920-х годов на базе унифицированного, приспособлялись к нуждам конкретных языков и содержали от 26 символов в якутском до 35 в башкирском [Исаев 1979: 230].

Судьба арабского письма в СССР была окончательно решена. Первым покончил с арабицей Азербайджан: с 1 января 1929 г. школа, делопроизводство, печать были полностью переведены на новый алфавит. Отказ от арабского алфавита в остальных республиках был ускорен постановлением Президиума ЦИК СССР от 7 августа 1929 г. В течение 1929 г. переход на латиницу был завершен в Туркмении и Киргизии – как раз тех республиках, где литературные языки только начинали свое становление, а грамотность была невелика¹³⁶. Всеобщее стремление к досрочному выполнению любых обязательств отразилось и на языковом строительстве. Началось своеобразное соревнование, кто быстрее закончит латинизацию письменности, часто в ущерб реальным задачам. Так, в

¹³⁴ Среди татарского населения этой республики по переписи 1926 г. были грамотны (естественно, на арабском алфавите) 37,1% (40,3% мужчин и 27,6% женщин); к 1930 г., когда татарская школа окончательно перешла на новый алфавит, грамотность на нем составляла 22%

¹³⁵ Первые северокавказские алфавиты, разработанные независимо от азербайджанского, содержали более привычную верхнюю диакритику (ä, č и т. п.). Турки ввели латиницу в 1928 г., но на советский алфавит они не ориентировались, есть даже противоположные конвенции: в советских алфавитах ç обозначало звонкую аффрикату, с - глухую, в турецком алфавите – наоборот.

¹³⁶ По переписи 1926 г. среди киргизов грамотных было 4,6%, среди туркмен – 2,3%.

Башкирии досрочный отказ от арабицы привел к тому, что тираж газеты "Башкортостан" с 10 тыс. экземпляров упал до 3600. "Пришлось срочно вновь решать использование запретного арабского письма для публикации "наиболее важных" материалов и восстановить прием администрацией бумаг, записанных арабицей" [Алпатов 1997: 75].

С точки зрения советского государства важным следствием утверждения латиницы стала утрата коранической грамотности среди мусульманских народов. Там, где существовали давние письменные традиции, во многом была подорвана и светская культурная преемственность. Например, классическая поэма Фирдоуси "Шах-наме", "центральный для культуры таджиков памятник" [Шукуров 1990: 116], на латинице не издавалась (несмотря на празднование в 1934 г. 1000-летия со дня рождения поэта, в связи с чем был выпущен сокращенный русский перевод) и стала доступна в оригинале только в 1962 г.

Вертикальное монгольское письмо в Калмыкии вне религиозной сферы вышло из употребления с введением русской графики, замененной в 1931 г. латиницей. У бурят положение было сложнее: западные буряты в делопроизводстве прибегали к русскому языку, а в письме на родном языке пользовались русской графикой; в Забайкалье же известное распространение получил старописьменный монгольский язык в традиционной графике, который продолжал функционировать как официальный еще в начале 1930-х годов. Предполагалось, что на смену ему придет новый язык в новой графике, но единый для советских бурят и жителей МНР. Такое решение официально было принято ЦИК Бурят-Монголии и обкомом партии в январе 1931 г. В том же году от него отказались и перешли к созданию бурятского литературного языка на базе селенгинского диалекта (через пять лет решение об опорном диалекте было пересмотрено в пользу хоринского диалекта)¹³⁷. В советское время решение об институционализации халха-монгольского языка на территории СССР стали причислять к проявлениям буржуазного национализма. В. М. Алпатов называет его "политически опасным" [Алпатов 1997: 75], однако дело, видимо, обстоит сложнее. Эта точка зрения к концу 1920-х годов была широко распространена, достаточно указать на одновременное появление в одном сборнике независимых публикаций Н. Н. Поппе и Б. Барадина [Поппе 1929; Барадин 1929]. Вторым из авторов писал: "...будущий унифицированный бурят-монгольский новолитературный язык по грамматической форме должен быть в основе халхаским наречием" [Барадин 1929: 21]. Обращает на себя внимание термин *бурят-монгольский*. Он к тому времени уже становился синонимом слова *бурятский*, но его исконная семантика (*бурятский* и *монгольский*) явно еще была очевидна. Изобретен он был в 1922 г. при создании автономии, которая по замыслу, вероятно, была рассчитана на будущее включение в себя и Монголии¹³⁸.

¹³⁷ При этом в газетах и делопроизводстве окончательно перестали пользоваться старомонгольской графикой лишь после 1936 г. [Исаев 1979: 214].

¹³⁸ До революции буряты никогда не назывались бурят-монголами, а монголы в России исчислялись единицами. Начало бурятской автономии было положено созданием в Забайкалье Монголо-Бурятской АО, причем не в составе России, а в составе "независимой" и формально даже несоветской Дальневосточной Республики (27 апреля 1921 г.). Образование Бурят-Монгольской АО (9 января 1922 г.) на территории РСФСР (к западу от р. Селенги) было ответным шагом. С упразднением ДВР обе автономии объе-

Деятельность по "коренизации" образования народов Севера начала разворачиваться с конца 1920-х годов. В феврале 1931 г. ВЦК НА утвердил единый северный алфавит (латинский), на базе которого разрабатывались конкретные письменности. Эта деятельность была сосредоточена в Ленинграде, где в 1930 г. был образован Институт народов Севера (ИНС) и открылось северное отделение при пединституте им. А. И. Герцена. I Всероссийская конференция по развитию языков и письменностей народов Севера в январе 1932 г. утвердила предложенный ИНС проект развития 14 "национально-литературных языков": саамского, ненецкого, мансийского, хантыйского, селькупского, кетского, эвенкийского, эвенского, нанайского, удэгейского, чукотского, корякского, нивхского, эскимосского. Было признано необходимым создать ительменский и алеутский литературные языки, а также изучить вопрос о создании "национально-литературных языков" для нганасан и юкагиров, и рассмотреть возможность обслуживания энцев ненецким языком, а карагасов – тувинским. Ульчей было решено обслуживать нанайским языком, орочей – удэгейским, неги-дальцев – эвенкийским [Исаев 1979: 223–224].

В конце 1920 – начале 1930-х годов латинизации подверглись и такие языки, для которых существовала относительно давняя или созданная лишь несколькими годами ранее письменность на основе русской графики. У большинства этих народов (алтайцев, калмыков, хакасов, шорцев) овладение кириллицей¹³⁹ шло медленно, и смена алфавита не сильно отразилась на уровне грамотности. Но в некоторых случаях переход от одной графики к другой столь очевидным образом противоречил задачам построения социализма, что, вероятно, лишь высокие достижения в искусстве демагогии позволили реформаторам избежать обвинений в идеологической диверсии. Например, коми с 1918 г. пользовались строго фонологичным молодцовским алфавитом, в котором из 33 букв 11 были латинскими или модифицированными. Очередное совещание в 1929 г. отмечало, что он, с одной стороны, "вполне приспособлен к языку коми", а с другой – "не удовлетворяет современному общественному движению народов СССР в сторону латинизации алфавитов". Было решено подготовить новый алфавит на основе "яфетидологического, аналитического и унифицированного тюркского алфавита" [Исаев 1979: 205]. Реформу предполагалось провести вместе с русскими и другими пока еще неуспевшими латинизировать письменность народами, но в 1932 г. переход на новый алфавит начался. Учитывая, что еще в 1926 г. доля грамотных среди коми составляла 38,1%, добрая половина этого

динились 30 мая 1923 г. в Бурят-Монгольскую (с 1958 г. - Бурятскую) АССР. Ранее, во время японской оккупации, в 1919 г. в Чите была предпринята попытка создания Великой Монголии "от Байкала до Тибета"; другая попытка провозглашения такого государства произошла с захватом в феврале 1921 г. Урги (будущего Улан-Батора) белогвардейскими войсками барона Унгерна, бежавшими из России. Советско-монгольским ответом послужило образование в Кяхте (на территории ДВР) в начале марта 1921 г. сначала Монгольской народной партии, затем Монгольской народной армии, Временного народного правительства – все во главе с Д. Сухэ-Батором. Войска Сухэ-Батора при поддержке Красной Армии и Народно-революционной армии ДВР к июлю заняли всю территорию Монголии. При народно-революционном правительстве главой Монголии продолжал оставаться Богдо-Гэгэн (глава монгольских ламаистов), после смерти которого была провозглашена народная республика (13 июня 1924 г.).

¹³⁹ Здесь и ниже под кириллицей понимается не собственно кириллический шрифт, а любые системы письма, основанные на русском гражданском шрифте.

народа лишалась возможности читать новые издания¹⁴⁰.

Неожиданной в этом контексте представляется судьба белорусского письма. В предреволюционные годы кириллица и латиница (в близком к польскому варианту) были практически равноупотребимы, на латинице была выпущена в Вильне в 1918 г. первая школьная грамматика, но в советское время выбор был сделан в пользу гражданского кириллического шрифта, окончательно утвержденного в 1926 г. на международной конференции, организованной Институтом белорусской культуры.

Определенные шаги были предприняты для латинизации грузинского языка. Правительство Грузии приняло постановление о смене алфавита в августе 1926, но его реализация под видом недостатка средств шла очень медленно. Однако полностью игнорировать принятое решение было вряд ли возможно, и в 1930 г. отмечалось, что "пишущие машинки переделаны, и по всей республике переписка ведется новым шрифтом" [БСЭ. 1-е изд. Т. 19: 556]¹⁴¹.

На очереди стояла латинизация всех языков СССР. Русский гражданский алфавит был объявлен "пережитком классовой графики XVIII–XIX вв. русских феодалов-помещиков и буржуазии – графики самодержавного гнета, миссионерской пропаганды, великорусского национал-шовинизма. <...> Он до сих пор связывает население, читающее по-русски, с национально-буржуазными традициями русской дореволюционной культуры" [КиПВ 1930: 214]. Подкомиссия по латинизации при Главнауке Наркомпроса РСФСР под председательством Н. Ф. Яковлева в январе 1930 г. признала неизбежность перехода на латиницу русского языка и еще 16 языков СССР, продолжавших пользоваться гражданским шрифтом. "Переход на латинский алфавит окончательно освободит трудящиеся массы русского населения от всякого влияния буржуазно-национальной и религиозной по содержанию дореволюционной печатной продукции", говорится в протоколе заседания подкомиссии от 14 января 1930 г. [КиПВ 1930: 214-215]. Несколькими годами ранее публицисты от лингвистики утверждали, что изучение арабского шрифта вредно сказывается на умственных способностях, теперь же выяснилось, что русский алфавит плохо приспособлен "к движениям глаза и руки современного человека" [КиПВ 1930: 216]. Впрочем, далее публикации трех проектов латинизации русского языка и их оживленного обсуждения дело не пошло.

Начало 1930-х годов характеризовалось временной стабилизацией в языковом строительстве. Латиница полностью вытеснила арабицу и монгольское письмо¹⁴², частично потеснила системы письма на русской и древнееврейской

¹⁴⁰ Как раз в этот период проблема повышения грамотности признавалась особенно актуальной. В марте 1929 г. И. В. Сталин, говоря о необходимости развития культурной революции, подчеркивал, что для преуспевания в деле культурного, политического и хозяйственного развития "страна должна быть покрыта "богатой сетью школ на родном языке", "развернуть прессу, театры, кино и другие культурные учреждения на родном языке" (Сталин И. В. Соч. Т. 11. С. 355). Важность повышения темпов ликвидации неграмотности была отмечена и в решениях XVI съезда партии (июнь 1930 г.).

¹⁴¹ В это время на грузинском шрифте были созданы письменности для мегрельского и хевсурского языков, на которых велось обучение в начальной школе и издавалась периодика [БСЭ. 1-е изд. Т. 14. С. 288; Т. 38. С. 571; Т. 59. С. 487]. Хевсурский обычно считается диалектом грузинского языка.

¹⁴² На латиницу перешли и халха-монголы в МНР (позднее сменившие ее на кириллицу). Численно большая часть монголов, живущая в Китае, по-прежнему пользуется традиционным вертикальным письмом.

основе; все заново вводимые письменности имели латинскую основу. Проекты по коренной переработке систем письма прекратились (хотя для многих языков уточнялся состав алфавита, шли орфографические реформы и т. п.). В 1936 г. орган ВЦК НА опубликовал список 102 народностей СССР, из которых лишь 12 не имели письменности (Революция и национальности. 1936. № 4. С. 75-85).

3.4. СМЕНА ОРИЕНТИРОВ В ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Процессы, шедшие в советском обществе, не могли не отражаться на национально-языковой политике. Дореволюционная культурная прослойка там, где она имелаась, в сферу национально-культурного строительства допускалась неохотно; многие уже в 1920-е годы были репрессированы по мотивам националистической, буржуазной, религиозной, байской и тому подобной пропаганды. Новые кадры из национальных меньшинств были нужны не только для решения культурно-образовательных проблем, они требовались для создания национального партийно-государственного аппарата. С начала 1920-х годов существовала сеть коммунистических университетов, предназначавшихся, в частности, для подготовки национальных кадров. Е. Д. Поливанов, преподававший одно время в таком вузе, возмущался равнодушием типичного студента к проблемам собственной культуры, недоумевавшего, зачем, кроме русского, учить еще и родной язык: "Грубо говоря, он получил образование как представитель русского языка, а в качестве представителя родного языка остался <...> обывателем" [Поливанов 1927: 77].

Объективно "обыватель" был прав. Национальная интеллигенция, для которой этнический язык обладал высоким престижем, в результате политических репрессий все больше редела. С точки зрения советской власти любой, имевший какие-то цели, отличные от построения коммунизма, пусть даже не противоречившие и подчиненные ей, оказывался *попутчиком*. Новая образованная прослойка каждого национального меньшинства, в особенности ее партийно-административная часть, была двуязычной, при этом использование родного языка ограничивалось бытовыми ситуациями. В следующем поколении русификация большей части образованного слоя оказывалась неизбежной. Именно тогда были заложены основы печального положения, на которое жалуется современный исследователь: "Пока у финно-угорских народов России нет потомственной городской интеллигенции <...> проблемы возрождения марийских, мордовских и других языков и культур будут встречать большие трудности на пути своего решения" [Кондрашкина 199: 14–15].

Для партийно-государственного аппарата развитие национальных культур, и в частности языков, никогда не было целью. Целью было распространение новой идеологии. На XVI съезде ВКП(б) (1930) И. В. Сталин резюмировал задачи национальной политики следующим образом: "...Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме, и по содержанию) культуру с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире" (Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 369). Победа миро-

вой революции откладывалась, а объективные интересы государства требовали знания русского языка от всех его граждан. Национальная школа не справлялась с этой задачей должным образом, что стало очевидным к середине 1930-х годов. Изучение двух алфавитных систем тормозило обучение русскому языку в национальных школах и местных языков в русских школах республик. Н. К. Крупская, заместитель наркома просвещения и один из основных теоретиков советской педагогики, в то время "писала, что буржуазные националисты под разными предлогами усиленно загораживали батракам и беднякам доступ к русскому языку, а великодержавные шовинисты, по сути дела, помогали расцвету местного национализма" [Исаев 1979: 260].

Намечавшийся поворот к повышению роли русского языка прежде всего сказался на положении в только начавших создаваться школах народов Севера. В школах для ке-тов и ительменов в 1934 г. было решено вести преподавание целиком по-русски, а в остальных школах народов Севера вводить изучение русского языка со второго класса и с третьего переводить на него обучение. Годом позже было принципиально решено, что все северные письменности надлежит перевести на кириллицу.

На Всероссийском совещании наркомпросов автономных республик в августе 1936 г. отмечалось, что перевод национальных языков на русский алфавит облегчит изучение русского языка. В 1936 г. отказались от латиницы кабардинцы и черкесы, в 1937 г. – балкарцы и карачаевцы (инициатива оба раза шла от Кабардино-Балкарии). В 1938–1939 гг. осуществлялся массовый переход языков народов РСФСР на кириллицу, а в 1940 г. кириллическими алфавитами пользовались уже почти все языки Советского Союза. "В настоящее время, – писал в сентябре 1939 г. Б. Гранде, один из активных сотрудников уже распущенного ВЦК НА, – латинизированные алфавиты уже не в состоянии обеспечить дальнейший культурный рост народов СССР <...>. Переход на новый алфавит на основе русской графики народы СССР встречают как праздник социалистической культуры" [МСЭ. 2-е изд. Т. 10: 288].

Выступая в декабре 1936 г. с докладом о проекте Конституции СССР, Сталин сказал: "В Советский Союз входят, как известно, около 60 наций, национальных групп и народностей" (*Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. С. 513*). Откуда это "известно" и как согласуется с только что опубликованным ВЦК НА списком в 102 народности, было непонятно. Эта мысль вроде бы не получила развития в директивных разъяснениях, но ею приходилось руководствоваться¹⁴³.

¹⁴³ Как писать обобщающие тексты о национальном составе СССР, было совершенно неясно. В статье "СССР" 2-го издания МСЭ (1940) сведения о национальном составе даны по материалам переписи 1926 г., материалы которой разрабатывались по 194 этносам (включая 34 таких, которые в основном жили за пределами СССР). Этности сгруппированы в три отдельные таблицы: 55 "наций, национальных групп и народностей СССР", 20 "важнейших этнографических групп СССР" ("которые хотя и живут компактно на определенной территории, но еще окончательно не сложились ни в нацию, ни в народность") и 18 "национальных меньшинств в СССР" ("которые не образуют <...> национальных территорий"). Принципы распределения этносов по трем категориям неясны. Например, аджарцы (которые всегда считались всего лишь этноконфессиональной группой грузин), оказались в первой категории, которую, по убывающей численности, замыкали бартангцы (3 тыс. человек) и ишкашимцы (0,6 тыс.). В число "не сложившихся ни в нацию, ни в народность" попали не только большинство народов Севера, но и талыши (77 тыс.), ногайцы (36 тыс.), вепсы (33 тыс.), табасаранцы (32 тыс.). Среди не

"Сталинская" конституция, как и предыдущие, гарантировала равноправие всех народов и языков, право обучения в школе на родном языке. Однако реализация этого права за пределами соответствующих республик и автономий постепенно сошла на нет. Статус национальных районов, сельских и поселковых советов в законах закреплён не был; в ходе постоянных административных реорганизаций к концу 1930-х годов большая их часть была упразднена, а оставшиеся существовали лишь формально. В послевоенные годы национальных районов уже не было; как память о прошлом в единичных случаях "национальные" прилагательные оставались в названиях в юридическом отношении ничем не выделявшихся административных единиц (например, Нанайский и Ульчский районы в Хабаровском крае).

Важной вехой в смене языковой политики стало постановление ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров от 13 марта 1938 г. "Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей". По этому постановлению обучение русскому языку в школах РСФСР следовало начинать с первого класса, в остальных союзных республиках – временно – со второго или третьего. Стал набирать темпы процесс закрытия национальных школ, особенно для "нетитульных" народов [см. Алпатов 1997: 87–89]. Постоянно провозглашавшийся ранее курс на полное равноправие языков в области образования на деле стал сворачиваться. Рядовые представители малых народов нередко приветствовали отказ от коренизации образования, поскольку качество обучения в русских школах было выше; именно в них предпочитали отдавать своих детей и представители номенклатуры, независимо от национальности. Параллельно форсированными темпами шла кириллизация алфавитов. Происходило это в обстановке массовых репрессий. "Представители сформировавшейся до революции национальной интеллигенции <...> погибли почти полностью <...>. Поредели кадры подготовленных» уже в советское время специалистов. Русские ученые в целом пострадали меньше, но многие потери были невозполнимы" [Алпатов 1997: 82]. Органа, координирующего языковое строительство, теперь не стало (ВЦК НА распущен в 1937 г.). При утверждении новых алфавитов "решающее слово оставалось за малокомпетентными местными властями, часто принимавшими непродуманные решения <...>. В целом качество алфавитов ухудшилось по сравнению с латинскими, и усилился разнобой, поскольку унификацией больше уже никто не занимался" [Алпатов 1997: 82]. Впрочем, в одном отношении унификация была проведена – независимо от фонематической системы конкретного языка в новые кириллические алфавиты был полностью включен набор русских графем, поскольку заимствования, как правило, стали писаться в соответствии с нормами русской орфографии. Немногочисленные исключения делались лишь для старых и хорошо освоенных заимствований.

имеющих "национальных территорий" оказались не только цыгане (61 тыс.) и корейцы (170 тыс.) (последние при расформировании национального района были переселены в Среднюю Азию), но и греки (214 тыс.), две трети которых пока еще продолжали жить вполне компактно в Грузии и Сталинской области Украины, правда, уже не имея своих национальных районов [МСЭ. 2-е изд. Т. 10].

В части союзных республик наметилось усиление позиций титульных народов и их языков. В Грузии это вылилось в окончательное причисление всех картвельских народов к грузинам на правах этнографических групп¹⁴⁴, развитие письменных форм их языков прекратилось. В Абхазии и Южной Осетии в 1938 г. был введен грузинский алфавит (до перехода на кириллицу в 1954 г.). Тем самым фактически возникло два осетинских языка на базе иронского диалекта¹⁴⁵. В Азербайджане был взят курс на ассимиляцию всех национальных меньшинств, кроме армян, русских, евреев. Прекратили существование Талышский и Курдский национальные районы, были свернуты публикации на этих языках (в соседней Армении, где курдов было значительно меньше, курдская школа и периодика продолжали существовать). По данным переписей, официальная численность курдов в Азербайджане за 1926–1959 гг. сократилась с 36 тыс. человек до 1,5 тыс., талышей – с 77 тыс. человек до 0,2 тыс. В Таджикистане памирские народы, несмотря на наличие автономии (Горно-Бадахшанская АО), составили особую категорию горных таджиков, начавшая было развиваться шугнанская письменность была запрещена.

Полтора десятка народностей в конце 1930-х годов утратили письменность [Базиев, Исаев 1973: 121; Алпатов 1997: 85], причем среди них оказались и такие крупные, как тверские карелы, которых в 1939 г. было 107 тыс. человек. В одних случаях принимались решения о "нецелесообразности" создания письменности на кириллице, в других письменность попадала под запрет как "вредительская". Так, с арестом Е. Р. Шнейдера, разработчика латинской и кириллической удэгейских письменностей, из школьных библиотек и у самих учащихся изымались и публично сжигались все книги, включая и небольшой сборник удэгейских сказок¹⁴⁶, в котором трудно было усмотреть явные признаки идеологической диверсии.

Несмотря на то что 1937 г. считается официальной датой ликвидации в СССР неграмотности, десяткам народов пришлось заново учиться читать. Грамотное письмо на родном языке было уделом немногих, поскольку и традиционные системы письма, и латиница, и сменившая ее кириллица для большинства языков подвергались постоянным графико-орфографическим реформам, в ряде случаев так никогда и не прекращавшихся [см. Опыт... 1982]. Например, за десятилетие (1931–1940) название калмыцких школьных грамматик менялось следующим образом (см. библиографические ссылки в [Младописьменные... 1959: 500]): *Xalomg kelns grammatik* (1931), *Xalwng kelne grammatik* (1936), *Кальмг келна грамматик* (1939), *Хальмг келна грамматик* (1939), *Хальмг келна грамматик* (1940). В современной орфографии название *Грамматика калмыцкого языка* по-калмыцки следует писать как *хальмг келнь грамматик*.

¹⁴⁴ Но и в этом качестве конкретному человеку официально оказаться не грузином стало почти невозможно' факт существования мегрелов, сванов, ла зов с собственными языками никогда сомнению не подвергался, но первая послевоенная перепись показала анекдотическую численность мегрел (11 человек) и сванов (9 человек) [Исупов 1964. 16]; полученная тогда же цифра по лазам (318 человек) ближе к реальной (на 1926 г. этих народов насчитывалось, соответственно, 242 тыс. человек, 13 тыс. человек и 639 человек).

¹⁴⁵ Годом ранее письменность для осетин-дигорцев (на западе Северной Осетии) была признана контрреволюционной, а язык – диалектом осетинского.

¹⁴⁶ Сообщено одному из авторов в 1990 г. Л. С. Камандигой, жителем с. Агзу Приморского края.

В ходе присоединения к СССР в 1939–1940 гг. значительных территорий на западе, а тем более в годы Великой Отечественной войны, проблемы национально-языкового строительства оказались вне интересов центральной и местных властей (ср. упоминавшийся выше раздел южной Бессарабии). Но национальный компонент в предвоенные годы стал частью внешнеполитической стратегии: из приграничных районов выселялись представители "подозрительных" национальностей. Первой массовой депортацией было выселение корейцев и китайцев с Дальнего Востока (дальневосточные японцы были физически уничтожены [Алпатов 1997]). Затем выселялись поляки и, отчасти, немцы из западных областей, ингерманландские финны. С началом войны переселению на восток подлежали все немцы¹⁴⁷. Уже к концу войны, несмотря на нейтралитет Турции, из пограничных районов Грузии выселялись турки, курды и немногочисленные хемшины (армяноязычные мусульмане). В 1943–1944 гг. были проведены массовые депортации "народов-предателей": калмыков, карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей, крымских татар (а также греков, армян и болгар из Крыма) [см. Бугай 1995]¹⁴⁸.

В ходе переселения система национального образования и книгоиздания была, естественно, разрушена¹⁴⁹. Положение начало исправляться с воссозданием большинства автономий в 1957 г. Крымским татарам и немцам не было позволено возвращаться на родину, но и их языки стали постепенно восстанавливаться в правах, в местах их нового обитания появилась национальная периодика, а затем и школы.

Во время Великой Отечественной войны важность владения русским языком всеми гражданами стала особенно очевидна. Военная служба и массовые перемещения населения (эвакуация, депортации) значительно повысили уровень владения русским языком среди других национальностей СССР. В послевоенные годы роль русского языка во всех сферах неуклонно повышалась. Формально народы и языки оставались равноправными, но именно тогда началось возвеличивание русского языка и народа. Панегириком русскому языку стала публицистическая книга В. В. Виноградова "Великий русский язык": если из нее изъять "несколько стандартных штампов и расхожих цитат", то "она могла бы выйти не в 1945, а в 1915 г., причем тогда ее автор воспринимался бы как человек правых взглядов" [Алпатов 1997: 90]. Центральная мысль книги – "величие и мощь русского языка общепризнанны. Это признание глубоко во-

¹⁴⁷ Немцы переселялись с большей части европейской территории Союза, где они жили не только в АССР Немцев Поволжья (366,7 тыс человек), но в соседних Саратовской, Сталинградской, Куйбышевской областях (77,9 тыс человек), на Украине (393,5 тыс человек), в Крыму (51,3 тыс человек), в Закавказье (44 тыс человек) и других районах. Довольно много немцев жило и в Сибири, в основном в Омской области (59,9 тыс человек) и Алтайском крае (33,2 тыс человек) – там они автоматически были приравнены к спецпереселенцам и в годы войны мобилизованы в трудармию (численность дана на 1939 г.)

¹⁴⁸ Освободившиеся территории кавказских предгорий и степного Крыма заселялись и индивидуальными переселенцами, и по оргнабору. В отношении горных территорий Северного Кавказа можно говорить о вторичной депортации юг Карачая и Балкарии (временно вошедшие в состав Грузии) заселялся сванами, а в Чечню депортировали гинухцев, цезов, других дагестанцев.

¹⁴⁹ Единственным исключением были корейцы, для которых в новых местах расселения были организованы национальные школы, издавалась периодика, из Владивостока в Кзыл-Орду был переведен корейский пединститут.

шло в сознание всех народов, всего человечества" [Виноградов 1945: 5]. Именно в это время русский язык впервые всерьез перешагивает границы государства: он становится одним из рабочих языков ООН, обязательным языком изучения в школах стран народной демократии, рабочим языком межгосударственных объединений социалистического лагеря (Варшавского договора, СЭВ).

Доля русских школ в сравнении с национальными повсеместно начинает расти, новые национальные школы открываются не везде и только для титульных народов. Если непосредственно перед войной, в 1940/41 учебном году, на Украине функционировало еще 19 еврейских и даже 13 узбекских школ (польских и немецких, впрочем, уже не было) (БСЭ. 1-е изд. Т. "СССР". С. 1821), то после войны ничего подобного быть не могло.

В послевоенные годы темпы индустриализации и урбанизации, начавшихся в национальных районах в 1930-е годы, постоянно возрастали. Промышленный пролетариат во многом (а в Средней Азии в основном) формировался за счет русских, что делало постепенную языковую русификацию городов неизбежной. Особенно сильно это сказалось в Казахстане и Киргизии. Результатом массовых перемещений населения (к перемещениям 1940-х годов добавилось освоение целинных земель) также была русификация, поскольку единственным кандидатом на язык-посредник в любых межэтнических контактах был русский.

Во второй половине 1950-х годов появилось два законодательных акта, не имевших непосредственного отношения к языковой политике, но оказавших решающее влияние на языковую ситуацию в РСФСР.

Постановление ЦК КПСС "О мерах по дальнейшему экономическому и культурному развитию народов Севера" (1957) предусматривало укрупнение поселков, где жили представители малых народов, и перенос их на новые, более удобные, с точки зрения властей, места. На деле это означало закрытие школ, магазинов и медпунктов в "неперспективных" старых поселках и насильственное перемещение людей с земель их предков. Так народы лишались своих исконных охотничьих угодий и мест рыбной ловли и оказывались рассеянными в массе численно превосходившего их пришлого населения. Даже те народы, которые имели закрепленную за ними автономную территорию, в новых поселках превращались в незначительное меньшинство. Языком повседневного общения становился русский, часто даже в производственных бригадах, занятых традиционной деятельностью. Школьные классы стали многонациональными, и малые языки сразу же выпадали из учебного плана.

Проиллюстрируем динамику этнического состава на примере Чукотки, где в 1926 г. 15-тысячное постоянное население практически полностью состояло из аборигенов, в основном чукчей (12 тыс.). К 1959 г. население возросло до 47 тыс. человек, при этом численность все еще живших в национальных поселках аборигенов уменьшилась до 12 тыс. К 1989 г. доля аборигенов составляла уже менее 10% (из 163 934 человек всего населения чукчей было 11 914, эскимосов – 1452, эвенов – 1336, чуванцев – 944, юкагиров – 160), а традиционная система расселения была полностью нарушена.

Общая этноэкологическая ситуация в районе распространения языка

влияет на его сохранность гораздо больше, чем наличие письменности. Вот два противоположных примера: история ороцкого и нганасанского языков. Ни тот ни другой никогда не имели письменности. Исконный ареал орочей – материковый берег Татарского пролива напротив о. Сахалин. В центре их этнической территории расположены порты Ванино и Советская Гавань, к которым в 1930-е годы была проложена железная дорога от Хабаровска через Комсомольск-на-Амуре. В изменившейся обстановке традиционной культуре не было места, и молодежь не видела смысла в изучении какого-либо другого языка, кроме русского. В результате к настоящему времени ороцкий язык практически мертв. Напротив, нганасанам, кочующим с оленьими стадами по не используемым с другими хозяйственными целями районам Таймыра, до самого последнего времени удавалось сохранять многие элементы традиционной национальной культуры. Даже негативного воздействия системы школ-интернатов¹⁵⁰ нганасаны не ощущали вплоть до 1960-х годов. Перепись 1989 г. показала, что 90% коренного населения сохранили знание родного языка.

Другое важное решение советской власти – закон "Об укреплении связи школы с жизнью" (1958), по которому родители получили право выбирать школу обучения, в том числе и в зависимости от языка (реально такой выбор существовал, конечно, только в городах). Среднее и даже неполное среднее образование к этому времени можно было получить лишь на немногих национальных языках автономий России, а высшее – только на русском. Именно ему отдавали предпочтение родители, имея в виду повысить шансы своих детей на социальную мобильность, на успешную карьеру в будущем. У этого закона была и другая сторона: менялись программы, серьезно пересматривалось содержание образования. Ответственность за принятие тех или иных решений по национальным школам (за реорганизацию образовательного процесса, за подбор кадров, за обновление учебных пособий и др.) ложилась на руководство автономий. А местная национальная администрация во многом состояла из тех самых "обывателей", не видевших особого смысла в развитии собственного языка, о которых писал Е. Д. Поливанов. (Оба этих фактора играли еще большую роль позднее, в 1970-х годах, когда был взят курс на всеобщее среднее образование.)

В результате в РСФСР почти повсеместно началась русификация образования: количество национальных школ, особенно на селе, уменьшалось, снижался возраст, до которого на национальном языке можно было получить образование, при этом часто параллельно ухудшалось качество преподавания в национальной школе и за счет учебных пособий, и за счет кадров. Первыми, еще в конце 1950-х годов, закрылись алтайские школы и национальные школы в Карелии (финские), в начале 1960-х – школы большинства народов Севера и кал-

¹⁵⁰ Интернаты начали создаваться в 1930-х годах для детей полукочевых народов Севера. Позднее они появились и в крупных поселках, так что и здесь дети могли видеться с родителями лишь по воскресеньям. Постепенно единственным языком обучения стал русский. Обычно детям даже запрещали говорить в школе на родном языке. Родители не возражали. Впрочем, если бы и возражали, вряд ли бы кто-то прислушался к их мнению: дети уже считали собственных родителей отставшими от жизни, преемственность поколений была нарушена. Родители, плохо владевшие русским, предпочитали разговаривать с детьми именно на нем.

мыков. Процесс обычно шел поэтапно: например, в Карачаево-Черкесии с 1960 г. функционировали только начальные школы, которые были закрыты в 1967 г. Иногда, как в Бурятии, закрытые в 1960-х годах национальные школы временно восстанавливали, но к середине 1970-х годов вновь надолго закрывали (у бурят начальное обучение на родном языке возобновлено с 1988 г.).

В городах к концу 1970-х годов национальные школы работали только в Татарии, Башкирии, Якутии и Туве, но и здесь их число постоянно сокращалось. Для нетитульных народов национальные школы становились редким исключением. Так, в Башкирии (где татары преобладают над башкирами) еще в середине 1960-х доля татарских и башкирских школ соотносилась с численностью самих народов, затем количество татарских школ резко сократилось, и даже в послеперестроечное время они численно уступают башкирским:

		Год				
		1965	1978	1990	1992	1998
Число школ:	башкирских	733	622	788	890	905
	татарских	1117	595	619	646	624

В начале 1960-х годов обучение в РСФСР велось на 47 языках, через 10 лет – только на 30. При этом среднее образование можно было получить лишь на татарском и башкирском (а также на языках других союзных республик – армянском, грузинском, казахском). На якутском существовало неполное среднее образование. На тувинском обучение заканчивалось в седьмом классе, на бурятском – в шестом. Полная начальная школа функционировала на чувашском, еще на 9 языках обучение заканчивалось в третьем классе (двух коми, двух марийских, двух мордовских, алтайском, удмуртском, хакасском), на языках Дагестана (включая азербайджанский) преподавание велось в нулевом–втором классах, на абазинском - в нулевом-первом, на ногайском и чеченском – только в подготовительном. Как предмет все эти языки изучались, по крайней мере, в течение восьми классов. Изучались только как предмет адыгейский, осетинский, ингушский, карачаево-балкарский, кабардино-черкесский, немецкий (на протяжении всех 10 лет обучения) и калмыцкий (8 лет). Среди народов Севера этнический язык служил средством обучения только у ненцев (в подготовительном классе); как предмет эти языки имели возможность изучать ненцы, эвенки и чукчи (нулевой– третий классы), а также ханты, манси, эвены и эскимосы (в двух первых классах) [Данилов 1972]. К 1982 г. число языков, на которых велось обучение, снизилось до 17, хотя наиболее "стойкие" языки сохраняли свои позиции: на тувинском и якутском была восьмилетка, а на татарском и башкирском – среднее образование [Кузнецов, Чехоева 1982].

Однако даже в "устойчивой" Татарии русификация образования к середине 1970-х годов стала частью официальной политики. Вот что отмечал в 1975 г. министр просвещения Татарской АССР М. И. Махмутов: "Почти все татарские школы расположены в сельской местности <...>.

Министерством просвещения Татарии создаются все условия для планомерного перехода татарских школ на русский язык обучения <...> [принцип

добровольности в выборе языка обучения] гарантируется предоставлением учащимся, желающим обучаться на родном языке, мест в интернатах при татарских восьмилетних и средних школах <...> [в татарских школах] ряд предметов (преимущественно физика, химия, математика) в старших классах изучается на русском языке" [Махмутов 1976: 270-271].

Численность национальной интеллигенции, национальной по языку, сокращалась в большинстве автономий России всевозрастающими темпами. В цитированном выше докладе М. И. Махмутова указывается, что более 60% "специалистов высшей квалификации и руководителей" (татар) знают русский язык лучше родного. Следствием этого было свертывание книгоиздания, объема радиовещания, сокращение репертуара национальных театров и т. п., что, в свою очередь, влекло за собой снижение престижа собственной культуры в глазах многих представителей национальных меньшинств, а далее – по замкнутому кругу – падение интереса к образованию на этническом языке. Но так дело обстояло не повсеместно, оставались и "благополучные" языки, роль которых в жизни языковых коллективов с подъемом общего уровня образования стабилизировалась или, по крайней мере, снижалась незначительно. Важной характеристикой в этом отношении является относительное количество издаваемой литературы.

Число экземпляров книг и брошюр на 100 человек соответствующей национальности:

	Год		
	1927	1970	1980
Якуты	23	188	217
Башкиры	29	78	74
Марийцы	34	28	19
Коми	48	18	10

Очевидно, что потребление книжной продукции постоянно росло не только у якутов. Коми, имевшие в 1920-е годы более высокий общеобразовательный уровень, не утратили его, а просто дальше марийцев (тем более остальных) зашли по пути культурной русификации. У башкир стабилизация национального книгопечатания связана не только с большей распространенностью по сравнению с якутами знания русского языка: дело в том, что в массе своей они владеют также татарским языком.

В чем-то сходная картина наблюдалась и в других республиках СССР. Титульные народы республик обладали достаточной "кадровой мощностью", чтобы иметь возможность "укреплять связь школы с жизнью", но образование на языках национальных меньшинств, там, где оно еще существовало, постепенно свертывалось, роль языка обучения переходила к республиканскому и частично к русскому, особенно в крупных городах, в первую очередь в столицах. В довоенное время большинство русских и других иммигрантов в национально однородных районах знали местные языки. Новые иммигранты не видели в этом нужды.

Уже к 1974/75 учебному году в ряде республик число русских школ пре-

вышло число национальных. На первом месте был Казахстан, где на русском языке учились 68% школьников [Прокофьев 1976]. Вскоре его обогнали Белоруссия и Украина.

На Украине и особенно в Белоруссии не только в образовании, но в средствах массовой информации, в официальном употреблении национальные языки быстро вытеснялись региональными вариантами русского, а украинский и белорусский языки подвергались сильному влиянию русского. Эти республики в известном смысле получили официальное признание территорий русского языка. К 1970-м годам установилась практика внеконкурсного приема студентов по специальности "русский язык и литература" из "нерусскоязычных", в основном среднеазиатских, республик в пединституты РСФСР, Украины и Белоруссии, зарубежные студенты и стажеры также направлялись во все три республики равномерно.

В Казахстане и, в меньшей степени, в Киргизии русский язык в функциональном отношении заметно потеснил местные языки. Причины этого кроются и в истории (столицы обеих республик располагались в районах русской земледельческой колонизации), и в демографической ситуации, и в уровне развития национальных языков. Вот как характеризовал родной язык киргизский социолингвист в конце советского периода: "современный киргизский язык <...> имеет определенный уровень обработанности и упорядоченности, не обладает четкими признаками нормативности и кодифицированности, характеризуется недостаточно развитой стилистической расчлененностью" [Орусбаев 1990: 90]. Анализируя далее язык академической грамматики киргизского литературного языка, Орусбаев приходит к малоутешительному заключению: "Язык этого лингвистического текста <...> трудно отнести к научному, нельзя назвать ни литературным, ни диалектным, он, если не брать во внимание некоторых терминов, скорее всего стоит ближе к обиходно-разговорному языку" [Там же: 91]. Анализ русско-киргизского словаря лингвистических терминов выявляет, что термины *твердый* и *глухой*, *звонкий* и *сонорный* переводятся одинаково [Там же: 155]. К схожим выводам приводит также анализ технической и юридической литературы.

В других среднеазиатских республиках вытеснение национальных языков русским шло в первую очередь в сфере промышленного производства и естественных наук. Это особенно ярко проявлялось в районах горнодобывающих предприятий, в городах-новостройках и среди части столичного населения, включая и значительную долю партийно-государственной номенклатуры. Для Закавказья (особенно Армении) аналогичные процессы были гораздо менее характерны, а Прибалтики они почти не касались.

Все это не означает, что в СССР проводился намеренный курс на русификацию, скорее можно говорить о всемерном продвижении и расширении функциональных возможностей общепонятного для всего государства языка. Судьбы остальных языков центр не интересовался, и уровень их поддержки зависел от республиканских и местных властей. Достижение всеобщего национально-русского двуязычия, ставшее стандартным лозунгом с 1970-х годов, имело целью не последующую русификацию, а по возможности быструю идеологиче-

скую унификацию в рамках провозглашенной тогда новой исторической общности – советских людей.

Чрезвычайно показательно распространение периодики на национальных языках. Если художественная литература имеет эстетическую ценность, то задача периодической печати – информировать население и осуществлять идеологическое воспитание (при социализме основная тяжесть лежала на втором компоненте). Делается это наиболее удобным способом – удобным как для составителей, так и для читателей. Пока использование определенного "малого" языка было единственным средством контакта власти с соответствующим народом, на нем создавалась и развивалась периодика; когда же возникала возможность перейти на более распространенный язык, публикации на "малых" языках сворачивались. При этом среди всех народов оставались не вовлеченными в орбиту русского языка монолингвы, но со временем таковыми становились представители старших поколений, интересами которых можно было пренебречь. Правда, равноправие языков было одним из элементов идеологии, поэтому публикации на языках конституционных автономий могли сколь угодно сокращаться количественно, но полностью не прекращались, становясь подчас элементом декора, требовавшего значительных дотаций. Прежде чем умереть, периодические издания часто становились двуязычными, и доля публикаций на национальном языке постепенно сокращалась. Скажем, само название "Нарьяна Вындер" (окружная газета Ненецкого округа) уже создает впечатление национальной периодики, хотя к середине 1960-х годов заголовков оставался единственным ненецким текстом в этой газете.

За советский период количество языков, на которых публиковалась периодика, быстро росло и достигло пика к середине 1930-х годов, затем постоянно уменьшалось до середины 1980-х, потом незначительно увеличилось, не достигая, впрочем, уровня конца 1920-х годов: в 1928 г. - на 58 языках, в 1936 г. - на 86, в 1946 г. - на 70, в 1970 г. - на 57, в 1984 г. - на 54, в 1989 г. - на 56 (число языков обучения по СССР сократилось к этому времени до 43; это означало, что для газет на 13 языках среди подрастающего поколения школа уже не готовила новых читателей).

4. ЭТНОЯЗЫКОВОЙ СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ 1989 Г. ЯЗЫКОВАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ И ЕЕ ДИНАМИКА

Результаты развития языковой ситуации в России в советский период можно видеть по итогам последней (1989) переписи населения (табл. 4).

Как видим, основная масса народов, переходящих на русский язык, – это те, кто не имеет в России компактной этнической территории. Из остальных в угрожающем положении находятся этнические языки карелов и вепсов, а также большинство языков народов Севера (в начале 1990-х годов к их числу отнесены и шорцы). Настораживает положение мордовского, обоих коми, удмуртского. Что касается народов Севера, то сравнительно хорошие шансы на выжива-

ние имеют лишь долганский (в структурном отношении очень близкий к якутскому), ненецкий и нганасанский языки; несколько хуже положение чукотского. Направление языковой ассимиляции эвенков, эвенов и юкагиров зависит от места проживания: около половины их живет в Якутии (48% эвенков, 50% эвенов, 61% юкагиров), где уже достаточно далеко зашел процесс их перехода на якутский, который объявили родным соответственно 88, 56 и 31% представителей этих народов. Вне Якутии они переходят на русский.

Заметная языковая ассимиляция, не связанная с русским языком, в недавнем прошлом была характерна также для башкир, но за последние десятилетия у них наметился рост языковой ассимиляции с татарами. Повышается языковая лояльность к этническому языку, а также усиливается языковая русификация. Вот данные трех переписей (%):

Родной язык башкир:	Год переписи		
	1970	1979	1989
башкирский	65,9	66,9	72,8
татарский	30,3	27,0	17,1
русский	3,8	6,1	10,0

Надо отметить, что темпы языковой ассимиляции сильно зависят от демографических характеристик народа. При росте доли городского населения ассимиляция идет быстрее. В сельской местности она зависит от характера хозяйственной деятельности, но в первую очередь – от степени моноэтничности населенных пунктов. Например, на 1989 г. из 3564 селькупов России большинство (1530) жили в Ямало-Ненецком автономном округе (почти исключительно в Красновишерском р-не, не охваченном нефте- и газодобычей) и в Томской обл. – 1347. В первой территориальной группе этнический язык сохранялся в сравнении с другими народами Севера очень хорошо: русский считали родным только 15,2%. А у томских селькупов языковая ассимиляция уже завершилась, 88,7% из них назвали родным языком русский. Основная причина этого различия в том, что поселки томских селькупов заметно более многонациональны.

Почему народ забывает свой этнический язык? Почему в одних случаях смена языка идет быстрее, в других медленнее? Учитывая приведенную выше статистику и зная ареал расселения различных народов, а также детали языковой политики, мы не видим ничего удивительного в приведенных выше фактах.

В тех случаях, когда имеется надежная лингводемографическая статистика, можно выяснить и некоторые подробности этого процесса. В разд. 3.3 мы говорили, что данные переписей о родном языке не всегда достоверны. Когда народ утрачивает этнический язык, статистика, в том виде, как она известна из переписей, склонна показывать замедленный темп этой утраты. Но все-таки массу поучительной информации из материалов переписей извлечь можно.

Таблица 4

Народность	Численность, человек	С родным русским языком, %	Не говорят по-русски свободно, %
Русские	1 198 5946	99,95	0,03
Татары	5 522 096	14,18	13,14
Украинцы	4 362 872	57,01	4,90
Чуваши	1 773 645	22,26	11,88
Башкиры	1 345 273	10,05	17,32
Белорусы	1 206 222	63,46	2,87
Мордва	1 072 939	30,83	4,84
Чеченцы	898 999	1,06	24,92
Немцы	842 295	57,99	3,64
Удмурты	714 833	28,94	8,79
Марийцы	643 698	17,82	12,66
Казахи	635 865	11,49	10,10
Аварцы	544 016	1,58	33,14
Евреи	536 848	90,53	2,41
Армяне	532 390	31,83	6,82
Буряты	417 425	13,32	14,34
Осетины	402 275	6,43	10,37
Кабардинцы	386 055	2,23	19,70
Якуты	380 242	5,93	29,09
Даргинцы	353 348	1,50	30,50
Коми	336 309	28,88	8,37
Азербайджанцы	335 889	14,62	17,90
Кумыки		277 163	1,7823,55
Лезгины		257 270	4,5026,77
Ингуши		215 068	1,5918,16
Тувинцы	206 160	1,38	39,46
Народы Севера	181 517	36,28	13,07
Ненцы	34 190	17,58	20,28
Эвенки	29901	28,29	16,03
Ханты	22 283	38,52	10,63
Эвены	17055	27,42	20,01
Чукчи	15 107	28,32	10,37
Нанайцы	11 883	55,30	4,52
Коряки	8 942	46,78	6,45
Манси	8 279	62,66	4,73
Долганы	6 584	15,37	16,33
Нивхи	4631	76,20	3,99
Селькупы	3 564	50,59	6,82
Ульчи	3 173	66,53	9,30
Ительмены	2429	80,20	3,17
Удэгейцы	1 902	68,14	14,30
Саами	1 835	56,78	2,40
Эскимосы	1 704	45,89	5,40
Чуванцы	1 384	71,17	3,90
Нганасаны	1 262	15,29	27,89
Юкагиры	1 112	45,86	17,00
Кеты	1 084	49,45	5,54
Орочи	883	80,97	5,44
Тофалары	722	55,54	5,26
Алеуты	644	72,20	4,81
Негидальцы	587	69,51	8,52
Энцы	198	37,88	13,64
Ороки	179	54,19	5,03
Молдаване	172 671	31,71	6,63
Калмыки	165 821	6,85	6,27

Продолжение табл 4

Народность	Численность, человек	С родным русским языком, %	Не говорят по-русски свободно, %
Пыгане	152 939	12,56	10,17
Карачаевцы	150 332	2,10	18,12
Коми-пермяки	147 269	28,71	9,19
Грузины	130 688	28,58	6,85
Узбеки	126 899	18,06	13,74
Карелы	124 921	51,16	2,55
Адыгейцы	122 908	4,61	13,26
Корейцы	107 051	63,07	5,10
Лакцы	106 245	3,88	18,37
Поляки	94594	74,71	3,03
Табасаранцы	93 587	2,41	35,14
Греки	91 699	52,30	3,86
Хакасы	78 500	23,13	9,61
Балкарцы	78 341	4,17	15,54
Ногайцы	73 703	2,92	17,32
Литовцы	70427	39,60	3,84
Алтайцы	69409	14,77	19,61
Черкесы	50764	5,22	17,56
Финны	47 102	63,14	2,14
Латыши	46829	56,62	2,89
Эстонцы	46 390	58,07	3,63
Киргизы	41 734	8,89	36,57
Туркмены	39739	11,82	11,65
Таджики	38 208	17,38	15,54
Абазинцы	32 983	4,25	17,23
Болгары	32 785	53,46	5,15
Крымские татары	21 275	9,63	6,81
Рутульцы	19503	3,11	33,42
Таты	19420	14,35	7,54
Агулы	17 728	3,37	27,42
Шорцы	15745	40,87	5,57
Вепсы	12 142	48,29	2,17
Горские евреи	11 282	21,10	12,07
Гагаузы	10051	31,90	5,20
Турки	9 890	10,02	21,72
Ассирийцы	9 622	48,82	4,46
Абхазы	7239	29,59	6,17
Цахуры	6492	3,20	40,70
Прочие	80 284		
Итого	1 4702 1869	86,59	7,34

Рассмотрим данные о доле калмыцкого языка как родного у разных возрастных когорт по материалам трех последних переписей. При анализе этих данных надо иметь в виду следующее.

Две младшие когорты каждой переписи сопоставимы с данными последующих условно: самая младшая содержит 11 лет (от 0 до 10 полных лет), следующая – 9 лет (от 11 до 19), последующие когорты содержат по 10 лет, исключая самую старшую. Кроме того, данные о владении этническим языком в младших возрастах обычно завышены: они заполняются со слов родителей, причем и для младенцев, которые еще не говорят ни на каком языке, – "на пер-

спективу".

Самая старшая когорта каждой переписи при сопоставлении с предыдущими "улучшает" степень владения этническим языком: в когорту, условно названную "1920-е годы рождения", по переписи 1970 г. вошли люди 40-49 лет (1921-1930 гг. рожд.), в 1979 г. - 50-59 лет (1920-1929 гг. рожд.), а в 1989 г. те, кому исполнилось 60 и более лет, т. е. родившиеся не только в 1920–1929 гг., но и раньше.

В табл. 5 приведены данные трех переписей, отражающие процент калмыков (составляющих разные возрастные когорты), которые считают родным для себя язык своего этноса – калмыцкий:

Таблица 5

Когорта (по годам рожд)	Год переписи		
	1970	1979	1989
1900-е	99,7		
1910-е	99,4	97,7	
1920-е	99,3	96,7	96,6
1930-е	99,5	96,7	96,0
1940-е	98,9	94,2	93,2
1950-е	98,3	93,6	93,1
1960-е	95,6	94,6	94,2
1970-е		92,3	90,9
1980-е			91,0

Мы видим, что языковая лояльность (в данном случае это признание родным для себя языка своего этноса, а не, скажем, русского языка) среди калмыков всех возрастов понижается. "Синхронное" снижение – то, что представители более молодых поколений реже указывают калмыцкий язык родным, – удивляет мало. Наряду с этим можно заметить "диахронное" снижение: среди представителей одной и той же возрастной когорты от одной переписи к другой доля калмыцкого языка как родного снижается (ср. особенно показательные данные по наиболее сопоставимым когортам 1930, 1940 и 1950-х гг. рожд.). Вообще говоря, эти цифры могут отражать всего лишь более высокую смертность среди тех, для кого калмыцкий язык родной. И в этом нет ничего абсурдного: этнический язык лучше сохраняется в сельской местности, а смертность там выше. Но снижение идет слишком неравномерно (за первые 9 лет оно у всех более значительно, чем за следующие 10) и чересчур быстро, чтобы объясняться только этим фактором. Остается другое объяснение: на протяжении жизни часть людей меняет свое отношение к этническому языку, причем все время происходит отказ от этнического языка как родного, снижение языковой лояльности.

Сходные процессы в той или иной степени затрагивают все народы; обратное явление – повышение языковой лояльности – очень редкое.

В городе понижение языковой лояльности идет интенсивнее, чем в селе, что естественно; давно замечено, что сельские жители больше привержены своему этническому языку, чем горожане. А зависит ли языковая лояльность от пола? Данные на этот счет, как и по городскому / сельскому населению, имеют-

ся лишь по двум последним переписям. У мужчин-калмыков всех возрастов за 1979-1989 гг. лояльность к этническому языку снизилась с 93,8 до 92,5%, у женщин - с 95,3 до 93,6%. Иными словами, калмычки проявляют больший "консерватизм". Связано это в первую очередь с положением женщины, менее склонной к внешним, в том числе и межэтническим, контактам.

Данные по другим народам имеют разный характер. У северокавказских народов, как и у калмыков, языковая лояльность женщин выше, у большинства остальных народов соотношение обратное. Вот данные 1989 г. для лиц 1950–1959 годов рождения (табл. 6):

Таблица 6

	Чеченцы	Аварцы	Осетины	Буряты	Татары
муж.	98,8	97,7	92,4	88,7	84,7
жен.	99,1	98,3	92,9	88,3	84,4
	Коми	Мордва	Карелы	Коряки	Манси
муж.	72,9	63,6	36,6	73,9	41,8
жен.	70,0	61,9	35,7	62,7	37,3

Там, где языковая ассимиляция почти не происходит или идет медленно, разрыв показателей для мужчин и женщин составляет лишь долю процента. Что касается различий в языковой лояльности полов у народов, начавших утрачивать этнический язык, то надо иметь в виду, что показатель языковой лояльности лишь опосредованно указывает на реальное знание и использование этнического языка. Мужские показатели выше не столько за счет их повышенной по сравнению с женщинами эмоциональной привязанности к своему этническому языку, сколько в меньшей достоверности даваемых ими сведений: мужчине кажется, что назвать этнический язык родным более "правильно".

В целом справедлива следующая закономерность: чем выше темпы утраты этнического языка, тем больше межполовой разрыв в языковой лояльности. Другая закономерность кажется совершенно естественной: чем сильнее выражена утрата этнического языка, тем быстрее идет снижение языковой лояльности; при этом чем моложе поколение, тем ниже языковая лояльность и тем быстрее она снижается. В рассмотренной когорте лиц 1950-х годов рождения среди мужчин за десятилетие (1979-1989) языковая лояльность у осетин снизилась с 92,7 до 92,4, у бурят - с 89,2 до 88,7, у мордвы - с 68,2 до 63,6, у карел - с 43,0 до 36,6.

Рост языковой лояльности по отношению к этническому языку характерен только для башкир, но там этот процесс связан с переоценкой отношения к татарскому языку: за тот же период 1979-1989 гг. в когорте 1930-х годов рождения доля лиц с родным башкирским повысилась с 66,5 до 74,2%, в когорте 1950-х годов рождения - с 73,6 до 75,6%.

Народы, о которых шла речь выше, практически не были затронуты внешними (по отношению к РСФСР) миграциями, поэтому есть все основания утверждать, что за вычетом незначительной естественной убыли, люди, составляющие когорты 1950-х годов рождения, зафиксированные переписями в 1979

и 1989 гг., - это одни и те же лица. В данном случае демографическая статистика позволяет делать утверждения относительно эволюции языковой лояльности в онтогенезе.

Миграции могут сильно менять статистическую картину. Например, на характеристиках армян, переписанных в 1989 г. в РСФСР, успела отразиться начавшаяся в 1988 г. иммиграция из Азербайджана и зоны спитакского землетрясения; доля лиц с родным армянским языком среди въезжавших была значительно выше, чем среди заметно обрусевших армян России, в основном городских жителей. В результате по РСФСР показатель лояльности к армянскому языку в когорте 1950-х годов рождения за 1979-1989 гг. повысился у мужчин с 73,9 до 74,7%, а у женщин - с 64,6 до 68,0%.

Такая этноязыковая композиция составила основу языковой ситуации современной России.

* * *

Идеологическое осмысление языковых процессов в СССР хорошо умел резюмировать Ш. Р. Рашидов (в 1959-1983 гг. - первый секретарь ЦК компартии Узбекистана): "Все языки нашей страны – а их в Советском Союзе более 130 - постоянно развиваются, становятся все ярче, богаче, колоритнее, многообразнее"; "В возникновении новой, невиданной ранее исторической общности людей – советского народа, укреплении его единства выдающуюся роль играет русский язык. Сегодня он является родным языком этой подлинно интернациональной общности более ста наций и народностей СССР, мощным и действенным фактором духовной коммуникации всех советских людей"; "Язык межнационального общения <...> помогает всем национальным языкам в достижении новых вершин в своем совершенствовании" [Рашидов 1980: 13, 14, 25]. Детально обоснованию таких положений посвящены десятки монографических исследований советских социолингвистов. В советский период на Западе, а в постсоветский – и во многих вновь образовавшихся государствах, наоборот, часто доминирует интерпретация всех этнокультурных процессов в СССР как злонамеренной русификации, осуществлявшейся Сталиным – Хрущевым – Брежневым по ленинским заветам.

Правда, по-видимому, посредине. В целом в течение советского периода шло естественное распространение языка межэтнического общения на едином государственном и экономическом пространстве, характерное для любого государства такого размера и уровня развития. В отличие от многих стран, традиционно относимых к типичным демократиям, в СССР никогда не существовало общих законодательных ограничений на использование негосударственного языка. Хотя политика в отношении отдельных на-родов-"предателей" граничила с геноцидом, она – увы – укладывалась в социальную практику построения коммунизма. Не будем забывать, что жертвы "обострения классовой борьбы" численно сильно превышали тех, кто был репрессирован по национальному признаку.

Ранний период советской истории, напротив, дал пример беспрецедент-

ного национально-языкового расцвета, без всяких кавычек. И более чем вероятно, что именно реальная практика выстраивания межнациональных отношений в СССР до середины 1930-х годов, позднее постепенно свернутая до демагогических лозунгов, но продолжавшая оставаться законодательно закреплённой на знамени строителей коммунизма, как раз и была одной из причин того, что в современном наборе общечеловеческих ценностей сохранение этнического и языкового многообразия человечества имеет столь большое значение.

Языковая ситуация на постсоветском пространстве чрезвычайно многообразна, существующие тенденции во многом противоречивы. Ее детальный предварительный анализ дан в неоднократно цитированной выше книге В. М. Алпатова, особенно во втором ее издании [Алпатов 2000а].

БИБЛИОГРАФИЯ

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Беликов 1998 – *Беликов В. И.* Пиджины и креольские языки Океании: Социолингвистический очерк. М., 1998.
- Белл 1980 – *Белл Р.* Социолингвистика: Пер. с англ. М., 1980.
- Виноградов и др. 1984 – *Виноградов В. А., Коваль А. И., Порхомовски В. Я.* Социолингвистическая типология. Западная Африка. М., 1984.
- Зарубежный... 1986 – *Зарубежный Восток.* Языковая ситуация и языковая политика. М., 1986.
- Звегинцев 1982 – *Звегинцев В. А.* Социальное и лингвистическое в социолингвистике // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1982. Вып. 3. [Переизд. в: Звегинцев 1996]
- Крысин 1977 – *Крысин Л. П.* Язык в современном обществе. М., 1977.
- Крысин 1989 – *Крысин Л. П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
- Лабов 1975 – *Лобов У.* Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975.
- Мечковская 1996 – *Мечковская Я. Б.* Социальная лингвистика. М., 1996.
- Никольский 1976 – *Никольский Л. Б.* Синхронная социолингвистика. М., 1976.
- Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М., 1973.
- Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М., 1975.
- Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986.
- Теоретические... 1981 – Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981.
- Швейцер 1976 – *Швейцер А. Д.* Современная социолингвистика. Теория. Проблемы. Методы. М., 1976.
- Швейцер, Никольский 1978 – *Швейцер А. Д., Никольский Л. Б.* Введение в социолингвистику. М., 1978.
- Coupland, Jaworski 1997 – *Sociolinguistics / Ed. by N. Coupland, A. Jaworski.* London, 1997.
- Gumperz, Hymes 1972 – *Directions in sociolinguistics / Ed. by J. J. Gumperz, D. Hymes.* New York, 1972.
- Sherer, Giles 1979 - *Social markers in speech / Ed. by K. R. Sherer, H. Giles.* Cambridge, 1979.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Абдулфанова 1990 – *Абдулфанова А. А.* Лексико-грамматическая интерференция в русской речи башкир (на материале речи учащихся IV–VIII классов // Грамматическая интерференция в условиях национально-русского двуязычия. М.: Наука, 1990.

Аберкромби и др. 1994 - *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С.* Социологический словарь. Казань, 1997.

Аврорин 1975 – *Аврорин В. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социалингвистики) Л., 1975.

Алпатов 1973 – *Алпатов В. М.* Категория вежливости в современном японском языке. М., 1973.

Алпатов 1985 – *Алпатов В. М.* Статус основных форм существования в японском языке // Функциональная стратификация языка / Отв. ред. М. М. Гухман. М., 1985.

Алпатов 1988 – *Алпатов В. М.* Япония. Язык и общество. М., 1988.

Алпатов 1993 – *Алпатов В. М.* Социалингвистическая ситуация в Японии XIX – XX вв. // Диахроническая социалингвистика / Отв. ред. В. К. Журавлев. М., 1993.

Алпатов 1996 - *Алпатов В. М.* Норма языка в современной Японии // Языковая норма. Типология нормализационных процессов / Отв. ред. В. Я. Порхомовский, Н. Н. Семенюк. М., 1996.

Алпатов 1997 – *Алпатов В. М.* 150 языков и политика. М., 1997.

Алпатов 2000 – *Алпатов В. М.* Проблемы двуязычия и языков национальных меньшинств // Речевое общение в условиях языковой неоднородности / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2000.

Алпатов 2000а - *Алпатов В. М.* 150 языков и политика. 1917-2000. Социалингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000.

Андреев 1963 – *Андреев Н. Д.* Об одном эксперименте в области русской орфоэпии // Вопросы культуры речи. Вып. 4. М., 1963.

Андронов 1983 – *Андронов М. С.* О некоторых тенденциях развития тамильского языка в новое время // Развитие языков в странах зарубежного Востока (послевоенный период). М., 1983.

Апресян 1974 – *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

Апресян 1978 – *Апресян Ю. Д.* Языковая аномалия и логическое противоречие // *Tekst. Język. Poetyka. Wroc aw*, 1978.

Апресян 1980 – *Апресян Ю. Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" // *Wiener slawistischer Almanach. Wien*, 1980. Sonderband 1.

Базиев, Исаев 1973 - *Базиев А. Т., Исаев М. И.* Язык и нация. М., 1973.

Балдаев и др. 1992 - *Балдаев Д. С., Белка В. К., Исупов И. М.* Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. Одинцово, 1992.

Барадин 1929 – *Барадин Б.* Вопросы повышения бурят-монгольской языковой культуры // Культура и письменность Востока. Вып. V. М., 1929.

Баранов, Крейдлин 1992 – *Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е.* Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // *Вопр. языкознания*. 1992. № 2.

Баранов 1999 – *Баранов А.* Не въезжаешь – "задрьсни" в тубик? // Газета Метро. 1999. 20 февр.

Бартольд 1964 - *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. II. Ч. 2. М., 1964. Беликов 1997 - *Беликов В. И.* Надежность советских этнодемографических данных //

Малые языки Евразии: Социолингвистический аспект. М., 1997.

Беликов 1997а – *Беликов В. И.* Русские пиджины // Малые языки Евразии: Социолингвистический аспект. М., 1997.

Беликов 1999 – *Беликов В. И.* Методические неудачи в социолингвистических опросах // Типология и теория языка: от описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика. М., 1999.

Беликов 1999а – *Беликов В. И.* Динамика смены этничности и языка по материалам переписей // Проблемы лингвистической контактологии: Материалы рабочей конференции 23 октября 1999 г. М., 1999.

Блакар 1987 – *Блакар Р. М.* Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия / Под общ. ред. В. В. Петрова. М., 1987.

Богданов 1990 – *Богданов В. В.* Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. Л., 1990.

Богораз 1934-1939 – *Богораз В. Г.* Чукчи. Л., 1934-1939. Т. 1-2. Бодуэн де Куртенэ 1963 – *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1–2. Болтенкова 1988 – *Болтенкова Л. Ф.* Интернационализм в действии. М., 1988.

Бондалетов 1987 – *Бондалетов В. Д.* Социальная лингвистика. М., 1987.

Бронникова 1993 – *Бронникова О. М.* Сарты в этнической истории Средней Азии // Этнос и этнические процессы: Памяти Р. Ф. Итса. М., 1993.

Бугай 1995 – *Бугай Н. Ф.* Л. Берия – И. Сталину: "Согласно Вашему указанию..." М., 1995.

Булатова и др. 1975 – *Булатова Л. Н., Касаткин Л. Л., Строганова Т. Ю.* О русских народных говорах. М., 1975.

Булатова и др. 1997 – *Булатова Н. Я., Бахтин Н. Б., Насилов Д. М.* Языки малочисленных народов Севера // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: Проблемы сохранения и развития языков. СПб., 1997.

Вайнрайх 1979 – *Вайнрайх У.* Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. Киев, 1979.

Вайнрих 1987 – *Вайнрих Х.* Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия / Под общ. ред. В. В. Петрова. М., 1987.

Васильева и др. 1995 – *Васильева Н. В., Виноградов В. А., Шахнаровт А. М.* Краткий словарь лингвистических терминов. М., 1995.

Бахтин 1984 – *Бахтин Н. Б.* К социолингвистическому описанию эскимосских поселений Чукотского полуострова // Лингвистические исследования 1984. Историко-типологическое изучение разносистемных языков. М., 1984.

Вежбицка 1993 – *Вежбицка А.* Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // Вопр. языкознания. 1993. № 4.

Виноградов 1935 – *Виноградов В. В.* Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л., 1935.

Виноградов 1938 – *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. М., 1938. [2-е изд. М., 1972.]

Виноградов 1945 – *Виноградов В. В.* Великий русский язык. М., 1945.

Виноградов 1956 – *Виноградов В. В.* Вопросы образования русского на-

ционального литературного языка // *Вопр. языкознания*. 1956. № 1.

Виноградов 1965 - *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. М., 1965.

Виноградов 1990 - *Виноградов В. А.* Койне // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1990.

Винокур 1993 - *Винокур Т. Г.* Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М., 1993.

Вольф 1985 – *Вольф Е. М.* Некоторые особенности языковой ситуации в Португалии XVI в. // *Функциональная стратификация языка* / Отв. ред. М. М. Гухман. М., 1985.

Вопросник... 1960 – *Вопросник по современному русскому литературному произношению* / Сост. М. В. Панов. М., 1960.

Вопросник... 1963а – *Вопросник по современной русской морфологии* / Отв. ред. И. П. Мучник. М., 1963.

Вопросник... 1963б – *Вопросник по современному русскому словообразованию* / Сост. Р. В. Бахтурина; Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1963.

Выготский 1956 – *Выготский Д. С.* Избранные психологические исследования. М., 1956.

Герд 1998 - *Герд А. С.* Диалект - региолект - просторечие // *Русский язык в его функционировании: Тезисы международной конференции*. М., 1998.

Государственные...1995 - *Государственные языки в Российской Федерации*. М., 1995.

Грайс 1985 - *Грайс Г.* Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985.

Грамматическая... 1990 - *Грамматическая интерференция в условиях национально-русского двуязычия*. М.: Наука, 1990.

Гулида 1999 - *Гулида В. Б.* Современная англоязычная социолингвистика // *Язык и речевая деятельность*. СПб., 1999. Т. 2.

Гухман 1972 - *Гухман М. М.* У истоков советской социальной лингвистики // *Иностр. языки в школе*. 1972. № 4.

Данилов 1972 – *Данилов А.* Многонациональная школа РСФСР – практическое воплощение ленинской национальной политики // *Нар. образование*. 1972. № 12.

Дешериев 1966 - *Дешериев Ю. Д.* Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966.

Дешериев 1976 - *Дешериев Ю. Д.* Развитие национально-русского двуязычия. М., 1976.

Джунусов 1969 - *Джунусов М. С.* Социальный аспект двуязычия в СССР // *Социология и идеология*. М., 1969.

Дзекиревская, Тарасов 1970 - *Дзекиревская Л. Н., Тарасов Е. Ф.* Овладение иностранным языком как социолингвистическая проблема // *Тр. ВИИЯ*. Иностр. яз. М., 1970. № 6.

Диахроническая... 1993 - *Диахроническая социолингвистика* / Отв. ред. В. К. Журавлев. М., 1993.

Долинин 1978 - *Долинин К. А.* Стилистика французского языка. Л., 1978.

Дьячков 1992 - *Дьячков М. В.* Проблемы двуязычия (многоязычия) и образования: Пособие для учителей средних школ, преподавателей педучилищ и пединститутов. М., 1992.

Дьячков 1993 - *Дьячков М. В.* Социальная роль языков в межэтнических обществах: Пособие для университетов и пединститутов М., 1993.

Дьячков 1996 - *Дьячков М. В.* Мажоритарные языки в полиэтнических (многонациональных) государствах. М., 1996.

ДЭС 1985 - Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.

Едличка 1988 - *Едличка А.* Литературный язык в современной коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М., 1988.

Ежегодник 1995 - Российский статистический ежегодник. М., 1995.

Елизаренкова 1990 - *Елизаренкова Т. Я.* Пракрита // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Елоева 1992 - *Елоева Ф. А.* Введение в новогреческую филологию. СПб., 1992.

Елоева, Русаков 1990 - *Елоева Ф. А., Русаков А. Ю.* Проблемы языковой интерференции. Л., 1990.

Ермакова и др. 1999 - *Ермакова О. П., Земская Е. А., Разина Р. И.* Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.

Ерофеева 1990 - *Ерофеева Т. И.* Речевой портрет говорящего // Языковой облик уральского города. Свердловск, 1990.

Живов 1996 - *Живов В. М.* Язык и культура России XVIII века. М., 1996.

Жирмунский 1956 - *Жирмунский В. М.* Немецкая диалектология. М.; Л., 1956.

Жирмунский 1965 - *Жирмунский В. М.* История немецкого языка. М., 1965.

Жирмунский 1968 - *Жирмунский В. М.* Проблема социальной дифференциации языков // Язык и общество. Л., 1968.

Жирмунский 1969 - *Жирмунский В. М.* Марксизм и социальная лингвистика // Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.

Журавлев 1981 - *Журавлев В. К.* История языка и диахроническая социолингвистика // Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981.

Журавлев 1982 - *Журавлев В. К.* Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 1982.

Журавлев 1987 - *Журавлев В. К.* Интегративные языковые процессы города // Socjolingwistyka. Krakow, 1987. № 6.

Журавлев 1993 - *Журавлев В. К.* Диахроническая социолингвистика (предмет, задачи, проблемы) // Диахроническая социолингвистика / Отв. ред. В. К. Журавлев. М., 1993.

Звегинцев 1976 - *Звегинцев В. А.* О предмете и методе социолингвистики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1976. Вып. 4.

Звегинцев 1996 - *Звегинцев В. А.* Мысли о лингвистике. М., 1996.

Земская 1968 - *Земская Е. А.* Русская разговорная речь: Проспект. М,

1968.

Земская 1990 – *Земская Е. А.* Речевой портрет ребенка // Язык: система и подсистемы: Сб. в честь 70-летия М. В. Панова. М., 1990.

Земская 1998 – *Земская Е. А.* О типических особенностях речи русских эмигрантов первой волны и их потомков // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 1998. Вып. 4.

Земская и др. 1981 – *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.

Земская и др. 1993 – *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.

Исаев 1979 – *Исаев М. И.* Языковое строительство в СССР (Процессы создания письменностей народов СССР). М., 1979.

Исупов 1964 – *Исупов А. А.* Национальный состав СССР. М., 1964.

Какорина 1996 – *Какорина Е. В.* Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996.

Касаткин 1976 – *Касаткин А. А.* Очерки истории итальянского языка XVIII–XIX вв. Л., 1976.

Касаткин 1999 – *Касаткин Л. Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Кевлишвили 1990 – *Кевлишвили Т. В.* Проявление грамматической интерференции при конструировании русских предложений учащимися грузинами // Грамматическая интерференция в условиях национально-русского двуязычия. М.: Наука, 1990.

Кибрик 1990 - Язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

КиПВ 1930 – Культура и письменность Востока. Баку, 1930. Вып. VI.

Климчук 1990 – *Климчук Ф. Д.* Этнос и перепись: парадоксы статистики // Ожог родного очага. М., 1990.

Клячин 1989 – *Клячин А. И.* Этнические меньшинства и национально-государственное строительство на Украине в 1920–1930 гг. // Этноконтактные зоны в европейской части СССР. М., 1989.

Козлова, Сандомирская 1996 - *Козлова Н. Н., Сандомирская И. И.* Я так хочу назвать кино. "Наивное письмо": Опыт лингво-социологического чтения. М., 1996.

Кон 1967 – *Кон И. С.* Социология личности. М., 1967.

Конрад 1986 – *Конрад Р.* Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1986.

Косериу 1960 – *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1960.

Костомаров 1994 – *Костомаров В. Г.* Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994.

Кравецкий 1999 – *Кравецкий А. Г.* Литургический язык как предмет этно-

графии // Славянские этюды: Сб. к юбилею С. М. Толстой. М., 1999.

Краус 1974 - *Краус И.* К общим проблемам социолингвистики // Вопр. языкознания. 1974. №4.

Краус 1976 – *Краус И.* К пониманию социолингвистики в Чехословакии // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.

Крейдлин 1996 – *Крейдлин Г. Е.* Стереотипы возраста // Wiener slawistischer Almanach. Wien, 1996. Bd. 37.

Крысин 1968 – *Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.

Крысин 1968 – *Крысин Л. П.* Русский язык по данным массового опроса: Проспект. М., 1968.

Крысин 1986 – *Крысин Л. П.* Социальные ограничения в семантике и сочетаемости языковых единиц // Семиотика и информатика. М., 1986. Вып. 28.

Крысин 1989а – *Крысин Л. П.* О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Язык и личность / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М., 1989.

Крысин 1994 – *Крысин Л. П.* Современный русский интеллигент: штрихи к речевому портрету // Литературный язык и культурная традиция / Отв. ред. В. Я. Порхомовский, Н. Н. Семенюк. М., 1994.

Крысин 1997 – *Крысин Л. П.* Социосемантика // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1997.

Крысин 2000 – *Крысин Л. П.* Социальная маркированность языковых единиц // Вопр. языкознания. 2000. № 4.

Крючкова 1994 – *Крючкова Т. Б.* Типология языковых конфликтов // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994.

Крючкова, Нарумов 1991 – *Крючкова Т. Б., Нарумов Б. П.* Зарубежная социолингвистика. Германия, Испания. М., 1991.

Кузнецов 1973 – *Кузнецов П. С.* Русская диалектология. М., 1973.

Кузнецов 1990 – *Кузнецов А. М.* Этнолингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Кузнецов, Чехоева 1982 – *Кузнецов Г. Д., Чехоева С. А.* Национальные школы РСФСР в современных условиях // Сов. педагогика. 1982. № 11.

Купина 1995 - *Купина Н. А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995.

Лабов 1975а – *Лобов У.* О механизме языковых изменений // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975.

Ларин 1928 – *Ларин Б. А.* О лингвистическом изучении города // Русская речь. Л., 1928. Вып. 3.

Ларин 1931 - *Ларин Б. А.* Об изучении языка города // Язык и литература. Т. 7. Л., 1931.

Ларин 1977 – *Ларин Б. А.* История русского языка и общее языкознание: Избр. работы. М., 1977.

Лафарг 1930 – *Лафарг П.* Язык и революция. М.; Л. 1930.

Левин 1930 – *Левин И.* Материалы к политике царизма в области письменности "иностранцев" // Культура и письменность Востока. Баку, 1930. Вып.

VI.

Леонтьев 1972 – *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М., 1972.

Леонтьев 1990 – *Леонтьев А. А.* Психолингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Литературный... 1994 - Литературный язык и культурная традиция. М., 1994.

Лихачев 1935 – *Лихачев Д. С.* Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. М.; Л., 1935. Т. III. (Перепеч. в: *Балдаев и др.* 1992.)

Лурия 1959 – *Лурия А. Р.* Развитие речи и формирование психических процессов // Психологические исследования в СССР. М., 1959.

Крейнович 1990 – *Крейнович Е. А.* Чуванский язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Лексические... 1991 – Лексические заимствования в языках зарубежного Востока (социолингвистический аспект). М., 1991.

Мартине 1979 - *Мартине А.* Предисловие // *Вайнрайх У.* Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979.

Махмутов 1976 – *Махмутов М. И.* Актуальные проблемы обучения русскому языку в нерусских школах // Русский язык - язык межнационального общения народов СССР. М., 1976.

Михальченко 1975 - *Михальченко В. Ю.* О взаимодействии литовского и русского языков в условиях двуязычия // Социолингвистические проблемы развивающихся стран. М., 1975.

Михальченко 1994 – *Михальченко В. Ю.* Национально-языковые конфликты на языковом пространстве бывшего СССР // Язык в контексте общественного развития. М., 1994.

Михальченко 1995 – *Михальченко В. Ю.* Социолингвистический портрет письменных языков России: методы и принципы исследования // Методы социолингвистических исследований. М., 1995.

Младописьменные... 1959 – Младописьменные языки народов СССР. М.; Л., 1959.

Москалев 1992 – *Москалев А. А.* Национально-языковое строительство в КНР (80-е годы). М., 1992.

Насырова 1992 – *Насырова О. Д.* Особенности национально-языковой жизни в Башкирии // Языковая ситуация в Российской Федерации: 1992. М., 1992.

Нарумов 1994 – *Нарумов Б. П.* Понятия "языковой континуум", "язык" и "диалект" в истории романского языкознания // Язык в контексте общественного развития. М., 1994.

Национальная... 1997 – Национальная политика России: История и современность. М., 1997.

Несостоявшийся... 1992 - Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992.

Нещименко 1985 – *Нещименко Г. П.* Функциональное членение чешского языка // Функциональная стратификация языка. М., 1985.

Николаева 1988 – *Николаева Т. М.* "Лингвистическая демагогия" // Прагматика и проблемы интенциональное™ / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1988.

Николаева 1991 – *Николаева Т. М.* "Социолингвистический портрет" и методы его описания // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики: Докл. Всесоюзн. научн. конф. Ч. 2. М., 1991.

Никольский 1986 – *Никольский Л. Б.* Язык в политике и идеологии стран зарубежного Востока. М., 1986.

Норма... 1969 - Норма и социальная дифференциация языка. М., 1969.

Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка. М., 1970.

Опыт... 1915 – Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. М., 1915.

Опыт... 1982 – Опыт совершенствования алфавитов и орфографий языков народов СССР. М., 1982.

Орлов 1969 – *Орлов Л. М.* Из истории советской социальной лингвистики 20-30-х годов // Уч. зап. Волгогр. пед. ин-та. Вып. 2. Волгоград, 1969.

Орусбаев 1990 - *Орусбаев А.* Языковая жизнь Киргизии. Фрунзе, 1990.

Панов 1966 – *Панов М. В.* О тексте для фонетической записи // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966.

Панов 1966а - *Панов М. В.* Русский язык // Языки народов СССР. В 6 томах. М., 1966. Т. 1.

Панов 1968 – *Панов М. В.* Принципы социологического изучения русского языка // Русский язык и советское общество: В 4 кн. Кн. 1. М., 1968.

Панов 1979 – *Панов М. В.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.

Панов 1990 – *Панов М. В.* История русского литературного произношения XVIII-XX вв. М., 1990.

Патрушева 1996 - *Патрушева Г. М.* Шорцы сегодня. Новосибирск, 1996.

Пешковский 1959 – *Пешковский А. М.* Избранные труды. М., 1959.

Письменные языки... 2000 – Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Кн. 1. / Под. ред. Г. Макконела, В. М. Солнцева и В. Ю. Михальченко. М., 2000.

Поливанов 1927 – *Поливанов Е. Д.* О литературном (стандартном) языке современности // Родной язык в школе. 1927. № 1.

Поливанов 1928 – *Поливанов Е. Д.* Задачи социальной диалектологии русского языка // Родной язык и литература в трудовой школе. 1928. № 2, 4–5.

Поливанов 1931 – *Поливанов Е. Д.* За марксистское языкознание. М., 1931.

Поливанов 1968 – *Поливанов Е. Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968.

Полинская 1987 – *Полинская М. С.* Полуязычие // Возникновение и функционирование контактных языков. М., 1987.

Поппе 1929 – *Поппе Н. Н.* К вопросу о создании нового монгольского алфавита // Культура и письменность Востока. 1929. Вып. V.

Потапов 1997 – *Потапов В. В.* Язык женщин и мужчин, фонетическая

дифференциация // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 1997. Вып. 3.

Прокофьев 1976 – *Прокофьев М. А.* Русский язык в национальной школе и дошкольных учреждениях // Русский язык – язык межнационального общения народов СССР. М., 1976.

Рашидов 1980 – *Рашидов Ш. Р.* Язык нашего единства и братства // Русский язык – язык дружбы и сотрудничества народов СССР. М., 1980.

Реферовская 1972 - *Реферовская Е. А.* Французский язык в Канаде. Л., 1972. Речевое... 2000 - Речевое общение в условиях языковой неоднородности / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2000. Рожанский 1992 – *Рожанский Ф, И.* Сленг хиппи: Материалы к словарю.

СПб.; Париж, 1992. Розенцвейг 1972 - *Розенцвейг В. Ю.* Языковые контакты: Лингвистическая проблематика. М., 1972. Розина 1998 - *Розина Р. И.* Общий жаргон: принципы лексикографического описания, семантика и поведение // Русский язык в его функционировании: Тез. докл. междунар. конф.. М., 1998. Россия 1996 - Россия: Социальная ситуация и межнациональные отношения в регионах. М., 1996.

Россия 1991 - Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991. РРР 1973 - Русская разговорная речь / Под ред. Е. А. Земской. М., 1973. РРР 1978 - Русская разговорная речь: Тексты / Отв. ред. Е. А. Земская,

А. Л. Капанадзе. М., 1978. РРР 1983 – Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика.

Жест/ Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1983. Русская... 1959 - Русская периодическая печать (1702-1894): Справочник. М., 1959.

Русский... 1974 - Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения / Под ред. Л. П. Крысина. М., 1974.

РЯиСО 1968 - Русский язык и советское общество: В 4 кн. / Под ред. М. В. Панова. М., 1968.

Рябова 1985 – *Рябова И. С.* Различия в функциональном членении суахили в Танзании и Кении // Функциональная стратификация языка. М., 1985.

Селищев 1928 - *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи. М., 1928.

Селищев 1941 – *Селищев А. М.* Славянское языковедение. Западнославянские языки. М., 1941.

Семенюк 1985 - *Семенюк Н. Н.* О реконструкции функциональных парадигм в истории немецкого языка // Функциональная стратификация языка / Отв. ред. М. М. Гухман. М., 1985.

Сепир 1993 – *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

Серль 1986 – *Серль Дж. Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986.

Сигуан, Макки 1990 - *Сигуан М., Макки У. Ф.* Образование и двуязычие. М., 1990.

Слюсарева 1981 - *Слюсарева Н. А.* Проблемы социальной природы языка в трудах французских лингвистов // Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981.

Смелзер 1994 - *Смелзер Н.* Социология. М., 1994. Снегов 1991 – *Снегов С.*

Язык, который ненавидит. М., 1991.

Сорокин 1992 - *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Социальная... 1977 – Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977.

Социолингвистические... 1996 - Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: Матер, междунар. конф. М., 1996.

Социология 1996 - Социология: Основы общей теории. М., 1996.

Стеблин-Каменский 1968 - *Стеблин-Каменский М. И.* // Вопр. языкознания. 1968. № 3.

Степанов 1963 - *Степанов Г. В.* Испанский язык в странах Латинской Америки. М., 1963.

Степанов 1969 - *Степанов Г. В.* Социально-географическая дифференциация испанского языка Америки на уровне национальных вариантов // Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.

Степанов 1976 - *Степанов Г. В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.

Степанов 1979 - *Степанов Г. В.* К проблеме языкового варьирования. М., 1979.

Судакова 1972 - *Судакова Н. Я.* Из истории методики преподавания русского языка в нерусской школе. Махачкала, 1972.

Тайлор 1989 - *Тайлор Э. Б.* Первобытная культура. М., 1989.

Типология... 1999 - Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси. Минск, 1999.

Толстой 1985 - *Толстой Н. И.* Славянские литературные языки и их отношение к другим языковым идиомам (стратам) // Функциональная стратификация языка. М., 1985.

Труб 2000 - *Труб В.М.* Явище "суржинку" як форма просторіччя в ситуації двомовності // Мовознавство, 2000, № 1.

Украинско-русское... 1988 - Украинско-русское двуязычие: Социолингвистический аспект. Киев, 1988.

Успенский 1987 - *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI-XVII вв.). Munchen, 1987.

Успенский 1994 - *Успенский Б. А.* Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси: восприятие церковнославянского и русского языка // Успенский Б. А. Избр. тр.: В 2 т. Т. II. Язык и культура. М., 1994.

Фирсова 1992 - Социолингвистические и лингвистические аспекты в изучении иностранных языков / Отв. ред. Н. М. Фирсова. М., 1992.

Фишер, Юри 1987 - *Фишер Р., Юри У.* Путь к согласию (соглашение без ущерба для договаривающихся сторон) // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.

Фрумкина 1964 - *Фрумкина Р. М.* Статистические методы изучения лексики. М., 1964.

Функциональная... 1985 - Функциональная стратификация языка. М., 1985.

Хомский 1972 - *Хомский Н.* Аспекты теории синтаксиса: Пер. с англ. М.,

1972.

Челышева 1985 - *Челышева И. И.* Языковая ситуация во Франции XV века // Функциональная стратификация языка. М., 1985.

Чуковский 1982 - *Чуковский К.* Живой как жизнь. М., 1982.

Швейцер 1963 - *Швейцер А. Д.* Очерк современного английского языка в США. М., 1963.

Швейцер 1971 - *Швейцер А. Д.* Литературный английский язык в США и Англии. М., 1971.

Швейцер 1976а - *Швейцер А. Д.* К разработке понятийного аппарата социолингвистики // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.

Швейцер 1991 - *Швейцер А. Д.* Модели языковой вариативности // Языки мира: проблемы языковой вариативности. М., 1991.

Шибутани 1969 - *Шибутани Т.* Социальная психология. М., 1969.

Шукуров 1990 - *Шукуров Ш.* Язык и письменность: разрыв традиций // Ожог родного очага. М.: Прогресс, 1990.

Щерба 1958 - *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии // *Щерба Л. В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. Т. I.

Щерба 1974 - *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Эдельман 1980 - *Эдельман Д. И.* К проблеме "язык или диалект" в условиях отсутствия письменности // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980.

Яхонтов 1980 - *Яхонтов С. Е.* Оценка степени близости родственных языков // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980.

Ядов 1967 - *Ядов В. А.* Методологические проблемы конкретных социологических исследований: Автореф. дис... докт. М., 1967.

Языковая... 1996 - Языковая норма. Типология нормализационных процессов / Отв. ред. В. Я. Порхомовский, Н. Н. Семенюк. М., 1996.

Языковые проблемы... 1994 - Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М., 1994. Т. I.

Якобсон 1985 - *Якобсон Р.* Лингвистика в ее отношении к другим наукам // *Якобсон Р.* Избранные работы. М., 1985.

Ярцева 1977 - *Ярцева В. Н.* Соотносительность региональных и социальных вариантов языка в плане стиля и нормы // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М., 1977.

Яхнов 1998 - *Яхнов Х.* Социолингвистика в России (90-е годы) // Русистика (Берлин), 1998. № 1/2.

Arends et al. 1995 - *Arenas J., Muysken P., Smith N.* Pidgins and Creoles: An introduction / Ed. by J. Arends, P. Muysken, N. Smith. Amsterdam, 1995.

Auer 1984 - *Auer J. C. P.* Bilingual conversation. Amsterdam; Philadelphia, 1984.

Barden, GroBkopf 1998 - *Barden B., Grqftkopf B.* Sprachliche Akkomodation und sociale Integration. Miinchen, 1998.

Bernstein 1966 - *Bernstein B.* Elaborated and restricted codes // Sociological

Inquiry. 1966. Vol. 36.

Berruto 1974 - *Berruto G.* La sociolinguistica. Bologna, 1974.

Bierwisch 1976 - *Bierwisch M.* Social differentiation of language structure // Language in focus: foundations, methods and systems / Ed. by A. Kasher. Dordrecht, 1976.

Broch 1930 - *Broch O.* Russenorsk textmateriale // Maal og minne. 1930. H. 4.

Mesrtrie 1989 - *Mesrtrie R.* The origine of Fanagalo // J. of Pidgin and Creole Languages. 1989. Vol. 4. Currie 1952 - *Currie H.* A projection of sociolinguistics: the relationship of speech to social status // Southern Speech Journal. Vol. 18. 1952. № 1.

Dauzat 1925 - *Dauzat A.* La geographic linguistique. Paris, 1925.

DeCamp 1961 - *DeCamp D.* Social and geographical factors in Jamaican dialects//Creole language studies. II. Proceedings of the Conference on Creole Language Studies (University of the West Indies, Mona, 1959) / Ed. by R. B. Le Page. London, 1961.

DeCamp 1971b - *DeCamp D.* Toward a generative analysis of a post-creole speech continuum // *Hymes D.* (ed.). Pidginization and creolization of languages. Cambridge, 1971.

Diamond 1996 - *Diamond J.* Status and power in verbal interaction. Amsterdam; Philadelphia, 1996.

Dillard 1973 - *Dillard J. L.* Black English (its history and usage in the United States). New York, 1973.

Dixon 1997 - *Dixon R. M. W.* The rise and fall of languages. Cambridge - New York, 1997.

Ellis 1965 - *Ellis J.* Linguistic sociology and institutional linguistics // Linguistics. 1965. № 19.

Els, Extra 1987 - *Theo van Els, Guus Extra.* Foreign and second language teaching in Western Europe: a comparative overview of needs, objectives and policies //

Sociolinguistica. Tubingen, 1987. Vol. 1. Ervin-Tripp 1971 - *Ervin-Tripp S.* Sociolinguistics // Advances in the Sociology of Language / Ed. by J. Fishman. Vol. 1. The Hague; Paris, 1971. Ervin-Tripp 1973 - *Ervin-Tripp S.* Language acquisition and communicative choice.

Stanford, 1973.

Fergusson 1959 - *Fergusson Ch.* Diglossia // Word. 1959. No. 4.

Fillmore 1973 - *Fillmore Ch.* A grammarian looks to sociolinguistics // Monograph

Series on Languages and Linguistics. Washington, 1973. No. 25.

Fishman 1971 - *Fishman J.* Preface // Advances in the Sociology of Language /Ed. by J. Fishman. The Hague; Paris, 1971. Vol. 1.

Fishman 1971a - *Fishman J.* The sociology of language: an interdisciplinary social science approach to language in society // Advances in the Sociology of Language / Ed. by J. Fishman. The Hague; Paris, 1971. Vol. 1.

Fishman 1971-1972 - Advances in the Sociology of Language / Ed. by J. Fishman. The Hague; Paris, 1971-1972. Vol. 1-2.

Fishman 1972 - *Fishman J.* Domains and the relationship between micro- and macrosociolinguistics // *Gumperz J. J., Hymes D.* (eds.). Directions in Sociolinguistics. New York, 1972.

Geertz 1970 - *Geertz C.* Linguistic etiquette // Readings in the Sociology of Language / Ed. by J. Fishman. 2-nd ed. The Hague; Paris, 1972.

Gumperz 1984 - *Gumperz J.* Introduction: language and the communication of social identity // Language and Social Identity / Ed. by J. J. Gumperz. Cambridge University Press, 1984.

Hall 1962 - *Hall R. A. Jr.* The life cycle of pidgin languages // *Lingua*. 1962. Vol.11.

Hancock 1987 - *Hancock I.* A Preliminary classification of the anglophone Atlantic Creoles // Pidgin and Creole languages: Essays in memory of John E. Reinecke.

Honolulu, 1987.

Hertzler 1965 - *Hertzler J.* Sociology of language. New York, 1965. Holm 1989 - *Holm J.* Pidgins and Creoles. Cambridge, 1989.

Hymes 1972 - *Hymes D.* Models of the interaction of language and social life // Directions in Sociolinguistics. New York, 1972.

Hymes 1972a - *Hymes D.* On communicative competence // Sociolinguistics / Ed. by J. Pride, J. Holmes. Harmondsworth, 1972.

Hymes 1973 - *Hymes D.* The scope of sociolinguistics // Monograph Series on Languages and Linguistics / Ed. by R. W. Shuy. 1972. № 25. Washington, 1973.

Inglehart, Woodward 1977 - *Inglehart R., Woodward M.* Language conflicts and political community // Language and social context / Ed. by P. P. Giglioli.

Harmondsworth, 1977.

Jakobson 1970 - *Jakobson R.* Linguistics in its relation to other sciences // Main Trends of Research in the Social and Human Sciences. Paris, 1970.

Kjolseth 1972 - *Kjolseth R.* The development of the sociology of language and its social implications // Sociolinguistics Newsletter. 1972. Vol. III.

Kluckhohn, Kroeber 1952 - *Kluckhohn C. K. M., Kroeber A. L.* Culture // Peabody Museum Papers, 1952.

Kraus 1971 - *Kraus J.* K sociolingvistickym prvukum ve funkcni stylistice // Slovo a slovesnost. 1971. № 3.

Krysin 1977 - *Krysin L.* Sociolinguistics in the USSR // Language in Society. 1977. №2.

Labov 1966 - *Labov W.* The social stratification of English in New York City. Washington, 1966.

Labov 1966a - *Labov W.* The effect of social mobility on linguistic behavior // Sociological Inquiry. 1966. Vol. 36. № 2.

Labov 1970 - *Labov W.* The study of language in its social context // Studium generale. 1970. № 23.

Labov 1972 - *Labov W.* Language in the inner city: Studies in the Black English vernacular. Philadelphia, 1972.

Labov, Fanshel 1977 - *Labov W., Fanshel D.* Therapeutic discourse. Psychotherapy as conversation. New York; San-Francisco; London, 1977.

Lakoff 1975 – *Lakoff R.* Language and women's place. New York, 1975. Lincoln, 1979 – *Lincoln P. C.* Dual-Lingualism: Passive bilingualism in action // *Te Reo*. 1979. Vol. 22.

Living... 1982 - Living in two cultures: The socio-cultural situation of migrant workers and their families. Paris; London, 1982.

Ludi 1990 - *Ladi G.* Les migrants comme minorite linguistique en Europe // *Sociolinguistica*. Tubingen, 1990. Vol. 4.

McRae 1986 - *McRae K. D.* Conflict and compromise in multilingual societies. Waterloo; Ontario, 1986. Vol. 1-2.

Mead 1935 - *Mead M.* Sex and temperament in three primitive societies. New York, 1935

Mills 1999 - Slavic gender linguistics / Ed. by M. Mills. Philadelphia, 1999.

Moscovici 1972 – The psychosociology of language / Ed. by S. Moscovici. Chicago, 1972. (Part. 6: Language as an index in small group interactions.)

Muhlhausler 1986 - *Muhlhausler P.* Pidgin and Creole Linguistics. New York, 1986. O'Donnell, Todd 1980 - *O'Donnell W. R., Todd L.* Variety in contemporary English. London, 1980.

Plank 1988 - *Van der Plank P. H.* Growth and decline of the Dutch standard language across the state borders // *International Journal of the Sociology of*

Language. 1988. №. 74. Robins, Uhlenbeck 1991 – Endangered languages / Ed. by R. Robins, E. Uhlenbeck. Oxford; New York, 1991.

Shuy 1974 – *Shuy R. W.* Sociolinguistic strategies for teachers in a Southern school system // *Association Internationale de Linguistique Appliquee: 3-d Congress Proceedings* / Ed. by A. Verdoot, Heidelberg, 1974. Vol. II. *Sociolinguistica* 1990 - *Sociolinguistica*. Vol. 4. Minorities and language Contact.

Tubingen, 1990.

Sociolinguistica 1993 - *Sociolinguistica*. Vol. 7. Multilingual concepts in the schools of Europe.

Tubingen, 1993.

Stewart 1965 – *Stewart W. A.* Urban Negro speech: sociolinguistic factors affecting English teaching // *Social dialects and language learning*. Champaign, 1965.

Swadesh 1954 - *Swadesh M.* Perspectives and problems of American comparative linguistics // *Word*. 1954. № 10.

Trudgill 1974 – *Trudgill P.* Sociolinguistics: An introduction. London, 1974. Thome, Henley 1975 - Language and sex: differences and dominance / Ed. By B. Thome, N. Henley. Rowley, 1975.

Wardhaugh 1992 - *Wardhaugh R.* An Introduction to Sociolinguistics. Oxford; Cambridge (Mass.), 1992.

Zybatow 1995 - *Zybatow L. N.* Russisch im Wandel. Die russische Sprache seit der Perestrojka. Wiesbaden, 1995. Vol. II.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Что изучает СОЦИОЛИНГВИСТИКА?.....	3
Истоки СОЦИОЛИНГВИСТИКИ.....	6
СТАТУС СОЦИОЛИНГВИСТИКИ КАК НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ.....	8
ОБЪЕКТ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ.....	8
ГЛАВА 1 ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ	10
1.1. Языковое сообщество.....	10
1.2. Родной язык и смежные понятия.....	12
1.3. Языковой код.....	13
1.4. Социально-коммуникативная система.....	14
1.5. Языковая ситуация.....	15
1.6. Переключение и смешение кодов.....	16
1.7. Интерференция.....	19
1.8. Языковая вариативность.....	22
1.9. Языковая норма.....	24
1.10. Литературный язык (стандарт).....	26
1.11. Диалект.....	29
1.12. Социолект.....	30
1.13. АРГО. ЖАРГОН. СЛЕНГ.....	31
1.14. Койне.....	34
1.15. Просторечие.....	34
1.16. Диглоссия и двуязычие.....	36
1.17. Сферы использования языка.....	39
1.18. Речевая и неречевая коммуникация.....	40
1.19. Коммуникативная ситуация.....	40
1.20. Речевое общение, речевое поведение, речевой акт.....	43
1.21. Коммуникативная компетенция носителя языка.....	45
ГЛАВА 2 ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ	47
2.1. Соотношение языка и диалекта.....	47
2.1.1. Соотношение бесписьменных идиомов.....	49
2.1.2. Устный идиом и письменная традиция.....	54
2.1.3. Гетерогенные языковые традиции.....	61
2.2. Социальная дифференциация языка.....	63
2.3. Социальная обусловленность языковой эволюции.....	69
2.3.1. Социолингвистическая концепция Е. Д. Поливанова.....	70
2.3.2. Некоторые современные социолингвистические концепции языкового развития.....	73
2.3.2.1. Теория антиномий.....	73
2.3.2.2. Теория языковой эволюции У. Лобова.....	78
2.4. Смещение языков. Пиджины и креольские языки.....	80
2.4.1. Зарождение контактного языка.....	81
2.4.2. Типы пиджинов и их эволюция.....	83
2.4.3. Становление развитых контактных языков.....	91
2.4.4. Контактный континуум.....	96
2.4.5. Функционирование развитых пиджинов и креольских языков.....	100
2.5. Владение языком как социолингвистическая проблема.....	102
2.5.1. Собственно лингвистический уровень.....	104
2.5.2. Национально-культурный уровень.....	105
2.5.3. Энциклопедический уровень.....	107
2.6. Социальный аспект речевого общения.....	109
2.6.1. Речевое общение в социально неоднородной среде.....	109
2.6.2. Социальная регуляция речевого общения.....	112
2.7. Социальные ограничения в семантике и в сочетаемости языковых единиц.....	115
2.7.1. Социальные компоненты в семантике слова.....	115
2.7.2. Социальные ограничения в сочетаемости слов.....	119

ГЛАВА 3 НЕЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ: СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ДЕМОГРАФИЯ.....	122
3.1. НОСИТЕЛЬ ЯЗЫКА В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ.....	122
3.1.1. Структура общества	123
3.1.2. Индивид в обществе	127
3.1.3. Социальное неравенство	134
3.1.4. Языковая специфика социологических понятий	136
3.1.4.1. Языковой компонент культуры социума.....	136
3.1.4.2. Проявление статуса и роли в языке	138
3.1.4.3. Языковая социализация	143
3.2. НОСИТЕЛЬ ЯЗЫКА В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ	150
3.2.1. Демография как дисциплина, вспомогательная для социолингвистики	150
3.2.2. Источники демографической информации	152
3.2.3. Основные демографические показатели	156
3.2.3.1. Половозрастная структура.....	156
3.2.3.2. Естественное движение населения	158
3.2.3.3. Городское и сельское население	162
3.2.3.4. Социальный состав населения.....	164
3.2.3.5. Миграции	165
3.3. СВЕДЕНИЯ О ЯЗЫКАХ В СОВЕТСКИХ ПЕРЕПИСЯХ НАСЕЛЕНИЯ.....	167
ГЛАВА 4 НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	170
4.1. Синхроническая социолингвистика	170
4.2. Диахроническая социолингвистика	172
4.3. Макросоциолингвистика	175
4.4. Микросоциолингвистика	177
4.5. Теоретическая и экспериментальная социолингвистика	181
4.6. Социолингвистика и социология языка	184
4.7. Прикладная социолингвистика	186
ГЛАВА 5 МЕТОДЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ	190
5.1. ОТБОР ИНФОРМАНТОВ	191
5.2. МЕТОДЫ СБОРА МАТЕРИАЛА	198
5.2.1. Наблюдение	198
5.2.2. Включенное наблюдение	201
5.2.3. Устное интервью	204
5.2.4. Анкетирование	205
5.2.5. Тесты.....	217
5.3. ОБРАБОТКА И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ РЕЗУЛЬТАТОВ.....	219
5.4. АНАЛИЗ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	223
5.5. МАССОВЫЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ ГОВОРЯЩИХ	227
5.6. СООТНОШЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЙ И МЕТОДОВ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	230
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКА СРЕДИ ДРУГИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН.....	235
ПРИЛОЖЕНИЕ <u> </u> ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ И СССР	238
1. СТАНОВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ	238
1.1. Начальный этап.....	238
1.2. Языковая ситуация в XIII–XVII вв.....	239
1.3. Языковая ситуация в XVIII – начале XIX в.....	243
2. ЭТНИЧЕСКАЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	245
2.1. Язык и религия. Языковая политика в области образования	245
2.2. Русификация как основное направление языковой политики русского государства во второй половине XIX в.	249
2.3. Языковая политика XIX – начала XX в. в издательском деле.....	258
2.4. Знание языка и служебная карьера.....	260
2.5. Языковая ситуация после революции 1905 г.	261
3. НАЦИОНАЛЬНАЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА	264
3.1. Этноразноязыковая ситуация после краха Российской империи.....	264
3.2. Национальная политика в СССР.....	266
3.3. Языковое строительство до середины 1930-х годов.....	270
3.4. Смена ориентиров в языковой политике.....	280

4. Этноязыковой состав Российской Федерации по данным переписи 1989 г. Языковая лояльность и ее динамика.....	290
---	-----

БИБЛИОГРАФИЯ 298

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА	298
ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	298

Беликов В.И., Крысин Л.П.

Б43 Социоллингвистика: Учебник для вузов. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 315 с.

ISBN 5-7281-0345-6

В учебнике излагаются основы достаточно молодой отрасли языкознания – социоллингвистики. После краткого введения авторы знакомят читателя с основными понятиями социоллингвистики и кругом проблем, которыми занимается эта наука, определяют место социоллингвистики среди социальных наук (социологии, социальной психологии, демографии) в ряду других лингвистических дисциплин, характеризуют направления, сформировавшиеся или только формирующиеся в рамках социоллингвистики, описывают методы, которыми пользуется эта отрасль языкознания. Особый интерес - не только лингвистический, но и социально-политический и культурный – представляет приложение, в котором описаны процессы формирования языковой ситуации в России и СССР и ее современные особенности

В учебнике нашел отражение широкий круг современных социоллингвистических исследований, выполненных на материале разных языков и различных языковых сообществ.

Для студентов и аспирантов филологических факультетов университетов.

Учебное издание

Владимир Иванович Беликов
Леонид Петрович Крысин

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Художественный редактор
М.К. Гуров
Корректоры
Т.М. Козлова, А.И. Сорнева
Технический редактор
Г.П. Каренина
Компьютерная верстка
Н.Н. Аксенова, О.В. Самарская

ЛР № 020219, выд. 25.09.96.
Подписано в печать 26.04.2001.
Формат 60х90 Vie-
Усл. печ. л. 28,0.
Уч.-изд. л. 28,0.
Тираж 4000 экз.
Заказ 1611

Издательский центр РГГУ
125267, Москва, Миусская пл., 6
Тел. 973-42-00

Отпечатано в ППП «Типография "Наука"
121099, Москва, Шубинский пер., 6